

ДАША ПАР

АМАРАНТ

Annotation

Предательство забросило в иной мир, в бесконечную зиму к диким волкам. От смерти спас кан-альфа Вельямин, хозяин здешних земель. Я не могу вернуться домой к своей триаде, пока не отступит холод, поэтому принимаю его предложение и остаюсь в его замке до весны.

И тут начинаются проблемы. Что делать, если в крепости гибнут люди от рук неизвестного волка? Что делать, если барабаны диких во всех пробуждают... дикость? Что делать, если я просыпаюсь с кровью на руках, не помня, что случилось ночью? И... что делать, если канальфа преследует и наяву, и во сне, обещая нечто удивительное? Как долго смогу сопротивляться чувствам к нему?

И что будет, если призраки прошлого скоро полностью изменят мою судьбу?..

В тексте есть: страсть и любовный треугольник, оборотни волки, превращение в волка

- [illegible]

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

Волчья книга. Том Іі. Амарант
Даша Пар

Глава 1. Где тисы стелют мрак суровый*

*Но разве кто-то в это поверит?
Если сама представить не могу...
Как босиком по оплавленному снегу,
Бежать, ногами путь измерив,
Страдая, плача, но вперёд!
И где-то там, мой верный и живой пилот,
Разгонит до предела самолёт,
Чтоб увезти на самый на край света,
Где навсегда отныне лето...*

Первое чувство — вкус гари во рту. Потом холод да по нервам льдом бьёт, сжигая остальное белым полотном. Не чувствую пальцев, только невыносимую боль в плечах, суставы горят огнём, любое движение вызывает острый приступ агонии, нестерпимой, яркой как вспышки на солнце. Задыхаюсь от боли, и чем больше просыпаюсь, тем сильнее моя боль. Ногами не касаюсь земли и из-за этого не могу остановиться, меня дёргает из стороны в сторону, руки жжёт, голова свисает вниз, всё, что вижу, это снег, стоптанный белый снег. А значит проснулась в аду.

Сознание приходит урывками, воспоминания пятнами, осознание - нехваткой воздуха. Я помню как бежала, проваливаясь в сугробы, помню как от холода немели кости, но страх гнал вперёд да без разбора. Просто не могла остановиться. Что-то бросилось на меня, я уткнулась носом в снег. Затем развернуло, лицом к себе, но всё что успела увидеть, это рыжие точки на фоне деревьев. А потом меня швырнуло в сторону и пришла тьма.

Когда понимаю, что случилось, хочется вновь потерять сознание. Исчезнуть! Это не может быть правдой. Я не могла оказаться здесь!

Но факты безобразны — меня подвесили за запястья к толстой ветке дерева, чуть поодаль виднеются небольшие палатки из грубой ткани, явно самодельные. Горят костры, а в воздухе стоит непередаваемый аромат поджаренного мяса. Это место похоже на лагерь, временное пристанище, окружённое густым, заснеженным лесом.

Они похожи на людей. Разговаривают, смеются, шутят и спорят. Только двигаются слишком плавно, слишком *хищно*. Даже Кай похож на человека больше чем они. Их глаза постоянно наполнены звериным огнём, а когда они открывают рот видны острые клыки. Вместо ногтей на руках — когти. Длинные лохмы, кустистые брови, небольшие бороды — все волки, которых знаю, следят за своей внешностью, но они...

«Дикие», — пришло осознание и я покрылась холодным потом.

Заметив, что пленница очнулась, один из них что-то крикнул и все взгляды сосредоточились на мне. Переговариваясь, несколько волков окружили со всех сторон и рыжеволосый громко задал вопрос... Проблема в том, что я ничего не поняла из его слов. Набор шипящих и рычащих звуков, даже отдалённо не напоминающих русский язык.

— Я вас не понимаю, — отвечаю тихо, мне едва-едва удалось открыть рот — от холода сводило зубы. — Пожалуйста, отпустите меня...

— Пжарста! — передразнил он, сверкнув зелёными глазами, а затем ткнул в подмышку, вызвав острую боль и мой сдавленный крик. Рассмеявшись, он обернулся и что-то сказал новым подошедшим, особенно выделив слово «Райво».

Это слово пришлось по волкам и скрылось среди палаток. Вскоре на поляну вышел чернобровый волк. Высокий, широкий в плечах, с массивной квадратной челюстью, ярчайшими красными глазами и злобной ухмылкой на губах. От него парило как от печки, воздух вокруг полуобнажённого тела дрожал, а все окружающие его волки склоняли головы, почти с наслаждением провожая взглядом.

В руках мужчина держал завёрнутый в тряпку кусок мяса, от которого ещё поднимался пар. Во рту моментально собрались слюни и я сглотнула от голода, жадно уставившись на еду.

— Пжарста! — заявил рыжий, когда подошёл чернобровый, а затем добавил несколько слов на своём языке.

— СССР! — с непонятной гордостью заявил чёрный волк, с предвкушением рассматривая меня. Под моим пристальным взглядом, откусил мясо, заглатывая и почти не пережёвывая. А затем просто сказал:

— Хочешь?

Затравленно посмотрев на него, смогла только кивнуть. Стоявшие

позади волки рассмеялись, заговорив между собой. Вожак щёлкнул пальцами и один из них, выпустив когти, перерубил верёвку. Я рухнула в снег и не смогла подняться. Не смогла подать голос, только тихо-тихо заскулила, не в силах пошевелиться. Конечности затекли до такой степени, что просто их не чувствовала. А вместо колючего холода, меня щипало злое пламя. Сюрреалистичные огненные вихри — это то, что видела за спутанными прядями волос.

— Так не пойдёт, — раздался голос сверху и меня резко подхватили с земли.

Я оказалась нос к носу с этим черным гигантом и то, что увидела, не понравилось. В его глазах не было доброты или сострадания, как не было и похоти. Нет. Единственное, что видела в них, — голод.

Вокруг звучали голоса, громкие разговоры, смех, но я не смотрела по сторонам, боясь даже пошевелиться, пока он нёс меня. В его объятиях, как рядом с печкой, невыносимо жарко. Но жар этот — иссушал. Он отнёс к костру, усадил на поваленное бревно, покрытое какой-то тканью, а затем набросил на плечи накидку из мягкой серой шкуры, сунул в руки деревянную тарелку с мясом и чашку с дымящимся пряным напитком.

— Ешь, — приказал чернобровый, садясь рядом.

Чуть поодаль разместились остальные волки, с жадностью набросившиеся на еду. Этот костёр горел прямо в центре стойбища, в котором кипела жизнь. Здесь были женщины и даже дети! Они занимались повседневными делами, но при этом неотрывно наблюдали за нами, что-то очень тихо обсуждая между собой. Именно они разделявали туши животных. Кажется, это были кабаны. Огромные, больше метра в холке, кабаны. Я таких никогда не видела.

Женщины с лёгкостью поднимали туши, демонстрируя ярко-выраженную мускулатуру и гибкость движений. Их длинные до пояса волосы, растрёпанные и жёсткие, издали напоминали волчью шерсть, серебрившуюся на солнечном свете. Легко одетые, с перетянутой тканью грудью, напоминали мужчин, только грации в них больше и черты лица мягче. Но фигурой не уступали волкам.

Мне дали минут десять чтобы прийти в себя. Я успела голыми руками съесть кусок неизвестного мяса и выпить пряную настойку, от которой стало намного-намного легче. Даже пришла в голову мысль, что всё не так плохо. Не так страшно, как когда бежала по ночному

лесу. Мне было больно. Жутко от неизвестности. До дрожи. До смерти. Но я осталась жива. А значит всё действительно не так плохо.

— Откуда ти присла? — жутко коверкая слова, задал вопрос вожак.

От его близости бросало в дрожь и тепло от костра не спасало. Его взгляд совсем не изменился. Казалось, он обдумывает с какой стороны начать меня есть. Я понимала, что попала к тем самым диким волкам, о которых говорил Арман.

— Заблудилась в лесу, — осторожно и скупно отвечаю, украдкой глядя на него.

Мужчина почесал подбородок и шею, а затем бесцеремонно ухватился за лицо, притянув к себе и... понюхал. Скривился, обнажив неожиданно белоснежные зубы, и отпустил.

— Тебя кусать свободный. Пчем выжить? — глотая гласные, сухо продолжает допрос мужчина.

Я не могу ему отказать в ответах. За нами пристально наблюдают остальные члены дикой стаи. Совсем не похожей на то, что рассказывал Арман. Он говорил о совершенной дикости, но передо мной были люди. Дикие — да, простые — возможно, но не звери на двух ногах, нет. Они мыслят, планируют и любят. Иначе откуда здесь дети, да ещё в таком количестве?

— Я не помню. Была слишком маленькой, — увидев, как он нахмурился, решила немного приоткрыться. — У меня есть пара, — повернув голову, убрала волосы и обнажила шею, показав укус Лико. — Пожалуйста, помогите вернуться домой! — сложив руки домиком, с мольбой обратилась к нему. От моих слов ничего не поменялось. Может они умеют чуют запах волка на мне? Запах Кая?

Мужчина вновь зачесался, с кривой ухмылкой рассматривая меня. Заговорил о чём-то с остальными, указывая на моё лицо и шею. Те закивали, в голосах слышались ноты предвкушения. Глаза засверкали сильнее, сальными взглядами мажа лицо. После последних слов вожака, несколько мужчин встали и вышли из круга, скрывшись среди палаток, остальные с ещё большим любопытством продолжили пялиться.

— Что не так? — спрашиваю осторожно.

— Ты выжила, — мужчина улыбнулся, вставая и протягивая руку. — Идём.

— Куда? — спрашиваю осторожно, поднимаясь с его помощью.

Он обхватил за плечи и повёл в другую сторону от того дерева.

Напрямик сквозь стойбище, мимо улыбающихся женщин и голосащих детей. Вожак прикрикнул на них и ребятня скрылась между палаток. Мужчина остановился возле последней, за которой, метров через тридцать, начинался замёрзший лес. С правой стороны оказались ушедшие ранее мужчины. На шеях верёвки на которых держались небольшие, покрытые неразборчивой вязью, странные барабаны. Оглянувшись назад, увидела, как к нам стягиваются остальные члены стаи. Кроме детей. Их не было видно.

— Что происходит? — спрашиваю напряжённо.

Вместо ответа, он притягивает к себе и целует в губы. Слишком жарко, слишком властно, слишком... бездушно? Я не успела ничего понять, как он оттолкнул меня. И стало холодно.

— Нам сказать неоконченное дело есть. В лесу найдём на закате, — негромко заговорил он. Чёрные глаза — звериные и злые, в них ничего не прочесть, сплошная тьма. — Найти тебя. Ты уйти один раз, везёт, но два не будет, нет. Закончим то, что началось тогда, — он говорил неправильно, с трудом подбирая слова, карябая язык, но не меняя смысла.

— Нет... нет-нет-нет! — убыстряясь, заговорила, отступая назад в снег.

Кроссовки насквозь промокли, ноги переставляла с трудом. Всё навалилось моментом. Усталость, боль и холод. В висках закололо, меня сотрясала крупная дрожь. Я смотрела на них в ужасе, видя как блестят их глаза, как предвкушающе скалятся, плавно двигаясь прямо на меня. Раздался негромкий барабанный бой, медленный ритм усиливал страх, давая мощнейший выброс адреналина.

Оступилась и упала на спину и тотчас же волк оказался рядом, хватая за плечи и рывком поднимая на ноги.

— Нет! — твёрдо сказал он, убирая пряди волос с лица, нежно касаясь шрама. — Не так! Ты бежать вон туда! — мужчина резко развернул, прижав к груди и указав пальцем в сторону леса. — Там течь река, за ней ты останься жива! — прошептал он. — Не смочь — тебя съем, — и волк куснул за ухо, а затем как тряпичную куклу толкнул вперёд.

— Пожалуйста! — взмолилась как можно громче, беспомощно взирая на убийц. — Я не могу!

— Пжарста! — вновь передразнил рыжий, стоявший поодаль. Он

остался без верхней одежды, щеголя обнажённым торсом. Волосы его заплетены в косички, а на груди странная красная татуировка в виде круга. — Пжарста! — повторился он, подмигнул, а затем завыл.

И остальные завывали следом. Только чёрный молчал, скрестив могучие руки на груди. В его холодных глазах читался приговор.

— Беги, — процедил он, а заметив нерешительность, зарычал, делая ложный бросок вперёд. Этого хватило, чтобы я развернулась и припустила со всех ног.

Вы когда-нибудь пробовали бежать по снегу в кроссовках с обычной подошвой? Уверяю, это то ещё увлекательное приключение. Обувь скользит, обувь тяжелеет от скапливавшейся воды, в неё забивается снег, морозя кожу. Бежать? Нет, даже медленно идти почти невозможно, ведь помимо обуви, есть ещё и сам снег. Под ним ветки, ямки, корни, углубления. Всё, чтобы оступиться и упасть. А затем подняться и вновь упасть.

Не знаю, сколько потребовалось времени, чтобы добежать до кромки леса. Меня не преследовали — дали фору. Только поэтому не свалилась и не подставила шею. Не могу сдаться, даже не попробовав выжить! Этому учил Арман. Не хочу умереть так просто. Не хочу сдаваться!

Поэтому поднимаюсь и пытаюсь бежать. Поэтому скидываю шкуру с плеч, так как она не способна уже обогреть, но затрудняет движение. Поэтому стягиваю бесполезные кроссовки, от которых каждое движение рискует обернуться падением. Поэтому продолжаю сражаться с собственным телом даже когда бой барабанов становится громче и быстрее, а позади раздаётся многоголосый волчий вой. И в этот момент словно погружаюсь в свой сон. Вновь вспоминая охоту. Надо мной полуденное солнце, а рядом с ним едва видимое белое пятно — луна. Почему-то это придаёт сил и я продолжаю свой бой.

Впереди показался просвет между деревьями и послышалась мягкая музыка текущей воды. Это напомнило момент из недалёкого прошлого. Ещё одна река. Ещё одна погоня. Как долго я буду бежать? Неужели вся моя жизнь один сплошной бег?

Я оступаю с негромким криком, падаю плашмя, утонув лицом в снегу. Застонав, подтянула правую ногу и увидела острый сук, торчащий между пальцев. Он не пробил ногу, но сильно поранил,

покарябал кожу. Хорошо, что боли почти нет. От холода ноги посинели, а может это просто кажется. Внутренняя усталость навалилась, прижимая к земле. Бессильно завывала от отчаяния, рывками пытаюсь оторваться. Я не могу проиграть, когда река так близко!

Удалось... но с каким трудом. Я цепляюсь за каждое дерево, обрушивая на себя шапки снега, подволакивая раненую ногу, секундами теряя сознание, с нечеловеческой головной болью, но вперёд. Только вперёд. Никто не идёт рядом со мной. Я одна. Это мой поединок.

Под бой барабанов, под волчий вой, под немилосердно холодным солнцем, под взглядом спящей луны, я падаю в речку, похожую на ручеёк. Царапая ледяную воду, из последних сил, выталкиваю из воды тело, почти ползком перебираясь на тот берег. Мокрая до нитки, грязная и в крови от многочисленных старых и новых ран.

Обессиленно переворачиваюсь на спину, сощурившись гляжу на безупречное небо. На лёгкую рябь облаков. На солнце и луну. На губах появляется улыбка, становится теплее. Клонит в сон. В голове крутится только понимание того, что сделала.

Я в ином мире, обнажённая перед северной зимой, израненная, глупая и уставшая от поражений. Мне не выжить. Это игра не для меня. Но уйти хочу на своих условиях! Это единственное чего хочу.

Но и здесь ожидала неудача.

Надо мной послышался звериное тихое рычание.

Перевернувшись на живот, увидела абсолютно чёрного зверя с мощными лапами, косматого хищника с провалами вместо глаз — настолько чёрной была радужка. С его пасти на снег падала вязкая слюна и, клянусь богом, видела, как он улыбается.

— Так нечестно! — прошептала из последних сил. Горячая волна разочарования поднялась снизу, впрыскивая новую порцию адреналина и страха. — Я пересекла реку!

На мои слова пошла лёгкая рябь. Частичная трансформация, только лицевая часть, но и этого хватило, чтобы увидеть вместо прекрасного зверя, жуткую морду твари из преисподней. Он подошёл ближе, мягко погружая лапы в плотный снег. От его тела поднимался едва видимый пар и ощутимо несло псиной.

— Я солгал, — слова слышались как собачий лай, неразборчиво, но просто. — Ты умирать сейчас.

Я даже не успела вздохнуть. Не успела заплакать. Не успела

умолять. Ничего не успела. Ни одной мысли. Ничего.

Инстинктивно подалась назад, прикрывая лицо рукой и он валит оземь, впивая клыками в запястье. Невыносимая боль, хруст и крик. Всё смешалось в кровавой каше. Рывок и я отлетаю в сторону, пропахав лицом снег. Бессмысленно пытаюсь тащить себя вперёд, но он придавливают к земле, вновь разворачивает лицом к себе, впиваясь во внутреннюю сторону бедра. Треплет из стороны в сторону. Повсюду красный цвет.

А потом всё закончилось. Резко, разом. Тёплые объятия темноты притягивают к себе, погружая в нирвану. Надо мной слышны голоса. Чей-то крик, как птичий голос, рычание, скулёж. Меня подхватывают, и я чувствую странную тяжесть в животе, словно что-то теряется во мне.

Голоса громче, но вместо лиц — пятна. Тёмные провалы на белом красном фоне. Но скоро и это исчезло. Осталась только тьма.

Словно видение, словно далёкая грёза, нечто неизвестное, таящееся среди старых звёзд.

Я сплю и в бесконечно-долгом сне пересекаю океаны времени, пространства, памяти. Моё тело пролетает над величественными лесами, укрытыми в белый снег. Ветер ледяной, но он совершенно не холодит кожу, не забирается под белоснежное платье, не путает волосы, не морозит сознание, плавающее в полудрёме. Закрываю и открываю глаза, наслаждаясь восходящими потоками, вихрями из снежинок и мелких льдинок. Мне не больно. А воспоминания трепещут на краю сознания, не нарушая мой покой. Зачерпываю руками воздух, лаская его будто между пальцев струится шёлк. Воздушные ямы то поднимают, то опускают вниз, даря щекочущее наслаждение. Волшебный, сказочный полёт. И я как птица здесь, среди облаков, лёгкая как пёрышко и такая же беззаботная. Свободная от всех клятв и обязательств. От всех опасностей мира.

Как же здорово было бы всегда так летать! В бесконечность и обратно, без единой чёткой мысли, под серой вуалью зимы. Никаких тревог, никаких страданий. Только вечная тишина, нарушаемая только едва ощутимым биением колокольчиков. Кристальная чистота.

Кажется, что погружаюсь в неё всё глубже и глубже, тело опускается на бархатную снежную перину, укутывая меня нежнейшим покрывалом, растворяя сознание в лёгкой неге.

— Елена!

Имя как кинжал из прошлого, бьёт по вискам, принуждая открыть глаза. И увидеть повсюду кровь. Но стоит моргнуть, как опять вокруг чистейший снег. Белое на белом. Тёплое и спокойное. Веки вновь тяжелеют, голова клонится к земле.

Теперь голос настырнее зовёт и прямо в ухо кричит имя, снова и снова: «Елена, Елена, Елена!»

Я поднимаюсь и вижу, что всё моё тело покрыто спёкшейся кровью. Бурые пятна повсюду, а надо мной он. Лица не вижу, позади расцветающее солнце, прогоняющее черноту.

— Елена, вернись! — произносит он до боли родным голосом, но я не могу узнать его. Как будто его и нет.

Он касается лица и прикосновение напоминает о доме. От этого всё не комфортнее. Снег не кажется мягким, а ветер тёплым. Нет, спокойствие бьётся осколками, его никак не получается вновь собрать. Я предчувствую подступающую боль и воспоминания о том, что случилось. Сердце стучит громче, нарушая безмолвие леса.

— Но я не хочу возвращаться, — захныкала от страха. — Мне там плохо! Так плохо, что больше нет сил сражаться! Я так устала, так от этого устала!

— Я жду тебя, Елена, — неумолимо говорит он, и в его голосе нет ни капли сочувствия или жалости. Только упорство, твёрдость и решительность. — Ты не уйдёшь от меня вот так.

Он наклоняется вперёд и целует в губы, касаясь совсем-совсем нежно. Я тону в этом поцелуе и всё вокруг взрывается беспощадным огнём.

Я открываю глаза и вижу над собой мужское лицо. Всё расплывается, остаются только зелёные как винная бутылка глаза, неотрывно глядящие на меня. Он что-то спрашивает. Слова повторяются снова и снова, но я не знаю их языка, сознание путается и вместо мужчины вижу солнечные лучи и его, целующего в губы, зовущего по имени, не дающего вернуться обратно в заснеженный мёртвый лес.

— Елена, меня зовут Елена, — говорю из последних сил и проваливаюсь в спасительную пустоту, где нет ни боли, ни снега, ни ветра, ни зимы.

* Шарль Бодлер — «Совы»

Глава 2. Агаты с отблеском металла

Глава 2. Агаты с отблеском металла*

Выживание — упрямая наука.

Чуть в сторону шагнёшь и ускользнёт.

Ты — не сдавайся, будь лучше сукой...

Что выстоит наперекор всему.

Пробуждение вялое, сонное, тяжёлое и невероятно тёплое. Как будто в бане. Всё липкое и потное. Приоткрыв глаза, вижу нечёткий женский силуэт на фоне небольшого окна, остальное утопает в темноте. Пытаюсь приподнять руку, но не могу, пульсирующая боль прошла от запястья до шеи и я оставила попытки. В горле совсем пересохло, как в пустыне, даже жжёт от сухости. Я тяжело вздыхаю и полностью открываю глаза.

Обстановка бедная. Грубая деревянная мебель. Никаких украшений, картин или занавесок. Кровать, рядом тумбочка, несколько табуреток, кресло, шкаф, комод, маленькое зеркало и стол. Ничего больше нет. Скромное помещение. Соображаю туго, но понимаю, что здесь нет электричества. В комнате с правой стороны выступает каменная кладка, судя по всему, это печка. От неё отапливается комната. На тумбочке использованные свечи, в стенах вставлены подсвечники с стеклянными крышками. Интересно выглядело дневное освещение. Напротив единственного окна на стене висело зеркало под небольшим углом. Рядом с окном на стене висел блестящий металлический круглый поднос. Точно такой же напротив него. Всё вместе давало чуть больше света.

Заметив, что я проснулась, ко мне подошла молодая девушка, стоявшая у окна. Она присела на табуретку, внимательно изучая моё лицо и давая мне время привыкнуть к ней.

Красавица. Первое что приходит на ум. Короткие чёрные волосы, выразительный изгиб густых бровей. Грубый мужской стиль в одежде подчёркивал мягкость черт лица. Полные тёмные губы, родинка на подбородке, яркие насыщенные зелёные глаза, небольшой нос. Она двигалась плавно и уверенно. Хозяйка положения. Чувствовалось, что она привыкла командовать и отдавать приказы. Упрямый взгляд и вызов в каждом движении. Сильная и чертовски привлекательная девушка. От неё сложно оторвать взгляд.

— Ты проснулась, — сухо заговорила она. — Повезло. Ты везучая. Дважды выжить после столкновения с дикими, это сильно. Тебя запомнят, человек.

В её голосе сильный акцент, но говорит правильно, вызывая вопрос: где она учила язык?

— Где я? — голос похож на воронье карканье.

Девушка взяла со столика небольшой кувшин и чашку, наполнила водой и поднесла к губам, помогая приподняться в постели. Несколько глотков чистой мягкой воды и уже чувствую себя намного лучше.

— Северный замок, пределы вечного леса, — отвечает она. — Мой отец спас тебя от волка по имени Райво. Повезло, что он почувствовал на тебе знак другого волка. Иначе проще было бы добить, чем пытаться спасти. Ты пролежала без сознания две недели. Я рада, что ты идёшь на поправку.

Вновь попытавшись пошевелить правой рукой, заметила плотные бинты.

— Не могу пошевелить...

— Он почти перекусил запястье. Хорошо, что не началось заражение. Наш врач заштопал все раны, но восстановление зависит только от тебя. В столице смогли бы сделать больше. Но здесь не столица, — она говорила сухо и безэмоционально, просто констатировала факты, наблюдая как я перевариваю её слова. — Скорее всего, ты навсегда останешься калекой. Райво нанёс глубокую рану на внутреннюю часть бедра левой ноги. Не думаю, что ты сможешь бегать.

В подтверждении её слов, сразу застонала, пытаясь пошевелить ногой. Хорошо, что чувствовала её. Каждый пальчик, нога не парализована. С рукой дела обстояли куда хуже. Откликнулся только большой палец. Согнуть или подвинуть — нет, слишком сильная боль.

— Мне нужно вернуться домой, — осторожно высказала просьбу. «Дома мне помогут. Здесь просто не умеют проводить хирургические операции.»

— Это невозможно в ближайшие... полгода, — девушка запнулась, видимо считая в уме. Она чисто говорила по-русски, хоть иногда и путала окончания, да и акцент жуткий. Но её речь в разы лучше слов Райво. — Но об этом будешь говорить с отцом, когда он вернётся. Они нашли лагерь диких, поэтому его не будет несколько дней.

— Спасибо, — поблагодарила её, опускаясь обратно на подушку.

Даже это простое движение вызвало острый приступ мигрени и я закрыла глаза.

— На тебе метка беты. Кто он? — внезапно спросила она, когда я почти погрузилась в сон.

Я напряглась. Мне не хватало времени, чтобы обдумать что и как говорить. Всё, что знала, это то, что Кай связан с королём Демьяном. Арман служит этому же королю. Лико... тоже? Боже, я совсем ничего не знаю! Совсем!

— Это земли Демьяна? — спрашиваю очень осторожно.

— Интересно, — воскликнула она. — Чьи же ещё они могут быть? Земли других королей защищены неприступным горным хребтом и северным морем. Только Демьяновы страдают от нападений из вечных лесов. Ты ничего не знаешь об этом мире, верно?

— Мой... возлюбленный носит имя Лико. Я, он и волк с именем Арман планировали сформировать триаду, когда меня обманом завели в лес. Оттуда я как-то попала сюда, — отвечаю максимально расплывчато, не сводя с неё взгляда.

Услышав имя Арман, она оживилась. Это имя ей знакомо.

— Когда вернётся отец, ты расскажешь ему всё. И он решит, что с тобой делать, — заключила она, после недолгих размышлений. — Пока отдыхай. Позже вернусь с врачом, который осмотрит тебя и вынесет вердикт. Как знать, может это временная передышка и впереди тебя ждёт смерть.

— Спасибо за откровенность, — не выдержав, выпалила. — Вы умеете поддержать!

— Пожалуйста, — ответила она, пожав плечами.

Встав, девушка неловко похлопала меня по левой руке, а затем направилась к выходу.

— Как вас зовут? Откуда вы там хорошо знаете мой язык? — не утерпела и задала мучивший вопрос.

Она остановилась в дверях, обернулась, нацепив дежурную улыбку.

— Зови меня Хельга. Мать обучила, — не дожидаясь ответа, девушка вышла из комнаты.

И потекли дни.

Доктор, носящий имя Михо, помог определиться с моим будущим. Какая ирония — я никогда больше не смогу бегать. Волк выдрал кусок

мышц с бедра, чудом не задев бедренную артерию. Благодаря связи с Лико, скорость регенерации позволила остаться в живых. На этом везение закончилось. Хромота — навсегда. Как и скованность правой, ведущей руки. Мне придётся разрабатывать левую, так как на правой работают только большой и указательный пальцы. Рука сгибается в локте, но медленно. От обморожения чуть не потеряла несколько пальцев на ногах. И умудрилась переболеть пневмонией. Если бы не Лико...

Почему так трудно вспомнить его лицо?

Из-за травм не могла обслуживать себя самостоятельно, поэтому ко мне приставили служанку. Человек. Она знала русский и помогала учить местный. Лидия таскала меня в ванную, мыла, обстирывала, подкладывала судно, кормила, ухаживала. Я чувствовала себя чуть ли не барыней и терпела со скрипом, понимая, что из-за слабости не в состоянии позаботиться о себе.

Потом доктор разрешил вставать и начались тренировки ходьбы вместе с костылями. Деревянные палки с набитой подушкой для подмышек. Адски больно, неудобно, но другого здесь не нашлось. Волки быстро поправляются, а людям сойдёт и то, что есть.

Как сказала Хельга, это проблема всех дальних пределов. Мы отгорожены от остальной территории скалистым хребтом, через который проходят только два перевала, на зиму занесённые снегом и не доступные для прохождения. Дальность пути, трудная и опасная дорога сильно сократили блага цивилизации. По её словам, в столице есть и электричество, и отопление, и водоснабжение. Здесь есть генератор, но он сломан.

Я увидела куда попала только на третий день пробуждения, когда с помощью Лидии смогла выйти в общий коридор, а оттуда на балкон вздохнуть свежего воздуха.

Это огромный замок-крепость, возвышающийся над скалистой местностью. Благодаря своему расположению, со стены открывался отличный вид на вечные леса, утопающие в сизом тумане. Сама постройка имела ступенчатую систему, где замок смещён к дальнему краю, за которым начинался обрыв, затем следовала первая каменная стена, высотой метров пятнадцать плюс каменное естественное подножие, что образовывало первую ступень. На второй ступени находились хозяйские постройки и складские помещения, дома селян,

которые на зиму возвращались в крепость, а летом уходили из замка для обрабатывания земли. Стена, отделявшая вторую от третьей ступени, имела рост под двадцать метров, подножие не меньше пяти. Последняя ступень носила оборонительный характер, там располагались казармы, кузница и оружейная. Высота последних стен была больше тридцати метров плюс имела несколько сторожевых башен, окольцовывающих мощное сооружение.

За пределами крепости простиралась пустынная каменистая местность, в отдалении, параллельно вечным лесам виднелась ближайшая деревенька, которая редко пустела зимой. Из-за близости к замку местные не торопились бросать свои дома. Более того, рядом протекала речка, которая спускалась с обрыва, превращаясь в почти горный ручей с кристально-чистой водой, благодаря этому рядом с ней находилась крупная мельница, перемалывающая зерно почти всех окрестных деревень.

Зимой количество обитателей крепости увеличивается в несколько раз и доходит почти до шестисот человек, большую часть которых составляли крестьяне. Фактически замок напоминал небольшой городок, защищённый со всех сторон высокими крепостными стенами.

Я удивилась, узнав, что в замке всё-таки есть водоснабжение, только на первом этаже. И есть отопление. Слабое, не сравнимое с тем, к которому привыкла дома, но оно было. Благодаря сложной системе трубок, вмонтированных в стены здания, подземному этажу, на котором располагались котлы с горячей водой, получаемой из подземного источника.

Мне пришлось ко многому привыкнуть. К запахам, к иному вкусу пищи, грубому и простому, к парному молоку, сыру и сливкам. К отсутствию чая и кофе, привычной одежды, комфорту городского жителя. К примеру, нижнее бельё как свободные шортики, а прокладки... словом, всё не так как дома.

Но это и не мой дом. Я в гостях и только связь с Лико даёт мне привилегии. Будь я обычным человеком, даже это подобие знакомого комфорта было бы недоступным. Я знала, что люди в этом мире находятся на более низком положении, чем хозяева. Люди не рабы, но и не свободны в выборе. Мужчина не может вступить в связь с волчицей, такая связь карается законом. А женщина человек наоборот не может не вступить в связь с волком, если он того пожелает. Для меня такие вещи

звучали дико, но Лидия говорила об этом как о нечто естественном.

Здесь не видели ничего плохого в том, что только люди работают с землёй, выполняя самую грязную и чёрную работу. Лишь одарённые могли подняться до уровня ремесленника, если волки разглядят талант. Но такое случается редко.

Если человек ударит волка, его казнят. Если волк нападёт на человека, его накажут, но не более. Вот самая яркая граница. Хотя если волк убьёт человека, он может потерять связь со стаей и стать диким.

Я с содроганием представила себе, что будет если волки захватят Землю. Как так сложилось, что мой вид оказался таким пассивным в этом мире?

Будучи парой волка, я находилась на ступень выше остальных людей. Я могла садиться с волками за стол, говорить с ними как с равными, охотиться, изучать ремёсла или заниматься наукой. Фактически становилась полноправным членом общества, но если что-то случится с парой/триадой и у меня не будет ребёнка, то всё вернётся к тому, как было раньше. Так будет если шрам заживёт. За эти дни я много раз проверяла его наличие, боясь, что из-за перемещения он исчезнет, но всё в порядке. Шрам приятен на ощупь, он чуть теплее остальной кожи, мягкий почти как шёлк. Лико любит меня и вновь спасает жизнь. Когда же смогу отплатить ему тем же?..

Ночью слышала скрежет цепей от опускающихся ворот. Этот звук разносился над всем городом, оглашая единственно-важное событие — возвращения кан-альфы (как объяснила Хельга, так называют главу дальнего предела, если перевести на наш язык — это слово сродни слову защитник. А также кровь).

Утром самостоятельно выбралась из постели, но через мгновение рядом со мной уже находилась посвежевшая Лидия, которая помогла сменить ночное платье на повседневный наряд.

Тоже интересный момент. В нашем мире женщины долгое время носили платья и ничего более. Здесь женщины платья надевают только в высшем обществе рядом с королём во время светских мероприятий. В повседневной среде волки предпочитают носить дублёную кожу, мех и шкуры. Что такое корсеты здесь не знают. И пышных платьев тоже нет. Волки предпочитают удобную одежду, которую легко снять для трансформации. По этой же причине они никогда не изобретали латы,

кольчуги и прочий металл, свойственный моему средневековью. Для войны они используют когти и клыки. Порох тоже прошёл мимо. И многие другие способы ведения боя. Здешние короли предпочитают либо гадить исподтишка, либо честно вызывать соседа/врага на бой один на один. Победитель убивает противника и забирает земли себе. Никакого веселья.

Так что на мне оказались грубые кожаные штаны, тонкая и твёрдая на ощупь рубаха из незнакомой ткани, поверх шла шерстяная жилетка, чтобы сразу не околела. Волки не любят жар, а люди привыкли к холоду. Хорошо, что я родом с Севера и мне не привыкать к холоду.

Надев кожаные ботинки, с помощью Лидии подхватила костыли и заковыляла в сторону ванной комнаты, чтобы освежиться после тяжёлого сна. Мне всё ещё не просто перемещаться с помощью этих деревяшек. Да и умывание сплошная мука — всё время забываю, что правая рука не работает как надо, а левая вообще не способна выполнять небольшие задачи. Мне предстоит долгая дорога к привыканию и смирению. А пока служанка ухаживала за мной как за ребёнком.

Мы направились вниз минут через двадцать, хотя понятие время здесь не существовало. В столице да, есть и часы, и минуты с секундами, но здесь только четыре слова: утро, день, вечер и ночь. Никто никуда не торопится. А ожидание измеряется в желаниях кан-альфы. Сложная система, которую пока не смогла разобрать. Язык волков совсем не похож на наш, а Хельга не смогла объяснить на русском.

Кроме Хельги, кан-семья состоит из Вельямина Могронум, главы семьи и её отца, Ахлика, брата Вельямина, Броны, жены Ахлика, и Вальта, сына Вельямина, который находится в столице. Это семья местной власти, отвечающей за северную часть дальних пределов, Северного замка, имевшего живописное название Корнголик-ан. Приставку «ан» носят все замки-крепости, сдерживающие дальние пределы.

Завтрак как обычно ожидал в малой столовой, куда допускались только члены семьи и дорогие гости. Я узнала, что семья Армана, Гарнто, очень котируется в этом мире и занимает высокое место в ближнем кругу короля-альфы. Поэтому я и здесь имела некоторые привилегии.

Кроме меня и служанки Лидии, в комнате никого не было, что несколько расстроило, но позволило нормально позавтракать отвратительной на вкус и вид кашей, а также яичницей и свиной отбивной. В этом мире нет вегетарианцев. А мясо подают на завтрак, обед и ужин. Это связано с ускоренным метаболизмом и трансформациями волков.

Каждый день, я узнаю что-то новое об этом мире. Сейчас зима, поэтому свободного времени у слуг и Хельги больше, и они делятся со мной информацией, активно обучая своему языку. В этом мире языков почти столько же, сколько и королевств. А язык «демянер» похож на наш английский, и это косвенно подтверждает те легенды, которые рассказывал Арман об истории семьи Демьяновых.

Вместо привычного чёрного чая, здесь использовали настои на травах, горькие на вкус, но полезные для организма. Десерта в моём понимании не существовало в природе. Соль и сахар переправляли весной и летом торговым путём через горы, но в таком малом количестве, что сладости были доступны только по праздникам. Считаю почти никогда.

Единственное, что уберегало от тоски — понимание, что эти стены — единственное, что стоит между мной и дикими. Поэтому смиренно принимала всё, что давали, благодарила и впитывала информацию как губка. Я всё ещё хотела выжить. На большее просто не было сил.

Во время завтрака в столовую спустилась служанка Иза. Она передала повеление кан-альфы — меня ожидают в его кабинете. Это должно было заставить понервничать, но я была спокойна как удав. Как будто после нападения Райво во мне что-то умерло. Нет трепета, нет страха, хотя умом понимаю, что от этого волка зависит моя жизнь. Но я просто устала бояться. Во мне родился вызов.

В сопровождении Лидии, мы дошли до кабинета Вельямина, расположенного в дальней части замка, где окна выходили на обрыв. Судя по расположению, моя комната находилась неподалёку, только на этаж выше. Негромко постучав и получив разрешение, Лидия открыла передо мной дверь, а сама осталась снаружи.

Первое, на что упал взгляд — музыкальный проигрыватель. Мощная система с крупными колонками и сабвуфером в стильном деревянном дизайне. Такие были популярны в девяностые. Рядом

находился переносной генератор электричества, а поодаль стояло несколько канистр с бензином. Это настолько удивило, что не сразу увидела хозяина кабинета. А как увидела, то окончательно потеряла дар речи.

На его лице с левой стороны был точно такой же шрам, как и у меня. Только крупнее и задевая глаз, из-за чего верхнее веко ниже чем надо. Лысый изуродованный мужчина с потрясающим цветом глаз. Изумрудный, меняющийся из-за освещения, уходящий в бирюзу. Запоминающаяся внешность. На первый взгляд некрасив, но чем больше смотришь, тем сложнее оторвать взгляд. Мягкость и твёрдость в одном величественном и мужественном флаконе.

Одетый в кожаные штаны коричневого цвета и шерстяной свитер с открытым вырезом, со спускающейся на грудь цепочкой, прячущей украшение под одеждой, большой волк, с густыми тёмными бровями и мощной челюстью. Я видела в нём гордого лидера, уверенного в своих силах и власти. Всё на его фоне казалось маленьким. Даже сидя, он внушал страх из-за своих размеров. Он крупнее Армана. И старше. Это было понятно по его глазам.

— Вас зовут Елена, я прав? — задал вопрос мужчина, вставая из-за стола. — Присаживайтесь, вам не стоит долго напрягать ногу.

— Благодарю.

Я с удобством разместилась в вычурном кожаном кресле с мягкой подстилкой, вытянула левую ногу вперёд, прислоняя «подпорки» к столу. Дождавшись, когда сяду, волк вернулся обратно, дежурно улыбнувшись.

— Как вам известно, меня зову Вельямин Могронум, я кан-альфа этих земель.

Он говорил значительно более чисто, чем дочь, вызывая новые вопросы — кем была его жена? Куда она пропала?

— За эти дни вы ни словом не обмолвились, что с вами приключилось. Так что я вас внимательно слушаю.

Благодаря ненавязчивости здешних обитателей, у меня было достаточно времени, чтобы придумать простую версию событий. Я не хотела распространяться о Кае. Кто знает, чем это может обернуться.

— В своём мире я познакомилась с Лико, он полуволок и бета. Мы полюбили друг друга и он поставил на мне метку. Рядом с ним всегда был волк Арман, он альфа и носит фамилию Гарнто, — во взгляде

мужчины мелькнуло удивление. — Из-за... особенности моего избранника, мы не торопились формировать триаду. Этим воспользовалась одна девушка, влюблённая в Лико, она хитростью заманила меня в лес, а сама сбежала.

Я закончила рассказ подробным описанием того, что случилось среди диких волков. Вельямин задал несколько уточняющих вопросов: Сколько волков я запомнила. Чем занимались женщины. Сколько там детей. Было ли что-то показавшееся странным. И всё в таком духе.

— Арман рассказывал об омегах, о диких, пересказывал легенды рода Демьяновых. Но всё то, что увидела — совсем не походило на его слова. Они иные, — я ненадолго замолчала, а затем дала ответ на незаданный вопрос: что случилось со мной.

— Я не знаю, откуда у меня шрам на лице, — отвечаю немного покраснев. От моих слов, Вельямин коснулся своего лица — его шрам — зеркало моего шрама. — Он у меня с самого детства. Но одно знаю точно — дикие не случайно оказались в том месте. Их предупредили обо мне. Они должны были что-то закончить. Но я не понимаю, как всё произошло.

Вельямин мягко улыбнулся и его лицо преобразилось. Суровость ушла, осталось сопереживание.

— Вы попали в мой мир не через дикую тропу. Нет, это был портал, созданный драконами. Один из последних. Мы не знаем, как он работает, но есть закономерность. Через него в наш мир попадают *связанные*, — мужчина тяжело вздохнул, касаясь амулета, скрытого под свитером. — Примерно раз в сорок лет через него проходит девушка, чья судьба неразрывно связана с волками. Сорок лет назад через него прошла моя жена. Ещё сорок лет до этого — другая особенная девушка. Предугадывая, что это произойдёт, я отправился в лес, а когда услышал барабаны — нашёл вас.

— Что случилось с вашей женой? — спрашиваю осторожно, но волк всё равно помрачнел.

— Она погибла, — скупое ответил он, а затем погрузился в размышления.

Откинувшись на спинку кресла, он положил подбородок на кулак, с хитрецей изучая меня.

— Вы что-то утаиваете, лэри, — неожиданно заявил он, но я не выдавала себя. Тогда он добавил:

— Однако, это не моя проблема. На вашем теле есть запах волка, есть метка. По нашим законам, я не могу отказать вам в гостеприимстве. А вы не можешь никуда уйти до весны. Поэтому поступим так — эти полгода вы проведёте в моём замке. Позже найдём, чем вы будете заниматься. Судя по вашей внешности, полезными навыками вы не обладаете, поэтому придётся постараться. А через полгода я лично сопровожу вас к нашему королю за разрешением о переходе через портал.

— Вы лэрд — я повинуюсь вам, — учтиво склонив голову, приняла его решение. В конце концов, разве у меня был другой выбор?

*Шарль Бодлер — «Кошка»

Глава 3. В твоих глазах застывший страх

Глава 3. В твоих глазах застывший страх*

В этот вечер — я пьяна.

До краёв полна чаша моя

Не разбить бы бокал о стены

Не призвав на печаль беды.

Да не выпить бы мне вина,

Коль душа моя тобою больна...

Я привыкла. Человек такая сволочь — ко всему привыкает.

Странно, но сложнее всего оказалось привыкнуть к отсутствию времени. С остальным смириться было легче. Невкусная еда, запахи, отсутствие нормального тепла, чужие люди и не люди, сложный язык, горшок под кроватью, тряпки вместо прокладок, грубая одежда. Нет шампуня, бальзама, ополаскивателя, бритвы, кремов, косметики, красивого нижнего белья. Зубной пасты тоже нет. Вместо неё какой-то горький ополаскиватель, а зубная щётка из свиной шерсти, жёсткая. Комфорт не в приоритете, пришлось адаптироваться.

Две недели мне не снились кошмары. Две недели нормально высыпалась, питалась, гуляла, слушала рассказы Лидии и изредка Хельги, учила язык и порядки этого замка. Я была в безопасности. Никто не смотрел на меня будто я красивый кусок мяса. По правде сказать, я почти никого и не видела. Брат Вельямина, Ахлик с женой отсутствовали, они отправились в гости к соседям и вернутся только через неделю (ведь одна только дорога занимает восемь дней при хорошей погоде). Дельмир, глава городской стражи, редко попадался на

глаза, сейчас в замке шла активная подготовка к зиме, поэтому ему и другим управляющим приходилось быть в трёх, а то и в четырёх местах одновременно.

Две недели. Плюс неделя до этого. Почти месяц спокойствия и тишины. Нарушились они вполне грубо.

В тот день, мы с Лидией спустились на самый нижний уровень города. На каждой прогулке мы чуть-чуть увеличивали дистанцию, чтобы быстрее привыкала к трости. Костыли ушли в прошлое — так им и надо.

Я не думала, что так подружусь с этой немного наивной девушкой Лидией, но с ней было легко. Рыжее солнышко с чересчур бледной кожей и ясными голубыми глазами. Она прямая и худая, как палка, повсюду острые углы — лисий нос, раскосые глаза, тонкие пальцы и совсем тонкие губы. Все эмоции — на показ, по-другому не умеет. Любопытная как кошка и такая же скорая.

В этом мире год длиннее почти на сто дней. Из-за этого сложно считать возраст, поэтому, когда она говорила, что ей четырнадцать, я понимала, что ей почти восемнадцать.

Погода ясная, холодная, удивительно освежающая. Воздухом в этом мире можно напиться допьяна. Как и водой. Чистый экстаз, никогда не пробовала ничего подобного. Но всё равно это не перебивало тоску по дому. И по семье.

— Представь, у тебя в руках маленькая коробочка, в которую помещаются все книги мира, вся музыка, картины и многое что ещё. Через неё ты можешь разговаривать почти с кем угодно и видеть собеседника в ней! Можно писать то, что видишь вокруг. Можно делать... снимок? Идеальную копию того, что есть вокруг.

— Что такое копия? — неожиданно спросила она.

Я пыталась говорить простыми словами, всё-таки мой язык здесь почти не знали, а их язык я понимала и того меньше. Хотя уже могла говорить совсем простые слова и предложения. Здесь нет школы изучения «иностранного» языка, поэтому приходилось запоминать и вбивать в голову всё, что говорили. Лидия не умела писать, а просить кан-семью помочь изучить их язык — увольте. Я и так слишком многим им обязана.

— Идентичный предмет, — видя, что она не понимает, добавляю: — один в один такой же.

— А-аа! — она улыбнулась, затем наморщила лоб, вспоминая. — Ольга называла это фотографией.

— Верно! — воскликнула я, радуясь неизвестной мне просветительнице. — А кто такая Ольга?

— Жена Вельямина, — девушка ссутулилась и опустила глаза.

Какое-то время шли молча.

— Как она погибла?

— Кан-альфа не любит, когда об этом говорят, — девушка поджала губы и отрицательно покачала головой. — Лэри Елена, расскажите ещё что-нибудь о вашем мире! Что такое... смартфоны, — она потешно вытянула слово, — я поняла! И не поняла, — Лидия смешно улыбнулась. — Ольга говорила, что вы отправляете людей на небо!

Я рассмеялась, понимая, как двояко звучит эта фраза.

— В космос отправляем. На орбиту. И на луну! — я показала пальцем на светло-голубой ободок в безоблачном небе. — И дальше скоро отправим. А когда-нибудь построим поселения на других планетах, — звучит наивно, но я люблю мечтать.

— Ольга тоже красиво говорила о будущем. Только потом грустила много — её страна исчезла, — Лидия вздохнула. — Я не хочу быть в исчезнувшей стране!

— Поверь, мы тоже, — я не родилась в девяностые, но мне хватило всего того, что рассказывали взрослые дяди и тёти. — В моём мире много хорошего и много плохого, как и везде. Есть справедливость и несправедливость, добро и зло. Твой мир тоже не идеален.

— Мне нравится мой мир, — она сказала эту фразу на своём языке и выжидательно уставилась на меня, дожидаясь, когда переведу на свой.

Мы неспешно затерялись среди складских построек, в этот, по морозному свежий день, сложно по-настоящему заблудиться. А здесь довольно тихо и безлюдно. Только слышно, как неподалёку кудахчет курица. Меня это забавляло — столько похожих животных. Интересно как это произошло? Почему здесь есть курицы, лошади, свиньи и даже волки! Обычные серые волки и не менее обычные «кабыздохи» (что такое породистый пёс, здесь не знали. Может бегать и охотиться на дичь — значит будет жить). Также узнавала многие предметы быта, деревья, да и среди растений наверняка окажется много знакомых. Сама природа — почти точная копия моего мира. Почему так?

Хотя есть одно интересное отличие. День, когда спутники

затмевают солнце. Примерно четыре раза в год по планете бежит пятнышко, меняющее освещение. Не наступает затмение, как в моём мире. Просто место, где спутник встаёт напротив солнца, окрашивается либо в синий, либо в красный цвет. Невероятно редко случается линия и тогда место окрашивается в фиолетовый. Любопытный факт. Как это происходит?

— А мне нравится мой, — сказала тихо, плотнее обхватывая головку трости. Начинало побаливать колено. Мышцы ещё не сводило от усталости, но нам пора поворачивать назад. И делать привал. — Я хочу вернуться домой.

— Да, тебя там ждут два очаровательных волка, — кокетливо заметила она, хитро улыбаясь, из-за чего веснушки на лице словно вспыхнули на солнечном свету.

Она совсем не похожа на Ингу, но золото в её волосах заставляло вспоминать сестру каждый раз, когда видела её.

— Семья меня ждёт, — говорю ещё тише, но в душе пусто. Будто выжгли эмоции. Не могу больше вспоминать.

За разговором повернули за угол. Мы идём по колее от колёс повозки, идти нелегко, обувь совсем не как дома, хорошо хоть не промокает, но поднимать ноги в снегу тяжело. В воздухе всё отчётливее проступал неприятный мясной запах, что-то протухшее. Так пахло на дешёвом рынке в конце дня. Не могла понять, что именно чувствую. Мы приближались к источнику вони.

— Чем это так смердит? — остановившись, сморщила нос, зажимая его рукой.

Лидия оглянулась, пожала плечами, втянула воздух, но покачала головой.

— Я ничего не чувствую.

— Похоже... здесь скотобойня или что?.. — продолжаю хмуриться, но вновь иду вслед за ней.

— Мясо разделяют совсем в другом месте, чтобы запахи не привлекали хищников и не смущали жителей. Утром его доставляют в замок, — Лидия тоже начала хмуриться. Видимо она почувствовала этот непередаваемый аромат гниения и разложения.

Последний поворот и мы оказались в тупике. Прямо напротив источника.

Лидия заорала, срывая связки, а затем её стошнило прямо в снег. Её экспрессивная реакция удивила больше, чем труп, распятый на стене. Мы стояли на расстоянии метров пятидесяти от тела и издалека сложно было разобрать, что видно.

— Наверное в этот момент уместнее позвать стражу, — говорю невозмутимо, дождавшись, когда девушка придёт в себя.

— А как же вы? — испуганно спрашивает она. От страха её глаза как два блюдца на пол-лица. Она всё время оборачивалась на стену, не в силах отвести взгляд. — Я вас не брошу!

— Из нас двоих, только ты можешь быстро их разыскать. В любом случае, там висит мертвец, не думаю, что убийца будет околачиваться рядом с телом, — флегматично объясняю ей свою позицию. Поудобнее перехватив трость, выразительно изогнула бровь. — Лид, беги скорее, не стоит тебе на это смотреть.

Поколебавшись с минуту, девушка с облегчением на лице припустила обратно к главной улице, оставив одну.

Тяжело вздохнув и улыбнувшись своим невесёлым мыслям, направилась в сторону стены, медленно ступая по разбитой колее, стараясь не задеть отпечатки чужих ботинок. Здесь не так много следов, человек пять-шесть прошло за последние несколько часов. Тело повесили недавно. Часа три назад не больше. Тот, кто это сделал, знает город.

Приблизившись, увидела молодого светловолосого парнишку с распоротым брюхом. До земли свисали внутренности, внизу, утопая в снегу, валялись потроха. Одежда изодрана, обувь отсутствует. На лице странное выражение, которое позволило предположить, что он умер уже после того, как его подвесили как Христа. Жертвенность, никак не связанная с религией. Здесь не знают наших верований. За его спиной на стене нарисованы три круга, входящие друг в друга, как укороченный олимпийский символ. Поверх идёт надпись на местном языке.

Я устало растёрла ноющее бедро и уставилась на безоблачное небо. Моё проклятие следует за мной? Рядом со мной умирают.

Задумавшись, не сразу услышала множество мужских голосов. Обернувшись, увидела подходящую делегацию стражи во главе с вездесущим Дельмиром.

Высокий худощавый мужчина с плохой кожей и жёлтыми зубами.

Как объяснила Хельга, он пережил сильнейшее отравление аконитом, из-за чего здоровье было подорвано и теперь он выглядит старше своих лет. Залысины на когда-то каштановых волосах, блёклый серый цвет глаз, почти полное отсутствие губ, будто он постоянно недоволен, вытянутый тонкий нос как у ведьмы из сказки и непомерно длинные уши. На нём любая одежда висит, он нескладный, со всех сторон острый, но спина прямая как палка и взгляд жёсткий, будто бритва. Под его руководством весь замок на цыпочках ходит, а Дельмир подчиняется только Вельямину.

Бегло осмотрев местность, мужчина холодно посмотрел на меня, прежде чем выдать на русском:

— Прекрасной лэри не следует видеть столь ужасные вещи, — хрипло начал он с лёгким акцентом. Кем бы ни была лэри Ольга, я благодарна ей за активную пропаганду нашего языка! — Ваша слуга отведёт вас обратно в ваши комнаты и позаботится о вас.

— Благодарю, но в заботе не нуждаюсь, — улыбаюсь как можно очаровательней, говоря уже на их языке. — И к тому же это далеко не первый труп, который вижу.

Стоящий позади охранник негромко хрюкнул, подавляя непрошенный смешок. Цепкий взгляд Дельмира вынудил его вытянуться, принимая бесстрастный вид.

— Так поделитесь же вашим опытом. Что вы видите, лэри, — почти издевательски, на пределе вежливости заявил Дельмир, приглашая меня подойти ближе.

Мужчина и волк. Гремучая смесь.

— Смерть наступила несколько часов назад. Судя по одежде, простой крестьянин, человек, работает с животными или убирает за ними — от него исходит сильный запах навоза. Когда его подвесили, он был ещё жив. Именно в подвешенном состоянии ему распороли брюхо, спуская внутренности вниз. Тот, кто это сделал, прекрасно знает о распорядке жизни замка. Парень наверняка орал как резанный, но почему-то никто не слышал криков. Это демонстрация, нацеленная на кан-семью. Указ их уязвимости. Убийца, скорее всего, дикий, — я говорила на своём языке, но последнее слово разобрали все и по строю прошёлся негромкий возмущённый выдох.

— Почему вы так решили? — сухо поинтересовался неожиданно подошедший, как из ниоткуда, Вельямин.

При его появлении все замерли, как истуканы. Высшая степень подчинения. Только Дельмир всё ещё буравил взглядом, будто пытаясь прожечь во мне дырку.

— Это демонстрация, — повторилась я. — Все раны поверхностные, он не съел тело, он предложил его вам. Уверена, что и надпись на стене ведёт к этому же. Как и символ.

— Познай плоть и стань свободным, — мягко сказал Вельямин вставая рядом, а затем повернулся к Дельмиру, чтобы отдать приказ. — Об этом — ни слова. Сплетни всё равно будут, но как это выглядит, пусть останется в тайне. Паника нам не нужна. Тело снять, здесь убрать. Пусть Михо осмотрит жертву. Есть предположения кто это мог быть?

— Он похож на Алико, лэрд Вельямин. Работает на конюшне, — немного осипшим голосом заявила Лидия.

— Сообщите его родным, — благодарно кивнул Вельямин. — Найдите свидетелей, может кто-то что-то слышал или видел. Кто сюда часто ходит. Были ли какие-нибудь странности в последние дни.

— Вель, — мягко прервал его Дельмир. — Мы уже знаем, что делать. Найдём убийцу.

Вельямин досадно крикнул, убирая руки за спину и почти с ненавистью уставившись на символ позади трупа.

— Всё повторяется, — едва слышно проговорил он, а затем обратился ко мне. — Лэри Елена, благодарю вас за оценку. Вы действительно неплохо всё подметили.

— Спасибо, я просмотрела все сезоны Декстера и Ганнибала, — улыбнувшись во все зубы, покачала правой рукой, давая понять, что это шутка. — Я не специалист, поэтому могу в чём-то ошибиться или же быть неправой вовсе. Всё сказанное — просто моё мнение.

— И оно абсолютно верное, — сказал, как отрезал Дельмир. — Но вам стоит покинуть это место. Вы едва стоите на ногах.

Только сейчас обратила внимание на то, как сложно стало стоять. От непривычно долгой прогулки, мышцы левой ноги задеревенели, так что я вообще не была уверена, что смогу пошевелиться.

Попытавшись тронуться с места, потеряла равновесие и чудом не упала — меня вовремя подхватил Вельямин, опередив Дельмира.

— Осторожнее, лэри! — воскликнул он, придерживая за локоть.

— Спасибо! — вымученно улыбнулась. — Пожалуй, я и правда переоценила свои силы.

— Я отнесу вас обратно в замок, — заявил он и, не слушая возражений, подхватил на руки. — Дельмир, жду вашего отчёта в конце дня.

Тот в ответ только кивнул, полностью сосредоточившись на деле и уже отдавая приказы своим служащим.

Напоследок Вельямин странно посмотрел на мёртвого парня, которого стража аккуратно снимала со стены. Я не смогла понять этот взгляд, хоть и была очень близка к его лицу.

Всю дорогу до кабинета провела на руках Вельямина. Рядом семенила потерянная Лидия, чуть поодаль два охранника. Тихой процессией прошли до самых ворот под пристальными взглядами обывателей. Новости и правда разносятся быстро. Люди выглядели напуганными, волки держали свои чувства при себе. Только смотрят так... холодно-холодно, аж мороз по коже.

— Лидия, приготовь Елене ванну, — приказал Вельямин, когда аккуратно усадил меня в кресло в своём кабинете. Стража осталась в коридоре.

Забрав верхнюю одежду и повесив её на вешалку, он подошёл к лакированному мини-бару в углу комнаты. Достав два небольших стакана, наполнил полупрозрачной янтарной жидкостью и протянул один из них мне, окинув выдержанным взглядом.

— Благодарю, — я пригубила напиток, по запаху определив, что это коньяк.

— Вы хорошо показали себя, — сказал он, опускаясь в стоящее рядом кресло.

— **Таким** меня больше не напугать, — отвечаю негромко, но с нажимом, уткнувшись носом в стакан, вдыхая алкогольные пары.

— Что совсем не вяжется с вашим рассказом о своём прошлом. Вы сообщили Дельмиру, что это не первый труп, который видели. Так ли это? — спокойно задал вопрос мужчина, опуская свой стакан на обитую кожей ручку кресла и откидываясь на спинку.

В голове промелькнула вереница трупов. От убитых на моих глазах до того, что делала под пристальным наблюдением Армана. Два месяца назад я была бы чертовски напугана. Даже в ужасе. Но сейчас ничего не чувствую. словно смерть стала моей новой спутницей и я уже привыкла к ней.

— Я не могу рассказать всё, что было. В моём прошлом сокрыты не мои тайны, — я извиняюще улыбнулась, а затем задала волнующий вопрос. — Вы сказали: «Всё повторяется». Что вы имели ввиду?

— Это уже происходило пять лет назад, — Вельямин сделал полный глоток, а затем поставил стакан на кофейный столик.

Встав, он подошёл к секретеру, достал из него небольшой альбом, обитый кожей, и протянул его мне.

— Пять лет назад из-за диких волков я потерял триаду, — заявил он, опускаясь обратно в кресло.

Передо мной предстали полароидные снимки. Их немного, но по ним видно, как бережно триада относилась друг к другу. Я увидела прекрасную Ольгу. Завлекательная улыбка на губах, голубые глаза, чёрные волосы. Мы похожи и совсем разные. Эта женщина на всех фотографиях излучала уверенность и счастье. Как и Вельямин, ещё не украшенный жуткими шрамами, и мужчина рядом с ними. На всех фотографиях они держали друг друга за руки, постоянно касались, показывая сплочённость и любовь. Через несколько страниц к ним сначала присоединился маленький мальчик, затем девочка. Было видно, как быстро растут дети и как стареет мать. Ольга попала в мир волков восемнадцатилетней девчонкой, провела в нём тридцать пять лет и благодаря укусам триады в пятьдесят с лишним лет выглядела не старше сорока. Но волки рядом совсем не изменились. Только печали больше.

— Всё началось также, как и сейчас. Убитая, но не тронутая девушка. Потом ещё один мертвец и ещё. И ещё, и ещё, а мы никак не могли понять, что происходит, — Вельямин забрал из моих рук альбом и, раскрыв его, нежно провёл руками по портрету жены. — Тогда мы сотрудничали с дикими. Райво часто гостил у нас, будучи их предводителем. Мы знали, что они другие. Омеги образовали свою семью. И помогали нам бороться с монстрами. Так продолжалось почти пятнадцать лет. А потом... — Вельямин запнулся и сжал губы. — Всё рухнуло. Тогда мне удалось сдержать диких, но видимо ненадолго, — скупое закончил он, не решившись рассказать подробности.

— Чего они добиваются?

— Пополнения своей стаи. Захват новых территорий. Свержения короля? Я не знаю. Мы думали, они хотят жить, но как оказалось — этого недостаточно, — мужчина захлопнул альбом. — Демонстрация

призвана усилить нашу волчью суть. Захватить идеей охоты. Помнишь барабаны? Они вибрируют на таких частотах, что чувствуются за сотни километров, возбуждая нашу кровь. Всё вместе носит название «Манок». Думаю, мы ещё услышим этот ритм.

— Как они попали в город? Они не могли пройти незамеченными.

— Среди нас есть *падший*. Так было и в прошлый раз. Волк, который балансирует на грани. И они уже успели обработать его, чтобы он начал убивать. Скоро появятся ещё. Тогда я потерял двадцать волков и чуть не лишился лица, в этот раз всё может обернуться ещё хуже.

Дверь распахнулась и на пороге появилась разъярённая Хельга. Сверкнув глазами, тяжело дыша, она выпалила с порога:

— Отец! Дай разрешение и я убью его! Он умрёт — всё закончится!

— Нет! — жёстко отреагировал мужчина, подавшись вперёд.

— Ты не покинешь пределов замка, это мой приказ!

Хельга взвыла от злости, но склонила голову.

— Но он нарушил чёртову сделку, а я говорила, что не надо было её заключать!

— Это приказ из столицы!

Они говорили на родном языке и это то немного, что поняла из их яростной перепалки. Какие-то слова ускользали, но смысл верный. Сделка, предательство и Хельга замешана во всём. Что же случилось пять лет назад?

*Джон Китс — «la Belle dame sans merci» («Безжалостная красавица»)

Глава 4. Ни тоски, ни любви, ни печали

Глава 4. Ни тоски, ни любви, ни печали*

Сердце взрывается болью огнём.

Небо над нами дотла мы сожжём!

Чтобы другие не видели света,

Чтобы никто не предал завета.

Холоден день, холодна ночь.

Ничто не в силах нам помочь.

Когда отец и дочь немного сбавили обороты и увидели, что я всё ещё в комнате, меня вежливо попросили удалиться. Ванну принять, подготовиться к обеду. Ещё раз приняв благодарность за помощь,

удалилась из комнаты, осторожно наступая на разнывшуюся ногу. За мной последовал один из охранников — новый приказ кан-альфы.

В разговоре было предложено переправить меня к соседям, но Вельямин отклонил это предложение. Опасность снаружи не ниже опасности внутри, а мой организм попросту не готов к длительному путешествию.

Охранника звали Тали́к. Но про себя я называла его Толиком. Немного воспоминаний о доме мне не помешало бы. Внешне он походил на этакий шкафчик, имя ему очень шло. Короткий ёжик волос, карие глаза и заразительная улыбка. Одновременно мог быть и весёлом, и серьёзным. К своему заданию отнёсся с юмором, сразу обозвав себя нянькой. Однако был достаточно предупредительным, чтобы помочь мне дойти до моей комнаты, по пути рассказав забавную историю про охоту на кабанов. В заключении выдал несколько незамысловатых инструкций:

— Я или мой сменщик всегда будем рядом за дверью. Если что — кричи. Предупреждай обо всём, что кажется странным или неправильным. Даже если это глупо. Лучше перебдеть, не так ли? — он подмигнул, а затем добавил, — и никогда не заходи в комнату раньше меня!

Его правила напомнили о прошлом. Не думала, что у меня когда-нибудь появится телохранитель!

И как оказалось вовремя.

Зайдя в комнату, Талик нашёл на моей постели прямо на подушке кровавое сердце. Позже выяснится, что оно принадлежало мёртвому мальчишке.

Пять дней напряжения, перекрёстных допросов и вопросов. Ничего. На фоне стресса разыгрался дикий аппетит. Я и раньше любила много поесть, но теперь это было что-то с чем-то. А какие сны снились! Все о еде.

Куриные рулетики, бефстроганов, фрикасе из свинины, гуляш из говядины, жюльен с курицей и грибами, отбивные из свинины в духовке, в сметанной заливке с горчицей и сыром... словом мясо было в приоритете. Как же я соскучилась по нормальной еде! Даже не так. По еде, приготовленной на нормальной кухне! Здесь только по нечастым праздникам готовили что-то необычное. В остальное время — жареное

мясо и молочные продукты, сушёные ягоды, каши из круп, супы... но всё на вкус пресное. Не так, как дома. И это пробуждало воспоминания о домашней еде...

Одно утешало — здесь в избытке было малиновое варенье. Его любила Хельга, поэтому на зиму запасали в огромных количествах. Хоть какая-то сладость.

На шестой день вернулись Брона и Ахлик. Они давно уже вместе, но пока не планирую искать альфу в свою семью, просто наслаждаясь обществом друг друга. Интересная пара. Как свет и тьма, он — чёрный, похожий на брата, только ниже ростом, она — блондинка с почти белоснежным цветом волос, заплетённых в тугую, спускающуюся до пояса, косу, увенчанную небольшим ободком на лбу. Высокая девушка с пышной грудью и крутыми бёдрами. Наверное, в честь таких называют корабли. Брона похожа на валькирию из времён викингов. Ахлик уступал ей в выразительности, но то, как они смотрели друг на друга, говорило, что это их не волнует.

Они с вежливым любопытством поприветствовали меня, но быстро уединились с Вельямином в его кабинете. Судя по их виду, поездка прошла не слишком удачно.

Я была внизу, в гостиной, корпела над бумагой, под присмотром Хельги, которая решила немного обучить грамоте. По её словам, Арман рано или поздно вернётся домой и если я решусь стать частью триады, то меня ждёт этот мир. И нужно быть к этому готовой.

Разумеется, я не была настроена её словами, но чем больше я знаю об этом мире, тем больше у меня шансов вернуться домой. Я не могла полностью довериться им, зная, какие грехи кроются за моей безобидной внешностью.

— Смотри, эта точка стоит не здесь, а тут. Видишь? По кругу, вот именно такого размера.

Она медленно выводила круглые символы означающие: дом, семья, любовь и счастье. В библиотеке хранится несколько азбук, по которым учатся молодые волки и скоро начнутся занятия в местной школе, так что возможно я присоединюсь к ним. Меня радовал тот факт, что я не потеряла любовь к знаниям. Я чувствовала себя живой, хоть и не на своём месте.

Мы склонились над письменным столом, а позади в небольшом камине весело трещал огонь, создавая дополнительное тепло в комнате

— ночью ударили морозы, покрыв новым слоем инея поверхность окон.

— Голова скоро взорвётся! — проворчала негромко, отодвигая бумагу от себя и сладко потягиваясь. — Сколько мы уже здесь сидим?

— Не так долго, как тебе кажется, — спокойно отвечает она, пододвигая всё обратно. — А у нас не так много времени. Я не могу сидеть с тобой целыми днями, а сейчас ты и для школы не готова!

— Да знаю, знаю, — досадливо поморщившись, я принялась повторять символы на бумаге, но вскоре вновь прервалась. — Слушай, а о чём тогда говорил твой отец?

— В смысле? — Хельга слегка сдвинула брови, но вскоре лицо вновь стало непроницаемым.

— Сделка. Я не поняла этого. Разве омеги могут заключать сделки с...?

— Они необычные омеги, — Хельга скрестила руки на груди. — О таких ты и не слышала, как и мы когда-то. Они не омеги, они дикие. Им не нужен альфа, чтобы жить. У них вообще нет такого понятия, как альфа, омега или бета. Они не нуждаются в триадах, чтобы продолжать свой род. Они называют себя свободными, но есть подводный камень. Вспыльчивые, агрессивные, склонные к садизму, злые, самолюбивые, хитрые. Они не знают, что такое любовь, семья, дом. Как перекаати-поле путешествуют, надолго не задерживаясь на одном месте. Живут в вечных лесах, потому что те поставляют им чудовищ, на которых они выплёскивают свою ненависть. Они говорят, что раньше были омегами, но потом что-то изменилось и они перестали сходить с ума и умирать. Появилась возможность жить, — Хельга давно собиралась кому-нибудь рассказать об этом и я оказалась идеальным собеседником. Говорила девушка на смеси из языков, чтобы время не терялось зря, а в некоторых местах записывала слова и предложения, чтобы видела, как это пишется. — Когда Райво пришёл к моему отцу, тот прогнал волка, сочтя это *дикостью*. Он отправил письмо в столицу, ответ пришёл спустя месяц и был крайне необычен. Король велел заключить с ними сделку: «Вас не трогают, пока вы живёте в вечных лесах и убиваете монстров». Так и повелось. А Райво частенько гостил у нас, принося удивительные ягоды и фрукты оттуда, куда никогда не ступала лапа обычного волка, — Хельга ненадолго замолчала. — Они скрывали свою ярость и... примитивность за вежливостью и фальшивой добротой. Мы хорошо относились к ним и когда несколько наших волков ушли, никто не

возражал против этого. В конце концов, они предлагали многое. Дикие плодовые, хоть роды частенько заканчивались смертью плода, всё равно они быстро размножаются.

— Твой отец сказал, что всё закончилось кровью. Как и сейчас.

— Об этом в другой раз, — Хельга оборвала себя, словно очнувшись от плохого сна. Она смущённо выдавила улыбку, словно стыдясь воспоминаний. Собрав получившиеся записи в кучу, она выбросила их в огонь, пристально наблюдая как сгорает в пламени бумага.

— Ни с кем не обсуждай то, что рассказываю тебе. Особенно с людьми, — неожиданно заявила она. — Ты как моя мать, находишься на лезвии между нашими видами. Многие знания опасны, будь осторожна.

Я хотела ответить ей, немного рассказать о том, через что прошла, но нас прервали. В комнату зашла испуганная Лидия. На её переднике — птичьи перья и немного крови. Она смотрела как в пустоту, глаза остекленели, а лицо побелело.

— Боже, Лида, что с тобой?! — удивлённо охнула, с трудом, держась за спинку, вставая со стула.

— Кто-то перебил всех птиц в птичнике, — севшим голосом заявила она.

Новый виток событий ничего не дал. Кто уничтожил птиц — неизвестно. А ведь без пернатых мы остались без связи с внешним миром. Единственный способ общения — это сигнальные костры, растянувшиеся по всему хребту с нашей стороны. Предупреждение о прорыве, которым воспользовались лишь один раз почти триста лет назад. Сейчас от вышек почти ничего не осталось. Там нет людей и нет уверенности, что цепь поддерживается с других сторон.

Короче, мы оказались отрезанными от всех. Интересно, это психологическое давление или за ним скрывается какая-то цель? Или то и другое вместе?

«Старайся увидеть картинку в целом, — говорил Арман». И именно это я пыталась делать.

Сижу в медицинском отсеке, укрытая только полотенцем, чтобы Михо, местный доктор, мог осмотреть мои раны. За прошедшие недели,

я неплохо восстановилась для человека, пережившего нападение дикого волка. Но всё равно появляться на пляже в купальнике мне не стоит. Из шрамов можно составить целую карту моих бед. Везение и невезение часто ходят рука об руку.

От бедра и до колена с внутренней стороны тянулся глубокий след от швов — доктору пришлось стягивать края, волк выдрал кусок мяса. На запястье следы от клыков, на животе несколько вытянутых царапин, остались белые выпуклые шрамы. В результате, почти вся в шрамах от клыков и когтей. Лицо, шея, ноги, живот, правая рука... Да уж, я умею выживать.

Медицинские комнаты расположились ближе ко входу в сам замок, также есть просторный зал с подобием операционной на первом уровне — на случай тяжелораненых. Охота на монстров не всегда проходит удачно. Поэтому коек там не меньше дюжины. Здесь только две, на случай если кто-то заболел *заразой*.

Сам Михо не стар, но и не молод. Он полуволок, как и Лико, только переродился в альфу, поэтому занял более высокое положение в обществе. Это позволило получить профессию врача. Тёмно-русые волосы, глубокие синие глаза, широкое с выраженными скулами лицо, тонкие губы и острый нос. Он постоянно хмурится, любит шутить по чёрному, а ещё обожает пережжённый сахар — из него делают леденцы.

Врач, уставившись в пустоту, проминает мои мышцы у бедра, то спускаясь вниз, то вновь поднимаясь к лобку. Закончив, отошёл к небольшому шкафчику, доставая банку с чем-то жирным жёлтого цвета. Протянул со словами:

— Пусть Лидия мажет твоё запястье и ногу целиком, — отрывисто выдал он, а затем улыбнулся. — Поздравляю, крошка, ты живучая как настоящая волчица. Когда штопал твою тушку, думал не доживёшь до утра. А оно вон как получилось, — мужчина рассмеялся и похлопал по бедру. — Хромать ты конечно будешь до конца дней своих, но есть шанс избавиться от палки. Никогда не видел, чтобы связь между бетой и девушкой давала такой эффект. Ты удачливая.

— Да неужели? — протянула с иронией, натягивая кофту. — Дважды встретиться с диким — да я просто самый везучий человек на свете!

— А кто говорит о везении? — Михо отошёл в сторонку и прислонился к столу, скрестив руки на груди. — Удача в том, что ты

выжила. Везением было бы не попадать в такую ситуацию.

Я не нашлась с ответом. В конце концов, Михо был единственным, кто не говорил по-русски, а мои познания в их языке пока ещё не были готовы к подобным диалогам. Половину того, что он говорил, не понимала, а он не понимал, что говорила я и часто приходилось изъясняться жестами. Но всё равно — четыре недели и я уже могу выдавать простые предложения! Надо было идти на лингвиста...

Одевшись, всё-таки решилась, коверкая слова, задать мучивший вопрос:

— Вы осматривали тело юноши. Можете сказать что нашли?

Непроницаемая маска была ответом. Но видя моё выражение лица, мужчина смягчился:

— Ваше сердце слишком мягкое, — заявил он. — Могу вас успокоить — мальчик был без сознания, когда его подвесили. Ему ввели аконит в кровь. Он не чувствовал того, что с ним делал зверь.

— Поэтому не было слышно криков, — едва слышно прошептала. — Спасибо за ответ!

В этом мире странное разделение на женщин-волчиц и женщин-людей. От последних ждут слёз и глупости, тогда как волчицы воспринимаются равными волкам. Всё дело в возможностях их тела. Даже частичная трансформация во многом усиливает их, даря способность дать отпор. И даже победить перевоплотившегося волка. Всё зависит от мотивации. В моём мире к женщинам, обладающим крупными телами, тоже всегда относились с некоторой опаской, которую маскировали под смех. В результате, всё сводится к простому и даже примитивному правилу — кто сильный, тот и прав. Передача «В мире животных» в действии.

Вечером состоялся ужин по поводу возвращения Ахлика и Броны. Впервые в этом месте я надела платье. И оно полностью закрывало тело от лодыжек до подбородка. Тёмно-зелёного почти изумрудного цвета из плотной ткани, украшенное золотистой вышивкой, овалом, от груди до пят. Орнамент — золотые птицы, круглые узоры, символы процветания и защиты. Рукава из шифона, он же прикрывает шейку и от пояса по бокам струится поверх материи вниз. На ноги — мягкие вязанные тапочки под цвет платья, волосы Лидия аккуратно уложила, закрепив их ажурным, почти невесомым золотым ободком с рубиновыми камнями,

сияющими на свету будто кровь.

Я была похожа на хозяйку медной горы с тросточкой.

Медленно спустившись вниз, застала всё семейство, включая Дельмира и Михо, в сборе в гостиной. Разговор шёл на повышенных тонах и был слышен издали.

— Нельзя сидеть сложа руки! Нужно вновь отправиться к Брантам или навестить Соймоиров! Нужно объединиться и вытурить этих паскуд из леса! Иначе они всех нас перебьют! — возмущалась Хельга. Отец не отставал от дочери.

— А ты не подумала, что именно этого он и хочет? Разделить нас! Чтобы было легче перебить! Весь город держится на кан-семье — не станет нас, они окажутся под ударом, — громко цедил слова Вельямин.

— Лэрд, ты всегда можешь послать меня на задание. Дай мне дюжину смельчаков и уже через две недели здесь будет армия, — поддержал Хельгу Дельмир. — Если нельзя решить проблему изнутри...

— Это твой косяк, — вступил звонкий недовольный женский голос, вероятно принадлежавший Броне. — Ты отвечаешь за нашу безопасность, а что в итоге? Смерть этого мальчика на твоих руках!

— Перестань, — пожурил её Ахлик. — Дельмир костями ляжет, но разыщет дикаря и казнит. Вопрос времени. Не стоит раздувать из мухи слона, а то наша гостья решит, что мы не можем обеспечить её безопасность.

Голос звучал мягко и приближался. Вскоре на пороге появился молодо выглядевший мужчина. Тёмные густые волосы, убраны в толстый хвост, в зелёных глазах искры веселья. Он похож на брата как уменьшенная и смягчённая копия. В руках бокал вина, на пальцах кольца. Одетый в бархатный камзол, он казался сам себе на уме. В нём не было воинственности как в Вельямине. Походил на дипломата. И, судя по рассказам Хельги, этим и занимался.

— Надеюсь, мы не напугали вас? — участливо, но с долей юмора, поинтересовался он, ловко беря под руку и вводя в зал.

— Меня сложно напугать, — отвечая уклончиво, натягивая улыбку.

— Елена, вы прекрасно выглядите! — из вежливости, Дельмир перешёл на мой язык. — Это платье отлично на вас сидит.

— Неудивительно, — высказалась Брона, сверкающая в красном одеянии с глубоким вырезом. Эта женщина привыкла блистать. — Это

платье принадлежало Ольге.

По лицу Вельямина пробежала тень и он сильнее сжал бокал. Ему не понравилась колкость Броны, ведь именно он, через Изу, приказал Лидии подобрать мне наряд из платьев Ольги из-за схожего телосложения.

— Вы обсуждали убийцу. Так и нет никаких стоящих зацепок? — принимая бокал из рук участливого Ахлика, взявшего роль покорного слуги присутствующих дам, поинтересовалась как бы между делом.

— Давайте оставим эту тему! — возник Михо, догадавшийся, о чём идёт речь, досадливо качая головой. — Ещё один скандал и моя голова просто взорвётся!

— Поддерживаю, — мрачно отсалютовав бокалом врачу, поддержала Хельга, а затем выпила вино залпом, вызвав досадливую гримасу отца.

Нас пригласили к столу.

Во многом здешнее общество напоминало старую ворчливую Англию. С доброй сотней правил и обычаев. Это объяснялось тем, что наша история тесно переплетена с этим миром и многие вещи мы заимствуем друг у друга. Вопрос только в том, почему волчий так отстал от нашего? Никто не смог дать правдивого ответа. Ограничивались лишь нежеланием губить природу. Но это глупая отмазка лишь порождала ещё больше вопросов.

Меня посадили по левую руку от Вельямина, как почётного гостя, так что я оказалась между братьями и напротив Дельмира. Мужское почти галантное общество с почти вкусными закусками на столе, сделали меня изрядно добродушной и весёлой.

— Нет! Президент не вызывает на поединок предыдущего, что за глупости! Народ, путём голосования, избирает нового правителя раз в четыре года. Лидер может подать на второй срок и продолжить правление, если его вновь изберут. Демократия, — я наслаждаюсь ветчиной и сыром, с удовольствием поглощая свиную отбивную и картошку, уделяя особое внимание ореховой подливке, что чудо как хороша!

— Предыдущий вариант был интереснее, — заявил Дельмир, плотно пережёвывая очередной кусок мяса. — Там, где расстреляли императорскую семью. Жёстко, но действительно.

Я не нашлась с ответом. Дельмир не из тех, кто будет

миндальничать. Но именно таким и должен быть глава стражи и правая рука Вельямина. Здесь, где обитают монстры, даже овцы должны быть жестокими, а уж матёрые волки и тем более.

Хельга сказала, что Арман занимал когда-то похожую должность. Неудивительно, что его девизом были слова: «Я умею выживать».

— Опять ты за своё! — рассмеялась Хельга. — Я помню с каким удовольствием ты слушал историю европейской цивилизации. Как будто тебе нашей мало!

— Это общее прошлое. Но мы никогда не были такими жестокими, как люди. Вспомни испанский сапожок. А железная дева? Раскалённые туфельки, пытки водой, сжигание на костре? Мы убиваем друг друга, но самое страшное, что нас ждёт — изгнание. Стоит помнить об этом, — Дельмир махал пальцем, как мой учитель истории, назидательно. — Нельзя давать людям власть. Получив её, они превращаются в монстров из вечных лесов.

Громкий ненатуральный кашель Вельямина оборвал беседу. Дельмир долгим взглядом посмотрел на альфу, но вскоре склонил голову и извинился.

— Простите за неудачную тему. Последние события влияют на все наши мысли.

— Это верно, — тихо согласился Михо, поглощая очередной стакан с вином.

За столом текла непринуждённая беседа, изредка прерываемая тягостной тишиной, если кто-то касался происходящего в замке. Дельмир сосредоточенно поглощал мясо, больше не выступая с речью, Брона натужено смеялась, поддакивая рассказам мужа, говорившего о гостеприимстве Брантов, Хельга отмалчивалась, как и задумчивый Вельямин. Я рассказала несколько историй о достижении своих соплеменников, вызвав как смех, так и недоверие.

Под конец, когда слуги принесли десерт (а это были пироги с маком и вареньем), Брона не удержалась от колкости. И чем я ей не угодила?

— Елена, вы такая интересная особа. Расскажите немного о себе. Как вам удалось уже два раза выжить после встречи с клыками дикого? — она казалась заинтересованной, но по глазам видно — хотела тюкнуть в уязвимое место.

— Да я вообще везучая — дважды напороться на дикого. Я просто королева везения! — обворожительно отвечаю, уклоняясь от ответа.

Её вопрос частенько всплывал в моих мыслях. Почему это происходит со мной? Жаль теория вероятности всегда казалась мне слишком скучной. Интересно было бы посчитать мои шансы. Я столько раз выживала, что уже почти сбилась со счёта!

— Но всё же! Это же так интересно! — трогательно захлопав глазками, продолжила напирать она, играя роль недалёкой блондинки. Хотя всем за столом было ясно, что она делает. Но зачем?..

— Довольно! — твёрдо заявил Вельямин. — Мы все устали. День был длинным. Светские беседы оставим на потом.

Встав из-за стола, он дождался, когда встанут остальные, после чего сдержанно кивнул, окинув всех пристальным взглядом, задержавшись на мне дольше чем нужно, после чего пожелал спокойной ночи.

Здесь было принято, что альфа уходит последним, поэтому, когда он задержал меня в дверях, уже больше никого не было.

— Простите несдержанность Броны. Она всё ещё тоскует по Ольге, они были близкими подругами. Увидев вас в её платье...

— Зачем вы предложили его мне? В жизни не поверю, что из-за размера. Мы с Хельгой одного роста. Если это так необходимо, можно

было что-нибудь выбрать из её гардероба, — я коснулась вышивки на груди, невольно подметив как он смотрит на мои пальцы. Почти с нежностью. Непривычно. Я никогда не сталкивалась с таким взглядом. Слишком интимно... для незнакомца?

— Не стоит красивым вещам пылиться в шкафу, — он тепло улыбается. — А вам, Елена, оно так идёт.

Он коснулся моего плеча и медленно провёл линию до пальцев. От неожиданности перехватило дыхание и щёки окрасил мягкий румянец.

— Зовите меня Вель, прекрасная Елена. Вы позволите проводить вас до вашей комнаты? — предложил он, смотря прямо в глаза.

Это было слишком даже для меня. От его близости сердце сошло с ума и я отпрянула, вырвав руку. Я не понимала, почему **так** чувствую и это напугало до чёртиков.

— Простите, кан-альфа, лэрд, — осторожно заговорила, перебирая титулы и пряча взгляд. — Но я лучше пойду одна.

— Тогда до завтра, — немного разочарованно, но сдержанно ответил он. — И я повторюсь, сегодня вы выглядели обворожительно!

Оставшись в одиночестве, сжимая в руках трость, невольно задумалась о превратностях судьбы. *«Куда бы ни шла — они идут за мной»*, — мелькнула в голове странная мысль и я коснулась подушечками пальцев своих губ. В воздухе ещё чувствовался лёгкий аромат Вельямина. Я задышала глубже, а затем негромко рассмеялась.

Охранник отсутствовал, а я не решилась вернуться к Вельямину после такой сцены. Поднимаясь по лестнице и прокручивая в голове его слова, понимаю, что давно не слышала таких простых и даже бесхитростных комплиментов от красивого мужчины. А в том, что Вель красив, я уже не сомневалась. Его красота не требовала яркой обёртки, она таилась в глубине его глаз. В том, как он двигался, как говорил, как думал и как чувствовал. Он совсем не походил на Армана или Лико, или даже Кая. Взрослый состоявшийся мужчина рядом с которым чувствовала себя школьницей. А если смотреть на возраст, именно так и было. Какой мезальянс! Вот чёрт, зачем я думаю об этом?! Кажется, вино за ужином было слишком терпким, вот и не могу сдержать свои мысли. Но как я могу думать о ком-то ещё, кроме Лико? Армана... Кая?.. Столько имён...

Я не успела додумать свою мысль. В коридоре третьего этажа,

ведущего к спальне, почему-то не горели масляные лампы. Дальний свет позволил увидеть отделившуюся от стены тень, а затем что-то набросилось на меня, роняя на пол и вцепившись когтями в шею.

Зародившийся крик захлебнулся, когти глубже вошли внутрь. Всё, что видела — яркие жёлтые глаза. Чувствовала неимоверную тяжесть зверя, ощущала его дыхание, *знала* его ненависть ко мне. Но не желала сдаваться. Извернувшись, со всей силы ударила напавшего между ног и услышала, как он охнул, на мгновение разжав когти. Глоток свежего воздуха придал сил. Я подхватила трость и вклинила её между нами, не давая твари вновь зажать на полу. И закричала изо всех оставшихся сил.

Как только крик разнёсся по коридору, тяжесть спала — монстр моментально исчез. Обессиленно опав, закрыла глаза, слыша, как бегут на помощь.

Ещё один раунд со смертью окончен.

*Иосиф Бродский — Ни тоски, ни любви, ни печали

Глава 5. Полночь, сжался надо мной

Глава 5. Полночь, сжался надо мной*

Я выживаю как могу. От боли больше не бегу.

Не прячу крик. И страхом не умоюсь.

Ведь я боец! Наполню сердце злостью!

Воинственно я буду биться.

Но с одиночеством... мне не смириться?

Такое чувство, будто в горло вставили острые спицы. Малейшее движение головой отражается уколами внутри трахеи. Как будто повстречалась с королевой шипов.

Надо мной трудится Михо, аккуратно, но на живую, штопая следы от когтей. Новые шрамы прямо поверх следа от укуса Лико. Я всё слабее и слабее чувствую его. Нас разделяют не горы и не моря, а миры. Я застряла посреди снежной пустыни на краю чужого мира среди чужаков и убийц. Моя жизнь висит на волоске и я не знаю, в чём причина. За Эльзой кто-то стоит. Райво знал, что я буду там. И здесь, под защитой стен, его сородич пытается довершить начатое и убить меня. Такая настойчивость... почему?

— Хорошие новости и плохие.

Я уплыла в свои мысли, поэтому начало фразы прослушала. Кроме Михо в кабинете находился Вельямин и Хельга. Супружескую чету

выставили, а Дельмир носом роет замок, пытаюсь понять куда делся убийца. Его руки должны пахнуть кровью, поэтому он надеялся быстро найти дикого зверя.

— Хорошая новость — убийца не задел сонную артерию и ярёмную вену. Вопрос буквально в сантиметре. Ты везучая. Плохая — ближайшие дней десять — обет молчания. Не напрягай связки, тишина и покой. Не будь я уверен в том, что ты быстро восстановишься, это заняло бы несколько лет. Так что повторюсь — ты везучая, — заканчивая штопать, Михо отошёл в сторону за стерильными бинтами, чтобы обвязать ими горло.

Новость о молчании показалось насмешкой. Мне и так приходилось непросто — их знание моего языка не идеально, как и моё их. А теперь что? Как описать нападавшего? Как общаться всё это время?!

Запоздавшая реакция на нападение подкралась незаметно. Мне не хватало воздуха. Я почти задыхалась, прижимая руки к груди и отчаянно пытаюсь сделать полный вдох. Бинты сдавливали шею в тисках, а каждый вдох добавлял агонии. Я соскользнула с больничной койки, чуть не упав, уронив с тумбочки спиртовую настойку. Раздался острый звон и резкий запах вырвался на волю. В голове зашумело, хриплые вдохи/выдохи усиливались на одной высокой ноте, грозясь окончательно забрать кислород. Перед глазами уже темнело, в ушах почти звенело, когда мощные руки обхватили за плечи и встряхнули как куклу. Изумруды вспахали тьму, проникнув прямо внутрь и вытащив из панической атаки на свежий воздух. В комнате зимний холод — кто-то настезь открыл окна.

Я попыталась поблагодарить Вельямина за помощь, но смогла только печально улыбнуться.

— Елена, вы сможете сейчас записать всё, что видели и слышали? — негромко попросил он и я медленно закивала. — Михо, вы закончили?

Врач, уже с прообразами веника и совка, собирал осколки, что-то бурча под нос. Услышав альфу, закивал головой. Возле проёма стояла Хельга, в её руках — небольшой окровавленный коготь, который она задумчиво вертела в руках. Как же не хватает криминалистов! Уж они бы быстро нашли дикого — анализ крови, отпечатки пальцев, ДНК — и вуаля! Здесь же опирались на нюх, что не могло радовать. Всякого

волка можно обмануть. Уж я-то знаю.

На выходе из медицинского крыла встретился Дельмир. Он ничего не нашёл. Теперь вся надежда на мои скупые воспоминания.

— А ты крепкий орешек, не так ли? — с прищуром заявил матёрый волк, слегка щёлкнув зубами. — Можешь за себя постоять!

Я выставила большой палец и довольно искривила лицо, утвердительно качая головой.

— Так держать! Буду ждать твоих показаний, — улыбнулся он. Кажется, этот волчара не так уж плох, как казалось.

На удивление, Вель выставил дочь из кабинета, вызвав недовольство с её стороны. Приватная беседа. Как интересно.

Передо мной бумага и ручка и стакан воды, которым пока не могу воспользоваться. Вельямин сидит напротив, о чём-то раздумывая, уставившись в никуда. Он кажется очень одиноким, этот высокий мужчина, кан-альфа, лэрд дальнего предела. Он холоден, но это лишь видимость. В его глазах столько тепла и участия, как мягкое одеяло в ненастный день. Рядом с ним тревоги уходят, а печаль рассеивается. Словно наконец-то вернулась домой.

Протянув исписанный лист, замерла в ожидании, пока он медленно вчитывался в текст. Там он не найдёт ничего полезного, ведь я почти ничего не видела, кроме жёлтых глаз и острых клыков. Зверь не принял полноценную форму, замер на перепутье. В темноте этого хватило, чтобы не смогла опознать и дать нормальную ориентировку.

— Жёлтые глаза распространены, — устало констатировал Вельямин. — Я передам твои слова Дельмиру.

Виновато улыбнулась и пожала плечами, показывая, что сожалею.

— От лица моей семьи, приношу извинения за это событие, — заговорил он официальным тоном. — Пятно позора — мы не смогли уберечь вас, — он опустил глаза на сложенные в замок руки. — Я не смог уберечь вас.

Заматав головой, принялась строчить на бумаге послание: *«Вы ни в чём не виноваты. Это я приношу с собой одни лишь беды»*.

— Елена, не говорите так, — сразу возразил мужчина, разрывая бумагу на куски. — Это история моей семьи, вы лишь случайная жертва.

Он тяжело вздохнул.

— В замке больше не безопасно. Я пригласил вас на приватную

беседу по одной причине — если вы пожелаете, сию же минуту соберу людей и вас переправят в другой замок на ваш выбор. Дорога будет не из лёгких, но убийц там нет.

Я яростно замотала головой и презрительно фыркнула. Вельямину досталась записка: «Не на ту напали! Я не трусиха и не собираюсь бежать!» Подумав, передала следующие слова: «Вы же знаете, что убийца сидел за вечерним столом?»

Мужчина слегка прикрыл глаза, подтверждая мои мысли. И у стен есть уши.

Это всё равно что вскрывать себя консервным ножом. Такой маленький, но чертовски острый, неудобный, но что поделать? Я должна хоть кому-то довериться.

Вельямин переписал мою записку, а затем отдал стражнику, стоявшему за дверями кабинета. Когда вернулся, его уже ожидали новые слова:

«Всё это — не случайность. Та женщина заманила в лес по чьей-то наводке. Райво ждал меня. Убийца пытается доделать то, что не получилось тогда». Пока он вчитывался в строки, нервно барабанила ручкой по пустому листу. Писать или нет? Доверие — вещь хрупкая. Я уже доверяла раньше и вот к чему это привело.

— Это как-то связано с твоим прошлым? Шрам на твоём лице от встречи с омегой или с диким? — он смотрел пронзительно, бесцеремонно забираясь под кожу. От его взгляда бегали мурашки и я терялась, не выдерживая остроты его насыщенных цветом глаз.

Поколебавшись, набросала записку. Всё уклончиво. Ни слова о том, чем занимается Кай. Несколько предложений о том, что были когда-то вместе. Что всё закончилось плохо, я сбежала и встретила Лико, а потом Кай похитил меня и с помощью «подруги» мне удалось повторно улизнуть. Написала, что Алхимик может так мстить за отвергнутые чувства.

— Нет, Елена, — Вельямин отрицательно качнул головой, разглаживая мятые листы перед собой. — Влюблённый мужчина не станет действовать скрытно. Месть из-за любви требует признания. Он лично встанет перед тобой и потребует ответа. Я вижу — ты по-прежнему недоговариваешь. Не стану обвинять в этом — мы незнакомцы, запёртые в зимнем замке. Но тебе придётся довериться мне. Вырванное сердце указывает на чувства, а твоё прошлое туманно

даже для тебя самой, не так ли?

Я закивала головой. Приёмные родители многое сказали, но они знали лишь крупницы. Сон из прошлого добавил сумбура, а будущее кажется ещё более неопределённым.

Сжимая пальцы, подавляю усталость, навалившуюся после адреналинового выброса. Каждая клеточка требовала покоя, но как говорится: «Покой нам только снится».

Мы молчали. Каждый думал о своём. Передо мной бумага, а внутри огромное желание написать всё, что случилось с момента, как пошла в тот чёртов клуб и даже раньше. Выплеснуть свою историю на чистые листы, чтобы получить подтверждение, что всё это — реально. Что я действительно прошла через этот кошмар и до сих пор жива и в здравом уме.

— Так каково твоё решение? — медленно с напряжением спросил он.

«Я остаюсь. Но мне нужно знать больше», — записала быстро и сразу передвинула по столу к мужчине.

Наши пальцы на секунду соприкоснулись отчего резко отдёргнула руку. Прочитав записку, лицо волка разгладилось, даже мелькнуло облегчение. Он рад, что я остаюсь. А я рада?..

— Ты мне, я тебе? — он усмехнулся. — Хорошо, лэри Елена, я расскажу вам занятную историю, случившуюся с моей семьёй пять лет назад. А вы расскажете свою.

Выражение моего лица, невинное-невинное, никак не обмануло волка.

— Нет-нет-нет! Даже не пытайтесь увилить! — рассмеялся он. — Каждое слово на бумаге подтверждает, что ваша история не так проста. И я наблюдал за вами. Могу с уверенностью сказать — вы не невинный цветочек. Вы уже видели кровь и боль, и что-то похуже. Искренность — обоюдоострая. Я не намерен обнажаться перед лицемерием.

«Мне придётся написать целую книгу» — сыронизовала в записке и пододвинула к нему.

— Отлично, значит попрактикуюсь в русском языке, — он улыбнулся и, неожиданно, улыбнулась в ответ. Словно дышать стало легче.

— Нас было трое, — он забрал один из листков, взял ручку и, облокотившись о спинку кресла, закрывая лист, принялся что-то писать.

— Я, Ольга и Грон, мой бета. Наша связь возникла почти сразу как она попала в этот мир. Ольга была особенной. Яркой и чёрной одновременно. Она человек, но её повадки — волчьи. Никогда не сдерживала себя, не ограничивала. Наслаждалась жизнью. Она была глотком свежего воздуха в нашем замке. Любила охоту и рыбалку, ей нравилось путешествовать по дальним пределам. Все соседи стали её друзьями. Она охотно общалась как с волками, так и с людьми. И ей некуда было возвращаться, поэтому она осталась с нами. Наш первенец, Вальт, сейчас рядом с королём. Он уехал почти сразу, как исчезла наша семья. Хельга... с ней сложнее.

Вельямин остановился и уставился на меня, будто впервые увидел. В его глазах вопрос — зачем всё это рассказывать? Кто я такая, чтобы знать историю его семьи? Словно появилась черта, через которую нельзя переступить.

Я указала на него пальцем, а затем ударила по своей груди и продублировала жест в обратном порядке. Ты — мне, я — тебе. Он усмехнулся, вставая из-за стола. Новые стаканы, новая янтарная жидкость. Только в этот раз лишь сделала вид, что пью — горло саднило со страшной силой, а вот Вельямин за раз ополовинил стакан, громко ударив о поверхность.

— Она была особенной, — как-то веско заявил он, прямо глядя в глаза. — Не такой как все. И Хельга пошла в её породу. Своевольная, сильная и красивая, — волк вновь замолчал, нахмутив кустистые брови. — Когда Райво пришёл ко мне, Хельга была ещё девочкой. Только-только превратилась в первый раз. Импульсивная и любопытная. Она часто сбегала из замка и исследовала окрестности с другими детьми. Она становилась женщиной на его глазах. Неудивительно, что он захотел её. Ведь она особенная, как и мать, — Вель допил янтарь и под его тяжёлым взглядом, я сделала глоток, закашлявшись от боли.

— Я был против любых отношений дикого с моей семьёй. Тот факт, что король через нас заключил сделку с ними, не отменяло сомнений. Я чувствовал, что что-то не так, но не знал, что именно. Когда начались убийства, даже не подумал на них, ведь диких не было в городе. Но когда пропала Хельга, я уже знал где искать. Вместе с Гроном и отрядом мы отправились к диким, и попали в ловушку. Мой бета предал семью. Он убил Ольгу на моих глазах, чтобы пробудить во мне дикость. Потеря любви — один из самых мощных побудительных

мотивов, — Вельямин умолк и потянулся за бутылкой. — Дельмир с подмогой прибыл вовремя. Только благодаря ему я сижу перед тобой, а этот замок существует. Я убил Грона, Хельга справилась сама. Мы вернулись домой, но Райво не оставил своих попыток. Видимо в нём слишком много волчьего — он следует за своими инстинктами.

В кабинете воцарилась тишина. Только сквозняки и ветер за окном нарушали её. В отдалении слышались неразборчивые голоса, топот ног — стража прочёсывала замок, но я знала — это безрезультатно. Гораздо важнее понять всю историю. Вельямин не вдаётся в детали, а ведь именно в них скрывается ответ. Давить — не имею права, а молчать... могу? Или нет?

Медленно поднявшись, подошла к нему и положила руку на плечо, легонько сжав. Моё лицо — все оттенки сожаления и сочувствия. Я не могла говорить, но иногда достаточно и взгляда, чтобы передать тепло. Вельямин поднялся, перехватывая мои руки и сжимая их в кулаках. Он притянул их к губам, целуя замёрзшие пальцы, неотрывно глядя в глаза. Сердце застучало сильнее, смущение окрасило алым щёки, желание отстраниться так далеко, что его почти и нет рядом. А Вельямин притянул к себе резко, сжимая в объятиях, шепча на ухо:

— Спасибо...

Он слышит, как забилось моё сердечко. Он удерживает меня и всё становится далёким, а Вель таким близким. Мы не успели. Тишину нарушил негромкий бой. Едва слышимый, но такой пугающий. До мурашек. Я отстраняюсь, вслушиваясь в нарастающий грохот.

— Что с вами? Вы побледнели, — моментально насторожился мужчина. Тень понимания пришла чуть позже.

— На сегодня всё, — посуровел он, с тоской освобождая из своих объятий.

Бой усилился, теперь звучал так близко, будто стучат на территории замка. Жестами задала вопрос, и Вельямин скупно ответил:

— Они приглашают на охоту. Скоро полнолуние. Если к этому моменту мы не уничтожим их, среди нас появятся новые дикие.

Я не знала, что в этом ритме особенного, почему барабаны звучат так близко, почему волки так сильно реагируют на него. Во мне эти звуки будили воспоминания и тревогу. Желание бежать, двигаться, сражаться.

По лицам стражи блуждали схожие эмоции. Вельямин отослал обратно в мою комнату, выделив в сопровождении одного из них. Молчаливая глыба, скрипящая зубами от усиливающегося ритма за окном. Он не потребовал моей истории, как и не добавил ничего более к своей. Завтра на рассвете он отправится с отрядом в лес на поиски диких. Эта история должна завершиться, но что-то подсказывает, что всё пройдёт не так гладко.

В комнате ожидала сонная Лидия. Девушка порывисто обняла, как только переступила порог. Запричитала, сожалея о случившемся. Даже при таком скудном освещении видно, как покраснели её глаза от слёз. Она нервно вздрагивает, кусая губы и поглядывая на окна. Помогая раздеться, вспоминает прошлое:

— Я тогда совсем девчонкой была. Жила с матерью в городе, отца-то давно уже нет в живых, мать тащила нас с братом сама. Пять лет прошло, а кажется вчера это было.

Девушка споро заплетает мои волосы в косы, чтобы ночью не сильно спутались, затем помогает умыться — сегодня правая рука совсем не слушается после произошедшего. Меня как паралич схватил, всё валится из рук.

— После первых же смертей запретили выходить после заката. А когда начались барабаны... — девушка поёжилась, споткнувшись на ровном месте. — Мы ж не знали, что это такое. Когда наш сосед свихнулся и пошёл на Марту, превращаясь в зверя, мы сидели дома. Всё слышали, но как тут поможешь? Мама травку кой-какую подожгла, чтобы запахи отвести, да ему всё равно было — удрал как подружку свою задрал. Следующую ночь провели в подвале. Дядя Мирт засовы крепкие поставил, так и сидели. Тогда многие волки сами себя заковывали в цепи, чтобы близких не тронуть, так ведь барабаны по-другому действуют. Не будешь же всю жизнь на цепи сидеть, верно? Многие ушли тогда, — Лидия помогает раздеться, а затем набрасывает на голое тело ночнушку и одевает на ноги тёплые вязанные носочки. — Всё закончилось резко, как и началось. А приходиться в себя стали только сейчас и вот опять... — девушка шмыгнула носом и с мольбой посмотрела на меня, — лэри Елена, можно я с вами сегодня заночую? Одной страшно! А этот шум...

Мы синхронно обернулись на закрытое окно. Бой стих и стало так жутко от навалившейся тишины, что схватились за руки. И когда

барабаны вновь застучали, стыдливо отвернулись друг от друга. Что может быть страшнее тишины во время боя?

Я жестами разрешила ей остаться. За дверьми стоит охранник. Та тварь, что напала, мимо него не пройдёт. Окно выходит на обрыв и какой бы хищной не была зверюга — лазать по стенам она точно не умеет.

— Хорошо, что вы здесь, лэри, — прошептала Лидия, гася свет и накрывая нас обоих тёплым одеялом. — Рядом с вами совсем-совсем не страшно!

Тепло сжав ручку девушки, выражая поддержку и заботу, закрыла глаза, стараясь изгнать и звуки боя, и воспоминания о ярких злых глазах напавшего волка. Всё прогнать. Особенно *те* мысли...

Этот сон не такой как все. Я знаю, что мои сны необычны. Они как предсказания цыганской гадалки, туманны и неопределённые, но несут в себе смысл. Либо воспоминания о прошлом, либо зов грядущего. Жизнь помогает в них разобраться.

Сегодняшний сон — дикий. Он полнится кровью, ритмом и явно перекликается с боем барабанов, звучавших издалека. Я ем. Я поглощаю пищу, купаясь в жарких объятиях костра. За его оранжево-солнечной стороной, кутаясь во мрак, движутся тени, издавая нечеловеческие стоны и даже крики. Их голоса сливаются в унисон единой дикой песней, я вижу на пламени огненные лики, угли вместо глаз. Тьма поглощает, тьма питается мной, а я питаюсь ею. Небо переворачивается, выворачивается, обрушивается оземь и я вижу красный. Один лишь красный на белом фоне.

Оборачиваюсь, а там он. Вельямин. Его лицо обезображено трансформацией, с губ на обнажённую грудь стекает кровь, а глаза безумны невыносимой жаждой. Стоит, сгорбившись, без одежды, а вокруг снег. Метель завывает, скрашивая остроту красного цвета. Он улыбается мне. Словно у нас есть одна тайна на двоих.

Мужчина протягивает руку и когда тянусь к нему, падаю сквозь снег вниз.

От холода сводит скулы, зубы ноют, слезятся глаза. Как оказалась на краю башни, прижимаясь к стенке, в шаге от пропасти? Земля теряется в туманной дымке, долина прячется, только сквозняки

рождают тоскливые звуки да ветер пытается сбросить вниз.

Я задеревенела. Из последних сил втягиваю себя внутрь башенки, едва не соскользнув вниз. Пальцы-крюки, всё запорошено снегом, скользко и падать на камень больно — разбиваю коленки. Не сразу замечаю кровь. Мои руки по локоть в ней. Лицо заскорузлое — кровь въелась в кожу. Ночнушка изодрана и тоже вся измазана бурой грязью. Я как будто побывала на бойне.

Ветер завывает, свистит, выдувая остатки тепла и сознания. Холодно, одиноко и страшно. Что увижу, когда спущусь вниз? Барабаны смолки, ничего не слышно и не видно с такой высоты. Медный привкус во рту отвращал, от тошноты темнело в глазах, а в голове вились вопросы — что случилось? Как оказалась здесь? Откуда вся эта кровь?!

И я заплакала. По-детски, как ребёнок, в голос, размазывая слёзы по лицу, сжавшись в болезненный комочек. Бессвязно шепча имя:

— Арман, Арман, Арман. Пожалуйста, заberi меня отсюда. Заberi из этой сказки. Я не могу быть сильной. Я не могу справиться с этим. Я так устала. Арман, Арман, Арман. Пусть всё закончится. И снег, и холод, и боль, и страх. Арман, Арман, Арман. Я не могу!!!

Последние слова навзрыд кричу. И мне отвечают:

— Что ты не можешь, лэри?

Этот волк стоит надо мной, появившись как из ниоткуда. Он видит меня всю. И кровь, и грязь, и мои слёзы. Его взгляд так холоден и мрачен.

— Что ты натворила, лэри Елена? Почему ты здесь?

Страшная догадка пронеслась в голове. Мой сон, проклятый кровавый сон! Что я сделала?! Что я с ней сделала?!

*Уильям Блейк — Заблудившаяся девочка

Глава 6. Ты ступишь шаг — увидишь саван белый

Глава 6. Ты ступишь шаг — увидишь саван белый*

За тобой ходит демон по пятам,

Взглядом алкает нежный стан,

Острыми когтями треплет душу,

Твоим страхом упиваясь по ночам.

Обернись — он рядом. Здесь.

И желаний у него — не счесть!

Ахлик непроницаем как скала. Не угадать, о чём думает, так пристально глядя на меня. В этой продуваемой башенке мы одни, а он не торопится. Только смотрит. И молчит.

— Я не помню, — отвечаю скупно.

— Интересно. К тебе вернулся голос, — констатировал мужчина. Он сел на корточки и как-то криво улыбнулся. Будто перед ним нечто маленькое и несущественное. Даже не так. «И прибить — жалко, и оставлять так нельзя». — Что же мы будем с тобой делать?

— Мне холодно, — я и правда дрожала от холода. Но ещё сильнее от голода. Живот сводило, а медный привкус на губах уже не отталкивал, а привлекал. Непроизвольно облизнулась и от этого он дёрнулся.

Резко поднявшись, отшатнулся, будто увидел гадюку, но ответил учтиво:

— Тогда пора спускаться вниз. Как это будет по-вашему... *Променад закончился*, — он перешёл на русский с сильнейшим акцентом. — Какой дурной язык. Только Ольга говорила на нём мелодично.

— Рада за неё, — отвечаю скупно, вставая с его помощью на ноги.

Ахлик резко притянул к себе, прошипев на ухо:

— Ты никогда не заменишь её, поняла? Даже не пытайся соблазнить его. Я всё вижу по твоим глазам. Твоя история — бред. Я узнаю, кто ты такая и как оказалась в том лесу, — он больно держал за локоть, оставляя синяки.

Вырвавшись, заговорила зло:

— Больно надо застрять в этом захолустье! Убийцы, волки, тухлая еда и бесконечная зима! Не думай, что в восторге от того дерьма, что вы льёте мне в уши каждый день! Я по горло сыта этим замком и как только представится возможность — свалю отсюда как можно быстрее! — говорила медленно и по-русски, чтобы он почувствовал дискомфорт, ведь его обвинения как соль на раны — мерзко и противно.

— Мы поняли друг друга, — сухо отвечает он, закрываясь в панцире из холодной волчьей учтивости и безразличия. Только глаза всё ещё выдавали его подозрительность.

С якобы джентельменской заботливостью, взял под локоть и повёл по винтовой лестнице вниз. Может голос и вернулся ко мне необычайно быстро, но хромота и боль в запястье никуда не делись. Спускаясь,

Ахлик рассказал, что случилось. Это было так непринуждённо, что почти потеряла сознание, как только поняла его слова. Голод и холод сыграли в этом немалую роль.

Дело в том, что когда я не спустилась к завтраку, Вельямин послал проверить.

Охранник Толик, стоявший во второй половине ночи возле моей комнаты, пропал без вести. А Лидия... её тело нашли разорванным в моей постели. Выпотрошенная как рыбёшка. И заботливо прикрытая одеялом, из-за чего поначалу казалось, что она просто спит. Это было несколько часов назад, Ахлику повезло найти меня первым.

Внизу нас ожидал доктор. Он как будто знал, что меня найдут именно в этой, удалённой части замка, в башне с видом на долину. Мужчина выглядел препаршиво — бескровно с запавшими глазами, почти чёрный от душевной боли.

Что за чёртов день! Как только Ахлик и Брона вернулись, всё как будто взорвалось! Попытка убийства, барабаны, потом... смерть Лидии и моё... похищение? Исчезновение? Что случилось ночью и почему я ничего не помню?

— Почему ты жива? — вопрос прозвучал неожиданно. Михо смотрел с неприязнью, взглядом обвиняя во всех бедах. — Как ты могла выжить?

Его слова сбили с толку и я смогла только лепетать как ребёнок:

— Я не знаю, не знаю.

Не чувствуя поддержки Ахлика, отступала к стене от надвигающегося разозлённого моим видом Михо. Его глаза заблестели. Он был в ярости и сам не похож на себя.

— Раз за разом — сухая из воды! Может ты не человек? Может ты дикая и залезла к нам, путая и убивая? Ты убила Лиду?! Ты убила того паренька?! Отвечай! — почти кричал он, даже не думая останавливаться.

От ненависти он толкнул в стену и со всей силой ударил рядом с лицом, почти рыча от ярости. Кулаком выбил каменную крошку, порезавшую мою щеку. Пыль попала в глаза и они моментально заслезились. Зажмурившись, вжалась в стенку, ожидая нового удара, но позади раздался громкий окрик:

— Довольно!

Вельямин подоспел вовремя. Его появление моментально придало

сил, будто один только вид этого мужчины влил в меня сто грамм адреналина.

— Нет! — крикнула отошедшему в сторону Михо. — Слышишь меня?! Я не убивала их! Я не убийца и уж точно не дикая! И прежде чем кидаться подобными обвинениями, подумай трижды откуда у меня все эти шрамы на теле! На лице, на шее, на талии, бёдрах, запястьях! Откуда им взяться? Единственное, что отличает от остальных людей — я умею выживать! — последние слова прокричала во всё горло и моментально закашлялась от несильной боли. Связки не успели до конца восстановиться, поэтому зашлась в горьком приступе, согнувшись пополам.

— Узнаю слова Армана, — мелодичный голос Броны немного разрядил обстановку. И вновь зарядил, когда она добавила: — Михо, не сожалею. Речь идёт о человечке. Ещё нарожают. А для траха найдёшь себе ещё кого-нибудь. Их тут полный замок!

Михо с места бросился на Брону, но был перехвачен Ахликом, которого тотчас же ударил кулаком по лицу, отбросив в сторону. А затем, осатаневший от слов волчицы, вновь бросился на неё. Женщина отскочила назад и тихо зарычала, оскалившись. Частичная трансформация Михо выдала ещё более грозный рык.

— Хватит! — голос кан-альфы зазвучал в стенах как приговор, вибрирующе, как басы у мощной звуковой системы. Все волки моментально сжались, падая на колени и склоняя головы. От его мощности даже у меня затряслись поджилки, но я упрямо осталась на ногах.

Лёгкое недоумение проскользнуло по его лицу, но он взял себя в руки.

— Брона, твоя дерзость дорого обходится. Собирай вещи, ты поедешь на охоту с нами.

— Вель, я... — испуганно воскликнула женщина, поднимая голову, но стушевалась под его суровым взглядом и согласно кивнула.

Не оглядываясь, она покинула коридор.

— Ахлик. Ты остаёшься за главного вместо жены. Не спорь! — предупредил его мужчина, кивком головы отпуская. — А ты, Михо... должен уметь сдерживать свои эмоции! Пока не вернусь — чтоб ноги твоей не было в замке, понял?! Отправляйся к солдатам в казармы. И извинись перед Еленой. Она наша гостья и не нуждается в оправданиях!

Мужчина ощутимо скрипнул зубами, но подчинился приказу альфы.

— Лэри Елена, мои слова были необдуманными и резкими. Я приношу свои глубочайшие извинения.

— Извинения приняты, — говорю сухо, понимая, что это лишь формальность.

Мы с Вельямином вновь остались одни.

— Как гиены набросили на тебя, — его слова прозвучали утешительно.

Несмело улыбнувшись, убрала спутанные волосы с лица, обнажая шрам. Удивительно, но именно в этом мире внезапно почувствовала себя красивой. Сильной. Переживая кровь и боль, во мне появилась смелость. Хотя слабость всё ещё иногда забирается под кожу, но сила легко выбрасывает её оттуда.

Меня поражает то, как они смотрят на меня. И люди, и волки, все они видят во мне воина. Особенного человека. Выжить после встречи с омегой, это делает тебе честь. Именно это они видят, когда смотрят на мой шрам. Удивительное чувство.

— В их словах есть доля истины, — говорю неловко. — С моим приходом начался парад смертей. Я даже не помню, что было прошлой ночью.

Волк подошёл очень близко и прошептал на ухо едва слышно:

— Как и я.

С Хельгой мы наблюдали за тем, как страстно лобзаются Брона и Ахлик. Во дворе собрался отряд из тридцати волков под предводительством Вельямина. Кроме него на охоту отправился и Дельмир, оставляя охрану замка на своего заместителя — Билирона. С другими волками не была знакома, хотя многих видела, как в замке, так и за его пределами.

Михо, насупившись, стоял поодаль, демонстративно не глядя в нашу сторону. Я узнала от Хельги, что ему была интересна Лидия, но из-за своего положения мужчина не стал с ней связываться. Не хотел, чтобы его дети родились людьми. А сейчас уже поздно.

Меня до чёртиков напугали слова Вельямина. События становились всё более и более запутанными. Кто убил мальчика? Кто напал на меня в коридоре? Что случилось в моей комнате? Почему и я, и

Вельямин ничего не помним об этом? Это звенья одной цепи или разных? Вопросы, вопросы и нет ответов. Только чувство неизбежности заполняет. Не отвертеться, не уйти.

Лэрд остановился перед нами, как будто услышал мои вопросы. Но обратился к дочери.

— Мы вернёмся на закате, — отрывисто сказал он, поправляя пояс с ножнами.

Хоть в этом мире и предпочитали все проблемы решать когтями, но мечи, арбалеты и ножи не обошли их стороной. Звериная часть несдержанная, иногда требуется полный контроль над своими поступками.

Вельямин перевёл взгляд на меня и мягко улыбнулся.

— Лэри, мне искренне жаль, что пребывание в моём замке принесло столько боли. Когда вернусь, мы обсудим, что можно сделать, чтобы этого не повторилось. А пока, взамен погибшей служанки, за тобой присмотрит Иза.

— Благодарю, лэрд, — учтиво склонила голову по местному обычаю обнажив шею.

— Елена, — голос Хельги прозвучал встревоженно. — Твой шрам...

Я сразу поняла, о чём она. Коснувшись шеи, почувствовала, как разгладилось место укуса.

— Так бывает, если укушенная теряет много крови. Как во время беременности, — извиняюще заговорил Вельямин, но в его глазах мелькнуло нечто странное. — Чем чаще вы попадаете... в неприятности, тем быстрее шрам исчезнет. Если рядом с вами не появится ваш бета.

Ещё одна рана и я перестану быть *связанной*. Стану обычным человеком. И что будет тогда?..

Проводив отряд, мы с Хельгой остались вдвоём. Девушка была необычайно напряжена. Неудивительно, учитывая как долго она не покидала стен замка. Принцесса в заточении под пристальным надзором отца. Как в сказке.

*«Состоянье у тебя истерическое,
Скушай, доченька, яйцо диетическое.
Или может обратимся к врачу?..»*

Вспомнив песенку, улыбнулась про себя. И совсем растерялась, когда она спросила:

— Что происходит между тобой и отцом? — в её голосе не было грубости. Она была вежливо нейтральна.

И даже подхватила под локоть, уводя обратно в замок. Михо, как и Ахлика, и след простыл сразу, как только закрылись ворота за отрядом Вельямина. Площадь медленно опустела — жители возвращались в свои дома. И судя по тому, что я видела, — они занялись укреплением окон и дверей. Готовились к надвигающемуся полнолунью. Что не могло не пугать.

— Я не знаю, — отвечаю предельно честно.

Мне нравилась Хельга. Даже немного узнав её историю, поняла, как много нас связывает. Плохие волки — это плохие волки.

— Но ты не отрицаешь, что что-то происходит, — проницательно заявила она, останавливаясь. — Тебе нравится мой отец?

Вопрос должен был поставить в тупик, но нет.

— Я уважаю его как кан-альфу. Уважаю как мужчину и лэрда этих земель. Испытываю ли к нему нечто большее? Не знаю. Я люблю другого волка.

— Но это не Лико, — она вцепилась в меня как бульдог, легко читая между строк. — Ты тяготишься своей меткой. По глазам видно — облегчение, как поняла, что шрам сходит. Арман — он *хозяин твоих снов*.

В этом мире так называли особенного мужчину. *Хозяин твоих снов* — высшая степень влюблённости — почти болезнь.

— Когда вернусь домой, мы образуем триаду и всё придёт в норму. Может я и не влюблена в Лико, но метка на шее говорит о том, что мы подходим друг другу, а значит всё хорошо, — заговорила горячо, не признавая правоту слов девушки. Она поняла всё верно, но говорить об этом вслух?.. Нет, не могу.

— Видимо ты совсем не знаешь Армана, — она покачала головой, а затем посмотрела на небо.

Серое, тоскливое, успевшее затянуться тучами. На землю падали первые снежинки, скоро начнётся снегопад. А пока только ветер остужал наши лица.

— Я хочу тебе кое-что показать, — сказала она, не дождавшись моих вопросов. — Ты уже давно у нас в гостях, но не видела нашей

главной достопримечательности. Елена, ты в состоянии сейчас совершить небольшую прогулку под замок?

— Думаю да. Несмотря на все... приключения, я чувствую себя лучше всех, — отвечаю, размявшись.

И правда — каждая клеточка тела говорила, что я на высоте. Служанка Иза обработала новые раны, помогла принять ванну, накормила сытным обедо-завтраком и подобрала тёплую удобную одежду. Даже заплела волосы в косы. Мне было легко двигаться и, если не считать хромоты и сжатости правого запястья, всё было прекрасно.

— Отлично! — воскликнула она и дружелюбно улыбнулась. — Тогда задам первый вопрос, пока идём. Что ты знаешь о драконах?

Все драконы рыжие. С веснушками и белой кожей. Зеленоглазые, стройные и высокого роста. Необычайно-гибкие, кудрявые, красивые. Они выделялись своей человеческой формой. Все отчаянно-рыжие люди — потомки драконов. Они несут в себе их лёгкость бытия и... любовь. Маленькое рыжие счастье внутри каждого рыжеволосого мальчика или девочки.

Именно такими были драконы — живые и улыбчивые. Их мудрость соперничала с их любвеобильностью. Про них можно сказать «полны жизнью». Драконы — сама жизнь. Исключительные создания, после которых остались удивительные вещи. Драконы были первыми оборотнями. Они были первыми во всём. Их история уходила так глубоко в прошлое, что невозможно понять, кем же они были на самом деле. Их знания и умения превосходят всё, что когда-либо создавали иные создания. В конце концов, именно они открыли первые порталы и соединили первое ожерелье. Единственные создания, способные путешествовать между мирами напрямую. Только волки немного приблизились к пониманию того, как это делают драконы. Но и то, их тропы опасны. Они предназначены только для диких волков.

Однако история совершенно не против, когда ею манипулируют. Она та ещё штучка, поэтому сказать, каким именно было былое — невозможно. Слишком много поколений минуло, а закрытие порталов и отгороженность иных существ от волков и людей, окончательно стёрло историю в порошок. Только легенды и остались. Одну из них Хельга решила рассказать по пути в подземелье замка.

«Давным-давно, в маленьком царстве жил мальчик-принц. Он был

очень умным и любознательным парнишкой, который больше всего на свете любил знания. Однажды охотясь в своих владениях, он повстречал прекрасную деву, купавшуюся в реке. Она сразила его своей красотой и он влюбился. Деву звали Мэ'а'ли и она была драконом королевских кровей. Мальчик боялся признаться в своих чувствах, но отчаянно хотел быть с нею рядом. Единственное, что он мог предложить — свой ум и любовь к знаниям, ведь драконы уважают подобные стремления.

Так прошли годы. Мальчик вырос в сильного мужчину и вскоре занял трон, сменив отца. Но не было счастья в его глазах, ведь он любил деву-дракона, а она не отвечала его чувствам, позволяя быть только другом. Девушка часто путешествовала между мирами, а в знак своей дружбы и чтобы волк мог посещать её дом, открыла портал неподалёку от его замка. Мэ'а'ли была рада за своего товарища — он правил достойно и мудро, постепенно увеличивая границы своих территорий используя исключительно дипломатию и умение убеждать.

А годы всё шли. Что такое десятилетие для волка? Это как столетие для дракона. Мужчина старел, но не было рядом с ним женщины, чтобы продолжить род. Не желал он никого, кроме своей любимой Мэ'а'ли. Но всякий раз, когда пытался признаться ей, она искусно уводила разговор в сторону или предлагала новые загадки, которые отыскивала по всему свету. Это была их игра. Она загадывает, он отгадывает. А приз — путешествие в иные миры вместе с Мэ'а'ли. Такой чести больше никто не был удостоен.

И именно эта традиция всё уничтожила.

Однажды король, раздумывая над очередной историей, решил навестить Мэ'а'ли ради подсказки. Они давно не виделись и волк заскучал. Смело шагнув сквозь лесной портал, он попал в мир драконов прямо в королевский хрустальный замок. Следуя за неповторимым запахом девы, король вошёл в её покои и остолбенел. Его возлюбленная лежала в объятиях другого.

В волке вскипела слепая ярость. Моментально трансформировавшись, он набросился на пару и растерзал молодого дракона, который даже не успел понять, что случилось. Но волк на этом не остановился. Он впился когтями и клыками в плоть Мэ'а'ли и изнасиловал её.

Мрачная сказка на этом не закончилась.

Опустошённый своей яростью и ужасным поступком, волк

вернулся домой. Понимая, что натворил и как это может отразиться на его семье и подданных, мужчина бросился с утёса вниз.

Страна лишилась короля и наступила смута. Другие короли вцепились в лакомые земли, кровь потекла по землям как вода. Чёрные дни сменялись неделями, месяцами, а затем и годами. Волки становились ожесточённые в боях, закрылись в своём мире, перестали общаться с другими видами. Слишком многое было завязано на погибшем короле.

Всё закончилось неожиданно. В заброшенный замок исчезнувшего королевства вошёл юноша с чёрными как смоль волосами и зелёными как изумруды глазами. Мальчика звали Демьян. И он был сыном мёртвого короля.

Под началом Демьяна встали волки. Его сила и безжалостность, ум и холодность покоряла непокорных волков. Перед ним склонялись даже короли. Ведь он мог создавать порталы, как и драконы.

Хельга завела меня в самую тёмную часть замка. Она захватила масляную лампу, чтобы было лучше видно и повела по крутым ступенькам под землю, внутрь горы, в которую был врезан замок. За рассказом время текло незаметно, но, когда она замолчала, моментально стало неудобно.

— Кажется, Арман рассказывал об этом. Только говорил о короле, который сошёл с ума. Именно из-за него волки начали резать друг друга и началось вымирание видов, — сказала я, разгоняя звенящую почти ночную тишину.

— Прости, задумалась и не дорассказала конец. Демьян и правда был не в себе. По легенде, его матерью была Мэ'а'ли, а вот отцом... может ли быть так, что его отцом был и дракон, и волк? Чёрная триада? Это невозможно, но откуда в нём способность создавать тропы? Откуда невероятная сила и мощь? Его отец был умным волком, но он не обладал и сотой доли того таланта, который достался юноше. А безумие... может ли это быть следствием той ярости и боли, что терзали отца? Легенда не имеет чётких ответов, она лишь даёт возможность задуматься о прошлом.

Почему Мэ'а'ли оставила ребёнка? Кто его растил? Почему он пришёл в мир отца? И что случилось потом? Почему его жестокость перешла все границы? Что послужило спусковым крючком? Ведь

начинал он вполне твёрдо и логично, восстанавливая порядок на континенте. Что пошло не так?

Король-омега. Демьян изначально был омегой и никогда не был альфой. Подчиняясь ему, волки превращались в диких. Что-то менялось в них и они становились его продолжением. Он дал им новую цель жизни — убивать. И, в первую очередь, убивать драконов. Что было дальше, ты уже знаешь.

— Да, знаю. Но всё равно не понимаю. Откуда вообще пошла эта легенда? Почему ваш король позволяет её пересказывать?

Мы дошли до самого низа и оказались перед массивными железными воротами, украшенными сотнями завитушек в виде колючих роз. Здесь было довольно жарко и слышалось журчание воды.

— Ты знала, что Демьяновы — самый неплодовитый королевский род? — неожиданно переключилась она, останавливаясь перед воротами почти вплотную. Хельга развернулась и окинула меня странным взглядом. — Королям не нужна триада для продолжения рода, но всё равно, у Демьяновых очень редко появляются наследники. Им приходится *стараться* и они часто заключают союзы с другими королевствами в надежде заполучить наследника. Об этом не говорят, но и... психологически наши короли никогда не были... *спокойными*, — она говорила очень ровно, глубоко дыша. В свете от лампы, видно, как она вспотела. Волки не любят жару. — Говорят, что всё это осталось от их далёкого предка.

— Всё равно как-то странно...

— Сейчас поймёшь, — Хельга развернулась, вытащив массивный ключ из-за пояса,插вила его в замочную скважину и провернула.

Ключ вошёл как по маслу. Освещение от лампы скудное, но мне хватило ума понять — за этим местом ухаживают. Вытирают пыль с каменного пола, протирают петли и смазывают замок.

Хельга вручила лампу, а сама с силой нажала на ворота и они раскрылись перед нами. За ними оказалась большая комната, чем-то напоминающая грот. Ярко-освещённая с высоким сводчатым потолком — войдя внутрь и проморгавшись от яркого света, увидела в самой дальней части огромную дыру с видом на долину. Пол под ногами выложен мраморной плиткой, на потолке остатки странных шарообразных выступов. А стены украшены сюжетным рельефом — виды охоты, танцы и секс. Комната выглядит бальной — с колоннами

по бокам и широким центром, где плитка выложена круглыми узорами. Я сразу поняла, что это. Точно такой же символ намалевали кровью мальчишки. «Познай плоть и стань свободным», — вспомнились слова Вельямина.

А на их пересечении лежал огромный камень прямоугольной формы, напоминающий... гроб? Вокруг него поднималась густая дымка, пряча очертания предмета.

— Что это за место? — голос прозвучал гулко, отразившись от стен и улетев в провал к долине. Здесь холодно и сквозит, ветер гулко задувал из щелей.

— Оглянись вокруг! Неужели не догадалась? — Хельга говорила с мрачной торжественностью. Она пошла прямо в центр и мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ней.

— Замок. Тот самый замок?! — догадка вызвала ступор и даже шок. Это же как строили, что замок сохранился спустя столько лет?!

— Всё, что от него осталось, — Хельга остановилась в центре и осторожно коснулась камня.

Встав рядом, увидела, что в нём высечена женская фигура. За такой срок детали стёрлись, черты сгладились, но форма всё ещё угадывалась. Девушка сложила руки на выпирающем животе, будто обнимая его. По краям ветвился текст, но видны лишь отдельные точки/буквы. Понять, что здесь написано — невозможно.

— Когда мама увидела это, то предложила воспользоваться достижениями своего мира, чтобы посмотреть, что скрывает камень. Отец запретил. Это тайна. Об этом месте знают немногие. Ведь это единственное подтверждение легенды. Посмотри сюда, — Хельга взяла за руку и мы обошли камень.

С другой стороны на нём чётко вырисовывались символы имени. Видимо годами эту надпись обновляли, чтобы не забыли её. Чтобы знали, кто покоится под этим камнем.

Дева-дракон. **Мэ'а'ли.**

*Шелли Перси Биши — Похоронный гимн

Глава 7. Но за тебя шёл бой когтей и лилий

Глава 7. Но за тебя шёл бой когтей и лилий

Ты меня — околдовала. В сердце влезла,

Душу растоптала. Я к тебе тянусь,

Как к солнцу. Взглядом провожая каждый шаг.

Мне теперь, увы, так просто,

Выстрадав, падать в потаённый мрак...

Обратно поднимались медленно, каждая погружённая в свои мысли. Хельга всё время переключала лампу из руки в руку, рвано ступая по ступенькам — она постоянно теряла мой темп, а я уже слишком устала, чтобы принаравливаясь к её шагу. Наконец, не выдержав, объявила привал, устало прислонившись к каменной кладке. Размяв разнывшуюся ногу, запрокинула голову, уставившись в уходящую вдаль черноту. Свет от огня едва-едва разгонял сумрак, а тишина странно гудела, теряясь в глубине. Девушка присела на ступеньку с лязгом поставив лампу рядом и раздвинув ноги для удобства.

— Что будет с Лидой? — мой вопрос разогнал тягостное молчание, отдалив подозрительные шорохи и наше общее напряжение.

— Лидия? Так звали погибшую служанку? — от оранжевого огня черты её лица заострились, выделив синяки под глазами и суровую линию губ. — Как только Михо покончит с ней, её сожгут на рассвете. Мы не хороним мертвецов — земля рядом с замком плохая.

— Это жестоко, — Хельга не поняла моих слов, поэтому добавила, — Михо нравилась Лидия. Плохо, что ему придётся осматривать тело.

— Он единственный, кто может это сделать. Справится, — сказала как отрезала и тишина вновь навалилась на плечи.

Перед глазами стоял нежный облик девушки. Рыжие спутанные волосы, лёгкие морщинки возле губ — следы улыбок. Она была светленькой и добренькой. Пугливой, как и все местные человеческие девушки. Слабая. Она не умела выживать. Но она была бы жива, если бы не я. Мне не стоит забывать обо всём, что случилось, как только попала сюда. Кем бы ни был этот дикий, он явно имеет на меня зуб. Только не могу понять — почему до сих пор жива. Уверенна, если бы хотел убить — сделал бы это ещё в коридоре. Одно движение когтями — и я бы закончилась. Но он этого не сделал. Почему?

— Ты странная, — внезапно заявила Хельга. — В тебе как будто два человека сидит. Один добрый, другой сильный. Иногда ты говоришь очень жёсткие и прагматичные вещи, а в другой момент пускаешь сопли и трогательно хлопаешь глазками. Забавно, — резюмировала она.

— Меня дважды ранил дикий волк. Последствия, — пожал

плечами, флегматично отвечаю ей, вновь растирая бедро. Скоро можно вновь двинуться вперёд.

— Нет. Я встреча выживших — последствия проявляются иначе, — отрицательно качнула головой она.

Встав на ноги, девушка прислонилась к стене рядом со мной, уставившись перед собой. Руки засунула в карманы штанов, передёрнув плечами будто от порыва холодного ветра. Лицо потемнело и посветлело. Словно вспомнила одномоментно и хорошее, и плохое.

— Мама тоже такой была. Наверное, это особенность всех людей твоего мира, — заговорила Хельга в пустоту. — Она была невероятной. Я так хотела быть похожей на неё. Мои отцы любили её больше жизни и я мечтала встретить такую же любовь, как и у них. А Райво казался идеальным. Сильный. Уверенный. Жёсткий, но так как **мне** нравится. Настоящий лидер. Моя первая любовь. Я была той ещё соплячкой, — она негромко шмыгнула носом, а затем обхватила себя за плечи. — Он был моим первым. Я тогда не думала о будущем. Вызов отцу казался таким сильным, а мама поддерживала меня. Она любила романтизировать бунтарство.

Я молчала, не пытаясь ничего сказать, когда Хельга делала паузы. Ей нужно было выговориться. И отец на это не подходил. Как и Брона, ледяная королева, которая никогда не снизойдёт до таких разговоров.

— Мы охотились с ним, когда почувствовала человеческую кровь, — резко заговорила она, скрипнув зубами от нахлынувшей злости. — Вот так неожиданность — люди забрели глубоко в вечный лес! Райво хотел, чтобы я убила. Встала на грань. Дальше толкнуть — и я бы пала. Он не хотел делить меня с отцом и моим королём. Он хотел, чтобы я была «свободной», — презрительно выделив слово, скривилась она. — А на самом деле хотел, чтобы я принадлежала только ему.

Она вновь замолчала, медленно опуская руки.

— Не получилось, — тихо выговорила она. — И тогда запер в клетке, решив взять измором. Голод — очень хороший способ заставить сорваться. Особенно, когда перед тобой истекающий кровью человек. Но и тогда я выдержала, — гордость мелькнула в её словах. — После он решил надавить через ненависть. И привёл папу Грона. Я тогда, наивная, решила, что папа вытащит меня. Он же мой отец! — с тихим криком воскликнула она.

Не выдержав, встала и схватила за руку, сжав в кулаке, чтобы

поддержать её.

— Но Грон уже не был папой. Он стал диким. Он сказал, что убьёт триаду на моих глазах и скормит мне сердце матери, чтобы я пробудилась и стала свободной, — Хельга сжала мою руку до боли, а затем резко отпустила. — Кан-альфа рассказал тебе, чем всё закончилось. Я притворилась, что хочу Райво. Он так потерял голову, что не распознал подвоха, — волчица резко без паузы крикнула: — Это я виновата в том, что сейчас происходит! Тогда мне не хватило сил убить его! И теперь он завершает начатое. Но меня он не получит! Я не Мэ'а'ли. Я ему не дамся!

Она говорила, а перед глазами стояло лицо Кая. Все те моменты, когда позволяла ему делать со мной всё, что вздумается. Даже тогда, без наркотика, всё равно не сопротивлялась. Ведь в этом суть выживания. Хельга отгрызёт себе лапу, но не сядет на привязь этого мужчины. А я свернусь клубком у ног Кая, чтобы выжить. Всё ради выживания. Арман хорошо вправил мне мозги.

И я решилась рассказать об этом Хельге. Она должна понять, что открытое сопротивление хуже всего. Мы женщины, нам лучше действовать тихо, осторожно, но смертоносно. Да, я поддамся Каю, когда встречу его. Только ради единственного момента слабости. **Чтобы эта гадина наверняка сдохла.**

После разговора с Хельгой осталось странное послевкусие. И я решила записать всё, что случилось начиная с момента, когда пошла в тот проклятый клуб и встретила Артёма.

Это был судьбоносный момент или же нет? Так часто думаю об этом, что уже не помню, действительно ли хотела там оказаться. Действительно всё произошло так глупо? Артём заметил меня из сотни девушек в тёмном зале. Выделил и решил, что подхожу для неона. Что за фарс? А почему у меня полетели все предохранители именно в ту ночь? Ведь луна и прежде воздействовала в Москве, но никогда не доходила до такой крайности.

Задавая такие вопросы, раскручивая узел до прямой линии, рискую стать параноиком. Вот только известная цитата не даёт покоя: «Если у вас паранойя, это не значит, что за вами не следят».

Они не вернулись на закате. И ночь прошла впустую. Не было

барабанной песни, только падающий снег и тишина. Вглядываясь в контрастный чёрно-белый лес, виднеющийся вдалеке, не видели ни единого огонька или дыма. Даже птицы попрятались.

Хельга на просторном балконе замка ждала до последнего, коченая на глазах, в безмолвии и при полном хладнокровии, пока её оттуда за руку не вывел Ахлик. Он что-то прошептал девушке на ухо и она ушла. В зале мы остались вдвоём. Михо не вернулся с нижнего яруса и не вернётся, пока Вельямин не даст своего разрешения.

Ночь заканчивалась, но до рассвета ещё далеко. Поэтому мы сидим в креслах, наслаждаясь горячим подобием глинтвейна, в чьи задачи входило не дать нам заснуть. Рядом потрескивал камин, оранжево-красным цветом окрасив кожаную мебель и деревянные покрытия стен. От дверей, ведущих на балкон, сквозило. Укутавшись плотнее в шерстяную шаль, подобрала ноги под себя, удобнее устраиваясь в кресле.

Ахлик перебирал в руках чётки. Их ему подарила Ольга. И боже мой, всё в этом замке несёт её след! Она была настоящей хозяйкой. Все здешние обитатели могли часами говорить об этой женщине вспоминая одно только хорошее. Она была душой Корнголик-ан. Таких хозяек называют здесь Ан'Алик. Я не могу дословно перевести это слово, оно очень старое, но определения говорят об исключительности носителя такого имени. Почти мистическая составляющая. Ещё Лидия сказала мне, что Ольгу здесь будут помнить не одно столетие. Её история навсегда войдёт в легенды и сказки этого места.

Думая о ней, понимаю — мне никогда не сравниться с таким человеком. Ведь она завоёвывала сердца людей не силой, а добротой и открытостью. Она была честной и верной своим идеалам каждый день. Целостная личность, которая знала, чего хочет. В отличии от меня. Мой путь всё ещё теряет в дымке будущего.

— Ты пойдёшь на похороны? — ритм щелков нарушился, вырывая из полусонного состояния.

Прошлая ночь пугала и утомляла одновременно, не спать в эту было тяжело и легко одновременно. Что увижу, если засну? И как не уснуть, когда от частого зёва сводит челюсть...

— Да, — отвечаю скупой, мельком глянув на заскукавшего волка. — Я... не знаю, что произошло прошлой ночью. Присутствовать на церемонии — меньшее, что могу для неё сделать.

— Испытываешь вину, — полувопросительно-полуутвердительно заявил он. — Она человек. В нашем мире люди часто гибнут. От болезней, при родах, в результате несчастных случаев. Реже от наших рук. Ты привыкнешь к их смертности и перестанешь за них переживать.

— Ахлик, вы говорите так, будто я не человек, — почти возмущённо отвечаю, полностью сосредоточившись на проснувшемся мужчине. Красные от недосыпа глаза чесались и болели, я постоянно моргала, но упрямо не давала себе уснуть.

— Если вы переживёте эту зиму, то останетесь в моём мире навсегда, — Ахлик развалился в кресле, отвернувшись от меня и уставившись в потолок.

Его голова покоилась на ручке кресла, ноги для удобства лежали на столе. Поза истинно расслабленного человека. Или волка.

— С чего вы это взяли? — удивился его словам, отставляя бокал. Я не знала куда деть руки, поэтому принялась барабанить пальцами по столу, выбивая ритм.

— Если это тот Лико, о котором думаю, то его отец не даст тебе возможности уйти. Он всегда хотел, чтобы его сын был связан с кем-то сильным. С кем-то вроде Армана. Ты связующее звено. Значит ты останешься здесь, чтобы он мог зафиксировать ваш союз и использовать его в своих целях.

— Я так далеко не загадываю, — а пальцы всё быстрее и быстрее выбивают ритм. — Шрам от укуса почти сошёл. Ещё парочка столкновений с диким и превращусь в обычного человека.

— Ты в это веришь? — он лукаво глянул на меня, а затем поджал губы, увидев, что делаю. — Прекрати. Это напоминает чёртовы барабаны! — Ахлик использовал грязное ругательство своего языка, показав всю степень своей нервозности. Всего одна ночь дьявольского ритма и вот к чему это привело! Все словно сходят с ума.

Я остановилась, но звук не ушёл, а даже стал сильнее. Ритм за пределами стен. Далёкий и от этого более жуткий. Хотя что может быть страшнее тишины? Наверное то, что музыканты отбивают ритм в лесах, где бродит отряд Вельямина. Это риск или предупреждение?..

Рассвет встретил пасмурной погодой и блаженным отсутствием дурной музыки. Мы собрались в зале, примыкающем к обрыву, некое подобие крематория, украшенного старинной резьбой и письменами.

Хельга, решившая сопроводить на эту церемонию, шёпотом расшифровала надписи, которые рассказывали о разных вариантах послесмертия. Волки не утруждали себя особой изобретательностью, они верили в настоящую охоту, которой нет конца. Они верили, что смерть дарует освобождение от разума. Что за гранью их ждёт вечный покой в охоте, что не заканчивается чьей-то гибелью. Просто погоня, что приносит удовольствие. Ведь именно это чувствуют волки, когда загоняют добычу. Момент истинного счастья.

Люди же не настолько однородны. Верования иных миров сплелись в странные традиции и обряды, один из которых разворачивался передо мной. Интересно, мы так привержены ритуалам из-за нашей лёгкой смертности? Быстротечности жизни? Особенности психологии?..

В зале собралось человек двадцать. Только близкие люди. Возле одной из стен вытянутая печка, в которую поместили покойницу. Система сожжения напоминала наши крематории, только здесь всё было проще. Впуская в ящик огонь, он расходился по периметру, благодаря масляным смесям и сухим дровам. Когда пламя гаснет, останки как из совка покидают печку через открытый выход прямо в обрыв, развеявшись по ветру. Покойницу наряжают в ярко-красное платье, волосы заплетают в косы. Лидия ушла в иной мир невинной, поэтому её тело натирают мукой, добавляя символизм — красное на белом. Невинность и зло.

Мы с Хельгой расположились у стены, в отдалении от людей. Форма одежды — скромная, но здесь не принято наряжаться во всё чёрное или белое. Люди в замке верили в покой после смерти для тех, кто был честным с самим собой при жизни. Не сразу, но я поняла истинную мудрость этих слов. И осознала, как сама далека от этого.

Прячась за густыми волосами, сжимала добела пальцы, неотрывно глядя перед собой. Я не помню, что случилось той ночью, но я вся была в крови. Кровь была даже во рту и я не знаю чья она. Не знаю, кто виновен в случившемся. И почему ничего не помню...

А люди смотрят. Поглядывают исподлобья, мать Лидии, выцветшая дочерна женщина, неотрывно глядит на меня. В её глазах — ни слезинки. Она высохла и стала похожа на дерево. Её придерживал брат Лидии, мужчина около тридцати лет. И он смотрел только на открытую печку, где в красном лежала сестра.

Нетрудно догадаться — присутствующие винят меня в

случившемся. Шёпот доносится и до «барских покоев». Что-то передала молчаливая Иза, что-то слышала сама в запутанных поворотах замка. Они относятся ко мне как к чужачке, принёсшей беду в господский дом. Словно я демон, искривлённая версия Ольги.

От мыслей зачесалась шея — место укуса тревожило всё больше и больше. По словам Веля, у меня ещё есть время, но прошли сутки, а от шрама остались только серебристые нити. Ещё немного и я перестану быть... кем?..

Пожилой мужчина, староста в расшитом золотыми узорами кафтане чёрного цвета с длинной бородой и едва-открытыми глазами, вышел на середину зала. Дождавшись тишины, заговорил негромко на языке, предшествующем демьянеру. Хельга по пути в отрицу (так называют место прощания с умершим), рассказала об обычаях людей. О прощальных словах старосты, чтобы я больше понимала происходящее.

Староста говорил:

— Да простят нас отцы и матери, предки и дети. Уходят от нас не чистыми, но живыми, светлыми, а не тёмными. Жизнь овцы коротка, но за ней следует иная жизнь. И горечь оставшихся да смоется пеплом — мы будем помнить девушку, одетую в белое, носящую имя Лидия, пока не останется последний, кто видел её живой.

Хельга объяснила, что скрывается за этой речью. Прощения просят у живых за то, что человек ушёл не своей смертью, а насильственной. Не чистый, но живой — значит смерть была кровавой, но быстрой. Светлый, а не тёмный — человек был хорошим при жизни, добрым. Жизнь овцы — аналогия овцы и волки, в далёком прошлом, волки охотились на людей как на животных. Это осталось в людской памяти. Иная жизнь — продолжение жизни после смерти. Какая она — неизвестно, но люди верят в покой для честных, кто никогда не нарушал законов совести. Смоется пеплом — всё, что останется в печке после кремации, староста нанесёт на веки живых, чтобы они вспомнили, какой была Лидия при жизни. Одета в белое — Лидия была девственницей и не познала человеческой близости. Это как у нас таких девушек хоронили в подвенечном платье.

Довольно красивая и справедливая церемония. Как только староста закончил, его помощники закрыли печку и запалили огонь. Один из них открыл несколько вентиляционных отверстий в стенах, создав сильный сквозняк, выдувавший не только дым, но и запах. Холод с улицы

мурашками прошёлся по спине, но я упрямо осталась стоять на месте, хотя многие уже ушли.

Странное чувство. Я знала Лиду всего месяц, но кажется не знала вовсе. Я была для неё не подругой, а лэри, гостьей её лэрда. В её задачи входило обслуживать меня, обучать языку и не давать заскучать. Но в последнюю ночь, увидела, что мы могли стать подругами. Её доверие тронуло меня и вот к чему это привело.

Кроме нас с Хельгой, в комнате остался молчаливый, почти спящий староста и мать с сыном в окружении трёх мужчин-родственников. Их небритые лица вызывали какое-то неприятие внутри. А суровый взгляд опаску. Однако они быстро стушевались, когда Хельга внимательно посмотрела в их сторону.

В какой-то момент, она взяла за руку и без сопротивления вывела из комнаты обратно в тепло. Окоченевшая, с трудом переставляла ноги. В голове пусто. А во рту сухо. Негромко она объяснила, что процедура займёт не один час, ожидать конца могут только близкие родственники и староста с помощником. Остальные вернутся на закате, чтобы в последний раз проститься с погибшей. И никогда больше не плакать по ней. Слезы плачут по живым.

Я поняла, что присутствие Хельги очень многое значит для людей, ведь в ней они видят будущую хозяйку Корнголик-ана. Сын Вельямина живёт в столице и не собирается становится кан-альфой дальних пределов. Интересно, почему так получилось?

Пока Хельга рассказывала некоторые волчьи традиции прощания с ушедшими, мы вышли из серой зоны замка. Так называют ту часть, где располагаются подсобные помещения и комнаты людей. Зона второго сорта. Это начинает *подбешивать*, но что могла поделать? Их история не моя. Да и люди, здесь живущие, не мои люди. Как-то не срабатывало чувство сопричастности. Всё, чему научили учебники по истории — не вмешивайся. Доступно и просто.

Возле бокового коридора на пути встал разгорячённый Михо. Кажется, кто-то провёл эту ночь в обнимку с бутылкой. Меня поразило как он изменился за короткое время. Из добродушного мужчины превратился... в **это**. Так влияют барабаны?

Пошатываясь, он вынудил нас остановиться.

— Посмотрела на дело рук своих? — ясным и злым голосом выпалил он, глядя исподлобья. — Все знают, что она погибла из-за

тебя!

— Михо, — осторожно отозвалась Хельга, вставая между нами. — Иди домой, выпишь. Ты не в себе!

— А может наоборот? — прорычал он, почти с призрением глядя на неё. — Это ты не в себе, что общаешься с ней! Она чума на оба дома! — мужчина заговорил на своём языке быстрее, от усталости потеряла нить и уже не понимала, что он пытается доказать Хельге. Хотя и так ясно — во всём виновата я.

Ответ девушки не заставил себя ждать. Она толкнула его, освобождая путь, взяла меня под руку и потащила прочь.

— Лучше тебе взять свои слова обратно, Михо, или доиграешься и Вельямин выгонит тебя! — крикнула на прощание.

К несчастью, мы недооценили злость волка. Успев сделать с десяток шагов, почувствовала, как что-то с силой хватает за плечо, вырывает из рук Хельги и отбрасывает в сторону. Врезавшись в стену, пала лицом вниз, больно ударившись лбом об пол. В ушах зазвенело и сквозь звон послышалось рычание. Приподнявшись, увидела как дерутся Михо и Хельга. Он успел частично трансформироваться и его лицо теперь походило на лицо парня из фильма «Американский оборотень в Лондоне». А вот Хельга только когти отрастила и уже успела оставить чёткие следы на его физиономии.

Поднявшись на ноги, сразу отскочила в сторону — рядом со мной упал волк — Хельга вновь оттолкнула его. Её лицо покраснелось, глаза засияли почти демоническим блеском. Слегка ссутулившись, она пошла на Михо, готовясь вновь ударить, когда он с необычайной скоростью и изворотливостью, прыгнул с места, и, оттолкнувшись от противоположной стены, сзади набросился на неё, повалив на землю. Он руками обхватил её шею и принялся душить. Хельга отчаянно царапала пальцами его руки, но им овладела слепая ярость. В глазах — пустота, чистое безумие. Он просто убивал её.

— Оставь её! — закричала во всё горло и бросилась на него, позабыв о боли. Схватив за плечи попыталась оттянуть, но он отмахнулся как от букашки и я упала на пятую точку.

— Михо! — вновь попыталась воззвать к нему, но он ничего не слышал.

Тогда решилась на последний манёвр. Достав из волос рыбную булавку, с силой нажала на запястье, пуская кровь. Только она

способна привлечь разъярённого волка. Я это не раз проходила. Так и получилось. Хельга уже была без сознания, когда он отстал от неё, вперившись в меня кровавым взглядом. Жажда с большой буквы. Во славу её он с лёгкостью повалил меня на спину, готовясь впитаться зубами в обнажённую плоть. Острый мускусный запах шерсти дурманил, замедляя действие и вскипая кровь. И я сделала невозможное.

Когда он наклонился, изогнувшись, зубами вцепилась в его ухо, вызвав жалобный вопль. Почувствовав кровь на губах, от чистой невероятно мощной вспышки внутри, оттолкнула его с такой силой, что он перелетел через Хельгу и врезался в дверь, снеся её напрочь. Прямо под ноги Вельямина.

*Гарсиа Лорка — Сонеты тёмной любви

Глава 8. Ты будешь навсегда любовной пыткой мне!

Глава 8. Ты будешь навсегда любовной пыткой мне!*

Когда взлетали птицы, падал снег

Ложась на землю хлопьями и кровью.

Как будто бес в тебя вселился,

Криком изойдя. Ты очередью

Пропахал сердца, обрушив своды тьмой.

И на мгновение стало тихо.

До этого мне не приходилось видеть кан-альфу в деле. Я не понимала истинной силы этого имени. Как и не понимала, насколько может быть сильным король-альфа.

На моих глазах произошла почти мгновенная частичная трансформация правой руки мужчины, она раздалась вширь, покрылась шерстью, отросли когти и пальцы скрючились. С небывалой лёгкостью он схватил за шею немаленького Михо и поднял над собой, глубоко впиваясь в плоть. Его рык подобен взлёту самолёта, грудной и очень-очень низкий. Этот звук отразился от стен, дублируя и повторяясь вновь и вновь. Казалось он спустился до самого подножия замка, принуждая всех пасть ниц. Даже мне досталось, я беспомощно сжалась в комочек, прикрывая руками уши.

А когда наступила звенящая тишина, он пригвоздил Михо к полу, выбивая из него дух. И всё закончилось. Только клочья одежды на полу, а рука вновь рука, не лапа зверя. Он тяжело дышит, смотрит перед

собой, шумно раздувая ноздри, едва сдерживая эмоции. Передо мной закашлялась Хельга. Приходя в себя, переворачивается на живот и сплёвывает сгустки крови. Кажется, Михо сильно повредил её грудь.

Заметив, что дочь очнулась, Вельямин перешагнул через распростёртого Лико и подошёл к ней. Склонившись, внимательно осмотрел её раны, слегка нахмурившись.

— Как ты могла позволить ему так себя задеть? — пожурил он, помогая подняться.

— Он стал диким, не так ли? — прохрипела она, прижимая руку к ране. — Ничего, я быстро восстановлюсь.

— Как и он, — Вельямин оглянулся на поверженного мужчину. В том коридоре появилось несколько растерянных стражников. — Ахлик будет наказан за свой просчёт, — и уже обращаясь к солдатам, — в камеру его да в кандалы! Чтобы ни единого шанса сорваться!

— Это он напал на меня в коридоре? — поднимаясь и подходя к ним, спрашиваю осторожно.

— Узнаем, когда очнётся, — кивнул Вельямин. — Может и он.

Взглядом пройдясь по мне и убедившись, что цела, Вельямин взял под руку дочь, чтобы отвести в лазарет. Тем временем люди и волки прибывали. Рык кан-альфы отразился на всех, как и то, что они видели перед глазами. Михо волоком протащили мимо меня, а возле остановился один из стражников.

— Вас отвести в вашу комнату? — безэмоционально спросил он.

— Да, — согласно кивнула. Ещё вчера я сделала записи о своём прошлом, пришла пора передать их Вельямину.

На полпути нам повстречался уставший и какой-то болезненный Дельмир. Он немного прихрамывал, но спину держал всё также прямо. Заметив меня, немного посветлел лицом, будто я ему нравлюсь.

— Опять в центре событий, Елена? — почти весело спросил он. — Рад, что лазутчика поймали. Жаль, что это оказался наш доктор.

— Да, придерживаюсь того же мнения.

Мой сопровождающий отошёл в сторону, словно решив, будто нам надо поговорить наедине. Без палки, пострадавшей от столкновения с Михо, чувствовала себя неустойчиво, но перед таким, как Дельмир, слабость показывать нельзя.

— Как прошла охота? Что вас так задержало? — будто непринуждённо выпытываю у него.

— Нам повстречался вепрь, — скупое ответил он. — В холке выше вас почти в два раза.

Представив этого мутанта, невольно воскликнула: — Так не бывает!

А он усмехнулся: — Ольга тоже не верила. Пока не увидела своими глазами. Она сравнила его с... слон?

— Ох ты ж... — вырвалось несколько непечатных слов. — Как вы живы-то остались после встречи с таким существом?!

Кажется, я нашла ключик к этому вояке. Все любят лесть, восторженные глазки и внимание. Отослав стражника прочь, Дельмир решил лично проводить меня до комнаты, попутно рассказывая, как он вдвоём с Вельямином завалили этого монстра.

Только после этого сообщил действительно важные новости. В результате стычки со зверем, несколько волков пострадали, как и он сам. Пришлось заночевать далеко от привычных заимок. Когда раздался барабанный бой, Вельямин и несколько волков отправились на поиски, обратно вернулся он один. Сказал, что это была засада, но подробностей не сообщил.

Самое главное — завтра они отправятся большим отрядом, так как кан-альфа определил, где всё-таки засели дикие.

— Так что, милая лэри, скоро всё закончится, — криво ухмыльнувшись, заявил Дельмир, открывая передо мной дверь. — Отдыхайте, вечером эта история обростёт ещё большими привлекательными подробностями.

— Очень на это рассчитываю, — сладко улыбнувшись, отвечаю ему. — Уверена, вы знаете массу историй про монстров из вечных лесов.

— В последние годы, такие твари — редкость. Уж больно хорошо дикие их проредили, — покачал головой он. — А вот в былые времена, да... Охота всегда приносила удовольствие, — в его глазах мелькнул волчий голод и он быстро облизнул губы. Очнувшись, скользнул взглядом, вновь «обворожительно» улыбнулся и попрощался.

Оставшись одна, медленно вползла в комнату, сгибаясь как старушка. Теперь, когда не надо держать лицо, позволила и мелкую дрожь в пальцах и боль в спине и ноге. Как и прерывистое дыхание от схлынувшей волны адреналина. На лбу наверняка будет шишка, раз голова раскалывается от боли. Устало повалившись на кровать,

прикрыла глаза. А потом резко распахнула их, перевернулась и уставилась на свой стол.

Все полки выдвинуты. Кто-то забрал мои записи.

Я не чувствую себя в безопасности. Однако немного странно понимать, что это больше не волнует. Просто хочу быть немного злой. Безжалостной. Принимая эту себя как данность. Как привычку, отринув свои слабости. Ведь как много их умудрилась показать всем в этом замке. Неспособность постоять за себя.

Всё перечёркнуто и избито. Даже не знаю, что подумать.

Скоро придёт Иза, чтобы помочь подготовиться к ужину в общей зале. Соберутся все и бог знает, что там будет.

В моей новой комнате, куда так поспешно переселили, есть зеркало. Большое зеркало и столик. Дамский уголок с косметикой и украшениями будто перенесённый из моего мира. В комнате теплее, чем в остальном замке, на стенах постеры известных картин из моего мира в золоченных под старину рамах. На окнах ажурные занавески, пол покрыт плотным и мягким ковром, в вазах искусственные цветы, а шкафы распухли от количества платьев и костюмов. Обжитая комната, с пылью и паутиной по углам. Выцветшая от одиночества. Безлюдности. Печали.

Я сижу за столиком, за которым многократно сживала Ольга, вперившись взглядом в своё отражение. Мои волосы забраны наверх, шея обнажена и при тусклом, угасающем дневном свете, едва-едва видна. Моя поза неподвижна уже много часов. С того момента, как поняла, что меня обокрали и у кого-то есть записи о моей жизни. Но кто сможет их прочесть, кроме Вельямина? Может Хельга? Или Ахлик? Броне русский даётся с трудом, вряд ли она осилит письма. Дельмир по-русски говорит с акцентом, но не думаю, что он умеет читать. В результате вопросов становится ещё больше.

Кто знал, где и главное **что** искать?

Я бы хотела сосредоточиться на этих вопросах, но было кое-что поважнее. Кое-что, что не отпускало от зеркала и не давало расслабить напряжённую спину. Что-то, что вызывало сухие слёзы в глазах.

Мой шрам. След укуса Лико. Я носила его почти год. Метка волка. Моя защита и моё проклятие. Этот укус спас меня от смерти. Но и привёл к запутанной истории любви между мной, Лико и Арманом. Он

вновь, и вновь спасал жизнь, когда умудрялась попадать в плохие места. Сегодня была прочерчена последняя линия.

Это был выброс адреналина? Последний всплеск силы, что заложил Лико? Прощальный акт, завершение нашей истории?

Я касаюсь своей шеи, пытаюсь хоть что-то почувствовать. Малейшую неровность, любой след. Но ничего нет.

Наша связь окончательно и бесповоротно разрушена. А значит, я больше не в безопасности.

Не дожидаясь Изы переоделась в вечернее платье с высоким воротом, полностью скрывающем шею. Как и руки до запястий, и ноги до щиколоток. Служанка помогла с макияжем и укладкой, попутно передав, что процедура прощания с Лидией завершена. Было немного жаль, что не позвали, но я понимала — люди мне не доверяют. Оставалось принять это как данность.

Спустившись вниз, застала только Ахлика с Вельямином. Оказалось, что кроме них никого не будет. Дельмир допрашивает Михо, Брона неважно себя чувствует после охоты, а Хельга ещё не выздоровела и предпочла провести этот вечер в одиночестве. Ахлик как-то очень быстро ушёл, выдержав в моём обществе всего минут пятнадцать и всё это время находясь под чересчур пристальным вниманием недовольного кан-альфы. Видимо сильно досталось от брата за случившееся. Со словами глубочайшего извинения и под предлогом проведать жену, он сбежал, оставив нас наедине.

За длинным столом, заставленным приборами и пустыми тарелками, друг напротив друга, не вдоль, а поперёк, мы медленно вкушаем пойманную дичь. Вель молчалив как никогда, а мне и хочется поговорить, но и страшно — не знаю, с чего начать.

— Я написала тебе письма, — неожиданно для самой себя, заявила вдруг, отставив пустую тарелку в сторону.

Вельямин резко оторвался от мяса и уставился немигающим взглядом.

— Как и обещала, помнишь? Ты — мне, я тебе. В письме рассказала всё, что со мной случилось и хотела передать тебе, как только вернёшься с охоты, — продолжила говорить, попутно делая небольшой глоток красного вина. — Сегодня, вернувшись в комнату, обнаружила, что письма исчезли. Кто-то забрал их.

— Как этот человек мог узнать об их существовании? — спокойно спросил он.

Отрицательно покачала головой, сама задаваясь тем же вопросом.

— Хотя постой... нет, меня не это интересует, — вдруг заговорил он почти гневно. — Мне вот больше интересно, как это ты смогла отбросить Михо через весь коридор? Не списывай всё на шрам...

— Его больше нет, — оборвала его, коснувшись шеи и растёгивая воротник вплоть до груди, чтобы показать ему девственно чистую кожу. — Он исчез сразу после нападения Михо. Теперь я обычный человек.

Отпустив ткань, медленно опустила руки на серую скатерть. Пальцы не дрожали, они зудели, выдавая мою нервозность.

— Теперь... вы выкинете меня из замка? — в наступившей звенящей тишине голос прозвучал отчаянно и жалко, как у девчонки у доски.

А Вельямин молчал. В этом весь он. Если Арман любит поговорить, ему нравится слушать собственный голос, то Вель предпочитает звучные паузы и пронзительные взгляды. Одним движением глаз, способен вызвать бурю или опустить на самое дно.

Когда он поднялся, вздрогнула, но не оторвалась от стола, предпочитая боковым зрением отслеживать его перемещения по залу. Мужчина обошёл немаленький стол и приблизился ко мне. Моя голова склонилась ниже, когда он коснулся шеи и медленно оцупал бывшее место укуса. Его рука осторожно спустилась ниже, тогда как мой пульс подскочил выше. Он почти коснулся груди, когда вскочила с места,

задевая приборы на столе и обрушивая их со звоном на пол.

Выскочив из-за стола и отбежав на приличное расстояние, возмущённо уставилась на него, застёгивая платье на все пуговицы.

— Вы ошиблись! — проговорила сквозь зубы.

Его взгляд — как тяжёлое махровое одеяло накрывает с головой. Он медленно приближается ко мне и я делаю много-много шагов назад, пока не упрусь в стенку, головой ударяясь о раму картины. Волк оторвался всего на мгновение. Один-единственный взгляд вверх и в глазах проступил разум. Он пошатнулся, ухватившись за спинку стула, а затем грузно осел вниз, пряча лицо в руках.

Пару минут ждала, что он очнётся, скажет что-нибудь, а не дождавшись, заговорила сама: — Это начало дикости, не так ли? Потеря контроля?

Отойдя в сторону, глянула за спину. Там висел портрет Ольги в белом шёлковом платье. На нём она уже не молода, но всё также прекрасна. Тот, кто рисовал, вложил всю душу в работу, передав лёгкость и воздушность женщины. Малый укол зависти разрушился под пониманием — она спасла меня от падения... в пропасть?

— Я увидела этот взгляд, когда ты смотрел на труп мальчишки. И потом замечала его, когда били барабаны... или когда ты смотрел на меня, — говорила аккуратно, осторожно подбирая слова и не спеша подходя ближе.

В зал вошла незнакомая служанка. Увидев, что мы не за столом, оступилась, чуть не выронив поднос с чайником. Махнув рукой, жестом велела ей выйти и не возвращаться, а сама присела рядом, пододвинув стул поближе, чтобы говорить шёпотом.

— Это можно остановить?

Я схватила его за запястья и неторопливо убрала ладони от лица, чтобы понять, что с ним. А он отвернулся, чтобы не встречаться взглядом. Догадка пришла моментально. Стыд и боль. Страх.

— Ты думаешь, что убил Лидию, когда пришёл ночью ко мне, — зашептала едва слышно, — но ты не помнишь этого. Не знаешь наверняка и эта мысль гложет тебя.

— Я кан-альфа, — хрипло заговорил он, поворачивая голову и устало глядя на меня. Изумрудные глаза потемнели от мрачных мыслей. — Моё падение — падение всего замка.

— На то и идёт расчёт, — продолжаю говорить предельно тихо,

ещё придвинувшись к нему. — Тот, кто это делает, просчитал всё. Михо, ты... я. Он расшатывает психику, чтобы никто не мог оказать сопротивление. А ты — главная цель.

Неожиданно Вельямин коснулся щеки прямо возле глаза, проводя линию по шраму. Это было так интимно, что я растерялась и не сразу отпрянула в сторону.

— Прости, — извинился он. — Ты во многом права, Елена. Но не стоит закручивать всё сильнее, чем есть на самом деле. Михо уже во всём признался. Его боль — отражение падения. Убийство Лидии — вина и раскаяние, наложенные на проснувшуюся дикость. Он будет в камере, пока не решу, что с ним делать. Но ты всё равно права. Я падаю. И чтобы падение не случилось — необходимо до полнолуния найти Райво и остановить его. Эти барабаны... они оглушают, влезают в подкорку и разрушают личность. Их надо уничтожить.

— А что будет потом? — несмелой рукой касаюсь спрятанной под воротником платья шеи. — Как человек я больше не могу находиться под вашей защитой.

Вель схватил мои руки, сжимая в кулаках, заставляя придвинуться ближе. Он наклонился, чтобы между нами оказались считанные сантиметры и едва-едва слышно прошептал:

— Но мы же оба знаем, что всё не так. И в моей защите ты не нуждаешься. То, что ты сделала... нельзя списать на укус.

— Что тогда это было? О, и не надо обвинять меня невесть в чём! Для меня это стало таким же сюрпризом, как и для тебя! — не отстраняясь, сохраняя близость, говорю с чувством, вкладывая в каждое слово всё, что накопилось. — Со мной постоянно происходят странные вещи и я устала слушать невразумительные объяснения! Шрамы от нападения омеги, укус Лико, новые нападения, нервы! Нет. Влияние троелуния? Трижды нет!

— Что ты сказала? — Вель внезапно отстранился, почти испуганно уставившись на меня.

— Троелуние, — повторилась, пытаюсь сообразить как это будет на их языке. — Три луны на небе одновременно.

— Откуда ты это знаешь? — всё с той же тревогой в голосе спрашивает он.

— Не помню, кажется это сказала Эльза, — напрягшись, вспомнила наш разговор. — Несколько дней в месяце я становлюсь более

подвержена своим эмоциям. Кстати, почему-то в этом мире, когда всходила полная луна, со мной этого не случилось, — удивлённо воскликнула, складывая мозаику в единое целое. — Эльза утверждала, что эта *раскованность* — следствие нападения омеги. Что они дичают несколько дней в месяце, когда восходит полная луна. Когда все три луны восходят.

Не знаю почему, но я почувствовала себя обманутой.

— Это невозможно, — вновь шёпотом заговорил он. — У нашей планеты два спутника. Красный и синий. Синий не влияет на диких и даже становясь за планетой, почти не заметен на небосводе, белым пятном выделяясь только днём. Другое дело красный спутник. Именно его *полнота* через несколько дней следует ожидать. Когда случается затмение синей луны — это праздник. Считается, что в это место пришла благодать зачатия. А когда красное затмение — горе. Волки закрываются по домам, чтобы не видеть красный цвет, который будит в нас всё самое худшее.

Вельямин поднялся и подошёл к окну, пальцем поманив за собой. Отодвинув штору, он указал на небо, где виднелась пока ещё тусклая бордовая луна.

— Пршшлое красное полнолуние было в тот день, когда ты появилась в этом мире. Тогда же совпало с полнолунием синей луны. Их *полнота* разни́ца на несколько часов. В этом месте такое бывает примерно раз в сорок лет по земному исчислению, — негромко продолжил он, когда встала рядом. — Понимаешь к чему клоню?

— Портал как-то завязан на этом? — хмурясь, спрашиваю у него.

— Благодаря светилам, мы знали, что следует отправляться в лес на поиски. Так завещал ещё предыдущий король Демьян.

— А третья луна? — спрашиваю после задумчивой паузы.

— Миф, — отмахнулся он, будто и не было испуга на его лице. — Драконы утверждали, что в нашей солнечной системе есть планеты и спутники, которых невозможно увидеть обычным зрением. Только дракон способен увидеть истинно-чёрный спутник нашей планеты, — Вельямин замолчал, опуская штору и вновь глядя только на меня. — Я не знаю, кто такая Эльза и откуда она столько знает о нашем мире. Одно могу сказать точно — среди наших легенд есть такая, в которой говорится, что когда-нибудь все волки увидят третью луну. И тогда либо наступит конец света, либо его спасение.

Оставив в беспорядке столовую, перебрались в кабинет. Я рассеянно теребила рукав платья, пока Вель занимался подбором напитков вместо неудачного десерта. Остановился на классическом коньяке местного пошиба. Что ж, для той истории, которую собираюсь рассказать, это то, что нужно.

И я рассказала всё, без утайки. И про то, как встретила Алхимика, и про то, что со мной случилось в детстве. Даже поделилась историей своих волчьих сновидений, добавив, что они снились задолго до встречи с Лико. Я всё ему рассказала, а он выслушал так, как никто никогда раньше меня не слушал. Будто в мире остались только мы и моя история. А когда замолчала, он дал тишине выстояться, чтобы можно было перевести дыхание и вздохнуть полной грудью.

— Я не могу дать тебе всех ответов, — начал говорить он. — Но есть то, что ты должна знать. Ты назвала одно имя и есть только один волк, который его носит. Лука Горике. Входит в ближний круг короля Демьяна. И... отец Лико.

— Так не бывает. Не бывает! — я повторилась дважды, чтобы самой услышать, как это звучит.

— Слишком много совпадений, Елена, — подтвердил он мои мысли. — Даже если убрать твоё детство, то как получилось, что именно ты оказалась в том же институте, на той же вечеринке с тем парнем? А потом очнуться именно в той больнице, где Эльза смогла так оперативно тебя найти? Более того, чтобы именно в эти дни Лико было в Москве. Список совпадений можно продолжать до бесконечности. Одно за другим... разве только...

— Это не могло быть подстроено, — он подставил окончание фразы для меня, а я его решительно отвергла.

Он не знает Лико. Я могу поверить в интригу Эльзы или Армана или Кая, но Лико... нет. Никогда в жизни он не стал бы так поступать со мной. Наоборот, он хотел, чтобы мы сбежали вместе...

Эта мысль подвела к другой, более пугающей. Я постаралась выкинуть её из головы, но она не уходила. А что если он участвовал во всём... чем бы это ни было, но решил пойти на попятную и увезти меня? А ему не дали этого сделать.

— Я вижу, ты расстроена, — с этими словами он выбрался из кресла и подошёл к музыкальному центру. — Это подарок Ольги. Она

хотела, чтобы я познакомился с музыкой и организовала это устройство, — коверкая русский, сказал он, запуская почти бесшумный генератор, а затем включая проигрыватель. — Эта песня всегда поднимала ей настроение.

Из колонок полилась бессмертная классика, вызвавшая улыбку и почти истеричный смех, настолько неожиданно было услышать музыку здесь, посреди заснеженной земли, в средневековом замке.

...Look at me I am happy

Don't worry, be happy...

Bobby McFerrin — Don't Worry Be Happy

— Вот уж действительно — не беспокойся, — прошептала сквозь выступившие слёзы, а затем расплакалась как маленький ребёнок.

Вель растеряно замер, такой реакции он точно не ожидал. Спohватившись, подошёл ко мне и, подхватив со стула, перенёс на небольшой диван, стоявший в дальнем углу кабинета. Прижав к груди, нежно глядя по плечу, зашептал именно такие слова, которые способны успокоить даже самую ранимую натуру. И я потихонечку пришла в себя, стыдливо шмыгая носом и вытирая покрасневшие глаза. Проигрыватель на заднем плане выдавал что-то совсем трогательное французское на два голоса — мужской и женский.

Кан-альфа легонько отодвинул меня, а затем взял за руку и вывел на середину комнаты, обнимая за талию, вводя в совсем простой танец, чтобы я не слишком напрягала ноги. Мы словно магниты, которых тянет друг к другу, но мы никак не можем встать разными полюсами, чтобы столкнуться.

Вот и в танце, когда слова явно лишние, когда взгляд красноречивее любых слов, когда каждое движение отточено, будто танцевали много-много раз, замираем на краю и не в силах удержаться, падаем в объятия друг друга.

Может я не знаю себя, но мои мысли чисты, в них не осталось и следа от влияния укуса Лико. Я это я. И мне хочется целовать этого мужчину пока в лёгких остаётся воздух. А потом опять и опять до потери сознания.

Он целует сразу, без прелюдий и подготовки, поглощая и поражая ненасытностью. Его руки сжимают плечи, ловя в капкан и делая такой маленькой-маленькой, как птичка в силках. Я поддаюсь поцелую с головой. Ныряю как в прорубь, где бьётся подо льдом мысль — никто

прежде так меня не целовал. С такой жадностью будто я вода, а вокруг пустыня Сахара.

И это погружение воскрешает скрытое. Вспышка — я вижу ночь и тень в комнате надо мной с горящими изумрудными глазами. Слышу приказ: «*То́лик, уходи из замка и не возвращайся!*» А потом мгновения сменяются красным и чем-то сладким, как вкус самой жизни. Упоительное падение в кровь.

Отталкивая Вельямина, в ужасе смотрю на него:
— Что мы наделали!

*Константин Бальмонт — Печаль луны

Глава 9. Поит всех жаждущих кровавая река

Глава 9. Поит всех жаждущих кровавая река*

*От прошлого не сбежать, не спрятаться,
Не забыть, не вытравить и не сжечь.
Прошлые встречаются грудью кажется,
С трибун крича приветственную речь
И даже если слёзы катятся
Из глаз да вниз по сжатым добела губам
А пальцы не расслабятся
Упрямо скрученные вдоль тела по бокам
Я встречу прошлое как надо, как положено
И с непокрытой головой.
Ведь прошлое — всего лишь прошлое
А будущее всё впереди.*

Я не видела его, только чувствовала напряжение, готовое взорваться бешеным криком. Перед глазами вспышками мелькали картинки, как вырезанные сцены из фильма, только нечёткие, почти чёрные... и красные.

В ту ночь, проснувшись от мужского голоса за дверью комнаты. Вельямин отослал Толика прочь. Спросонья соображала туго, барабаны-набаты не облегчали задачи. Вель возник в комнате как призрак или вампир из готического романа. Молчаливая глыба возле постели с ярким зелёным блеском глаз. Я приподнимаюсь над кроватью, шёпотом задаю вопрос:

— Что случилось? — а когда он не отвечает, мгновенно покрылась мурашками от страха. — Кан-альфа?..

Именно тогда он бросается на меня будто изголодавшийся волк. Впивается поцелуем как будто кусая губы, оставляя следы и сладкую как патока боль. Цепляя, подгребая под себя как добычу, вжимая в кровать, ненасытно, жадно, мучительно и горько. Я забываюсь под ним, отбрасывая разум, наслаждаясь ранее неиспытанными чувствами.

Мы не думали о ней.

— Елена? — в полной темноте Лидия не видела, а только слышала нас совсем рядом с собой. Голос девушки полон тревоги. — Что происходит?!

Мы замираем, неподвижные, как статуи. Барабаны усиливаются и что-то щёлкает в голове Вельямина. Он бросается на неё, рыча как настоящее животное. Девушка переворачивается и падает на пол, тогда как он приземляется рядом с ней.

— Остановись! — кричу изо всех сил, срываясь с места.

Лидия забирается под кровать, испуганно вопя, а я оказываюсь между ними.

— Нельзя! — как собаке запрещаю Велю, выставляя вперёд руки.

Воспоминание обрывается, новое совсем не весёлое. Пара мгновений, а мы уже на крыше в том самом месте, где очнулась. На мне совсем свежая кровь, я стискиваю бёдра, оседлав мужчину, яростно совокупляясь как самый настоящий зверь. На его теле остаются борозды от когтей, которые моментально затягиваются. Мы двигаемся в едином ритме по-звериному огрызаясь друг на друга, словно готовые сорваться и вцепиться в глотки друг друга.

Барабан замолчал и волчья пелена моментально спала. Испуга и страх, я слезаю с него, заползая в угол, сворачиваясь клубком. Вель, не видя ничего перед собой, как сомнамбула скрывается из виду. Видение стирается, возвращая реальность.

— Там был кто-то ещё, — так заканчиваю пересказ воспоминаний. — Он хотел, чтобы ты отведал плоти Лидии, но я помешала ему. Не помню как.

Воспоминания ужасны, но в них было кое-что, что дало облегчение нам обоим. Мы виновны в гибели Лидии. Но мы её не убивали.

Мы проговорили до самого рассвета. В эту ночь барабаны не сбили, не испугали. Нам и без них было чего бояться. Особенно мне, ведь я помнила на своих пальцах когти. Это искажение воспоминания или

же...? Мы не говорили о том, что было между нами. Эта тема моментально превратилась в табу и я не знала, как на это реагировать. У нас был жёсткий секс и это не то, что можно стереть из памяти. Хотя постой... именно это и произошло.

Кто я после этого? А после того, чем мы занимались сегодня вечером? Отсутствие укуса на шее не делает меня свободной женщиной. Как могла позволить чувствам взять вверх? Я животное или всё-таки человек разумный?

Необходимо найти ответ на этот вопрос до того, как встречу с Лико и Арманом. Не хочу быть той, кто не несёт ответственности за свои действия.

Это называется дежавю. Мы опять на площади перед воротами, ждём отхода отряда. В этот раз Брона остаётся — она больна и муж находится при ней неотрывно. Михо под замком, надёжно запертый в тюрьме, а Дельмир с Вельямином готовятся к новой схватке. В этот поход их сопровождает около сотни мужчин, среди которых есть как волки, так и крупные люди. Ни одной женщины. Как объяснила поправившаяся Хельга — Вель опасается, что волчиц дикие могут поработить. В этом мире сильные женщины на вес золота. Получается хорошее потомство. Поэтому воительницы остались охранять замок.

Ночью ударили морозы, солнце в одиночестве ослепительно сверкает на небосводе, щёки щиплет холод, тёплая шаль поверх зимней шубы едва-едва спасает уши от обморожения. Завидую волчьей выносливости — они спокойно переносят тридцатиградусный мороз.

Вельямин выдал дочери напутственные указания. Если они не вернутся в течении двух недель, а барабаны продолжают сводить с ума — она должна собрать отряд и выслать его по горному маршруту к ближайшим соседям за помощью и чтобы отправить письма в столицу. Также сегодня плотники и кузнецы займутся укреплением людских жилищ. Ночью несколько волков сошли с ума и напали на соседей. Слишком рано, кан-альфа опасается бунта. Всем волкам мужского пола предписано с этого дня на ночь запирается, связывая себя металлическими наручниками. Защиту на себя берут женщины, как менее уязвимые к проклятым барабанам.

Самый худший сценарий, как рассказал ночью Вель, это если они не вернутся до полнолуния и барабаны продолжают сводить с ума. Тогда

все старания — тщетны. Воительниц не так много, чтобы остановить нападение диких. И не каждый волк вернётся из безумия. Мы будем беззащитны сами перед собой. Следом идёт кровавая баня, в которой ни один человек не выживет. Уже сейчас самые пугливые покидают городские стены и отправляются в дальние деревни рассчитывая перезимовать там. Не самый лучший выход, но слишком многие помнят, чем всё обернулось пять лет назад.

Вель отозвал в сторонку. Он почти шептал, чтобы никто не подслушал наш разговор:

— На ночь запишись с Хельгой в её комнате и никому не открывай дверь. Михо сидит в клетке, но у него могут быть сторонники, другие *павшие*. И... — мужчина запнулся, — держись, Елена. Мы не знаем, что в точности произошло в ту ночь, но если дикость влияет на тебя...

— Я справлюсь, — мрачно взглянула на него, слегка искривившись в жалком подобии улыбки. — Не впервой.

— Не дай себя в обиду, Елена, — поддержал он, тяжело вздыхая. В его глазах застыла вся вселенская скорбь. Тяжело быть кан-альфой. Тяжело нести весь мир на своих плечах.

Сидя на низкорослом коне, к нам подъехал Дельмир. Он значительно посвежел за ночь, раны зажили, на щеках проступил несвойственный им румянец. Уверенно держась в седле, остановился на расстоянии вытянутой руки. Я даже увидела, как он шумно втягивает носом запахи на волчий манер. Цокнув языком, выдавил улыбку.

— Бурная ночка? — наша мрачность не сбила его настрой. — Елена, вы выглядите обворожительно, как и всегда!

Его слова вызвали сильное удивление на лице Веля. Дельмир всегда отличался особой тяжестью и видеть его почти весёлым сравни чуду.

— Вы мне льстите, — выдавила из себя первое, что пришло на ум.

— Отнюдь, — закончив с любезностями, он перешёл к делу. — Лэрд, вы уверены в своём решении вновь оставить замок на Ахлика?

— Да, — хмуро ответил он. — Ты мне нужен в лесу. Ахлик усвоил урок. Дикий пойман, а с разбушевавшимися волками он справится. Ему поможет Брона и Хельга.

— Воля ваша.

Они говорили на своём языке и про себя мне в голову пришла странная мысль — никогда не думала, что так быстро освою такой

сложный и чуждый язык. *Казалось, что не учу его, а вспоминаю.*

Я совсем не спала, но не чувствовала усталости. Когда отряд покинул территорию города-крепости, я осталась одна. Марго отправилась заниматься городскими делами, пока Ахлик отсутствовал, а мне в голову пришла весьма любопытная мысль навестить Михо. Если это он был в ту ночь в моей комнате, хочу знать это наверняка. Надеюсь он будет в состоянии ответить на мои вопросы.

Дорога до тюрьмы заняла почти час. Гораздо быстрее, чем раньше, но не так быстро как хотелось бы. Хромота никуда не делась и больше нет ничего, что могло бы помочь регенерировать мышцы на ноге. Как и на руке. Всего лишь куски мяса и плоти, а сколько в них сокрыто. Медленные прогулки настраивают на странные раздумья. Спрашиваю себя, как могла делать то, что делала, когда так слаба? Боль не прячется в голове. Снимая одежду, вижу жуткие шрамы, следы штопки, впалость на месте самого страшного укуса. Удивительно, что не снились кошмары. Удивительно, что я всё ещё жива.

Тюрьма рассчитана всего на десять заключённых и представляет собой подвальные комнаты, запертые в основании замка, в горной породе с плотными стенками и мощными решётками, узкими проходами и жаркой температурой. Влажное и тягостное место. Освещение камерное в виде небольших светильников, едва-едва разгоняющих темноту. Есть общий зал, где на стенках висят кандалы с различными ошейниками и странными конструкциями, видимо предназначенными, чтобы удерживать волка в нужном состоянии и не давать ему обратиться. Возле входа один-единственный охранник, что удивило — у Михо могут быть сторонники. Мужчина безучастно пялится в стенку перед собой. И также равнодушно пустил в коридор с клетками. Вель обещал дать мне возможность поговорить с Михо и слово своё сдержал.

Дикого поместили в самую дальнюю комнату, где света от фонарей не хватало, и его зарешёченная клетка терялась во мраке. Я не видела мужчину, только чувствовала его присутствие. Как нечто тяжёлое с тёмной энергией. Пучок злости, закованный в кандалы, собравшийся в одном месте. Каждое движение сопровождалось невыносимым скрежетом, от которого ныли зубы — соприкосновение металла и камня сравнимо с ногтем по стеклу. Эти звуки пробирали до костей и я

облизнула губы, пытаясь сбросить нервное напряжение.

Я не знала, каким увижу его. Будет ли он вести себя как разумный или же передо мной предстанет зверь? Тьма нисколько не облегчала задачу, а подойти ближе к камере не решалась. Вместо этого отправилась в начало коридора, стащила со стены один из светильников и вернулась с ним обратно. Так увидела сгорбившуюся фигуру в дальнем углу камеры, царапающую каменный пол остатками когтей. Поодаль валялись огрызки и кости — всё, что осталось от скудного завтрака.

Повесив на свободный крюк светильник, замерев ненадолго, не глядя в клетку, всё-таки собралась с духом и окликнула его:

— Михо?

Скрежет остановился, фигура замерла. Потребовалось всего мгновение, чтобы он вернулся к своим делам, но эта пауза дала надежду, что Михо в сознании.

— Михо, это ты? — ничего лучше в голову не пришло. В этот раз он не отреагировал и я продолжила говорить. — Нам надо поговорить о той ночи, когда погибла... Лидия.

Её имя всколыхнуло тёмную кучу и оттуда раздался негромкий рык, от которого «встрепенулись» мурашки.

— Ты был в моей комнате в ту ночь? — в ответ опять тишина.

Тогда решила зайти с другой стороны. Подойдя чуть ближе к камере, заговорила весьма осторожно подбирая слова:

— Вчера я была на похоронах. С ней попрощалось много человек. Все любили её. Не могу поверить, что её больше нет. Она боялась...

— Замолчи! — прорычал Михо, плотнее сворачиваясь в клубок, как настоящий волк.

— Тогда просто скажи это, — воскликнула негромко. — Скажи, что пришёл в мою комнату в ту ночь следом за Вельямином. Скажи, что напал на неё и убил, предлагая своему кан-альфе разделить трапезу! Скажи это и я уйду!

Это как по щелчку пальцев. Щёлк и вот он уже висит на прутьях клетки, просунув голову-морду, скалясь, демонстрируя острые клыки и злые волчьи глаза. Кандалы заржавели от старости и лопнули, оставшись браслетами на его запястьях и лодыжках. Такая скорость вынудила отступить и я чуть не упала, врезавшись в стенку.

Несколько раз щёлкнув пастью, пытаясь добраться до меня, он

резко остыл и отступил назад, скрываясь в тени.

— Не смей обвинять меня, сука! — последнее слово угадала, он говорил на языке волков.

— Тогда говори! — крикнула в ответ подходя совсем близко к камере на расстоянии вытянутой руки. — Скажи, в чём ты меня обвиняешь!

— Всё началось, когда ты появилась в этом мире, — он говорил спокойно, будто и не было этой вспышки агрессии. — Барабаны зазвучали, когда на тебя началась охота! Тебя загоняли, ты пришла сюда и привела дикость за собой!

Его речь звучала сумбурно и не очень понятно, а переспросить не могла. Я «догадывала» его предложения, уловив суть — осада замка началась вместе с моим появлением. Совпадение?

— Ты не слушаешь! — внезапно крикнул он совсем как обиженный ребёнок. Его лицо-морда выступила из тени, демонстрируя сведённые кустистые брови.

— Ты убил Лидию? — задала прямой вопрос, а он рассмеялся.

— В ту ночь у твоей комнаты было многолюдно, не правда ли? Почему ты решила, что это сделал я?

— Потому что ты хотел её, а дикость обнажает и искривляет чувства. Потому что ты стал диким из-за своих желаний. Потому что ты по ту сторону решётки, Михо! — выпалила одним длинным предложением звенящим от злости голосом. — Просто скажи это!

— А может это сделал наш кан-альфа? — он выпустил длинный язык и медленно облизал губы, задевая щёки, в его глазах вновь зажегся опасный огонёк. — Как сама думаешь? Кстати, он приходил недавно. Спрашивал. Он не помнит о той ночи столько, сколько помнишь ты. Только кровь на губах и ярость в чреслах, — последнее слово он выделил, плотоядно скалясь. — Он ведь трахнул тебя той ночью, ведь так? С недавних пор я чую всю гораздо острее и сразу понял, чем вы занимались!

— Поэтому ты убил её?

— Замолчи! — заорал он, обрушившись всей массой своего тела на прутья. — О, как же я жду следующей ночи! Совсем скоро мы поменяемся местами! Я буду медленно рвать тебя на куски, наслаждаясь твоими криками! Я сожру твои потроха, а потом помочусь на твои останки!

От омерзения передёрнуло. Это был уже не Михо. Ничего не осталось от доктора, даже оболочки. Безумный зверь, одержимый жаждой крови. Я не получу признания — у него осталось только одно желание — мучить меня. По глазам видно — он наслаждается устроенным представлением, вкусно расписывая всё, что сделает со мной, когда выберется из камеры.

— Я порекомендую Вельямину отрубить тебе голову, — когда он иссяк, высказалась спокойно. — В тебе не осталось и капли рассудка. Даже те дикие, с которыми столкнулась в лесу, вели себя более человечно, чем ты.

— У тебя ужасный акцент, — заявил он в ответ. — Я буду рад вырвать твой поганый язык и сожрать его вместе с губами!

— О, до Ганнибала Лектора тебе далеко, — я рассмеялась, представив себе сцену из знаменитого фильма. Параллель проводилась с натяжкой, но даже такая малость всколыхнула тоску по дому. Сколько ещё пройдёт времени, прежде чем покину этот холодный и жестокий край?

Я уже уходила, когда позади прозвучал немного усталый голос настоящего Михо:

— Берегись, Елена. В этом замке полно тайн. Спроси себя, кто мог хотеть твоей смерти больше чем жизни Вельямина?

Перевод в голове сбоил. Я не поняла его фразы, но переспросив не получила ответа. Он вновь сгорбился в углу, сливаясь с темнотой. В нём ещё остался Михо, но этих остатков слишком мало. Думаю, он и сам уже не понимает, кто или *что* он такое. Я уходила, не получив ответов, только ещё больше вопросов.

Ночью было тихо. Барабаны не вили свою дикую песнь, только ветер выдувал из скал заунывные мотивы холода. Стояла полночь, небо грязно-серое, затянутое облаками, едва-едва пропускавшими свет одинокой почти полной луны.

Мы с Хельгой расположились в её комнате. Она не хотела ночевать в бывших покоях её матери, поэтому незапланированный девичник проходил у неё. Я не ожидала увидеть девчачьи рюши, но хотя бы какой-нибудь намёк на женственность всё же думала найти. Однако девушка предпочитала суровый минимализм. Никаких картин на стенах. Тускло-серые краски в мебели, небольшое зеркало в углу и маленький

шкаф. Перехватив взгляд, Хельга пояснила, что раньше здесь всё было по-другому, но после смерти матери, она перестала нуждаться в красоте. Стало всё равно что носить и как выглядеть.

— Ты не мечтаешь о любви? — мой вопрос должен был быть опровергнут со всем пылом, но одного взгляда было достаточно, чтобы понять — Хельга разочаровалась в любви и в мужчинах.

— Я младше тебя, хотя по вашим меркам мы почти погодки, — продолжила тему, когда мы устроились в постели с лёгким ягодным вином и жалким подобием сухофруктов. — Но я прошла через такое, что должно было навсегда отвратить от этого чувства. Меня били, насиловали и принуждали. Ломали, я тебе рассказывала об этом. Уже даже не могу вспомнить, какой была до того. Каково это чувствовать истинную невинность и безопасность? Я завидую тем, кто живёт и не знает, каково это — помнить о боли, — скупая улыбка коснулась губ и моментально пропала. — Ты понимаешь, о чём говорю?

— Да, — односложно ответила она, приложившись к железному кубку.

— Мы обе прошли через ад, но я верю, что всё в наших руках. Я могу позволить боли затопить моё сердце и вырвать из него чувства. Но я этого не хочу, — последовав её примеру и осушив бокал, потянулась за бутылкой и освежила их, наполнив комнату ягодным ароматом. — Любовь и влюблённость — это то, что ведёт меня вперёд. Шанс когда-нибудь забыть о кошмаре, через который прошла...

— Ты больше не отмечена волком Лико. Что будешь делать? Вернёшься к нему или останешься здесь? — она говорила вполне серьёзно.

— Я не могу остаться, — нахмурилась, не понимая, к чему она клонит.

— Вы оба тянетесь друг к другу. Зачем сопротивляться этому? — она пожала плечами, делая небольшой глоток. — Ты пробуждаешь моего отца. Если бы не дикие, всё было бы совсем по-другому. Подумай об этом. Здесь, под защитой кан-альфы ты будешь в безопасности. Алхимик не достанет тебя из-за гор. Силёнок не хватит, — и она улыбнулась.

— Я не могу остаться!

За стеной раздался грохот, будто что-то с силой ударились оземь. Мы замерли, прислушиваясь — но на улице только сильнее завывал

ветер, обещая устроить настоящую бурю ночью. Видимо что-то сорвалось от такой силы.

— У меня есть семья. Моя сестра находится под властью Кая. Как я могу их бросить? Как я могу бросить Армана...

— Ты совсем не знаешь его! — процедила она, щёлкнув языком. — Хочешь я расскажу занимательную историю о твоём Армане?

Не дожидаясь согласия, Хельга заговорила с такой желчью, что стало не по себе.

— Его семья — элита среди высших семей. Но он не был старшим ребёнком, всего лишь второй альфа, родившийся у пожилого отца. Вместе с ним на свет появилась и Мирана. Сестра-близнец. С детства не разлей вода. Незадолго до смерти отца случайно гибнет старший альфа в семье, его место занимает Арман. Вот совпадение? Он был совсем юн, но его умения и характер выделили волчонка среди остальных. Он был любовником короля... вместе с сестрой.

Хельга остановилась, чтобы перевести дух.

— Его сестра забеременела от Демьяна и это возвысило их до немыслимых высот. Всё самое лучшее доставалось семье Гарнто. Мать короля была в восторге от невесты, называла её солнышком и одаривала драгоценностями и мехами из лучших зверей. А потом случился выкидыш и Мирана слегла, — Хельга тяжело вздохнула, но заметив сочувствие в моих глазах, оборвала: — Не стоит их жалеть! Когда Мирана поправилась, король пришёл к ней, чтобы вновь зачать ребёнка, ведь девушка была первой, кто вообще смог забеременеть от него. Арман остановил Демьяна! Он пошёл против короля и не отдал ему свою сестру! — зло заговорила девушка. — Ты понимаешь, как это ненормально? Без наследника, мы все обречены, а он помешал королю! За такую дерзость, Демьян сослал Армана сюда в дальние пределы, чтобы парень набрался уму. А Мирану подарил врагу — соседнему королю, чтобы «укрепить» связи и показать прочность своей власти.

До меня не сразу дошло, что не так сделал Арман. Я не подданная короля, чтобы испытывать безусловную верность, поэтому посчитала поступки волка правильными. Он защитил сестру от насилия. Ещё одну беременность девушка могла и не пережить.

— Не видишь в этом преступления? — заметила она. — Уверяю, скоро передумаешь. Арман умён. Когда он понял, что из той дыры, куда его сослали просто так не выбраться, он пошёл на крайность. Демьян

обожают саблезубых кошек. Особенно крупных тварей, которые обычно охотятся стаями. Арман был прилежным учеником и быстро приблизился к кан-альфе Уко Соймоир, став его правой рукой, как Дельмир для Вельямина. Достигнув такого положения и заполучив власть в свои руки, он собрал отряд и под предлогом обычного патруля, углубился в лес, рассчитывая убить саблезубого тигра и притащить шкуру этого зверя королю. Он планировал выманить тигра из леса в заранее приготовленную ловушку, а в качестве приманки использовал деревню людей. Человеческий запах для лесной твари — как лакомство. Арман не учёл, что стая саблезубых будет так велика и умна, — Хельга ненадолго замолчала, глядя в пустоту. — Я была совсем маленькой, когда это случилось. Арман поймал и убил саблезубого тигра. Но стая этого зверя проникла в деревню и вырезала её подчистую прежде чем волки Уко добрались до неё. Арман не стал дожидаться кары альфы, он разделал хищника, забрал шкуру и потащил её в столицу. Там он пал в ноги королю, подставил шею и покаялся во всех грехах. Этого оказалось достаточно, чтобы Демьян простил Армана, но недостаточно, чтобы вернуть Мирану.

Хельга оставила меня наедине со своими мыслями, сама погрузившись глубоко в себя. Когда она заговорила вновь, её слова впились под кожу как тонкая рыбная чешуя.

— Елена, пойми, всё, чего желает Арман — это вернуть сестру домой. Они близнецы и связаны крепче чем ты можешь себе представить. На вид Арман полностью подчинён королю и исполняет его волю, но папа говорит, что этот волк сам себе на уме. Всё, что он делает, делает ради себя и Мираны. Пойми, когда она вернётся к нему, не будет никаких Елена, Арман и Лико. Нет, будет только Арман и Мирана, может быть Лико. Теперь понимаешь?

— Он говорил о другом, — тихо сказала ей. — Он никогда не упоминал о сестре. Он говорил, что его сослали сюда из-за того, что он чуть не убил женщину чужой триады, так как был влюблён в их альфу. Зачем он солгал?

— Он не лгал, Елена. Он переставил события местами. Эта история привлекла внимание Демьяна к Арману. Такая страстность импонирует нашему королю.

Страстность или холодный расчёт? Мне начинает казаться, что я совсем ничего не знаю о мужчине, которого... люблю? Или же мной

искусно манипулировали, пока пыталась справиться с внутренними и внешними демонами? С каждым днём прошлое отдаляется от меня, скрывается в ледяной дымке разума, пасуя перед доводами и логическими цепочками. Я всё ещё страстно хочу вернуться домой, но причины меняются. Словно начинаю понимать из чего состою, какие частицы личности прячутся под кожей. Я должна научиться честно и трезво оценивать как себя, так и тех, кого выбираю... и кто выбирает меня.

*Шарль Бодлер — Фонтан крови

Глава 10. Мы скоро в сумраке потонем ледяном

Глава 10. Мы скоро в сумраке потонем ледяном*

*Во мгле затаился под чёрной луной,
Он чует дыхание, он рядом со мной!
И как бы я не пыталась сбежать,
Следы заметая, во тьме исчезая,
Зверь знает, где надо меня разыскать.
И как же отныне мне выживать?*

Хрусталь и звон колокольный. В чёрный вплетаются все оттенки синего, фиолетового, бирюзового и серого. С неба сыпется зимний дождь, иголками создавая тихую и мягкую музыку. Надо мной три луны. Красная как запёкшаяся кровь пульсирует, внутри спутника бушуют смерчи, она кипит всеми страстями, манящая, будораживающая, злая. Синяя луна налилась цветом так, как почти никогда не наливалась в реальности. Это океан, сладкий и горький одновременно. Синевой он успокаивает, и соблазняет, увлекает в водную пучину, противопоставляя себя красному. А между ними чернее ночи, холоднее и страшнее самой тьмы, набухает чёрная луна. Из неё вырываются протуберанцы, как из солнца, только наоборот. Кажется, что она через них стремится поглотить остальные две луны и скоро обрушится на землю. И как шар прокатится по планете, сметая всё на своём пути.

Удивительное сочетание цвета и яркости делают эту ночь невероятно сочной и мелодичной. Станный дождь, а луны в сотни раз больше, чем в действительности, далёкая мелодия и зимний, наполненный крупным и тяжёлым снегом, лес.

На поляне я одна. Ни Лико, ни Арман не явились в сон. Мне не

снится прошлое и уж точно не будущее. Это как фантазия, сказочное сновидение, подобно которому никогда ничего не снилось. Здесь нет страха и холода. Только покой, бесконечный и манящий, не мёртвый, не как то видение смерти, куда чуть не затянуло, когда покусал Райво. Нет, это место — словно долгожданный дом. И кажется, что среди деревьев запряталась хижина, уютный домик у воды с мельницей и конюшней. Кажется, здесь уже была. Всё знакомо вплоть до извилистой веточки на ближайшем дереве.

Но это не мой дом. И я — не я.

Оборачиваюсь, прислушиваюсь к новым плотным звукам. Кто-то идёт, разрушая зимний дождь. От шагов трясутся и падают деревья, снег осыпается, обнажая голую кору. Через мгновение вижу в ночной дымке, подсвеченный сиянием лун, силуэт огромного волка. Для него я на один зубок. Как древний дух леса, он выше деревьев — почти под сотню метров. Здоровенное чудище, чёрное и лохматое. Если бы не свет лун, его совсем и не было видно. Только очертания, шумное дыхание, запах травы и мокрой шерсти.

Он наклоняется вперёд, втягивая запахи, и открывает глаза. Один — белый, другой — чёрный. Его морда, которая в несколько раз больше меня, останавливается на расстоянии нескольких метров, отчего вижу призрачность фигуры — он прошёл ветви насквозь. От близости такой туши замирает дыхание, останавливается движение, мир теряется. Визу только его глаза. Визу, как он рассматривает меня и от этого костенею.

Есть я и волк, и музыка ветра, дождя. Фантасмагория? Иллюзия? Или что? Глядя в глаза зверя, чувствую родство, сопричастность. Словно хочу назвать его... отцом?

Я делаю то единственное, ради чего снится этот сон. Опускаюсь на колени и подставляю шею, подчиняясь духу и предлагая себя.

Глаза закрываю, а открыв — оказываюсь в комнате, это смежное со спальней Хельги помещение. Уже утро, светает. Первая ночь, когда не было слышно барабанов. К хорошему или плохому — об этом узнаем совсем скоро.

Выхожу на балкон второго этажа во внутренний дворик, с которого открывается отличный вид на малый тренировочный плац, где так любят разминаться охранники замка. Сегодня здесь только Хельга и она уже закончила свою тренировку. Раздетая, в подпоясанной рубаше и

кожаных штанах, с заплетёнными в косу волосами, девушка разматывала с пальцев ткань, защищавшую костяшки от чересчур сильных ударов по набитой соломой и опилками груше.

Только собралась спуститься вниз и поздороваться, как во дворе появился староста. В чёрном кафтане, сутулый, какой-то весь сваявшийся, будто половая тряпка. Издали трудно разобрать выражение его лица, но походка выдавала тяжесть и глубокую усталость, запрятанную в измученном теле. Он что-то негромко сказал Хельге, кажется поздоровался, раз она закивала в ответ.

Чтобы расслышать слова старика, медленно, скрываясь в тени, прошла по балкону поближе, всё лучше разбирая его речь. Они говорили обо мне.

— Лэри, прогоните её, лэри Хельга! — заискивающе, но непреклонно причитал мужчина, подобострастно склонившись перед ней. — От неё одни беды!

— С чего ты взял, что имеешь право с подобным обращаться ко мне? — холодно спрашивает Хельга. В её глазах мелькнуло нечто недоброе.

— Как она пришла — люди стали умирать! Дикае вернулись, беды пришли! Вновь прячемся от луны по подвалам и клеткам, вновь кровь течёт по улицам! — не унимался старик. — Она — шайтан! Демон, а не человек! Враг!

Хельга рассмеялась.

— Неужто ты, Махо, байки удумал мне рассказывать? Да ещё в такой час? Наговариваешь на гостя нашего? А плетей за такое не желаешь получить? — взъярилась Хельга. Подбоченившись, она как будто стала выше — нависла над старостой, сверкая глазами.

Но не сдался старик, не отступил.

— Она оборачивается зверем по ночам! — воскликнул он. — Есть доказательства! — на щелчок пальцев выбежала служанка Иза, в руках девушка несла простынку. Протянув её Хельге, поклонилась и быстро переставляя ногами удалилась.

— Что это? — непонимающе спросила волчица, разглядывая изодранную тряпку.

— Это постельное бельё вашей гостии. Иза принесла сегодня утром. Смотрите — это следы когтей!

— Она человек, а не животное! — вновь разозлилась Хельга,

отбрасывая простыню. — Ваши сомнения беспочвенны!

— Есть свидетель! Стражник, что стоял у дверей Елены в ночь, когда погибла Лидия! Он видел, как Елена соблазнила вашего отца! Она имела вид дикой волчицы! Управляла им, приказывала, что делать!

В ответ Хельга сильно ударила старика по лицу и тот упал, испуганно сжавшись, боясь новых ударов.

— Не смей! В твоих словах крамола! — зашипела девушка. — Кто ты такой, чтобы бросаться такими обвинениями? Приведёшь ко мне стражника, что посмел оставить пост. Его ждёт суд за побег, а вас за укрывательство беглеца!

— Лэри Хельга! — плаксиво простонал староста, всем видом показывая раболепие и полное подчинение власти женщины. — Я бы мог, да он сбежал как узнал, что кан-альфы нет в замке! Никакого порядка...

— Стража! — крикнула Хельга и на её зов вышли двое стражников. — Заключить этого человека под арест! И пусть все узнают — его будут судить по законам военного времени! За своеволие и крамолу! Также выгоните Изу из замка — пусть возвращается в семью. Её поведение — недопустимое и опасное.

Староста Махо канючил до тех пор, пока не скрылся из глаз. Его почти волоком протащили по снегу стражники, а он всё пытался гнуть свою линию, выдавая новые порции своих идей касательно того, кто я такая. Как только его голос потерялся, из Хельги будто стержень вынули, она обмякла, опустила плечи, слегка ссутулившись. Медленно она подошла к брошенной тряпке и подняла её, расправив, внимательно рассматривая резанные линии.

— Что скажешь? — негромко спросила она, повернув голову в мою сторону.

По крутой лестнице я спускалась достаточно долго, чтобы успеть остыть и подойти к девушке с невозмутимым лицом. Чего нельзя сказать о том, что творилось под бесстрастной маской.

— Я определённо не шайтан, — сказала, принимая простынь из её рук. — И утром эта тряпка была цела, когда я выбралась из постели.

— Но всегда есть какое-то но? — спокойно спросила она.

— Есть вероятность, что со мной действительно не всё в порядке.

Мы стоим в центре тренировочного плаца, под ногами вытоптаный снег и опилки, а вокруг гуляет ветер. Никого нет рядом.

После всех приготовлений, ночь провели в её смежных комнатах, чтобы не испытывать стеснения. Это время, хоть и прошло без происшествий, всё равно оставило тягостное послевкусие. Почему нет барабанов? Завтра взойдёт полная луна, самый пик агрессии, а страшного ритма не было. Это значит, что Вельямину удалось победить Райво? Или же...? Другие варианты звучали слишком плохо, чтобы произносить их вслух.

— И обо всём, что со мной происходит, известно Вельямину, — закончила говорить, наблюдая за невозмутимой Хельгой.

— Хорошо, — кивнула она, принимая на веру мои слова. — Твоё слово против слова старосты. Он будет наказан.

— За беспокойство?

— За ложь и подстрекательство, — сказала как отрезала, но всё-таки решила прояснить. — Староста — это нить от них к нам. Он должен остужать горячие головы, а не распалить пламя. Его задача — покой и верность. Сама возможность тех слов, что он озвучил, — неприемлема. Людской бунт остужается многочисленными казнями, а мы не можем себе этого позволить в таких условиях. Это приведёт к резне. Поэтому его удалят в камеру подальше от людей. А из замка выгонят всех неблагонадёжных.

По глазам волчицы видно — не это беспокоило девушку. Она напряжённо думала о другом предателе.

— Почему Толик пошёл к людям, а не к Вельямину? Почему сбежал?

— Вельямин приказал Толику уйти, — осторожно сказала я. — Возможно, Толик встретил кого-то из людей уже за пределами замка?

— Он был в ту ночь в твоей комнате?! — полувосклицательно-полувопросительно высказалась девушка.

— Дикость привела его ко мне, — прошептала, слегка склонив голову. — Но не стоит об этом.

Тишина обрушилась со всех сторон. Замок будто вымер, что было недалеко от истины. Многие волки остались в своих комнатах, запертые в подвальных помещениях и камерах. Немногие оставшиеся сейчас в городе занимаются укреплением стен, жилых помещений и домов. Идёт полномасштабная подготовка к длительной осаде, заточенная под малое количество обороняющихся. Никто не знает, сколько волков выстоит, когда наступит полнолуние. Ахлик готовил замок ко всему. Даже ступенчатой кольцевой обороне на случай, если жителям придётся

защищаться друг от друга. Последний рубеж — сам замок, поэтому здесь сейчас почти никого не было.

Хельга взяла под руку и мы медленно пошли внутрь замка — недолгая передышка закончилась, её ждут дела, а меня очередная попытка разговорить Михо. Я верила, что ещё есть шанс достучаться до него.

План был прост. Ожидание приправленное страхом, немного нервного хождения по комнате. Отказ от еды. Изломанные ногти. Я не умею ждать, хотя ожидание это единственное, что объединяет всех нас.

Чтобы скоротать время, взяла какую-то книгу из библиотеки Вельямина. Кажется, это сказка про охоту. Или же очередная легенда. Быт оборотней не слишком разнообразен, для человека, смотревшего и читавшего книги и фильмы про них это было странно. Я как-то не задумывалась, что в сказочном мире могут быть настолько приземлённые вещи, как стирка, уборка, ремонт и готовка, и много других прозаичных дел. Короче — бытовуха. Работа, скука и вера в сказки. Не даром они столько их сочинили.

Я умудрилась вытащить книгу словно посвящённую моему сну. В ней шла речь о прародителе местных оборотней. Гигантском духе, из пасти которого вышли первые волки. Это была всего лишь сказка, ничего более. Её цель — преподать урок смирения перед двойственностью своей натуры. Урок принятия себя в обоих обликах. И как в моём сне, главные герои сказки, склонили головы перед прародителем, принимая второе я и превращаясь в прекрасных и могучих зверей, побеждающих врагов-драконов.

Странное послевкусие осталось от книги. Словно получила ответ на ещё незадаанный вопрос.

Это был час, когда собралась идти к Михо. Только-только спустилась по лестнице, кряхтя как старушка и мысленно сетуя на слабость тела. Господи, ну что за наказание? Как я могу обладать силой и быть при этом такой слабой? Уму непостижимо!

Я услышала крики и шум в главном зале, а когда доковыляла до него, там уже никого не было кроме охранника. На вопрос, что случилось, он замялся. По его растерянному и напряжённому виду было ясно — случилось что-то плохое.

— Смотрящий увидел лошадь, — тихо ответил он. — Она кружила по полю и кажется на ней был всадник.

— Вельямин? — сорвалось раньше, чем успела подумать.

Охранник тут же выключился, будто и не трепался секунду назад. Переложив руку на рукоять короткого меча, слегка задрал голову.

— Мне не положено с вами разговаривать, — ограничился он.

— Но вы уже говорите, — фыркнула раздражённо, про себя раздумывая — топать вниз или здесь дожидаться?

Осталась в главном зале, чинно сложив руки в замок на столе. Мимо проходящей служанке велела принести что-нибудь вместо обеда. Умные мысли подсказывали — впереди ожидаются осадки в виде клыков, когтей и кровавых дел. К ним следует подходить не на голодный желудок.

Вот так и начинаешь по-новому жить. Привыкаешь, планируешь и уже предсказываешь будущее, совершенно не задумываясь, что **так** нельзя. Что **так** не живут, а выживают. Видимо я слишком близко к сердцу приняла слова Армана. Уже не могу иначе.

Я всё ещё была в главном зале, когда на носилках внесли Дельмира. Его правая рука безвольно свисала вниз, чуть-чуть не доставая до пола, открытая грудь, крепко-накрепко перебинтована и сквозь серые тряпки уже проступают первые кровавые следы. На лице опять тряпки — нос полностью закрыт, как и правый глаз. Волосы стоят торчком, они мокрые или засаленные от грязи, издали не разобрать. Мужчина без сознания, вокруг хлопчат двое лекарей — бывшие помощники Михо. Всё, на что они способны — поддерживать жизнь, не давая волку истечь кровью. А нам остаётся верить, что внутренние повреждения не критичны и не потребуются проводить хирургическую операцию. Её просто некому делать.

Хельга высохла до белизны. Вся мягкость испарилась, пасуя перед северным холодом. Она держится с вызовом, чтобы Ахлик не перехватил контроль. Споро раздаёт приказы, что и кому делать. Доставшиеся мне скупые слова, выразили совсем неприглядную картинку. Отряда больше нет, отец Хельги в плену, многие волки перешли на сторону диких, других вырезали, кого-то посадили на цепь в ожидании луны. Дельмир сбежал благодаря своему кан-альфе, который в последний момент отдал приказ, которому волк был вынужден

подчиниться.

Эта установка привела замок в режим повышенной боевой готовности. Хельга решила переправить оставшихся женщин, стариков и детей человеческого происхождения под гору в тот самый зал, закрытый массивными ставнями, способными удержать как размерами, так и массой сбесившихся волков. Подымают ворота на каждом уровне замка. Мужчин делят на категории, проверяя свежей кровью: реагируешь — в казематы, не реагируешь — небольшая доза аконита, чтобы сдерживать внутреннюю суть и вперёд — на крепостную стену. Сегодняшняя ночь покажет, чего следует ожидать от завтрашнего полнолуния. Но готовиться приходится ко всему.

Весь день провела на задворках событий, меня вежливо отодвинули, почти как мебель — да и чем могла помочь? Полуинвалид, сомнительная личность без определённой видовой принадлежности со странными закидонами и вообще — а вдруг подсадная утка?.. К Михо не пустили — сейчас тюрьма закрыта — её готовят к ночным визитёрам. Поэтому отсиживалась в своей комнате среди сказок, бездумно выводя круглые линии на листах бумаги. Не сразу заметила, что вновь и вновь повторяю тот символ, что был нарисован на стене позади труп паренька. *Познай плоть и стань свободным*. Но что такое свобода? Разве она равнозначна отсутствию контроля над собственным телом? Разве свобода выражается в подавлении разума и разгуле инстинктов? Ведь принимая *такую свободу*, ты становишься ещё более зависимым от того, кто превозмог дикость. Такого как Райво. И где же здесь свобода?

Наконец, устала от вынужденной изоляции, да и в замке почти исчезли все звуки. Выйдя из комнаты, кивнула охраннику, и мы спустились вниз в пустую столовую. После утренних событий господских служанок не осталось. Получается какая-то несчастливая должность. Поэтому обед приносила кухарка. А ужин похоже вообще отменяется — стол не накрыт, никого нет. Отослав охранника на кухню, сама отправилась на поиски обитателей замка. Такое чувство, что попала в иную реальность. Сплошные потёмки. Если и встречала кого, то они смотрели в пол и жались по стенам, сам замок потемнел — большинство ламп не работало, никто не следил за отоплением, из-за чего плотнее куталась в шерстяную шаль. Впервые посетило чувство

вседозволенности. Словно больше не под присмотром. Всем всё равно, что со мной.

Все мысли занимает только одно — что случилось с Вельямином. Забавно получается, я так долго анализировала свои чувства, боролась с привязанностями, доводила себя до состояния дамочки из книги «Гордость и предубеждение», что теперь просто в ужасе от одной мысли — что его нет. Ведь даже если они оставили альфу в живых — дикость меняет волков. Он уже не будет таким... добрым? Заботливым? Внимательным?.. Влюблённым? Я не знаю, чего ожидать.

Из малой гостиной донёсся полувоплъ-полустон. Приблизившись, невольно вновь стала слушателем чужой ссоры. Ахлик и Хельга на повышенных тонах выясняли отношения.

— Ты ни хрена не делаешь! — кричит девушка, наполняя лёгкие чистой яростью.

Прислонившись к стене, слегка наклонила голову, чтобы лучше слышать. Они могли почуять меня, но сила разногласия зациклила их друг на друге. Оглянувшись по сторонам, убедилась, что коридор пуст и темен. Охранник не скоро спохватится, а мне нужно узнать, что планируют волки. Из-за моей слабости и человечности, Хельга быстро отодвинула меня в сторону, чтобы не путалась под ногами. Приставив охранника, она выкинула мою безопасность из головы, будучи убеждённой, что со мной ничего плохо не случится, если буду под присмотром.

— Почему мы всё ещё в замке? Ты должен отправить отряд на поиски отца! Твоего брат между прочим! — не унималась Хельга. За стеной послышался громкий стук, а затем рычание. — Давай, бей посуду, только на это ты и способен!

— Замолчи, женщина! — раздался мужской голос в ответ. — Что ты предлагаешь? Отправить оставшихся защитников замка на верную смерть? Ты сама себя слышишь? У Веля было пятьдесят волков, чтобы справиться с Райво и где они сейчас?!

— Вот именно, где они?! Почему отец...

— Дельмир чётко дал понять, чего они хотят, — Ахлик наполнил свои слова ядом, как настоящая змея. — Они отступят.

— И ты им веришь? Замок способен выдержать любую осаду, но ведь угроза идёт от нас самих. Фактически, мы готовы упасть в руки Райво по единому удару по барабану! — с горечью протянула Хельга.

— Такое требование — лишь способ забраться к нам в голову! Способ сломить волю, показать, насколько мы слабы! Райво не остановится, пока не заберёт всё, что хочет, а хочет он всё!

— Это даст нам время! — выпалил Ахлик. — На то, чтобы отправить отряд к соседям. С подкреплением, мы уничтожим зарвавшихся диких! Выстоим до весны, а там уже подойдёт и помощь из-за перевала...

— Цена...

— В данной ситуации — приемлема, — закончил за Хельгу волк. — Теперь она всего лишь человек. Шрам сошёл, она ничтожна. Её жизнь за жизнь всех нас.

От его слов перехватило дыхание. Руки невольно потянулись к горлу, пытаясь сохранить тишину и не выдать своего присутствия всхлипами. Я задыхалась и кричала про себя. Только что от меня избавились как от мусора. Я больше ничего для этого замка не значу. К этому подводило всё, что происходило последние дни.

— Но ведь она пострадала из-за нашей неспособности защитить её, как нашего гостя, — тихо заговорила Хельга.

— Не считай её невинной. Именно с её появлением в замке всё началось. Слуги болтают, что она виновата в смерти Лидии. Есть подозрение, что она как-то влияла на нашего кан-альфу, из-за чего он и попал в засаду. С ней не всё ладно, Хельга. Пусть дикие сами разбираются с ней, — веско заметил Ахлик.

Меня спугнул какой-то звук. Что-то тяжёлое упало где-то этажом выше. Очнувшись, словно от страшного сна, пригладила рубашку, подтягивая на плечи шаль и на цыпочках удалилась из коридора, стараясь двигаться как можно более незаметно. Я уже не испытываю раскаяния от того, что подслушивала. С сердца упал камень, я свободна в своих действиях. Когда они закончат говорить, Ахлик, как глава замка, прикажет схватить меня и заключить под охрану. Потом выведут из замка и отдадут Райво в руки. Всё пройдёт просто и быстро. Вероятно, обменяют на Вельямина. Может даже убьют на его глазах. Ведь именно этого хочет Райво — моей смерти. Мне даже не скажут почему. Кто я такая, что дикие готовы идти на подобную сделку, только ради того, чтобы убить?

Поднимаясь по лестнице, с досады едва-едва стонала, чувствуя свою физическую беспомощность. Правая нога с трудом поднималась

по ступенькам, место укуса страшно ныло. Я ковыляла как старушка, с трудом представляя свои дальнейшие действия. Драпать из замка на ночь глядя? Куда? В лес к диким? К перевалу, который в глаза не видела? У меня нет союзников. Хельга, хоть и была добра, выбирает отца. Дельмиру я нравлюсь не настолько, чтобы поступиться принципами, да он наверняка ещё не пришёл в себя после ранения. А больше никого не осталось. Мой главный союзник сам в беде, а все остальные находятся в другом мире.

Впервые была бы рада Каю. Чёрт, да я была бы рада и самому дьяволу, если бы он вытащил меня из этой западни!

Пока же преодолела лестницу и оказалась на своём этаже. Здесь пусто как в могиле и также тихо. На закате замок окончательно вымер, что играло на руку. Я уж точно не собираюсь сидеть на месте и смиренно ждать, когда за мной придут. Лучше умру от холода, чем безропотно подставляю шею под удар.

Лампы на этаже горели через одну. Света едва-едва хватало, чтобы сослепу не врезаться в стену и ничего не сбить по дороге. Я не сразу поняла, что вижу в другом конце коридора. Из-за игры теней казалось, что тёмная занавеска колыхается из-за открытого окна. Мне слышался ветер, воющий как зверь. Но когда загорелись два огонька, ярких и жёлтых, когда рычание снизилось до утробного, когда машина выпрямилась, чтобы собраться, готовясь сорваться с места, пришло понимание. И простая, но такая невыполнимая мысль, — беги.

* Шарль Бодлер — Осенняя мелодия

Глава 11. Всё светлое в хаосе исчезнет

Глава 11. Всё светлое в хаосе исчезнет

Поклонись да поглубже моему палачу.

Видишь, от боли уже давно не кричу

И не плачу, глаз не сомкнув,

Только губы дрожат, вопрос — почему?

Мне повезло оказаться рядом с этой комнатой. Повезло, что двери в замке массивны, тяжелы и открываются наружу. Повезло успеть захлопнуть её прямо перед открытой пастью твари, что навалилась на дверь, захлопывая её, чуть не опрокидывая на пол. Повезло и в том, что дверь имела, пусть небольшой, но засов, который смогла опустить вниз, не давая зверю открыть её и ворваться внутрь.

Я вижу, как она вздрагивает будто хлипкая деревяшка от бессильной ярости волка. Вижу, как ходит косяк, как дрожит засов и как всё сотрясается, с трудом противясь такой мощи. Лихорадочно оглядываясь, понимаю, что оказалась в западне. Это гостевая спальная комната без уборной, совершенно пустая. В углу шкаф, рядом комод, небольшие подсвечники на стенах, застеленная кровать, накрытая покрывалом, тумбочка, больше ничего. Всё пропахло пылью и затхлостью. Окна, хоть и выходят на внутренний дворик, всё равно слишком далеки от земли, чтобы попытаться выбраться наружу. Просто разобьюсь, если прыгну и здесь нет даже парапета, по которому могла бы перебраться в другую комнату. Холодный ветер заморозил лицо и я перестала высовываться. Обернувшись, увидела щель в деревянной двери, расширяющуюся от мощных ударов когтей. На мгновение пересеклась взглядом со зверем и он принялся с утроенным рвением прорываться внутрь. Мне оставалось только одно. Вновь высунувшись из окна, заорала во всё горло:

— Помогите! Кто-нибудь, на помощь!

Позади раздался волчий недовольный рык, а потом всё смолкло. Тварь ушла, будто испугавшись моих криков. Нерешительно потоптавшись на месте, подошла к двери, настороженно прислушиваясь и комкая в пальцах вырвавшийся подол рубашки. От напряжения сводило скулы, прорывался истеричный смех и плач одновременно. Подойдя совсем близко, замерла вслушиваясь в тишину. Потребовалось минут десять, прежде чем услышала шаги, а затем увидела через дыру мужское лицо. Потрёпанный Дельмир, полный страха и участия, оказался напротив меня, хотя должен был лежать в постели, приходя в себя после стычки с дикими.

— Елена? Что случилось? Мне кажется, я слышал твой голос! — заговорил он с волнением, ощупывая края дырки. — На тебя напали в замке?!

— Это был дикий, — говорю осторожно, оставаясь на месте. — Не знаю, откуда он взялся. Мне повезло, что он не успел напасть — я захлопнула дверь и стала звать на помощь, тем и спугнула его.

— Где твой охранник? Где Ахлик? Почему ты без охраны? — заговорил он, перед этим выругавшись, не стесняясь в выражениях. — Ты в порядке? Тебя нужно отвести в лазарет! Чёрт, я порву твоего охранника на лоскутки! Как он посмел оставить тебя без присмотра!

Волк говорил правильные вещи, очень успокаивающие, верные. Я была готова поверить ему, но червячок сомнения не давал этого сделать. Я видела, каким он был утром. Нет, он не мог так быстро поправиться. Как он оказался здесь? Чувствую подвох. Ведь я знаю, что он успел передать Ахлику. Странная нелогичность сводила с ума.

— Ну же, открой дверь, Елена! — попросил он требовательно, маскируя заботливостью своё нетерпение.

Я отрицательно мотнула головой и сделала шаг назад.

— В чём дело? Ты чего?

— Я не верю тебе, — говорю просто, делая ещё один шаг назад, чтобы оказаться за пределами досягаемости его руки.

— Это же я, Дельмир, — говорит спокойно, совершенно не обидевшись.

А затем молниеносно пробивает дверь, расширяя дыру, поднимая засов и входя внутрь.

— Как ты можешь во мне сомневаться, Елена? — продолжает говорить спокойным тоном, демонстрируя когтистую лапу вместо руки. — Я подарил тебе самое дорогое, что у меня есть, — сердце.

— Всё это время, это был ты, — я не удивлена — удивлялка сломалась, просто отступаю назад, закрывая себя руками.

— Елена, почему ты так сладко пахнешь? — он выглядит безумцем.

Втягивая воздух, принюхивается, блаженно улыбаясь. Лихорадочный румянец окрасил его щёки, сделав живым. Он как-то похорошел, распрямился, утратив болезненную бледность. Только глаза выдавали сумасшествие, пробудившиеся внутри волка. Дельмир постоянно облизывал губы, надвигаясь на меня, медленно и неотвратно.

— Я захотел тебя в тот момент, как почуял запах твоей крови. Даже не удержался — облизал пропитавшиеся тряпки, которыми закрывали твои раны от столкновения с Райво. Он сказал, что на вкус ты как солнце и я могу съесть тебя всю! — волк клацнул зубами, отчего негромко вскрикнула и он рассмеялся. — Не думай, я не сразу тебя съем. Я так долго к этому готовился, так представлял, как это будет, что определённо не собираюсь спешить.

— Дельмир, пожалуйста, — обратилась к нему с мольбой, но в ответ получила новую порцию смеха.

— Ты не была такой милой, когда трахалась с Вельямином! — заметив, как меня передёрнуло, он продолжил: — О да, я всё видел! Я пытался заставить его есть, но ты... ты что-то сделала в ту ночь и мне пришлось самому убить её! Пока вы трахались, я развлекался с ней, — подмигнув, он совсем приблизился ко мне, нависая как скала, подавляя размерами и странным запахом — смесь крови и мускуса.

— Я не убью тебя, — интимно прошептал он, — я тебя трахну и, если будешь послушной девочкой, — останешься в живых. По рукам?

Он свободно положил руку мне на грудь и до боли сжал, вызвав крик.

— Такой сладкий голос, — он выпускает когти, врезаясь и пуская кровь. — Кричи, не сдерживай себя, нас никто не услышит!

Дельмир прикусывает за шею и через укусы толкает на постель, оказываясь сверху. Он задирает мою рубашку и впивается в окровавленную грудь губами, жадно глотая сочащуюся кровь, вызывая болезненный отклик.

— Не сопротивляйся! — приказал он, когда замерла, боясь спровоцировать волка на новую агрессию. — Или будет ещё больнее! — он торжествующе смотрит, а затем стягивает с себя рубашку, обнажая изрезанный шрамами торс. — Сама разденешься или помочь?

— Дельмир, это ведь не то, чего ты хочешь, — заговорила, прижимая руки к груди. — Это не ты!

— Делай, что говорю, или будет больно! — зарычал он, выпуская зверя. Не утерпев за моими медленными движениями, одним порывом разрывает мои штаны, добираясь до нижнего белья. Он наклоняется, утыкаясь лицом в пах, жадно втягивая мой запах.

Я боюсь сдвинуть ноги. Я боюсь пошевелиться. Я боюсь спровоцировать. Боюсь, что он вот-вот вцепиться клыками в шею, раздирая и высвобождая смерть. Боюсь, что он сделает со мной сейчас и что сделает потом. Страх сочится из моих пор. Страх лезет из глубины сердца. Страх сжимает пальцы, превращая их в бесполезные отростки, не способные защитить от опасности. Страх отворачивает голову, когда волк спускает с себя штаны, сгибает мои ноги в коленях и наваливается сверху. Страх убивает меня.

А вот ярость нет.

Мне кажется, волк сам не понял, что произошло. Почему он оказался на другом конце комнаты, лёжа на полу. Он растерян, по-

звериному, мотает головой, а я поднимаюсь, чтобы вновь напасть. И не успеваю.

В комнату влетела волчица — Хельга приняла звериный облик, доступный женщинам. Она набросилась на Дельмира, целясь в шею и они звериным клубком покатались по комнате. Девушка не давала волку «перевернуться», чтобы он не смог покалечить её. Последний рывок — и волк выпрыгивает из окна, а Хельга прыгает следом за ним.

Несколько абсолютно неподвижных мгновений. Сквозь них до меня доносятся звуки волчьей драки. Визгливые ноты сменялись утробным рычанием, ударами и звоном — всё смешалось в какофонию дичайших звуков и посреди — я. Мои руки слишком длинные для моего тела. Прямо на глазах возвращается исходная форма с болезненным, тягучим чувством плотности. И словно ничего не было. Верчу туда-сюда. Руки как руки. Нормальные белые руки.

Я подхватываю с пола упавшую шаль, опоясываюсь ею на манер юбки, чтобы прикрыться и выхожу из комнаты. Впервые за долгое время я не хромаю.

Стоило поспешить — я слышала слишком много голосов. Интуитивно определив, куда они свернули, выбежала на тренировочный плац прямо к середине сражения. К Хельге присоединился Ахлик, а Дельмир успел принять конечную форму зверя. Позади в снегу валяется труп одного из охранников с вырванной трахеей, а рядом со мной у выхода, лежит другой, зажимающий шею руками, хрипящий. Его взгляд абсолютно пуст, а сквозь пальцы пузырится кровь, окрашивая всё в один тон. Запах стоит одуряющий, от голода свело желудок. Развернувшись, склонилась над землёй. Меня рвало желчью и остатками адреналина. Я не успевала перестроиться, краем глаза наблюдая как волки вальсируют друг вокруг друга. Как Ахлик и Хельга пытаются напасть на Дельмира сзади, целясь в сухожилия и как он уворачивается, исхитрившись изогнуться под немыслимым углом. Они все похожи на каракатицу, чёрное пятно, изгибающееся, собирающееся в кучку и разваливающееся на мелкие капли. Рычание обрывается визгом — Дельмир зашвырнул через всю площадку Хельгу, подставляясь под удар Ахлика — он сбил волка на пол, пригвоздив когтистой лапой, сомкнув её вокруг шеи мужчины. Лицо беты искажено от напряжения, он весь вспотел и капли пота, смешиваясь с каплями

крови, горохом попадали на снег.

— Ты уже проиграл! — зашипел Дельмир, когда Ахлик позволил ему частично трансформировать лицо, изуродовав и без того некрасивый рот. — Она одна из нас! Она наша! Так зачем ты сопротивляешься? Просто посмотри — это будет легко! — продолжил волк, кивком головы указав на меня.

Вскинувшись, Ахлик вперился в меня взглядом. Раскрыв рот, сжал зубы, демонстрируя волчий оскал. В нём нет человека, как и в Хельге, пытающейся по-собачьи подняться на заднем плане. И уж тем более нет человека в Дельмире, чьи глаза уже никогда не потухнут и навсегда останутся яркими и жёлтыми. Дикими.

— А как же Вельямин? — я поднимаю руки в беззащитном жесте, показывая свою открытость и этого оказалось достаточно, чтобы Ахлик стушевался, мотая головой, сбрасывая чужую волю.

Он потерял концентрацию и Дельмир резко подался вперёд, сомкнув пасть вокруг держащей его руки. Дичайший крик пронёсся по площадке, и всё опало. Ахлик пытается освободиться, а дикий, не разжимая клыков, трансформируется, возвращая цельную форму. Хруст сравнимый с чавканьем и обрубков падает на снег. Волк прыгает на Ахлика, целясь в глотку, но его сбивает Хельга, они кубарем покатались по заснеженным опилкам прямо на меня.

И это то, что ты делаешь не задумываясь. Ходы прописаны до того, как ты их сделаешь. И всё выглядит естественно, как в танце. Инстинкт — бессознательное действие, ответ на внешний раздражитель.

Я с лёгкостью влилась в звериный клубок, зубами впиваясь в шерсть, погружая отросшие когти в податливую плоть. Я знала, как нужно кусаться, как нужно двигаться, как сражаться, защищаться, драться и как побеждать. Хельге нужно было совсем чуть-чуть помочь, чтобы она смогла сосредоточиться. Моих сил хватило на перехват его рук в области локтей при нападении сзади. Хватило сил, чтобы впиться когтями в его плечи, фиксируя и не давая шевельнуться. В бессильной ярости, он воет, опрокидывая меня на спину, массой мешая подняться. Мы оба в ловушке, он давит на меня, безостановочно рыча, лицо заливает кровь, я ничего не вижу. И только слышу:

— Отпускай!

Мне хватило секунды, чтобы выпустить когти, а ему легко спрыгнуть с меня. Переворачиваясь на живот, подгребаю руками

грязный снег и размазываю его по лицу, смывая кровь. А когда оборачиваюсь, вижу труп Дельмира и Хельгу, с окровавленной рукой, стоящей над ним. Она так сильно перерезала ему горло, что голова под неестественным углом запрокинулась назад, но тело сохраняет странную неподвижность. Волк стоит на коленях, он мёртв, но почему-то не падает. Тогда девушка толкает его ногой и он опрокидывается на спину, разбрызгивая повсюду кровь.

Чуть поодаль негромко выругался Ахлик. Мы синхронно взглянули на него и увидели, как побледнело его лицо. Он не успел обмотать обрубком, чтобы остановить кровотечение, поэтому прямо на наших глазах потерял сознание. И мы остались вдвоём.

Из нас двоих, Хельга лучше сохранила присутствие духа и отправилась искать помощь. Пока она ходила, я как могла тряпками туго обвязала руку Ахлика выше запястья, чтобы остановить кровь. Острое сожаление об отсутствии элементарных медицинских познаний пришло вместе с пониманием — это максимум, что могу для него сделать. Стоит ли пытаться привести его в чувство или же болевой шок окажется слишком сильным? А если оставить как есть, он может умереть? К несчастью, я не знала ответов на эти вопросы.

Закат закончился глубокой чернотой и тишиной. Барабаны всё ещё не били, но наверное это потому, что дикие верят в успех мероприятия Дельмира. Уверена, что завтра в полнолуние, они обязательно устроят нам бурную ночь. Словно затишье перед бурей.

Я сижу почти голая на снегу, окружённая трупами, голодная и злая. Каждый нерв оголён, внутри что-то содрогается, прорываясь сквозь тонкую человеческую кожу. Я готова пойти до конца, и это желание пугает. Как пугает отсутствие холода. И сила, что открывается с каждой схваткой. Почему сейчас? И что это такое? Я не волчица — все твердят, что это невозможно. Тогда почему могу делать все эти вещи? Я билась с Дельмиром на равных. Смогла удержать его. И сейчас глядя на тела погибших, внутри желудок сводит от голода и просыпаются совсем уж нечеловеческие мысли. *«Сожри. Сожри их всех. Обглодай кости. Предчувствуешь как это будет вкусно?..»*

Возвращения Хельги и подмоги ждала с нетерпением. И как они пришли, сразу же отправилась на кухню. Мне было всё равно, что есть. Главное не думать о том, что осталось на плацу. Вообще обо всём это не

думать.

Хельга нашла меня, когда доедала очередной шмат замороженного мяса. Мне повезло — на кухне никого не было, а в леднике обнаружились запасы. Мне было настолько всё равно, что я впилась зубами в мясо, перемалывая его и не обращая внимания на сопутствующие мелочи. Оно было таким вкусным, что даже плевать, что ем и как. Это просто топливо, без которого не могла обойтись.

Скрестив руки на груди, она остановилась в дверях, предварительно убедившись, что мы одни. Выглядела девушка неважно. Чёрные волосы стоят торчком и во все стороны, на лице засохшая, плохо смытая кровь, много мелких ссадин и порезов. Крупная рана на предплечье, замотанная в какую-то тряпку. Хельга успела переодеться и новая рубашка местами уже пошла пятнами — следы от драки давали о себе знать. Смертельно уставшая.

Мы неотрывно пялились друг на друга, пока глотала куски, облизывая замёрзшие пальцы. Зубы сводило от холода, но продолжала есть. В конце концов, она присоединилась ко мне и только по окончании этой непрезентабельной трапезы приступили к диалогу.

— Кто ты такая? — задала она вопрос.

Я смотрю на руки и чувствую в них странный зуд. Как пузырьки от шампанского, словно чуть напряжёшься и произойдёт взрыв.

— Я не знаю.

— Ты предлагаешь мне удовлетвориться этим ответом?

— А что ты хочешь услышать? Я выложила всё о себе твоему отцу. Он без понятия, что со мной происходит и почему. Может ли связь с одним из вас привести к такому эффекту?

— Мы не болезнь, чтобы заразиться через укус, — хрипло ответила она. — Мать рассказывала ваши сказки. Нет, так не бывает.

— Хель, тут два варианта. Либо я родилась такой, либо меня такой сделали. Я не знаю. И это не тот вопрос, который мы должны обсудить, — замечаю почти мягко. — Завтра взойдёт полная луна. Вельямин у них, а мы остались одни. Что нам делать?

Хельга малоподвижна. Она сидит за столом, обхватив себя руками ниже груди и прислонив указательный палец к верхней губе, задумчиво глядя в никуда. Приоткрыв рот, она закусила нижнюю губу, обдумывая варианты. Не двигается, только резко переводит взгляд на меня, прежде

чем молвить:

— Я велела молчать, но люди уже знают о предложении диких. И я знаю, что ты его тоже слышала.

Мы вновь смотрит друг на друга и это похоже на взгляд в глубокое тёмное озеро. Мы не можем читать мысли, чтобы полностью довериться. Мы не подруги. Не сёстры. Мы никто. Но от наших действий зависит будущее всех людей и не людей этого замка. И мы обе не знаем, что предпринять.

Наш бессловесный разговор прервался появлением одного из стражников.

— Лэри Хельга, вы должны это увидеть, — он замер в дверях кухни, глядя на хозяйку с тревогой.

— Что случилось?

— Вы приказали найти лэри Брону, чтобы привести её к лэрду Ахлику... Мы нашли её в *беспокойном* состоянии, — неуклюже выразился он. — Лэри серьёзно больна, прошу идёмте.

Кивком головы Хельга приказала следовать за ней.

Поднимаясь свободно по ступенькам, спинным мозгом чувствовала тяжёлые взгляды стражников. Они видели, что я изменилась и эти изменения вызывали в них тревогу и опасения. И по дороге они сделали всё, чтобы между мной и Хельгой кто-то был. Словно я враг. Словно и не помогала расправиться с Дельмиром.

Возле крыла, принадлежащего Ахлику и Броне, стояли ещё стражники, расступившиеся, заведя лэри. Открыв перед нами двери, впуская в тёмный коридор, освещённый всего двумя фонарями, они последовали за нами, образуя квадрат — спереди двое, позади двое и между мной и Хельгой ещё двое. Такие предосторожности ввела сама девушка, понимая, что у Дельмира могли остаться союзники. Подвоха следовало ожидать отовсюду.

Мрачный коридор огласил нечеловеческий вопль, заставив всю колонну замереть.

Брона не была больна. Она стала дикой. И Ахлик об этом знал. Он собственноручно приковал жену кандалами к стене, зафиксировав таким образом, чтобы она не поранилась самой и не ранила других. Смрад стоял отвратительный. Беспомощная женщина была вынуждена испражняться под себя и не было рядом мужа, чтобы убрать за ней. Немытая, нечёсаная с искривлённым выражением лица она ничем не

напоминала тех диких, что встретила в лесу. Почему одни дичают и сохраняют рассудок, а другие становятся вот *этим*? От бывшей северной красоты ничего не осталось. Только иссушающая злоба и ненависть в глазах. Остатки разума выдали гневную речь:

— Это ты во всём виновата! Ты сука влезла! Жаль я не убила тогда в коридоре! — захрипела женщина, иступлено вырываясь из оков. По её лицу пошла трансформация, но изменения из-за кандалов вызывали такую боль, что она была вынуждена остановиться и вернуться в человеческую форму. Ахлик специально сковал её таким образом, чтобы она не смогла увеличить свою силу и вырваться. Зверя сложнее удержать, чем человека.

— Значит она напала на тебя. Два зверя. Вот что не складывалось, — прошептала Хельга.

— Что прикажете, лэри? — спросил старший стражник.

— Напоите её отваром из аконита, как и остальных. Отмойте и в камеру. Больше мы ничем ей не поможем, — грустно сказала Хельга. — Прости Брона.

— Убей её! — закричала та в ответ. — Он не мой из-за неё!

— Немой? — переспросила Хельга, нахмурившись, неправильно услышав слова женщины.

— Они оба должны были быть моими! — вновь зашипела Брона, грудью подаваясь вперёд. По её лицу прошла гримаса вожеления. — Сначала Ольга, потом Елена. Они влезли и всё испортили!

История Броны оказалась незамысловатой. Она влюбилась в Вельямина потому, что он кан-альфа, а соединилась с его братом. Девушка ждала, что он заметит её, а появилась Ольга. Брона держалась за Ахлика, не давая согласия ни на одну предложенную триаду — отвергала всех кавалеров. Ей нравилась Ольга и это её убивало. Зависть и любовь — гремучая смесь. Смерть Ольги оказалось ударом, но и возможностью. Она видела, как изменился Вель и пыталась привлечь его. В какой-то момент ей даже начало казаться, что всё получилось, но тут появилась я. Бой барабанов высвободил её гнев. Она напала, но остатки человеческого разума не дали ей закончить начатое. Мысль не ушла и Брона затаилась. Поход в лес, стычка с дикими сбили все её планы. Она стала меняться и это заметил муж. Осознав глубину падения жены, он заковал её в кандалы. Это всё, что пришло ему в голову. Он боялся гнева брата, боялся, что правда выйдет наружу и не мог

отпустить её. Ахлик слишком её любил.

Бессвязная, но в то же время ясная речь Броны подошла к концу. Она исподлобья глядела на нас, понимая, что это последнее, что она может сказать.

Я подошла к ней, вызвав очередную неконтролируемую волну изменений. Её ненависть воплощалась в потере контроля над трансформацией. Именно это помогло мне коснуться лба женщины.

— Тише, — прошептала негромко, ловя её взгляд. Кажется, я уже делала что-то подобное, движения получались естественными. Они помогали. — Посмотри на меня, Брона.

Её глаза — жёлтые от дикости стали светлеть, возвращая светло-серый цвет.

— Прости меня, — шепчу и она кивает головой. Желтизна возвращается, но боль ушла. Женщина свесила голову вниз, погружаясь в спокойный сон. Первый за эти дни.

Мы с Хельгой уходим из крыла Ахлика и Броны. Оставшись одни, она берёт меня за плечо и тихо спрашивает:

— Ты что-то придумала?

Я вновь гляжу на неё. Мне нужно довериться ей так, как доверилась в последний раз Эльзе, то есть целиком и полностью.

— Скажем так, у меня есть план. И он тебе не понравится.

* Вильям Шекспир — Сон в летнюю ночь

Глава 12. Склонимся мы под тяжестью судьбы

Глава 12. Склонимся мы под тяжестью судьбы*

Это — сильнее меня. Это — вторая я.

Выбирается, сквозь плоть вырывается,

Раздирает на кусочки, и в итоге остаются

Точки.

Рассвет встретила в продуваемой башне, закрыв все двери на замок. Здесь высокие, но очень узкие окна, сквозь них ни единый зверь не проберётся внутрь. Барабаны, пускай неохотно, но отбивали свой надоедливый ритм до самой первой утренней дымки. Всю ночь я слышала, как громко выли волки. Крики, драки, то здесь, то там мелькали отблески пожаров. И тени, мечущиеся по дворам, по крышам, по стенам. Ночь перед полнолунием собрала свою жатву. Остаётся молиться за живых.

От отсутствия нормально отдыха слегка кружила голова и немного подташнивало. В замке из прислуги никого не осталось, поэтому пришлось самой мыться, переодеваться и завтракать. Здесь не было даже стражников — после такой ночи каждая пара рук жизненно необходима, чтобы убрать последствия. Что происходило в городе под почти полным ликом красной луны? И как с этим справилась Хельга, оставшись без поддержки дяди, тёти и отца? От того, решится ли она помочь мне, зависит всё. Всю ночь искала другие выходы, но находила только входы. Я всё кладу в одну корзинку и не уверена, что она выдержит этот вес.

Замираю перед зеркалом, внимательно рассматривая мутное отражение. Изучая каждую чёрточку лица, касаясь рук, обхватывая плечи, сжимая/разжимая пальцы. Я это я или нет? Справлюсь ли? Мне это по силам? Я это... я?

Спускаюсь вниз, покидая пустой замок, минуя раскрытые нараспашку ворота, обступая поваленные телеги, мусор и грязь. Мимо полуразрушенного дома, от которого ещё поднимался дым, под тяжёлым низким серым небом, прямо на площадь, где собрался весь оставшийся люд. Где Хельга вещает с трибуны, чётким поставленным голосом пытаюсь поднять людской боевой дух. От запаха гари подташнивает, сажа скрывает лица людей, но они расступаются передо мной, образуя коридор прямо к импровизированному помосту, на котором расположилась Хельга.

Она смотрит с ненавистью, направив указательный палец прямо на меня.

— Всё началось, когда её принесли в замок! Человек погиб бы от таких ранений, но она выжила! С её появлением начались убийства. За ней охотятся дикие. Она сама зверь! Всё свидетельствует против неё!

Позади девушки стояли двое — Иза и староста. Мрачная парочка, согласно кивала, видимо уже успев донести до людей мои прегрешения. Озираясь по сторонам, вижу — зёрна падают на благодатную почву.

— Шайтану место среди диких. От них поступило предложение — они оставят нас в покое, если мы отдадим её. Правила гостеприимства не могут распространяться на монстров!

Сначала робкий, но затем всё более громкий голос одобрения, гул толпы зазвучал со всех сторон. Ряды позади сомкнулись и я оказалась одна перед девушкой, предавшей меня.

— Взять её! — крикнула она, жёстко сжав зубы.

На руках сомкнулись тяжёлые руки, пригвоздившие к земле. Мне незачем пытаться вырваться — побег невозможен.

— Это ошибка! — кричу, когда она спускается с помоста и подходит ко мне. — Ты же знаешь, что он не отступится!

— Это даст нам время на выживание, — негромко говорит она. — Ты же слышала слова Ахлика — это единственный выход.

Упрямо мотаю головой, не соглашаясь с её доводами.

— Ты упадёшь ему в руки как спелый плод. Хочешь лечь под дикого, Хельга? Тогда поступай как считаешь правильным!

От её руки зазвенело в ушах, а на снег упали крошечные капли крови. Всего лишь разбитая губа. Мне даже не было больно. Улыбаясь окровавленной улыбкой, чувствую, как смыкаются верёвки на запястьях.

— Готовься, Елена. Сегодня ты умрёшь, — спокойно заявляет она под одобрительные вопли толпы.

Как-то спросила у Веля, кто такие дикие, что обитают в лесах. Отличаются ли они от омег. Откуда взялись? Кто же они такие?

И я узнала то небольшое, что было известно самим обитателям дальних пределов.

Эти дикие не похожи на обычных изгоев. Они имели подобие семьи, у них были вожаки, они разделяли права и обязанности. Их дикость выливалась в жажде, что испытывают, видя жертву. Человек, олень или тварь из вечных лесов — неважно, они нападут, не раздумывая о последствиях. Им сложно контролировать свои желания. Если дикому понравится девушка — он возьмёт её или будет сражаться до последней капли крови с её защитником. И так во всём. У них

изменённая биология — им не нужны триады, чтобы размножаться. И стать вожаком может любой. Нет альфы, беты или омеги. Они свободны в выборе.

Услышав это, спросила, почему же дикие не завоевали мир? Ведь кажется, что они лучше обычных волков.

По словам Веля, дикие появились почти двадцать лет назад, если считать по времени моего мира. Сначала дикости в них было много, но они организуются, становятся сильнее. Поговаривают, что за ними кто-то стоит. Это не случайная мутация обычных омег, которые погибают в лесах, сходя с ума от жажды крови. В конце концов, их способность пробуждать в других дикость, необычна. Это похоже на болезнь. Они отрывают обычных волков от племени и бросают, заставляя самостоятельно принимать решение — прийти к новой семье или же погибнуть в одиночестве.

Что же произошло двадцать лет назад? Откуда они взялись? И почему король, понимая, какую опасность представляют эти новые волки, предпочёл заключить с ними сделку и ничего не сделал, когда они её нарушили? Что за нелогичность?

Ответов не было, только новые вопросы. И острое понимание — я как-то связана с ними. Что-то такое случилось в детстве, что-то, из-за чего хотят убить теперь.

Меня, связанную как куклу, бросили в телегу, запряжённую всего одной лошадью. Хельга боялась, что могу вырваться, поэтому верёвками оплели как запястья, так и локти с коленями. От этого чувствовала каждую ухабу на занесённой снегом дороге, не в силах контролировать движения, мотаясь из стороны в сторону. До изобретения рессоров видимо ещё очень далеко.

Надо мной серое-серое небо, подкрашенное красным цветом. День, не успев начаться, уже клонится к закату. Здесь, в этой серой земле, очень холодно. Очень... голо. Мы пересекаем поле, за которым начинается густой и высокий лес, ограниченный чёткой рамкой. Как по линейке, которую равняют каждую осень. Я знаю, что там в лесу, за нами наблюдают десятки красных и жёлтых глаз, замерших в своей неподвижности. Готовых сорваться в бег, если вздумаем повернуть назад.

Во главе отряда Хельга. На ней лучший боевой костюм —

сплошная кожа с мехом. Короткие волосы стоят торчком, на глаза нанесла чёрную краску, символ борьбы. Символ лидера. Девушка никогда не станет кан-альфой. Волчицы не имеют этой особенной связи, они не являются альфами или бетами. Но могут стать омегой.

Я почти горжусь ею. Она сильнее меня. Взрослее, хотя младше по годам. Это то, с чем пока не получается смириться. В этом мире взрослеют рано. Дети перестают быть детьми в двенадцать лет (десять, если считать по их годам). С этого возраста они могут покидать семью, заводить собственных детей. Принимать ответственность за свою и чужую жизнь. Возраст согласия, половая зрелость... Что же, когда и мой мир также поступал с детьми. И до сих пор поступает.

Хельга молода и не заслуживает всего того, что случилось. Потеря матери и отца, предательство возлюбленного, потеря второго отца, ответственность за судьбы сотни людей. Как такое выдержать, будучи молоденькой девочкой? А она справляется. Принимает непростые решения, люди слушаются её приказов. В ней есть задатки настоящего лидера.

Мне не видно лица девушки, но знаю, какой непримиримой она может быть. Губы плотно сжаты, взгляд целеустремлённый. И только брови немного хмурятся, морщинки собираются в уголках глаз: «Правильно ли поступила? Это то, что нужно? Это спасёт мой народ?»

Мы обе знаем ответ на этот вопрос. Но был ли у неё другой выход? Есть ли он вообще? Только судьба решит, что будет дальше. Нам остаётся следовать за ней.

Мы проехали по лесу часа три, петляя среди хвойных деревьев, прежде чем бурелом стал настолько плотным, что пришлось высвободить меня из оков и посадить перед одним из стражников — телега дальше не шла, плотно утонув в мягком снегу. Сверху на нас падали снежные хлопья. По словам одного из волков, скоро пойдёт настоящий снегопад и нам надо поторопиться, иначе придётся остаться среди диких. Что, разумеется, полное безумие.

Как мило, он планирует будущее, а меня в нём уже не будет. Я не переживу этой ночи. Моя жизнь в обмен на жизнь всех остальных. Разумная сделка, если дикие были бы честными. Но они уже предавали. Что помешает им сделать это вновь?

— Дальше пойдём пешком, — приказала Хельга, когда одна из

лошадей оступилась, чуть не уронив всадника. — Под снегом могут быть ямы, только переломанных ног нам не хватало.

Снегопад усилился. Плотный хвойный покров не давал ему полностью закрыть от нас остатки дневного света, но это не успокаивало. Лес тих. В нём нет иных звуков, кроме наших. Но если прислушаться, можно услышать, как звенит снег, падающий вниз. Услышать, как скрипят деревья, как мягко падают белые шапки и распрямляются упругие ветви, высвободившись от непосильной тяжести скрипучего снега. В воздухе слишком много скопилось влаги. Ещё не наступил экватор зимы, но сегодня немного потеплело.

Один из стражников, высокий и рыжий, медленно подошёл к Хельге и что-то прошептал на ухо. Она не подала виду, но глаза забегали. Всматриваясь между деревьями, выискивает тени. Мы не одни.

Наш отряд движется медленно, по колено проваливаясь в снег. Никто не думал, что придётся забираться так далеко. С собой не было маленьких лыж, чтобы легко идти по полотну не погружаясь в сугробы.

Хельга приблизилась ко мне и какое-то время шли рядом. Волчица не смотрела в мою сторону, ничем не выдавала своих чувств, но я знала, что она испытывает, поэтому сказала:

— Ты всё делаешь правильно.

Мельком глянув, упрямо сжала губы.

— Это сложнее, чем я думала, — едва слышно ответила она.

— Уже ничего нельзя переиграть, Хель, — также тихо отвечаю девушке, видя, как метрах в пятидесяти от нас прямо по курсу словно из-под земли вырастают тени. — Мы не одни.

Отряд остановился. Хельга вышла вперёд и рядом с ней выступили двое охранников. Этого было мало. Дикае волки возникали повсюду. Обернувшись, увидела, что путь отступления перекрыт. Что такое десять стражников и две девушки против тридцати диких волков на грани кровавого полнолуния? Хельга отобрала самых выносливых, тех, кто спокойно пережил прошедшую ночь. Но в эпицентре даже самые разумные легко потеряются.

Мужчины окружили нас, но оружие не вытаскивали. Мы пришли не сражаться, а договариваться. Ну... они пришли. Я же пленница.

— Я буду говорить только с Райво! — громко крикнула Хельга, когда вперёд выступило несколько мускулистых, полуобнажённых

волков.

Одного из них узнала — это был давешний рыжий волк. Заметив, что смотрю на него, он широко улыбнулся, продемонстрировав острый ряд клыков, и подмигнул.

— Он предложил сделку, — вновь обратила на себя внимание Хельга и тогда рыжий перевёл на неё взгляд. Недолго рассматривая девушку, он кивнул, а затем что-то неразборчиво крикнул своим и один из волков, молодой сероволосый парень, растворился в вечерней дымке.

Снегопад усилился. Теперь он шёл такой тяжёлой грядой, что всё вокруг терялось в белой пелене. У меня затекли запястья, пережатые верёвкой. Переступая с ноги на ногу, попыталась разогнать кровь, и почувствовала, как это больно.

Пустая тишина продлилась недолго. Минут через десять волк вернулся и что-то прошептал рыжему. Тот кивнул, отсылая парнишку прочь.

— Райво будет говорить с тобой, Хельга Могронум. В знак готовности к переговорам, сегодня барабаны не потревожат замок, но кровавую луну не остановить, ты должна понимать, что все готовые стать свободными — ими станут, — он сделал небольшую паузу, обведя глазами всех стражников Хельги, заставив их почувствовать себя неуютно под его пристальным взглядом. — Но говорить он будет на своей территории. И без свидетелей. Райво ручается за твою безопасность и в качестве жеста доброй воли, передаст твоим людям жену, Аврору. Пострадаешь ты — твои мужчины отомстят. Согласна ли ты на такие условия?

Хельга ненадолго задумалась. Было видно, что она не ожидала такого предложения. А уж о существовании Авроры и понятия не имела. Взвесив все за и против, согласно кивнула.

— Прежде хочу увидеть своего отца, — сухо сказала она.

— Это решит Райво, — заявил рыжий и, не дожидаясь ответа, развернулся, превращаясь в дымчатый силуэт — из-за снега видимость упала до нескольких метров.

Дикие последовали за ним. Хельга постояла минуту, а затем отдала приказ нескольким мужчинам остаться с лошадьми здесь. Предстоящий бурелом копытами не преодолеть, бросать животину на произвол судьбы тоже неправильно.

Я замешкалась, когда Хельга двинулась в путь за тенью и один из

стражников толкнул в спину, чуть не уронив в снег. Связанные за спиной руки серьёзно осложняли дорогу, мне постоянно приходилось держать тело в напряжении — проваливаясь в сугробах, каждый раз рисковала потерять равновесие и упасть.

Странное чувство. Вроде я должна переживать, должно быть очень страшно. Но вместо этого в голову постоянно лезут посторонние мысли. Глупые и не очень. Я много вспоминаю о доме. О маме с папой, о сестре. О том, что делала перед тем, как сесть в тот поезд. Как гуляла по улицам возле дома, кивая соседям и рассматривая каждую тропинку, словно зная — сюда уже не вернусь. Я многое вспоминаю и понимаю, как далеко ушла от прошлого. Насколько оно стало не про меня. И это делает происходящее таким реальным.

Мы углубляемся всё дальше в лес, становится холоднее, хотя метель вроде немного поутихла. Луна, кровавым камнем, пробивается сквозь облачную дымку, но всё ещё скрыта. Её алый цвет сейчас багряный, тёмный, налитый густой венозной кровью. От одного взгляда в небо, внутри поднимается буря. Всё становится сочным и спелым, вкусным. Приходится усиленно отводить глаза и пялиться либо перед собой, либо изучая снег под ногами.

— Хель! — негромко позвала девушку, но она не остановилась. — Ты же знаешь, это ловушка. Западня. Ты хочешь оказаться в лагере, полном диких, в красное полнолуние? Думаешь, твой отряд переживёт эту ночь? Как бы отреагировал твой отец на столь возмутительную сделку?

Она резко остановилась. Обернувшись, глянула зло, затем щёлкнула пальцами и приказала ближайшему стражнику заткнуть мне рот. Получив болезненный удар в бок, согнулась от холодной вспышки. Меня наклонили назад, накидывая тряпку на губы, крепко завязывая её на затылке. От этого во рту моментально образовалась слюна. Захотелось вырвать непослушный язык, ведь из-за него меня ожидают увлекательные часы на холодном ветру с приоткрытым ртом. Интересно, дадут ли сказать хоть слово перед смертью? Вообще, как меня собираются убить? Это будет казнь перед всеми дикими? Снова запустят охоту? Или же убьют без изысков, буднично? Как это будет?..

Лагерь диких появился совершенно внезапно. Только что мы продирались сквозь занесённый снегом бурелом, как вдруг оказались на прогалине, заставленной небольшими палатками, что видела в самый

первый день в этом мире. Боже, как давно и как недавно это было. В сумерках волки разожгли всего несколько костров. Благодаря ночному зрению, они не так нуждались в свете, как люди. Как и в тепле.

Самая большая палатка в центре, остальные расходились кругами. От центральной шла тропа до костра, где собрались полуобнажённые мужчины и женщины. Они веселились, пока музыканты готовили свои чудовищные инструменты, расставленные вокруг костра.

Когда мы появились, голоса смолкли, воцарилась напряжённая тишина, нарушаемая далёким рычанием. Будто зверь, раненный, стонет и кричит. Тоскливый голос. Услышав его, Хельга вся собралась. Дикие, сопровождавшие нас, растворились среди соплеменников и тогда девушка вышла вперёд.

— Я буду говорить только с Райво! — крикнула она, вызвав волну перешёптываний. От напряжения она немного вспотела и для уверенности положила руку на рукоять короткого изогнутого ножа. Не дождавшись ответа, ощутило скрипнула зубами, а затем подошла ко мне и больно схватила за плечо. — Я привела её! — воскликнула она, роняя в снег перед собой, запрокидывая голову и наставляя лезвие. — Если Райво хочет её — пусть сам заберёт!

— Зачем столько эмоций, Хелли? — одновременно певучий и скрипучий голос раздался позади нас.

Мы ожидали, что он выйдет из главной палатки и совсем не думали, что всё это время волк был рядом. Следовал в тени. Наблюдал, выискивая обман. Мне хватило только взгляда, чтобы почувствовать тошноту в горле. Глядя в эти красные глаза, видела то, что он делал со мной. Словно вновь чувствовала его клыки на моей коже. Он почувствовал мою реакцию и улыбнулся, демонстративно облизав губы, будто вспоминая какая я на вкус. Но взгляд не отводил от Хельги. Будто никого не было кроме неё, так жадно он смотрел на девушку.

— Я скучал, — просто заявил мужчина, подходя ближе.

Теперь Хельга будто пряталась за мной, выставив вперёд, не убирая ножа от шеи.

— Сделка? — сквозь зубы спросила она. В её голосе ноты нервозности мешались с решимостью стоять до конца.

Мы на одной линии и обращаясь к ней, он обращался и ко мне.

— Настаиваешь на соблюдении формальностей? Хорошо! — он заговорщически подмигнул. — Но ты ведь понимаешь, чем всё

закончится, так зачем же такие сложности?

— Я забираю отца и мы уходим. Никаких барабанов, никакого преследования. Взамен остаётся Елена. Мы договорились?

— Нет, — просто ответил он, и девушка растерялась, даже слегка ослабила хватку.

— То есть как «нет»?! — срывающимся голосом восклицает она.

Стражники демонстративно приблизились к лэри, показывая готовность отразить любую атаку на свою госпожу.

— Полегче! — Райво заулыбался, поднимая руки. — Я всего лишь хочу напомнить предложение, которое выдал мой рыжий друг, — после чего он крикнул в толпу. — Аврора!

На поляну вышла молодая девушка с раскосыми оранжевыми глазами и величественной осанкой. Гордая красавица с толстой соломенной косой, небрежно перекинутой через плечо. Она плавно подошла к Райво, встала подле, не замедлив уткнуться головой ему в плечо, слегка потеревшись, так как это делают животные. На фоне своего мужчины выглядела невысокой, даже крошечной, миниатюрной, но явно с норовом. Взгляды, которые она бросала на Хельгу были далеки от дружелюбных.

— Мы будем говорить наедине. Моя женщина останется с твоими мужчинами. Пострадаешь ты — пострадает она. Договорились?

Хельга сглотнула, но заговорила упрямо:

— Мой отец. Где он?

По поляне прошла волна негромкого шёпота. На лицах многих волков мелькнули предвкушающие веселье ухмылки. Как и в глазах их лидера.

— Новая сделка, Хелли. Выслушай меня очень внимательно, такое предложение поступает только один раз. Ты вместе со своими охранниками прямо сейчас уходишь и не возвращаешься, взамен я со стаей уходя из леса навсегда, и мы больше никогда не встретимся. Или же ты остаёшься на ночь и завтра заберёшь отца, но условия сделки мы обсудим наедине. Что ты выберешь?

Хельга замешкалась. Она отпустила меня, больше не видя необходимости прятаться. Но понимали ли она ловушку, что развернул перед ней дикий волк? Девушка не владела ситуацией, однако не собиралась сдаваться.

— Я хочу увидеть его, — заявила она.

— Нет проблем, — Райво развёл руки в стороны, превращая улыбку в волчий оскал. — Твоё желание, Хелли, будет исполнено, — и уже обращаясь к притихшим волкам. — Давайте же все посмотрим на кан-альфу Корнголик-ана, властителя дальнего предела! — его голос встретили с одобрением.

Волки поднялись, расступаясь перед нашей странной группой. Меня вели, взяв в кольцо, стражники Хельги. Сама девушка шла рядом с Райво, тогда как его жена отстала, присоединившись к другим волкам. Искоса, я наблюдала за рыжим волком, что всё время крутился поблизости, привлекая внимание. Его игра — игра на нервах. Очевидна и выматывающе злая. То губы оближет, то когти покажет, проведя от уха до уха, причмокивает, глазеет, подмигивает. От него у меня мурашки бегут и спина ледяная. Сволочь.

Клетка выросла внезапно. В отдалении от основного лагеря, на открытой местности, высокая, из металла, а каркас такой прочный, что нет сомнений — она из моего мира. В полутьме на белом снегу отчётливо вырисовывался силуэт, собранный подобно кому из тряпок в дальнем углу у стенки. Волки остановились, но мы подошли совсем близко.

— Отец? — неуверенно протянула Хельга.

— Видишь, каким он стал? — едва слышно прошептал Райво. — Его нужно немного расшевелить...

Никто не успел понять, что произошло. Какое-то жалкое мгновение и стражники оказались отброшены в сторону. Волк ухватил меня за плечи и втолкнул в открытую дверцу клетки. И я полетела на запорошенный снегом пол прямо к поднимающейся куче. От удара потемнело в глазах, сильная боль разлилась огнём от плеча, на котором приземлилась на землю, вызвав протяжный и мучительный стон сквозь верёвку всё ещё закрывающей рот.

— Нет! — раздался позади крик.

Всё, что могла со связанными руками, так это перекатиться, загнув голову, чувствуя горячее дыхание. Что-то царапнуло полушубок, но не успело утащить назад. Задом пятясь к другому концу клетки, к закрытой дверце, с ужасом смотрю на то, что осталось от Вельямина.

Передо мной — полузверь-получеловек. Я уже видела такое в Броне и Михо. Нечто совершенно дикое. Ни капли человечности, чистый звериный разум, привязанный толстой цепью к прутьям клетки.

Повезло — длины не хватило, чтобы достать меня, но везения мало.

Не имея шерсти, он выглядел ещё более устрашающе, чем если бы был покрыт ею сверху донизу. Выступающая челюсть, лысый череп, запавшие глаза, жёлтыми углями горящие во тьме, звериная сутулость, неестественно длинные руки с огромными скрюченными ладонями... Его посадили на цепь как пса. Но он не был животным. Я знала, что где-то там, в глубине, скрывается Вельямин, кан-альфа, лэрд дальних пределов.

— Ты не имел права так поступать!

Как только пришла в себя, сразу услышала гневную речь Хельги, а обернувшись, увидела девушку, стоявшую в двух шагах от Райво, наставив на него указательный палец. Он молчал, только глаза разгорались ярче, его заводила пламенная речь молодой волчицы.

— Мы ещё не заключили сделку! Каково чёрта, Рай?!

— Как давно ты меня так не называла, — протянул он и она смутилась. — Елена в любом случае не переживёт эту ночь. Но как она умрёт — зависит от тебя. Здесь всё зависит от тебя. Что станет с твоим отцом. А что с замком и его обитателями. И что ждёт тебя саму. Идём, дорогая Хелли, нам нужно многое обсудить.

Девушка упрямо мотнула головой, а затем посмотрела на меня долгим, очень долгим взглядом, в котором читалось и раскаяние, и грусть, и сожаление, и надежда. Она начала думать, что совершила большую ошибку, но повернуть вспять уже ничего нельзя. Закусив губу, перевела взгляд на Райво и всё-таки согласно кивнула.

Напоследок, одними губами, произнесла:

— Мне очень жаль.

Ох, не стоит меня жалеть, маленькая лэри большого замка. В конце концов, этот путь выбрала сама, когда села в тот поезд. И только я знаю, чем он закончится.

Волчья стая ушла, оставив наедине с притихшим волком. Глаза как угольки горят, неотрывно глядя в мою сторону, а я без сил прислонилась к стенке клетки. Я знаю, что нужно делать. Знаю, как и что будет дальше. Но мне страшно решиться на это. Ведь назад дороги нет. И если сделаю это, то навсегда переступлю черту, отделяющую от этого мира.

*Уильям Шекспир — Король Лир

Глава 13. Она сильнее богов, людей, огня и стали

Глава 13. Она сильнее богов, людей, огня и стали

Отныне я жар-птица. Во мне огонь

И ярость алым пламенем горит

Рождённая в неволе — пой

Да громче.

Чей голос разозлит?

Соловушки иль сорокопута?

В голове постоянно вертятся слова, сказанные Арманом. Он как-то вытаскивал их из меня и теперь они замещают все мысли. «Я умею выживать». Что может быть проще этого предложения? А вот Вель не согласился с такой трактовкой. Он сказал, что выживание и жизнь — это две большие разницы. Выживание всегда идёт под руку со страхом и смертью, тогда как жизнь имеет гораздо больше спутниц. И среди них много приятных компаньонов. Верность, дружба, наслаждение... любовь. Ведь если возводишь выживание на пьедестал, ты не оставляешь места ни для чего другого. Любовь — это всегда жертва. Временем, нервами, личным пространством, свободой. Она многое забирает, но так много даёт, что отказаться невозможно.

Именно поэтому так больно... Так больно смотреть на него, понимая, что здесь пролегает очередная вилка моей жизни.

— Скажем так, у меня есть план. И он тебе не понравится.

Она хмыкнула, выжидательно глядя на меня. Не отвечая, прошлась по комнате, заглянула во все щели, убеждаясь, что нас не подслушивают. Мой план безумен и прост. Но никто не должен о нём узнать.

— Что же это за секретный план, Елена? — нетерпеливо спрашивает она, когда возвращаюсь.

От усталости девушка медленно сползает по стенке на холодный пол, обхватывая руками плечи. Я приземляюсь рядом, совсем близко. Дыхание горячее, я возбуждена адреналином и нервным истощением. Такой коктейль способен выдать безумную идею.

— Ты отдашь меня Райво, — тихо-тихо говорю ей, наклоняясь ещё ближе. — Подожди! Не возмущайся! Так надо. Остальные варианты невыполнимы. Мы в западне, без поддержки, за нами никто не придёт. Но есть кое-что, о чём не знает дикий волк.

— Ты так думаешь? — напряжённо спрашивает она. — Может он

знает и поэтому хочет твоей смерти?

— Нет! — отрицательно качая головой. — Не знает. Он всего лишь исполнитель, который решил поиграть с едой.

— Думаешь, что сможешь **сделать это**? — она выделила слова, скептически качая головой. — Ни у кого не получалось с первого раза.

— А кто сказал, что это будет первый раз?

Чтобы успокоиться, медленно глажу каменный пол комнаты, это движение немного отвлекает от мыслей, что сама не уверена, что всё получится. Поэтому, уставившись на руку, вызываю то странное щекочущие чувство.

— Я вижу рябь, — очень тихо восклицает она и всё прекращается. Рука — это просто рука. — Чёрт побери, да даже твой запах меняется! Мне почудился...

— Тихо! — обрываю её, прикладывая палец к губам. — У меня получится сделать это.

— Не забывай, какая это будет ночь, — она вновь хмурится. Ей не нравится моя идея и она находит брешь.

— Справлюсь. Иначе умру. Всё на карту, как и всегда, — легко усмехаюсь, качая головой и зарываясь пальцами в волосах. — Но без тебя ничего не получится.

— Что я должна сделать?

Вопрос теперь в том, что **я** должна сделать. В моём плане было много допущений, но даже в кошмарном сне не было этой сцены! Не было этого отчаяния. Падения того, кто никак не мог пасть.

Мне больно. При падении вывихнула плечо. Опять то самое плечо. Руки, связанные за спиной, немеют, холод пробирает до кости. Полушубок слетел с плеч, открыв растянутый свитер. В сапоги набился снег. Я мокрая, замёрзшая и распаренная от жара одновременно. И это совсем не клёво.

Зверь напротив утих, вновь свернувшись тёмной кучей в углу. Только янтарные глаза неотрывно наблюдают за мной. И в них ничего нет. Он пал во тьму, из которой нет возврата. Или есть?..

У меня остаётся не так много времени, поэтому начинаю действовать. Сначала самое сложное. Расслабиться. И разозлиться. Вспомнить, кто я такая, и тут же об этом забыть. То, что узнала о себе, было откровением из откровений. У меня никогда не было второй личности. Я не была подвержена воздействию местной луны, находясь в

своём мире. Это было просто как дважды два. Я сопоставила графики и получила вывод — не совпадают. А значит сама пробуждала себя, когда этого хотела. Именно поэтому иногда словно слетала с катушек, а в другие дни словно ничего и не было. **Я сама хотела этого.** Звала её/себя. Пробуждала зверя и не могла найти. Возможно то, что следовала сама за собой и позволило не сойти с ума, а может крови волчьей было недостаточно? Или же аномалия? Что-то, что отличает от других волков. Что-то, что делает меня особенной. Опасной. То, что сделало меня мишенью для неизвестных врагов.

И это нужно вызвать прямо сейчас. Почувствовать щекотку в пальцах, пробудить тягучую боль, ощутить как хрустят суставы, перестраиваясь, вытягиваясь и сгибаясь. И всё ради одного движения. Щёлк.

Верёвки падают, а из меня доносятся слабые стоны. Когда кровь возвращается в пальцы, это другая разновидность боли. Получается, в моём мире так много боли, что начинаю видеть, какие бывают оттенки. Эта боль медленная и неотвязная, сравнимая с пузырьками под кожей. Боль от вправления плеча острая и быстрая, огненная, но благодаря звериной регенерации проходит без последствий. В прошлый раз было значительно тяжелее. Боль от стёртых тряпкой краёв губ вообще не ощутима. И никак не сравнима с тем, что чувствуешь, жадно глотая воздух, запрокинув голову и уставившись в красное ночное небо. Луна уже здесь. Всё самое весёлое начнётся в течении часа. Осталось совсем немного времени.

Посмотрев на неподвижного волка, безучастно наблюдавшего за моими метаморфозами, нерешительно подалась вперёд.

— Вельямин, — срывающимся голосом обращаюсь к нему. В ответ негромкое рычание.

— Проклятье, Вель! Ты не можешь так меня подвести! — закричала, запуская в него волну снега. От этого он ещё больше завёлся, поднимаясь на полусогнутых, усиливая рык.

— Что теперь делать? Я не могу бросить тебя здесь! — продолжила кричать. — Ты же кан-альфа! Лэрд дальних пределов! Да какого чёрта ты так быстро сдался?!

Я могла кричать до бесконечности, но как вытащить его? Как вообще это делается? Я должна освободить его. Вынуть из тьмы и неважно какой ценой.

А он мотает головой, ему не нравится быть на цепи. При свете красной луны, полностью выступившей из-за туч, видны следы на шее. Стёртая кожа, кровь. Он сопротивлялся. И неважно был ли при этом человеком или зверем. Дикие довели его до края, сломали, потому что по доброй воле альфа ни за что не стал бы таким, как они.

Я поднимаюсь и начинаю раздеваться. Сначала полушубок летит в снег, следом свитер, за ним подобие майки. Стягиваю сапоги, ругаясь сквозь сжатые зубы — от холода хочется выть. Ступая босой на снег, пытаюсь вызвать в себе истинную ярость. Когда злишься — все другие чувства притупляются. Снимаю пояс, высвобождаюсь из штанов и трусов. Обнажённая на снегу в запертой клетке напротив монстра, который медленно подкрался на расстоянии вытянутой руки в ожидании ошибки. Нервно сглатывая, опускаюсь на колени, зеркала его позу, чтобы глаза оказались на одном уровне.

— Я сделаю это, Вель. Слышишь? Сделаю!

Он не понял моих слов, но услышал непонятную для зверя интонацию и клацнул зубами, слегка подавшись вперёд, натянув до предела цепь.

И тогда вспоминаю всё, что делала раньше. Это не просто отрастить когти на пальцах. Не просто собрать всю силу в руках, чтобы отшвырнуть нападавшего. Нет, это гораздо-гораздо сильнее и страшнее. Ведь, чтобы стать зверем, нужно перестать быть человеком. Потерять себя и стать собой. Человеческий мозг не выживет в теле волка, как и волк не справится с телом человека. Двойственность обычных оборотней имеет границы. Поэтому дикие так сильны. Они взрывают границы, становясь и тем, и тем.

Рябь идёт от затылка, сопровождаемая хрустом. Позвонки ломаются, предплечья выгибаются в другую сторону... Это похоже на тягучую резинку и газировку одновременно. Я падаю и продолжаю ломаться, выворачиваясь наизнанку, как в русских сказках. Это даже не больно. А ведь я думала, что боль будет неизбывной, но она ушла почти сразу. Последняя чёткая мысль перед кристальной простотой: «Почему не сделала этого раньше?»

В клетке два волка. Лысый мускулистый зверь с серым оттенком кожи и полностью чёрная сероглазая со светящейся каймой вокруг зрачка волчица. Они стоят друг напротив друга, принимают,

узнавая и не узнавая родной запах. Волчица движется вперёд, а он рычит на неё, пригибаясь к земле, демонстрируя зубы. Но она не смущена отпором, прыгает на него, вызывая на драку. И как позволяет цепь, они катятся из угла в угол, пока волчица не поддаётся, склоняясь перед ним, позволяя ему схватиться за основание шеи. Этого оказалось достаточно, чтобы он растерялся и отпустил, недовольно порывая, не понимая странного зверя. Фыркнув, волк отходит в сторону, искоса поглядывая на лежащую в снегу волчицу.

Та негромко и жалобно завывала. Волку не понравился этот звук, он рыкнул на неё, отряхнув снег. У него очень жёсткая шкура, и, если приглядеться, можно увидеть, что она покрыта мелкими острыми волосками. Так он защищён от холода.

Ему надоело слушать скулёр, поэтому вновь приблизившись, ткнулся носом, пытаясь найти место, где ей больно. А она в ответ лизнула в нос. И чтобы он не разозлился, перевернулась на спину, оголив беззащитный живот.

Волк понимал, что что-то здесь не то, но не понимал, что именно. В конце концов, он не был разумным. Только инстинкты. И именно эти инстинкты не давали пробудиться жестокости от красной луны. И пока волчица играла с ним, то допуская до себя, то отбегая в сторону, вынуждая его принимать правила странной игры, он что-то возвращал. Что-то, что изгоняли из него дикие, вынуждая пить человеческую кровь и есть людское мясо. Что-то, что спряталось от боли и ран, что наносили ему враги. Что-то, что он обещал сохранить. Кому?

И когда она оказалась под ним, а потом и сверху, и совсем не по-звериному у сердца, он менялся. И она менялась вместе с ним. И снова. И снова. И снова. Пока он совсем не вернулся.

Тогда они вышли из клетки. Ступая всеми лапами по белому снегу.

Хельга

Я не забуду, что он сделал со мной и с моей семьёй. Не забуду, что сама сделала со своими близкими, позволив себе слишком многое. Я поддалась ему. Думала, что это игра. Но в неё играла только я, он же строил планы. Просчитывал. Хотел. И действовал.

Когда он посадил меня на цепь, думала, что это конец. Я попрощалась со своей семьёй, готовясь к смерти. Я не собиралась становиться такой, как он. Но когда пришёл отец, был ли у меня другой выбор? Я была готова принять его, ведь мой папа не мог желать

дурного. Я так думала до тех пор, пока он не убил маму. Она была совсем слабой. Обычный человек. Она до последнего не верила, что её возлюбленный сделает это. Ну как можно после всего этого верить в любовь?

А отец Вельямин верил. Верил так сильно, что, встретив Елену, позволил себе вновь влюбиться. О, как я хотела её ненавидеть! Она казалась мне угрозой. В ней было слишком много от волчицы. Она совершенно не похожа на мать, хотя все вокруг твердили об обратном. Говорили, что отец пытается заместить маму. Идиоты. Они не знают моего отца.

А я не знаю его. Когда увидела его в клетке, поняла, что план Елены рухнул. Отец потащит всех за собой, ведь для дикого нет дороги назад. Смерть вожака стаи ничего не изменит, ведь мы обе знаем, что Райво не последний. На его место встанет кто-то другой и не будет никого, кто встанет напротив. До весны как до луны, брат в столице, а соседи наверняка столкнулись с такой же проблемой. Нет кан-альфы, дядя не сможет заменить отца. Мы проиграли.

Но эту битву я не дам выиграть дикому. Заберу его с собой. И пусть случится то, что должно случиться.

Райво привёл девушку в свой шатёр, наказав всем держать подальше от того, что будет происходить внутри. Его жена недовольно фыркнула, но подчинилась. А рыжий что-то сказал на незнакомом языке, вызвав у всех улыбки. Стражники Хельги взяли в кольцо Аврору, уводя её подальше от других волков. Стражник Иф, единственный оставшийся в строю из людей Вельямина, передал девушке, что будет поблизости на случай всего, вызвав у неё горькую улыбку. Они оба понимали, что блеф и фарс в данном случае синонимы. Но стражник верил в свою лэри, даже когда она сама в себя не верила.

Шатёр Райво скудно обставлен. В центре круглая печка, от которой дым поднимается вертикально вверх, уходя в дырку в потолке. По бокам свалены звериные шкуры. Сбоку у входа поставлен сборный стол с напитками и едой, и собственно всё. Это временное обиталище, дикие не особо обживаются скарбом, предпочитая путешествовать налегке.

Растерев руки, немного замёрзшие с мороза, девушка подошла к печке, блаженно вытянув пальцы над огнём. Райво обошёл её и направился к столу, не спрашивая разливая пахучую настойку.

— Я знаю, чего ты хочешь, — заговорил он, протягивая напиток,

но даже не ожидая, что она его примет. Пожав плечами, поставил обратно на стол, а свой пригубил. — Ты не глупа, чтобы довериться мне, а значит у тебя есть план. Самый очевидный — попытаться убить меня.

— О! Ты видишь меня насквозь, — девушка криво улыбнулась, подтверждая его догадку. — Наверное, ты уже знаешь, как я это сделаю?

Райво посмотрел на неё с интересом. Определённо, за эти несколько лет Хельга подросла. Стала более сложной. Раньше девчонка читалась как открытая книга. Теперь она не так проста. Это игра с двойным дном? Тройным? Или без дна?

— Ты не настолько наивна, чтобы сделать это прямо. Отвлекающий манёвр через стражников. Думаешь, мы теряем голову во время полнолуния? Считаешь, что луна даст им возможность сделать что? Отвлечь? Ты не переложешь эту миссию на кого-то ещё, нет. Хочешь всё сделать самостоятельно. Но сможешь ли? Я не Дельмир, не посторонний. Когда-то ты любила меня. Сможешь ли отречься от этих чувств?

Хельга в ужасе посмотрела на него. Она не видела его *так* долго, но и представить себе не могла, что он по-прежнему будет притворяться, делать вид, что всё было взаправду. Любовь. Что может знать дикий о любви? Он подменяет понятия, отрицая такое простое слово как *вожделение. Страсть.*

Несколько шагов вперёд, тень улыбки, девушка тянется к замершему волку, но в последний момент отклонилась, захватив со стола бокал. Она была так близка, что дикий растерялся. Он не видел её *слишком* давно.

Небольшой, чисто символический глоток, и она отвечает:

— Я когда-то хотела тебя. В конце концов, я дочь кан-альфы. В моей триаде не будет обычных волков. Неудивительно, что именно ты привлёк моё внимание. Ведь ты же сделал всё, чтобы это случилось, — она очаровательно улыбнулась, а затем медленно опустилась на мягкую шкуру, вытягивая ноги. Получалось, что Хельга смотрит на Райво снизу-вверх, словно подчиняясь. — Вы уже тогда планировали вторжение, но мой отец оказался сильнее ваших планов. Как и я, — с металлом в голосе закончила она. — Неужели ты думаешь, что я забыла, как ты посадил меня на цепь? Точно также как ты сделал это с

моим отцом?!

Хельга с самого начала была для Райво как... игрушка? Маленькая девочка, только-только выползшая из-под подола материнской юбки. Да ещё и полукровка, что накладывало определённый эмоциональный отпечаток. **Слишком** чувствительная, **слишком** доверчивая и верящая в сказки. Ну разве устоишь? Поначалу казалось, что всё будет просто. Достаточно часто попадаться на глаза, пара нежных слов и взглядов горящих. Потом оказаться наедине, а дальше дело техники. Первая совместная охота всё испортила. Хельга оказалась **слишком...** страстной?

Это ей досталось от отца альфы. Прирождённый хищник, скрывающий свои желания, пытающийся подражать человечности матери. И было столько попыток пробудить её. Она дразнила, притворяясь беззащитной и милой, но стоило ей увидеть жертву, как охота брала своё. Неудивительно, что Райво сам не заметил, как попал в ловушку. Как можно устоять перед такой девушкой? Молодая, неопытная волчица. Трогательный хищник. Он не смог. Не смог отступить. И сделал то, что казалось сорвёт маску с её лица. Вот только она оказалась сильнее.

Райво хочет наброситься на неё. К чему эти игры? Это притворство? Пора бы уже расставить всё по своим законным местам! Но вместо этого заявляет спокойно:

— И что с того? Кажется тебе это пошло на пользу. Посмотри, какой сильной ты стала. Совсем не похожа на мать.

Бокал смялся в руках волчицы, выплёскивая жидкость на одежду. Но больше ничего не дрогнуло в девице. Задрав голову, она смерила его холодным и пустым взглядом:

— Не возгордись. Ты здесь ни при чём. Я стала такой во многом благодаря отцу.

Хельга не стала снисходить до подробных объяснений, а сразу перешла к делу.

— Мы не доверяем друг другу и правильно делаем. Но сделку заключить всё же придётся. С пустыми руками я отсюда не уйду.

— А ты веришь, что сможешь уйти? — очень мягко обращается к ней волк, взглядом охаживая её фигуру.

— Не забывай. У меня есть козырь в рукаве, — парирует она.

— И каков же он?

Девушка со вздохом повертела согнутый бокал, а затем отставила его в сторону. Поднявшись, она стянула с себя полушубок, оставшись в одной рубаше и штанах. Стянула пояс, отбросила ножны, следом сапоги, а после и штаны, оставшись в длинной рубашке, едва прикрывающей попу. Всё это она проделала, не отводя почти скучающего взгляда от волка, и лишь на последнем движении её руки немного дрогнули — рубашку пришлось стягивать через голову и когда освободился обзор, Райво стоял на расстоянии вытянутой руки.

В шатре стало очень тихо. Как-то вовремя погасла одна из ламп, оставив совсем немного света. Просто, чтобы обозначить фигуры на стенах. Маленькую и большую.

— Это твой козырь?

— Ты мне скажи, — Хельга упряма, но не глупа. — Я останусь с тобой, если ты отпустишь отца. Отступишь от пределов и больше ни ты, ни другие дикие не подойдут к нашим замкам. А если дикие поступят твоим приказом — ты их накажешь.

— Предлагаешь стать сторожевым псом для заблудших? — презрительно фыркнул волк, но его взгляд, то как неотрывно он смотрел на место, где вздымается женская грудь под тонким хлопком рубашки, говорило, как внимательно и вдумчиво он вслушивается в её предложение.

— Ты заставляешь меня сомневаться в своей власти? — почти нежно заговорила Хельга, чуть-чуть подаваясь назад. — Разве не ты командуешь всеми дикими от края до края вечных лесов? Разве не ты их лидер? Вожак, самый сильный волк?

Ухмылка появилась на краткий миг. Достаточный, чтобы охладить рассудок и вернуть дикого в игру. Его взгляд изменился, он вернул себе почву.

— Я. Единственный, кто смог их объединить.

Когда ты поймёшь, как дела обстоят на самом деле, будет поздно.

— Твой отец теперь свободен.

Но он уже один из нас. Безумие сойдёт, а дикость останется.

— Я не трону людей и волков пределов.

Они сами придут ко мне вслед за павшими кан-альфами.

— Прослежу, чтобы пределы оставались свободными от дикости.

Что ложь — такого никогда не случится.

— А ты уйдёшь со мной.

Как и было задумано с самого начала.

Он коснулся её плеча, а девушка не отступила, покорно принимая ласку. Какие могут быть слова — эта сделка скрепляется иначе.

Сначала рука спускается по плечу несмело, медленно, только подушечки пальцев. Он намного выше её, поэтому она не смотрит ему в глаза. Ей даже стыдно от того, что она пошла на это. Хотя какой у неё был выбор? Будучи дочерью кан-альфы, она с рождения знала, что несёт ответственность за других. На первом месте семья, а личные чувства остаются — для других. Для обычных людей и волков. Её жертва не будет оценена. Это Хельга тоже понимала. Для всех она сбежит с дикими, сдастся. Никто не узнает правды. Даже отец не поймёт, что произошло.

Отец. Он сможет выбраться. Он сильнее, чем кажется. И Елена поможет ему. Именно поэтому Хельга позволяет мужчине подхватить себя на руки и медленно уложить на звериные шкуры. Позволяет ему целовать себя в губы. Ласкать внутри и снаружи. Позволяет и самой себе поддаться тому, что всегда дремало глубоко внутри. Ведь не будет сама Хельга дикой, такой как Райво никогда бы её не захотел.

Она нежно, а затем всё сильнее и сильнее распаляется, перехватывая контроль. Её руки скользят по грудным мышцам, она оседлала его, вдавливая в землю, частично выпуская волчицу, рыча на него, впервые глядя в глаза. Он держит её за бёдра, не давая себе полностью попасть под её влияние. В его движениях сквозит пытка наслаждения и осторожности. Он поднимается, не отпуская её, целует губы, сталкиваясь лбами, чувствуя её разгорячённое дыхание. Наслаждаясь любовной страстью. Всё внутри переворачивается, дрожит тонкими струнами. Взрывается, как небо перед дождём.

— Хельга, — шепчет он, подминая её под себя, закрывая от света, укрывая огромными руками. Она кажется такой хрупкой и маленькой. Но за этой невинностью скрывается волк. Когти царапают спину, выпуская стон и кровь. Она облизывает губы, плотнее обхватывает его ногами, чтобы он проник как можно глубже. Любовь и боль. Укусы и царапины. Кровь и пот.

Как можно перед этим устоять? Как можно не поддаться чувствам, что так недавно вскрывали сердце, кружили голову и забирались под кожу...

И они оба падают в омут с головой. Словно и не было этих лет. Словно и не было предательства, разочарования, боли и обиды. Не было, но всё-таки было.

А потому, когда с улицы раздались встревоженные, даже напуганные голоса, оба разомкнули объятия, оторвавшись, очнувшись и немного разочаровавшись в том, что всё закончилось так быстро.

— Я знал, что ты поставишь не на это, — процедил Райво. — Оставайся в шатре! Выйдешь и твой отец умрёт.

— Не стоит недооценивать меня, любимый. Когда ты поймёшь, что случилось, будет уже слишком поздно, — Хельга подтянула одну из шкур, укутавшись в неё как в одеяло. Разгорячённое, но не выпустившее пар, тело требовало выход и продолжения. Но... как можно желать, когда всё уже разрушено?

Волк смерил девушку тяжёлым взглядом, но всё-таки не остался. Натянув штаны на голое тело, не обуваясь, босой, вышел наружу, плотно опустив входные шторы. Хельга обессиленно выдохнула, откинувшись на спину, просунув руку между ног, сжимая себя, пытаясь успокоиться. От злости и боли хотелось выть. Плакать, стонать, кричать и ненавидеть. Но ведь ненависть это всего лишь слово. Тогда как долг есть нечто более существенное.

— Я сделаю, что обещала, — прошептала она.

Когда Райво вышел из шатра, у него и в мыслях не было, что всё сейчас пойдёт совсем не так, как он думал. Догадываясь о подлянке от милой Хельги, он ожидал увидеть воинственных стражников, держащих на острие его жену. Может быть кавалерия в лице Ахлика и оставшихся недобитых. Всё. Больше просто неоткуда взяться. Поэтому то, что он увидел, привело мужчину в состояние шока.

Прямо перед ним живой и невредимый, обнажённый Вельямин в состоянии частичной трансформации. Разозлённый, дышащий как дракон, от кожи поднимается пар и воздух словно звенит напряжением и гневом.

Каждый волк и волчица вокруг неподвижны. Они замолчали, когда Райво вышел наружу, оказавшись лицом к лицу с кан-альфой, видя контраст между двумя лидерами. И если бы всё было так просто, то судьбу племени решил бы поединок. В конце концов, Вельямин сбросил дикое состояние и вернул рассудок. Он освободился от оков, а значит

оказался сильнее чем они могли представить. И он в праве вызвать вожака на поединок.

Но просто не было. Рядом с альфой стояло невероятно редкое существо. В холке под метр ростом, крупная и жилистая, покрытая жёстким чёрным мехом с яркими серыми глазами, отдающими жёлтым неоном, волчица стояла неподвижно, чуть склонив голову вниз.

— Это невозможно, — прошептал Райво, сжимая кулаки.

Её запах изменился, обрёл чёткость и структуру волка, но это была она. Елена. Елена в полном облики волка. Та самая Елена, которую он должен был уничтожить. Это был приказ. Это то, от чего он не мог отказаться. Да и зачем? Всего лишь человек. Маленькое существо, которое умудрялось вновь и вновь ускользать между пальцев. Её жизнь — нечто. Она сама — грязь. И всё так просто. А стало сложно.

— Я уничтожу тебя, — прошипел Райво, было двинулся вперёд, но замер, потрясённый представшей картинкой.

Елена трансформировалась быстро, как будто скидывала лёгкое пальто. Шерсть уходила под кожу, морда втягивалась, а над поляной проносился острый болезненный хруст, от которого каждый волк непроизвольно морщился.

Она вся в крови и пене. От обнажённой кожи поднимается густой пар, но дрожи нет. Пряча пальцы в снегу, девушка тяжело дышит, прежде чем запрокидывает голову, не поднимаясь с колен, уставившись на Райво. В её глазах сплошной белый цвет. Истинный цвет ярости. Вся она чистый монстр, двуликий зверь, подавляющий волю. Это как ударная волна. Иссущающая тяжесть растеклась по поляне и чем выше поднималась волчица, тем ниже падали волки, включая Райво и Вельямина. Невыносимо тяжело, как под прессом, вдавливавшем в снег. Головы погружаются глубже, слышится скулёж самых слабых. Им больно, невыносимо больно. Эта власть рвёт их изнутри — ведь они были свободными. Но она оказалась сильнее.

Елена подходит к распластавшемуся волку, опускается, беря его за шкуру, выворачивает и задаёт вопросы. Болезненный, злые вопросы сыпались один за другим. Он отвечал, даже не пытаясь что-то утаить. Выкладывал всё, что знал, но в глубине радовался: *Она задаёт не те вопросы.* А когда девушка закончила и отшвырнула его, обессиленно прижался лицом к снегу, пытаясь охладиться.

— Даже не буду марать о тебя руки, — презрительно высказалась

она. — Сдохнешь как гиена, — она говорила на своём языке, Райво до конца не понял её слов, но угадал смысл.

Реванш.

Девушка отвернулась, слегка пошатываясь. Частая смена ипостаси, высвобождение скрытого, да и просто долго копившаяся усталость, давали о себе знать. Она хотела спать, но нужно было дожать последние капли. Последний рывок. Впереди поднимается с колен Вельямин, смотревший только на неё, будто ничего другого в этом мире и нет. Она идёт к нему, зная, что только рядом с ним сможет отпустить эту тяжесть, вытолкнуть её из себя, отдавая власть настоящему альфе, а не жалкой пародии, как думала она про себя.

Райво выпустил когти, с ненавистью глядя на волчицу. Шок от невозможности прошёл. Жажда усилилась, страх и гнев набирали обороты. Изогнувшись, волк подобрался, готовясь прыгнуть. Не стерпев, он зарычал, отрываясь от земли, когти вспарывают воздух, возделенная шея уже так близко, но... Позади что-то острое вонзилось в спину, пригвозждая к земле. И в груди стало пусто. Не было боли. Волк закашлялся, будто подавился, на тёмном ночном снегу появились чёрные точки быстро множась до полноценных луж.

Он успел обернуться. Успел увидеть своего убийцу. Успел понять, что, за что и почему. И возможно даже успел простить её. Но он не успел ничего сказать.

* Пьер де Ронсар — Природа каждому оружие дала...

Глава 14. В груди тоска гнетущая заснула

ЧАСТЬ II

Глава 14. В груди тоска гнетущая заснула*

Как птичка без крыла

Вздохну свободно я

В неволе заскучая

Не улетаю, не страдая

Дни славные проживая

И без цепей, и без клеток

Без привязи.

Одной лишь волей

Подавлённой,

Вся в ожидании

Чуда перелётного.

Я жду.

У местных снег имеет множество наименований. Множество оттенков, вариаций, которые превращаются на моём языке в длинные предложения. А у них лишь слово. Скажет, к примеру, «Вальц», что это значит? И тирада выдаётся: только-только выпавший снег, по которому ещё никто не успел пройти. Обязательно хрустящий, не дождливый. «Вальц ждёт, когда ты выйдешь! Лентяй!» Или другое слово: «Корогон» Это когда идёт очень мелкий-мелкий и колючий снег, грозящийся перейти в бурю. Так и говорят: «Корогон идёт, прячьтесь, а то засыплет».

Я много слов выучила за эти месяцы. Стала лучше понимать людей и не людей этого мира. Понимать, откуда взялась такая пропасть между волками и людьми. Зима холодная штука, ежегодна она уносит процентов пятнадцать—двадцать местных. Они болеют и умирают, тогда как волки — нет. Люди довольно просто относятся к собственной смертности. Наблюдая за ними, вижу всё то, что читала в книгах. Они быстро живут и стареют. Женщины каждый год рожают по ребёнку, большинство из которых не доживает и до года. Обычные люди некрасивые. У них непропорциональные лица, искривлённые фигуры, косолапость, опухлость форм, не считая косметических дефектов — бородавки, фурункулы и так далее. Хорошо, что в этом мире похоже нет венерических заболеваний. Встретаться с сифилисом мне бы не хотелось.

Чуть лучше выглядят те, кто работает в замке. Они хорошо питаются, выполняют работу по дому, им не надо пахать в поле, да и девушки сами принимают решение за кого выйдут замуж. Хельга сказала, что так было не всегда.

Ольга.

Одно её имя вызывает в людях какой-то детский восторг. Она многое сделала именно для людей, пытаясь облегчить тяжёлую человеческую ношу. Раньше завидовала этой женщине. Завидовала всему, что она делала и тому, как о ней отзываются. Но видя всё то, что она сделала, зависть ушла и появилось желание продолжить её работу. Сделать хоть что-то, что мне по силам.

Многое произошло с той памятной ночи. Многое узнала о себе и о мире, что меня теперь окружает. И это не те знания, которыми можно

поделиться. Не то, чего когда-либо хотела.

Было ли мне хорошо в месте на краю света без элементарных удобств двадцать первого века? Хорошо ли рядом с вечным лесом, где обитают монстры? На отвесной скале, в которой таится столько тайн о далёком прошлом? Рядом с волками и людьми, мыслями и чувствами совсем не похожими на меня? Я чужак и никакие способности этого не изменят. Как и всего того, что случилось со мной. Теперь совсем не знаю себя. Эта дверца осталась открытой и я не знаю как её закрыть. Как вернуться назад прежде чем о моей второй натуре узнают волки за пределами замка. Такие как Алхимик. Вель предупреждает каждый день о том, насколько опасно обладать **такими** талантами. Дикими никто не может управлять. **Кроме меня.**

В ту ночь они ушли сразу, как погиб их вожак. Сразу, как скинула с себя эту тяжесть, высвободившись, выскользнув рыбой, скользкой и живой. Они ушли молча, исчезая в темноте, при свете кроваво-красной луны. Это было так пусто.

В центре остались только мы. В замок вернулись на рассвете в голубой дымке, в полном составе. Город встретил тишиной и спокойствием. Не одна я избавилась от этого напряжения. Город спал без сновидений, погружившись в дрему усталости и грусти. Нас не было не так долго, но из замка ушли все дикие, кого держали на цепях в темницах. Вель подозревает своего брата. Только он мог освободить их и уйти вместе с ними, выводя на свободу жену. Станет ли он таким же, как и она? Вель надеется, что нет, но шансов мало. Ахлик любит Брону больше всего на свете. Он не сможет её оставить.

Так началась настоящая зима. Из-за погибших, в этом году не было проблем с пропитанием. Большинство волков, как и людей, перебралось в замок, когда наступали страшные холода и температура по моим ощущениям опускалась ниже пятидесяти градусов. Когда немного распогодилось, была снаряжена экспедиция к соседям. Новости неутешительны — от Брантов, их города, осталось пепелище, давно занесённое снегом. У Соймоеров дела обстояли лучше — их кан-альфа сумел выстоять, когда пришла кровавая луна, но он потерял всю семью. По цепочке и благодаря выжившим, была восстановлена вся картинка. Фактически получилось, что Пределы выстояли перед натиском диких. Они исчезли после полнолуния, тогда как многие замки можно было брать голыми руками. Смерть Райво не могла послужить этому.

Слишком много диких для него одного. Были и другие вожаки. Почему же они отступили?

Задаваясь этими вопросами, мы трое сознательно не смотрим друг другу в глаза. Предположить, что этому я послужила причиной, слишком невероятно. Как и признать то, что сделала тогда. Больше мне не удавалось вызвать ту тяжесть. Она была рядом и безмерно. Чем-то напоминала редкий почти детский сон.

Там я вспоминаю как летать. С небольшим усилием, внутренним прыжком, отрываюсь от земли и сначала аккуратно, а потом всё увереннее и увереннее поднимаясь ввысь. Просыпаешься с чувством, что знаешь как это делать. А потом понимаешь — всего лишь сон. Тоже самое и с контролем. Думаю, это связано с Велем. Без него не получается.

Вель. Моя тревога и боль. Поначалу избегали друг друга. Пройдя через многое, вновь оказаться наедине было невозможно. Я не знала, что сказать, а он не знал, что ответить. Я не хотела думать о том, что делала с ним. А он боялся признаться в том, что делал со мной.

Наше хрупкое равновесие заключалось в совместных трапезах, долгих разговорах об интересных, но не личных вещах и тренировках — восстановление после всех травм. Не сразу, но со временем, он начал учить меня и контролю над второй сущностью.

Первое время даже не знала, что со всем этим делать. Не понимала, почему иногда накатывает такая ярость и становится невыносимо душно. Почему хочется царапать кожаную обивку мебели. Хочется зубами вгрызаться в мясо. До скрежета. А иногда тянет кричать. Когда особенно тихо. И бегать. Я вспомнила каково это — бегать! Замок большой, ступенек много. Начиная на рассвете, успеваю добежать до нижних ворот, а потом обратно прямо к завтраку. Умывание холодной водой бодрит. А энергии меньше не становится. Поэтому Хельга стала учить охотиться. Сначала Вель сопротивлялся. Он не хотел, чтобы я покидала замок, но мне это было нужно, любой волк нуждается в охоте. В выбросе адреналина, сбросе лишней энергии. В крови. Мы ведь все немного дикари.

Со временем, он сдался. Первая охота была в человеческом облики с ножами и арбалетами. Неудачная для меня, но очень поучительная. Хельга помогла с первыми, самыми мучительными превращениями. Помогла полюбить когти и клыки. Полюбить

трансформацию. Принять то, что чувствую в диком состоянии. На то, чтобы не терять контроль, потребовался почти месяц. Ещё столько же ушло на то, чтобы полностью контролировать волчье обличье. И только тогда Вельямин присоединился к нам.

Мы оба понимали, что нам не стоит встречаться во второй ипостаси. В конце концов, страсть и секс не равносильны любви. В конце концов, зима конечна — рано или поздно, но я уйду.

Встречать рассвет среди снежных шапок, забравшись по стволу дерева на самый верх, в полудиком состоянии — это здорово. Это как быть настоящей. Самой собой. В этом прелесть быть волчицей. Больше никаких ограничений. Я могу быть быстрой и сильной. Теперь бегаю наравне с волками, мне по плечу тренироваться с Велем и Хельгой по утрам. По плечу дробить деревья руками и вспарывать когтями плоть животных. Охота это жизнь. Те, кто никогда не охотились, даже представить себе не могут, насколько это здорово.

Сначала требуется терпение. Обычно забираюсь на высокое дерево, прямо как сейчас, скрываясь в снежном покрывале, прижимаясь к шершавой поверхности ствола. Выжидаю. Это ожидание не затягивается слишком надолго — в лесах полно дичи, не смотря на конец зимы. Если бы я сравнивала этот мир со своим, то сказала бы, что здесь всего чересчур. Флора и фауна гораздо более разнообразна и плодovита. Поэтому волки спокойно охотятся, предпочитая свежее мясо заготовкам.

Моя первая охота в виде волчицы была нелепой, как и любая другая охота новичка. Я ещё не научилась нормально управлять своим превращением, контроль над телом слабый, я неуклюже управлялась с разумом хищника. Главное правило охоты — не терять контроль. Отсутствие контроля может привести к гибели. Этому учатся сразу после первых обращений. Тело подростка пластично, оно быстрее адаптируется к двойственности природы существа, поэтому они легко учатся тому, что мне даётся с таким трудом, хоть и не так далеко ушла от «юношеской» угловатости.

Я падала. Вставала и снова падала. Царапала саму себя. Врезалась в деревья. Опять падала. Была очень шумной. Меня за километр слышно. Бесшумность хищника пришла не сразу. Но я научилась уживаться с размерами зверя. Научилась подавлять жажду крови. И полюбила себя.

Мне нравится быть сильной. Очень нравится чувствовать эту звериною первобытную силу, что живёт под кожей вместе с шерстью и клыками.

Независимость даёт много преимуществ. А охота открывает тебя с иной стороны. Будь я волчицей с самого начала, не потребовался бы урок в морге. Я бы вскрыла Алхимика одной рукой, он даже не понял бы, что произошло.

И в этом проблема. Как только уеду отсюда — придётся скрывать, кто я такая. Редкость моего состояние делает ценной для таких, как Демьян. Да для всех. Потому что волчицы, которые умеют превращаться полностью, чаще всего бесплодны. У них нет месячных, их век короток и сравним с человеческой жизнью. А я могу рожать. Я полноценна, это делает мою жизнь во сто крат сложнее прежнего. Ещё повезло, что запах волчицы исчезает, когда принимаю человеческое обличие, хоть никто и не может понять, как это происходит. Но это не делает будущее простым. Стоит только возбудиться от любого толчка — и вторая суть выходит наружу.

Но я не жалею. Ни о чём. Здесь, среди вечных лесов, стала лучшей версией себя. Но там, за перевалом может случится, что угодно. Поэтому просто пытаюсь наслаждаться тем, что есть сейчас.

Охота — это в первую очередь ожидание. Когда услышишь, как медленно ступает твоя жертва. Дыхание, биение сердца, хруст снега под копытами оленя. Напряжение нарастает. Адреналин и желание на самом кончике языка. Миг — и я прыгаю вниз.

— Ты молодец.

Вельямин помогает закапывать останки зверя, чтобы не оставлять следов для более крупных хищников. С уходом диких, к кромке леса скоро начнут возвращаться иные сущности. Следы некоторых из них охотники обнаруживали совсем неподалёку от бывшего места стоянки ушедших волков.

День только-только подходит к полудню. Солнце жёлтой грядой освящает всё вокруг, добавляя золота тёмным волосам, заставляя щуриться. Я обтираю лицо щиплющим снегом, поднимаюсь с колен, вставая рядом с альфой. Мы оба смотрим на небо, впервые оставшись за пределами замка наедине.

— Приятно это слышать. Спасибо.

— Я серьёзно, — разобрав плохо скрытый сарказм, заметил он. —

Ты всему быстро учишься. Язык, охота, придворный этикет, землеустройство, история, да и на тренировках показываешь отличный результат. Прошло всего полгода с твоего появления в этом мире, а ты уже успела многого достигнуть. Это впечатляет.

— Не знаю, то ли смеяться, то ли плакать, — пожимаю плечами.

Мы трогаемся с места в сторону, где оставили лошадей. После охоты, человеческая одежда кажется тесной и неприятной на ощупь. Она защищает от холода, но как же приятнее быть в собственной шкуре, чем в чужой! Этот запах отвращает. Поэтому по пути постоянно поправляю шубку, чешу колени, стягиваю и натягиваю перчатки, заправляя и расправляя шарф. Неуютно.

— Думаешь, что ничего не достигла? — спрашивает, как в пустоту, даже не глядя на меня. Он вообще не слишком любит прямой зрительный контакт. В особенности со мной.

— Думаю, что всё это не стоит того, сколько ещё времени моя сестра пробудет в руках Алхимика. В неведении тяжело. Всё, что узнала здесь, обрела и поняла, может оказаться бессмысленным, если на кону стоит её жизнь. Она попала во всё это из-за того, что сделал наш отец. Приютил меня. Как мне теперь смотреть ему в глаза? Он спас мою жизнь, а я разрушила его семью...

— Не надевай чужие ошибки, Елена. Не тащи на себе эту грязь. Не ты всё это затеяла, но расхлёбывать придётся тебе.

Его умозаключение ненадолго ввело в ступор, даже остановилась. А когда он обернулся, рассмеялась звонко, качая головой.

— Это так ты меня поддерживаешь?! Ты не виновата, но отвечать придётся тебе. Смирись и успокойся? Блестяще!

— А что ты хочешь, Елена? Что **ты** хочешь? — он впервые за это утро прямо посмотрел на меня. — Вернуться в тот мир к своей триаде? Отомстить Каю? Спасти сестру? Выжить? Узнать своё прошлое? Или жизнь? Будущее? Что ты выбираешь? Всё сразу не получится, а решение принять надо твёрдо, иначе всё сорвётся. Ты не маленькая девочка. Здесь таких не бывает. Решайся и неси ответственность за **свой** выбор.

Я ещё не так хорошо понимала между строк, но уже видела, что он говорил что-то ещё. Что-то по-настоящему важное. Что-то, что мне не хотелось услышать. На правду часто обижаются, поэтому просто махнула рукой.

— Сейчас я хочу вернуться в замок, переодеться и отдохнуть после охоты. Не хочу думать о будущем. Не хочу возвращаться в эту гонку. Дай мне это время, Вель. Я всегда успею вновь вляпаться в дерьмо, как это было в первые месяцы пребывания в этом мире.

Он разочарованно цокнул языком, отворачиваясь и вновь смотря наверх. Послышался негромкий птичий крик, по небу, прямо над нами, пролетала стая небольших птиц. Заметив их, Вель помрачнел лицом, тяжело вздыхая.

— Что такое?

— Это сиилы, — нехотя ответил он, поправляя куртку, вновь трогаясь с места.

— И что?

— Перелётные птицы. Началась весна.

— Не верю, что прошло уже столько времени, — провожая взглядом птичий клин, скрывшийся за деревьями, заговорила спустя непродолжительное молчание.

Мне нравится молчать рядом с ним. Господи, мне столько всего нравится здесь, что становится жутко от собственных мыслей. Я переменчива, не собрана, с трудом держу желания под замком, невыносимо тяжело вылепливая из себя цельную личность. Он рядом. Они все рядом. Но кажется никто, кроме Армана, не смог проникнуть глубоко внутрь. Арман вытащил на свет страсти и желания, но не научил ими пользоваться. И теперь расплачиваюсь за это, с трудом отказывая себе во всём.

Вель не такой. Он учит меня тому, как быть волчицей. Даже не так. Как быть альфой волчицей. Как принимать решения, как нести ответственность за свои поступки. Как понимать любовь, верность и дружбу. Что такое быть правителем. Как управлять людьми. И что за этим стоит. Мы часам обсуждаем политику и людскую психологию, докапываясь до таких глубин, что начинаем путаться в том, о чём говорим. Нам слишком хорошо друг с другом и от этого тяжелее всего.

— Не уходи, — неожиданно сказал он, а сам всё ещё не смотрит. Словно боится встретиться взглядом и увидеть ответ. Словно стесняется своей откровенности. Словно не знает, что так сильно хочу сказать ему.

И когда только собралась ответить, над лесом пронёсся протяжный полувоющий-полустон. С надрывом, тяжёлый и низкий. Весь из себя. До мурашек по коже.

— Уходим, — резко выпалил Вель, переключая реплику с предыдущими словами.

Он срывается с места, не дожидаясь меня. Следуя за ним, бегу изо всех сил, ловко скользя между деревьями. Легко-легко ступая по снегу, стараясь не думать от чего бежим. Ведь если только немного отстать, чуть замешкавшись перед сплетёнными деревьями, слегка обернувшись, всего на полкорпуса, то можно услышать совсем иное.

А именно детский плач.

Я остановилась так резко, что чуть не упала. Прислушавшись, вновь услышала его. Такой близкий, совсем детский, испуганный крик. Вель ушёл далеко вперёд, он не слышит. Где-то здесь есть ребёнок. Совсем один, а рядом эта тварь, что так напугала альфу!

И когда вновь услышала его, не раздумывая, ринулась на голосок. Позади раздался окрик Вельямина, но не разобрала, что он кричал. Детский крик был сильнее. Он завёл в меня в самую гущу деревьев, пришлось продираться сквозь них, совершенно не видя, что впереди. И когда я вывалилась на небольшую полянку, то увидела совершенно не ребёнка. Точно не дитя.

Это существо походило на динозавра. Кожа с буграми походила на крокодилю. Искривлённая, выгнутая морда и... перья? На брюхе и под вытянутыми загнутыми лапами. Запрокинув голову, держащуюся на короткой шее, тварь стояла на задних лапах и выдавала пронзительные рулады, под копирку схожие с криками младенца. Но стоило мне появиться, как голос смолк, и зверина резко повернула голову в мою сторону, двигаясь по-птичьи. Выгнув вниз, оскалилась.

Эта динозавриха размерами превосходила меня раза в два, она как небольшой слон, но формой ящерицы и головой птицы только без клюва. С перьями и крокодильей кожей. Полный набор хищника. И вся эта махина пялится с прищуром, прикидывая как бы получше кинуться.

Она проворна и быстра. Мигом перегруппировавшись, ринулась с места прямо на меня, я только успела перевернуться, загравком ощутив колебания воздуха — там, где прошла её непропорционально гигантская пасть. Стартовав с места бегу от неё, сжимаясь в кучку, голос твари проносится над поляной — она ринулась в атаку. Движение и меня опрокидывают на живот, тварь грудью придавила к снегу, утопив лицо. Внезапно стало ещё тяжелее, а затем совсем легко. Подтянувшись, перевернувшись на живот, вижу клубок вцепившихся

друг в друга зверей — в дело вступил Вельямин. Он оседлал тварь, крепко обхватив коленями её короткую шею, когтями нанося точечные удары по её ушам, вызывая волну пронзительного и недовольного крика. Её шкура прочна до безобразия — ему не удаётся нанести глубоких ран — лишь поверхностные царапины, а тварь скачет по полюне, готовясь опрокинуть его и подмять под собой.

Срываюсь с места, крича изо всех сил:

— Запрокинь её голову! — он услышал и в момент, когда бросаюсь вперёд, обхватывает её за щёки и тянет на себя.

По инерции они оба заваливаются назад, но мне хватает времени, чтобы прыгнуть и... промахнуться. Перегруппировавшись, зарычала недовольно, вновь кидаясь вперёд. Тварь уже нацелилась на шею Вельямина. Её клыки почти касаются его головы, он только и успевает уворачиваться, как она выставляет над собой руку, готовясь вонзить её в тело волка. Мне хватило секунды, чтобы клыками вцепиться в толстое и широкое запястье твари, вынуждая отпрянуть. Оттягивая её на себя, увожу от Веля, в полузвериной форме выворачиваясь из мешанины острых лезвий — клыков и когтей. Она быстра, да вот я быстрее. И прыгаю выше. Наверх как кошка по дереву, прыжок вниз — и на закорки, руками обхватывая её лицо, точно впиваясь в огромные жёлтые глаза.

Над поляной пронёсся вопль полный боли и ярости. На месте глаз — сочащиеся кровью и сукровицей впадины, тварь исступлённо мотает головой, перебрасывая меня через себя да с такой отчаянной силой, что влетаю в дерево всем корпусом, звоном теряя нить событий.

Открыв глаза, вижу, зверина ещё здесь. Мечется из стороны в сторону, мотает головой, пытаясь снегом сбить горячую боль. Она оступается, падает и вновь вскакивает, пытается биться с невидимым врагом, а затем чуть не плачет, вновь воскрешая давешний детский крик.

Переглянувшись с Велем, кивнули друг другу и по дуге, медленно обходим её. Мгновение и набрасываемся одновременно. Он, как физически более сильный, заходит сзади, крепко обхватывая её горло, а я ныряю вниз, по свалившемуся снегу двигаясь легко. Резкий удар пробивает грудную клетку и на меня падают потоки крови и слизи. Я чувствую биение огромного сердца в своей руке. Такой жар, такая мощь, что даже больно. А кровь забирается в рот и эта сладость

вызывает почти оргазм — я сжимаю кулак и крик во сто крат пронзительнее уносится ввысь. Вель успевает вытащить за плечи из-под туши прежде, чем она рухнула вниз, разваливаясь как смятая игрушка.

Мы тяжело дышим. Воздуха слишком много и мало одновременно. Всё никак не надышаться. Я облизываю солоноватые губы, а затем слизываю засыхающую кровь с руки. Этот вкус ни на что не похож. И раньше приходилось пить кровь, когда та случайно попадала в рот, или когда специально — питаюсь сырым мясом только что убитого зверья. Но почему-то именно эта кровь такая сладкая. Возбуждающе-сладкая.

Вель напряжён. Почти до гнева. До тонкой линии огня. И я понимаю, что стоит только захотеть, как всё случится. И лихорадка боя будет ни при чём. Это будет выбор, который ещё не делала. Так я сделаю его?

*А. Н. Плещеев — Весна

Глава 15. Мы были с тобою в таинственной мгле

Глава 15. Мы были с тобою в таинственной мгле

*О где же ты, полночная девчонка,
Что так играет, не таясь,
И в прядки-догонялки, и в шарады —
В любовь?
Ты ходишь раз, он пропускает.
Ну кто же так играет?!
Не нам судить.
А тебе опять водить.
Закончить кон? — Игре конец!
И всё как будто не всерьёз.
Никто не виноват и правых нет,
Вот только сдавшийся,
Наверное подлец!
Пусть будет стыдно.*

Столица носила имя своих хозяев, слегка стёртое за давностью лет до лаконичной вариации Демия и располагалась на берегу широкой и глубокой, быстрой реки Колла. Население города под двести тысяч, из которых большая часть — это простой люд.

А дальше начинается самое интересное. Мир волков давно имеет доступ к миру людей. Годами волки контактируют с некоторыми

людскими семьями, благодаря которым заимели власть в моей стране. И в других. Старая система обмена ресурсов и технических достижений позволила волкам развиваться так как им нравится. Для обычных волков и людей, мир меняется медленно, но у аристократов свои преимущества. К примеру электричество. Солнечные батареи, техника из моего мира. Отдельные продукты питания. И многое-многое другое делает их почти богами в глазах людей этого мира, которые даже образования не получают, довольствуясь самым минимумом, который им дают их хозяева. И подвижек нет. Нет религии, нет инструмента или возможности появления лидера, чтобы сдвинуть эту несправедливость с места. Люди не имеют надежды. Иногда даже кажется, что они в ней не нуждаются. Зачем надежда, когда живёшь среди богов?

Я помню это чувство, возведённое в абсолют. И страшусь того дня, когда это может случиться и в моём мире.

Столичная резиденция семейства Могронумов располагалась в городской черте, занимала небольшой дом, всего на двадцать комнат и редко, когда они были все заняты. Семейство не устраивало приёмов, не водило дружбу с праздною аристократией и держалось особняком. Помимо сына Вельямина, Вальта, здесь обитали дальние родственники, брат и сестра, Велия и Ахил, преклонного возраста, не позволяющего им комфортно жить в основном замке в дальних пределах. Несколько охранников и помощников в семейных делах из числа волков. И слуги из людей. Волки редко опускались до примитивной работы, предпочитая заниматься умственным трудом, либо выбирая путь воина.

Основная задача столичных членов семьи — поддерживать уровень жизни в дальних пределах. Они ведут дела с торговцами, что после по весне переправляют товар за перевал. Также отвечают за жалование слуг и солдат. Ведут набор стражников, если тех не хватает. Отвечают за корреспонденцию, передавая её слугам короля. Также, являясь аристократической семьёй, как заместитель своего отца, Вальт посещает королевский дворец, присутствуя на всех знаменательных событиях и даже занимая какой-то пост в казначействе, не смотря на свой юный возраст по меркам волков.

Меня разместили в гостиных комнатах с видом на внутреннюю сторону двора, заросшую высокими деревьями и с неработающим фонтаном в центре. Когда мы прибыли, сына Вельямина ещё не было — слуги передали, он ещё во дворце, но к ужину вернётся.

Было немножко тяжко. Служанка, которую приставили ко мне, чтобы помочь после долгой дороги и паршивых гостиниц, неразговорчивая и недоброжелательная. Она молчаливо помогла раздеться, подготовила ванную комнату, вымыла и высушила волосы тяжёлым полотенцем. Уложив их в высокую причёску, украсила небольшой брошью с зелёным камнем в центре. Волосы ещё были влажные, поэтому она подкрутила их подобием декоративных бигуди, чтобы после они вились со стороны затылка и висков.

В столице не чурались косметики и благовоний. Поэтому девица накрасила меня и предложила на выбор несколько баночек духов. Я выбрала простой цветочный аромат. После ушла, помимо необходимого минимума слов, добавила только, что к ужину позовут.

Так и осталась сидеть в длинном платье с небольшой лёгкой шнуровкой, с красивой причёской, чистой и посвежевшей после длительного путешествия, но совершенно растерянной. Стоя возле окна, вижу, как медленно солнце спускается вниз. Здесь весна уже приступила к работе. На деревьях давно набухли почки. Со дня на день распустится первая самая сочная зелень и мир преобразится. После холода перевала, после ужасно долгой зимы, чувствую приближение чего-то хорошего. Я выжила. Я жива. От той хижины, дороги, волчьего воя и беспросветного отчаяния дошла до столицы иного мира.

Знали бы родители, что приходится делать, к чему идти. Я встречу короля! Смогу ли когда-нибудь рассказать им об этом? Им и сестре? Поделиться всем, что со мной случилось? Будет ли такой день, чтобы я обрела счастье? Чтобы все тяжести мира пали и осталось только светлое будущее?

Хочется верить, что однажды так и будет. Что у меня будет семья и собственный дом. Родятся дети, которые не будут страдать так, как я. Хочу верить в это. Ведь кто мы без веры в будущее?..

Вель предупреждал, что у его сына непростой характер. Что он сильно замкнулся после того, что случилось с отцом-бетой и матерью. Вальт во многом обвинял отца-альфу, но он не мог высказать это прямо, поэтому предпочёл сократить встречи до минимума.

Сегодня — вторая встреча за пять лет.

Вальт высокий крепкий молодой человек. Глаза, как и у Хельги — зелёные. Волосы собраны в короткий опущенный хвост, тёмные почти

чёрного цвета. Волевой подбородок украшен сетью старых тонких шрамов, как паутина, доходивших до шеи. Будто кто-то маленький как кошка царапал его лицо. В плечах он такой же ширины, как и отец. Они похожи, но сын светлее, судя по всему он ближе к своему второму отцу, Грону. Это не бросается в глаза, но видно по тому, как он глядит на отца. Словно обвиняя его в том, что другой умер.

За ужином царила холодная отчуждённая обстановка. Никто не пытался разрядить её. Вяло ковыряя в тарелке прекрасно приготовленный стейк, с удивлением понимаю, что совершенно не голодна, хотя весь день не ела. Взгляды, которые бросал на меня Вальт, отбивали весь аппетит.

— Так значит вы прибыли через портал, как и Ольга? — неожиданно спросил он, прожевывая очередной кусок мяса. Он поднял руку и жестом показал на свой бокал, чтобы слуга подлил вина.

— Да, ведь он для этого и создан — уводить женщин из мира людей, — я улыбнулась, стараясь говорить, как можно чище — из-за акцента речь могла звучать так, будто мямлю. А мне этого не хотелось.

— Счастья женщинам это не приносит, — процедил он, слегка скривив губы. Задрал подбородок, посмотрел на отца. — А вы, отец, довольны?

— Чем именно, сын? — Вельямин внимательно наблюдал за отпрыском, разделавшись с ужином, медленно допивая вино. Его не особо интересовала еда, поведение Вальта было важнее.

— Ещё одна из рода людского, — Вальт холоден, в глазах лёд. — И опять неприятность. В ваших письмах было полно бед. Несчастливый год.

— Райво мёртв, — медленно выговорил Вельямин.

Звякнула посуда, парень отвёл взгляд, чтобы не показать, как повлияла на него эта новость. Он сделал несколько глотков вина и ответил почти нейтрально:

— Рад это слышать. Жаль, что потребовалось пять лет. Из-за этого безродного пса потеряли почти всю семью. Грон, Ольга, теперь и Ахлик с Броной, даже Дельмир умер. Когда в столице узнают о наших бедах, с нами перестанут считаться.

— А ты не болтай. Важно только то, что говорит наш король.

— Он... будет несдержан, — Вальт запнулся, в голосе появились сомнение и тяжесть. Такова сила королевского альфы. Никто, из

сидящих за столом, никто, кто приносил присягу Демьяну, не может даже подумать плохо о короле. Вот такая власть в мире волков.

— Король справедлив, — скупое отвечает Вель, отодвигая бокал в сторону.

Я молча наблюдаю за их диалогом, понимая, что ничего не могу сказать. Я посторонняя. Опасная. Неизвестная. Кто я такая? Почему Вельямин так относится ко мне? По глазам Вальта вижу все его невысказанные вопросы. Ему не нравится моё присутствие. Он думает, что приношу беды. Он избавится от меня — дай только повод.

В гостиной разговор пошёл более открыто. Здесь не было слуг, а с острым волчьим слухом — и подслушивающих. Вельямин подробно рассказал, что случилось в замке в начале зимы. Какие бы ни были отношения между отцом и сыном, Вальт — его заместитель в столице. Он должен знать всё. Или почти всё. Вель не рассказал ему о том, кто я.

Мы расположились в глубоких креслах, тогда как Вальт остался стоять возле горящего камина. В его руке зажат очередной бокал, но пьяным он не выглядел. Скорее уставшим. Одиноким.

— Я уже начал призыв, — заявил парень, когда разговор дошёл до потерь. — И уже собрал почти двадцать волков в твою стражу. Платить придётся дороже, после нашествия диких на все дальние пределы, многие замки опустели. Если бы не приказ короля о балансе цен, мы бы вообще никого не смогли бы нанять. После случившегося — мы в шаге от разорения. Отец, нам придётся просить у короля займ, иначе нам нечем будет платить слугам и страже. Как и охотникам.

— Не волнуйся, у нас есть что заложить и кое-какие запасы на моём личном счёте. Выживем.

Меня удивило, что они обсуждали эти вопросы в моём присутствии, но видимо Вель не был готов остаться с сыном один на один.

— Я хочу знать, когда мне следует ожидать встречи с королём? — осторожно спрашиваю.

Вальт рассмеялся, почти злобно глянув на меня.

— Даже с моей протекцией ты не встретишься с королём. Здесь ты никто. На тебе нет метки твоего возлюбленного, слова моего отца недостаточно для признания твоих прав. Всего лишь человек. Нужно нечто более весомое, чтобы получить аудиенцию у короля.

— А можно обойтись без неё? Мне нужно попасть домой, как пройти через портал?

— Только с разрешения короля, — Вальт улыбнулся, довольный моей растерянностью.

— Сын, Елена многое сделала для нашей семьи. Если потребуется, я возьму её под официальную защиту нашего рода. Этого будет достаточно.

Я почти расслышала, как парень скрипнул зубами. Но сдержался.

— Ещё я хотела бы встретиться с Лука Горике. Это отец Лико. Думаю, он может помочь и нам не придётся прибегать к крайним мерам.

Вель заговорил с убеждением. В его словах мелькали скрытые смыслы и двойное дно. Что мы можем обойтись своими силами. Что Лука может отказать. Что он может быть против меня и может насолить. Зачем идти к нему, когда есть более быстрый способ... Невысказанным было то, что Лука может знать о том, кто я такая, а это опасно. И совсем скрыто — взяв под защиту, Вель и дальше сможет влиять на мою жизнь. Я стану ему **обязанной**. Мы будем связаны. И это слишком *надолго* для меня.

В итоге, разобравшись в нашей спокойной перебранке, Вальт предложил свою помощь. Он больше всех хотел, чтобы я исчезла из жизни его семьи.

Я специально задержалась внизу в библиотечной комнате в качестве предлога подобрав какую-то книгу со скучным названием и непонятным содержанием. Разместившись на диване с видом углублённой в чтение, сама чутко прислушиваюсь к звукам дома. Я не слышала, о чём говорили сын и отец, но понимала, что разговор идёт к завершению. И когда они расстались, подстроила столкновение с отцом в одном из коридоров.

— Вель, что ты делаешь? — спрашиваю осторожно.

Он остановился, будто налетел на стенку. Лицо как высеченная из камня маска. Только глаза живые и подвижные — грустные. Он смотрит куда угодно, избегая встречи с моим взглядом. Словно потерялся. Словно не знает, что сказать.

Я приблизилась так близко, как никогда с *тех самых пор*. И положила руку ему на грудь, чувствуя сильное биение сердца. Гляжу снизу-вверх, ощущая шершавость ткани, грубость материи, мягкость нательной рубашки, скользящей по моей коже под платьем. Касания повсюду, нежность и жёсткость.

— Я не могу остаться с тобой, — говорю едва слышно, чтобы никто, кроме него, не услышал этого шёпота.

Он обхватывает мою руку своими, сжимая, наклоняется ниже и шепчет:

— Ты даже не попробовала остаться.

К Лука Горике мы отправились на третий день пребывания в столице. Потребовалось время, чтобы Вальт договорился о встрече и было подобрано время, когда он сможет нас принять. Высшее общество переполнено традициями и правилами, осложнёнными волчьей физиологией. Альфы не очень любят находиться друг с другом, а беты с трудом ведут дела с альфами, они постоянно рискуют быть подавленными в нужную для альфы сторону. Поэтому клановая политика имеет два берега — альфы и беты. Они редко пересекаются друг с другом. Семьи у волков имеют большее значение.

— Почему вы так сильно ненавидите своего отца?

Оставшись наедине в дороге к дому отца Лико, я набралась смелости, чтобы задать этот вопрос.

— А почему вас это волнует?

Мы сидим напротив друг друга в небольшой крытой повозке, внешне напоминающей английский кэб, и запряжённой парой лошадей. От водителя нас отделяла деревянная кабина, изнутри обитая бархатом для мягкости. Хотя я всё равно чувствовала каждую кочку. По словам Веля, волки не особо приветствуют подобный вид транспорта, предпочитая поездки верхом. Но за окном шли дожди, и приехать мокрыми а дом Горике было бы попросту неприлично.

Для Вальта мой вопрос как будто и не звучал, настолько равнодушно он на него ответил. За последние дни, успела немного понять этого парня. У Вальта действительно непростой характер. Он одиночка, привык всё контролировать. Ему нравится строгость в одежде и в манерах. Любит командовать и всем заправлять. С трудом привыкает к присутствию отца. Особенно к тому, как слушаются его

слуги. За эти годы он привык быть главным в доме. Присутствие отца сильно смущает молодого мужчину. Как и необходимость подчиняться истинному главе семьи.

— Я нахожусь в зависимости от вашего отца. Сейчас только он может подтвердить мою историю. Поэтому мне не безразлично то, что происходит в этом доме. За эти полгода я сдружилась с Хельгой и Вельямином. Я не чужая...

— Нет. Ты именно что чужачка, — возразил он с недовольством отреагировав на мои слова. — Ты словно репей вцепилась в моего отца. Тебе так нравится волки, что ты идёшь по нашим следам? Отметины на лице и теле, истории о сложных взаимоотношениях с Лико и Арманом. Теперь мой отец. Это похоже на манию. Простые женщины бегут от таких историй, а ты погружаешься всё глубже и глубже. И впутываешь моего отца.

Он потирал пальцы на правой руке, выдавая порционно всё, что понял про меня. Видимо он решился сразу расставить все точки над и, чтобы больше не возвращаться к этому разговору. Говорит почти лениво, с лёгким призрением наблюдая как я поджимаю губы от каждого его слова.

— Я не ненавижу его. Презираю. Он совершает всё ту же ошибку, связываясь с женщиной из мира людей.

— Но это не так! Между нами...

— Люди могут лгать, но волки нет. По нам сразу видно, кто с кем спал, — он усмехнулся. — И не один раз. Правда давно. Но вы определённо близки. И я хочу, чтобы это закончилось.

— Как и я, — принимаю его слова, выдавая их за свои мысли.

Холодно гляжу на него, такого далёкого и высокомерного. На фоне отца, он и правда кажется столичным франтом, его одежда словно сшита в моём мире — гладкая и тонкая. Его лицо чистое, без единого намёка на труд. Он выскоблен, вычищен, но всё равно остаётся волком. Цивилизованность идёт рука об руку с жестокостью. Просто выглядит не так первобытно. Даже сейчас, просто сжимая и разжимая пальцы, волк показывает с какой лёгкостью он сломает мне шею, если вздумаю остаться с его отцом. Он не доверяет мне. И это взаимно.

Поместье Горике выглядело как небольшой дворец. Ярko-жёлтое здание с разноуровневыми башенками, по виду, его словно

перестраивали и достраивали, да и не раз. Вальт объяснил это так, что семья Горике долгие годы была в тени, не пользовалась популярностью при дворе, а потом отец нынешнего короля почему-то возвысил эту семью, дав им возможность контактировать с миром людей, занимаясь связями и контрактами. Чуть ли не правой рукой сделал Луку. Вот домик и вырос, разрастаясь вместе с благосостоянием и запросами его владельца.

На входе уже ждали услужливые люди, которые развели нас по отдельным гостиним. Прежде чем говорить с обычной человечкой, Лука Горике будет говорить с тем, кто её привёл. И только после этого мне будет дозволено сказать хоть слово. Совсем иной приём нежели тот, который получила у Вельямина, когда попала в этот мир. Отличие кардинальное — я не помечена волком.

В комнату, куда привели, просторно, но темно. Из-за разросшихся деревьев, скудный дневной свет не проникал сквозь шторы. Обстановка дорогая, но простая. Небогатая приёмная всё равно ярко кричала о благосостоянии владельца. Возле окна на небольшой тумбочке расположился небольшой музыкальный приёмник. На батарееках. Возле стены у входа вытянутый шкаф с книгами, написанными на русском языке. Достоевский, Гоголь, Бунин, Маяковский. Беглый взгляд выдал сплошную русскую классику. И даже несколько книг на английском языке. Киплинг, Диккенс, Уайльд. Не чета здешним крестьянам. Доступность образования, вот что нас отличает от здешних людей.

Кроме меня, в комнате остался слуга, для моего удобства и пригляду. А вдруг что выкину. «От неизвестной человечки можно ожидать чего угодно!» Именно это читалось в глазах невысокого парня, стоявшего по стойке смирно у входных дверей.

Вновь подойдя к окнам, замерла на месте, наблюдая за лентами дождя, струящимися по нормальным, качественным, пластиковым окнам. В этом помещении даже электрические батареи были. Правда неработающие, поэтому порадовалась, что больше не нуждаюсь в тепле так, как раньше. Я чувствовала холод, но как-то издалека.

Наконец, за дверями послышалось движение, они распахнулись настежь и проём пересёк высокий худощавый мужчина в дорогом тёмно-сером костюме. По виду он выглядел как бизнесмен из моего мира. Кардинально отличался от всех, кого видела в столице и за её

пределами. Словно он родом из мира людей.

Лука Горике, а это не мог быть никто другой, статью и повадками, походил на бурую лисицу, чем на волка. Он не обладал внушительным телосложением, жаром власти и силы, но живые светло-голубые глаза говорили совсем об иной силе. Силе ума.

Узкие, впалые щёки, слегка выющие тёмно-каштановые волосы, широкие брови, впалые глаза, опущенные уголки губ. Он выглядел приятно и опасно одновременно. Такая внешность и псевдо-мягкость во взгляде, говорила о тайных мыслях. О взрывном характере. И быстрой смене настроения.

Мужчина пересёк комнату, встал напротив. Дождавшись реверанса в знак приветствия тоже слегка наклонил голову, после предложил присесть, расположившись в кресле напротив, положив локти на подлокотники и откинувшись на спинку. С секунду изучив мою внешность, уделив особое внимание шрамам, заговорил:

— Вы были связаны с моим сыном, — утвердительно заявил он. — Но больше нет. Почему вы здесь?

Я смешалась, не сразу найдясь с ответом:

— Хочу вернуться домой. И возобновить связь с Лико. Мы потеряли друг друга не по моей вине. С вашей помощью...

— А с какой стати мне вам помогать? — с ленцой спрашивает он. — Сын отказался от меня и я вычеркнул его из семьи. Он бета и получеловек. Ни на что не способен. Как и вы. Всё, что вы скажете, бесполезно для меня. По сути, вы просто тратите моё время.

К щекам прилила кровь, от смущения не смогла заговорить. Он не видел во мне человека. Он видел пустоту. Что-то бесполезное. Мешающее. Только взгляд постоянно цеплялся за шрам на лице. В конце концов, безразличие и гордость не устояли перед любопытством, и он поинтересовался, откуда такой след.

— Родители говорили, что на меня в детстве напала дикая собака, — спокойно отвечаю, выдерживая его непростой взгляд. — Но спустя годы узнала, что такой след остаётся от столкновения с диким волком. Позже убедилась в правдивости этого варианта, вновь пережив такую встречу.

— Дважды везучая, да?

Даже лёгкого оттенка уважения хватило, чтобы вернуть присутствие духа и вспомнить, что я хотела от этого волка и как

собиралась это получить.

— Во многом мне помог разобраться волк по имени Арман. Тот самый, Гарнто, — говорю хладнокровно, слегка потирая руки. — У меня с ним сделка.

— Вот как? — видимо Вальт сдержал слово и не всё рассказал обо мне Луке, раз он искренне удивился моему откровению. Наклонившись вперёд, с интересом уставился на меня, ожидая, что ещё ему расскажу.

— Вы даже не спросили, как я оказалась связана с вашим сыном, хотя это весьма занятная история.

Чтобы почувствовать себя ещё более уверенной, встала, разрывая зрительный контакт с Лукой. Подойдя к небольшому столику с магнитофоном, мимоходом заметила, что с мужчиной остались в комнате наедине.

— Его укус спас мне жизнь. Я была отравлена неизвестным ядом и ваш сын рискнул своей человечностью, чтобы вытащить меня с того света. Никто не ожидал, что мы окажемся связанными. Много позже я встретила Армана. Как вы знаете, ему *интересен* Лико, — деликатно заменив слово влюблен, продолжила говорить, издалека наблюдая за Лукой. С досадой отмечая, насколько сложно его читать. Я почти не понимала, как он реагирует на мои слова.

— Наша сделка построена на простом обмене. Он спасает мою сестру от нехороших людей, а через меня получает Лико. Насколько знаю, именно этого вы и хотели от своего сына.

— Что вы имеете ввиду? — насторожился волк, моментально просекая мою осведомлённость.

— Я человек из мира людей, — начала издалека, вновь возвращаясь на диван, очаровательно улыбаясь. — Здешние волки и люди видят ваш дом и ваше богатство, но я вижу чуть больше. Когда отец нынешнего короля возвысил вас и дал доступ к моему миру, ваша семья разбогатела. Благосостояние росло, вы обставляли дом вещами из моего мира. А потом дверца закрылась. Нынешний король отдал вашу должность Арману, своему давнему любовнику. И теперь он заключает договора, налаживает поставки и преумножает благосостояние своей семьи. А вы остались за бортом, ведь никто не может указывать королю. И даже ваш нелюбимый сын, который должен благодарить богов за то, что родился в столь родовитой семье, отвернулся от вас в миг нужды. Арман давно проявляет к нему интерес, вы приказывали ему принять

столь щедрое предложение, чтобы семья вновь поднялась, но отказывает. И дом ветшает. Электричеством не пользуются, так как солнечные батареи разбиты и сломаны. Генераторы без бензина не работают. А батарейки в проигрывателях сдохли. Как долго вы ещё сможете притворяться прежде чем общество заметит, что ваше состояние превращается в пыль?

Я ждала, что он разгневается. Закричит на меня, обвиняя и угрожая. Человечка посмела говорить о таких вещах! Но слова мои он воспринял довольно спокойно. Признавая их правоту. Но... его это не волнует?

— Вижу Арман неплохо научил вас, — наконец ответил он. — Вы всё подметили верно. И я даже вижу, к чему вы клоните. Я помогаю вам вернуться домой, вы вновь связываетесь с Лико, а потом объединяетесь с Арманом и получается триада, обязанная своим воссоединением мне. Хорошая задумка, Елена. Думаю, я поддержу вас. И помогу попасть во дворец.

— Где подвох?

На мой настороженный взгляд, он улыбнулся.

— Только скажи мне, кто ты такая, — на моих глазах его пальцы вытянулись в когти, а глаза провалились в ярко-красный цвет.

*А. А. Ахматова — Из цикла «Ташкентские страницы»

Глава 16. Душа из клетки рвется прочь

Глава 16. Душа из клетки рвется прочь*

И сердце биться не устанет

Глаза закрой, увидишь всё

Так ясно

Будто ветер закружится

Над головой

Подхватит, унесёт

Туда, где ждут

Зовут давно

И будешь как в кино

Любима

Но через миг прошло

Опало.

И никого не стало.

— Ты меня что, на понт берёшь? — от неожиданности перешла на

русский.

Волк смешался, но когти оставил.

— Я столько раз была на грани, что и не сосчитать, а вы пытаетесь напугать клыками и когтями? Это шутка такая? — перешла на их язык, понимая, что в таком состоянии, он может и не понять, что говорю. Хотя поведение мужчины и так было весьма странным.

— Если перечислю все разы, когда мне угрожали, просидим здесь до самого вечера, так что втяните клыки и вернёмся к конструктивному диалогу! — для демонстрации своего отношения, скрестила руки на груди, хотя и по запаху было понятно — такой мелочью уже не напугаешь.

Странная штука, до агрессии его боялась больше, чем сейчас. Не знала, чего ожидать. А теперь вижу — он что-то подозревает, но не он заказал меня. Не он пытается убить.

Видя почти равнодушную реакцию, волк передёрнул головой, как это делают псы, возвращая человеческий облик. Кашлянув, выправляя голос, сделал вид, будто ничего и не было. Только глаза говорили: «Я тебя ещё раскушу».

— Вы предлагаете верить вам на слово? — иронично спрашивает он. — В жизни не поверю, что человеческая девушка способна вести себя так, как вы. И выживать раз за разом. Не верю, что человеку это под силу.

— А придётся, — негромко хмыкнула. — Фактически, это единственная наша встреча. Либо вы помогаете мне, либо найду помощь в другом месте. Дом Гарнто. Или же любой другой дом, готовый рискнуть ради дружбы с Арманом. Надеюсь, вы убедились, что я способна выдержать агрессию вашего вида, — заговорила с чувством, толком, расстановкой, полностью отдаваясь своим словам. Всё, чтобы поверил: он нуждается во мне больше, чем я в нём.

В конечном итоге договорились. Волк вместе с Вальтом устроит встречу с королём. А уж дальше всё зависит только от меня.

Напоследок, угостив неплохой настойкой на лесных ягодах, Лука задал вопрос о том, откуда я. Где родилась в мире людей. Разумеется, не стала говорить правду, остановившись на месте, где выросла. Но то, что он заподозрил... На мгновение задумался о моём прошлом в таком ключе, заставило усомниться в его правдивости. В конце концов, Лука точно знает, кто я такая. Он приходил за мной и матерью в больницу.

Искал нас.

Он один из тех, кого не могу прочесть. То, как он двигается, как говорит и как смотрит. Высокомерие и усталость одновременно. Мне всё видится кровь вокруг него. Кровь, что льётся рекой перед его пустым взглядом. И это пугает, ведь на словах он совсем другой. Как будто говорю с психопатом. Но ведь волки не могут быть такими, оставаясь в стае. Любое безумие ведёт к дикости и одиночеству. Он совсем не похож на дикого.

Один и тот же вопрос застрял в нас обоих. Кто же он и кто же он?..

Обратно меня отвёз всё тот же водитель, но уже без Вальта, отправившегося ранее по своим делам. В доме Могронумов никого не было. Я так и не увидела старшее поколение этой семьи — они отсутствовали уже больше месяца и не вернутся в ближайшие дни. От скуки слонялась по комнатам, читала какие-то книги, пообедала и всё время глядела на настоящие часы, висящие в самой большой гостиной. Я даже нашла на них печать завода, где их сделали. Они родом из СССР и в три раза старше меня. И до сих пор работают!

Только ближе к полуночи вернулся старший Могронум. По лицу видно, он уже в курсе наших с Лукой договорённостей. Расположившись у камина с бутылкой коньяка и лёгкими закусками, заговорили о будущем.

— Сегодня я был во дворце. Письмо от Луки, как и наше, уже передано королевскому секретариату, так что думаю в ближайшие дни ты получишь приглашение во дворец.

— И что дальше? — спрашиваю напряжённо. — Мне нужно будет прийти одной? Или как? Что говорить? Что делать? Это просьба, одолжение? Мне нужно будет заплатить или...

— Не волнуйся, — мягко перебил он. — Твоя задача лишь в том, чтобы чётко высказать свою просьбу. Ты не останешься наедине с королём. Официальный день приёма, помимо тебя там будут и другие просители. Секретари, слуги и помощники. Расскажи историю так, как мы договаривались и всё получится. Король даже не заметит тебя.

— Всё равно, мне страшно, — говорю тихонько на выдохе. — Я никогда не была во дворце, не говорила с королями, это всё очень далеко от меня. Ты должен понять, эта реальность выглядит как странная сказка, но только всё взаправду и поэтому здесь не работают

сказочные штампы. Может случится что угодно. От этого внутри всё дрожит, я трусиха, — печально резюмировала, растирая лицо.

— Уверена? — продолжает он, с теплотой разглядывая меня. — А кто набросился на виверну и вырвал ей сердце? Кто выстоял против Райво, Дельмира и других диких? Ты выживала столько раз, что тебе какой-то дворец? Сегодня ты победила Луку. В следующий раз выстоишь и перед королём. Только не показывай силу, Елена. Иначе выглядишь слишком ярко, — Вель отставил полупустой бокал обратно на столик, выпрямившись в кресле. — Справишься?

— Лука подозревает меня. Он сделал точное предположение, но не уверен в этом. Дай только повод и он поймёт, кто я такая. Хотя я сама этого не знаю, — закончила горько. Коньяк смягчил слова, успокоил сердце.

Из коридора донеслись голоса, следом раскрылась дверь и на пороге возник Вальт. Мокрый от непрекращающегося дождя, взъерошенный и сердитый от усталости. Окинув нас взглядом, заметил бутылку и направился к ней, не забыв поздороваться.

— Я впечатлён, Елена, — заявил он, осушив залпом грамм сто коньяка, следом наливая новую порцию. — Лука уже отправил своё прошение, как и мой отец. Ты умеешь добиваться чего хочешь.

— Научилась. У меня были хорошие учителя, — я отсалютовала бокалом Вельямину, но вспомнила Армана. Именно его уроки, его манера говорить, то, как он рассказывал о людях, дало нужный эффект. И кровь. Много крови. Когда в твою жизнь регулярно врывается столько крови и боли, поневоле учишься жить в таких условиях. И уже многое становится проще.

— Тогда ты будешь рада получить это, — он отвернул пиджак и достал из внутреннего кармана небольшое письмо в жёстком конверте, прошитым золотой нитью.

— Быстро, — удивился Вельямин. — Почему?..

— Послезавтра будет официальный день прошений. Впереди весенний бал, король хочет расправиться с делами до него. Так что, отец, ты тоже приглашён. Давно не видел короля? — Вальт, как фокусник, вытащил ещё один конверт и протянул его отцу. — Пришла пора навести портного, твой выходной костюм порядком износился от времени.

— А мне что надеть?!

— Цени, человек, я об этом позаботился, — с какой-то непонятной язвительной интонацией ответил парень, цедя по чуть-чуть янтарный напиток. Он облокотился о выступающую часть камина, нависая над пламенем, вытянув левую руку вниз, чуть ли не касаясь огня. Его глаза отсвечивали красным, скрывая о чём он думает. — Хельга не будет против, я выбрал один из её нарядов.

— Благодарю, — отвечаю, разглядывая конверт.

Внутри стандартные точки с размашистой подписью. Дальше всё зависит только от меня. Хотя Вель и утверждает, что его слов и слов Луки достаточно, но понимаю, что всё может пойти не по плану. Король непредсказуем. Демьяновы — опасный род. Слишком много странного в их истории. Неправдоподобного. Почти нереального. Достаточно включить логику, чтобы это понять. Демьян может запросто убить меня, если ему покажется, что я слишком со многими волками связана. Параноик. Короли не любят встречать людей. Люди не подвластны их власти, как волки. Именно поэтому Кай и занимается неоном, чтобы полностью подчинить людей. А пока человек запросто может убить короля, выстрелив, заколов или отравив. Поэтому в замке нет людей. Королю служат либо полукровки, либо чистокровные волки. Даже ночной горшок выносит волчица. Ни единого человека за очень редким исключением. Послезавтра я стану именно таким. Кто знает, чем это обернётся.

Мне бы больше задавать вопросов. Интересоваться этикетом, узнавать привычки и характеры обитателей дворца. Но я считала, что всё это ненадолго. Что король обязательно даст разрешение и я воспользуюсь порталом, попаду домой и забуду эту холодную сказку навсегда. Ну правда, что может пойти не так? Для короля я маленькая букашка, какой с меня прок? Поэтому больше думала о будущем, о том, что в первую очередь сделаю, как вернусь домой. Что обязательно свяжусь с родными. Узнаю, что с сестрой. Путём нехитрых подсчётов, думаю, что потеряла целое лето и почти всю осень. Вернусь в ноябре—декабре. Снова зима. Что же, по крайней мере, она будет не такой холодной, как здесь.

В приёмный день, служанка разбудила до рассвета, чтобы подготовить ко встрече с королём. В этот раз она была само внимание и почтение. Не каждый человек попадает во дворец. Девушка вымыла

меня, натёрла кожу травами, отмыла волосы, уложила в очень красивую причёску, накрасила, надушила, вертела как куклой и всё с такой самоотдачей, будто дочь замуж выдаёт. В финале ожидало мягкое и воздушное белое платье в пол с небольшим подъюбником, даже с корсетом, обшитым мелкой золотистой ниткой, сплетающей декоративный узор из листьев. Такая посадка сильно приподняла грудь, а глубокий вырез продемонстрировал ложбинку, превращая наряд в вечерний. Я сама походила на сказку. Красивую девушку из сказки.

— Ты уверена, что этот наряд выбрал Вальт? — протянула с сомнением, отчаянно борясь со сном и волнением. — Его видел Вельямин?

— Кан-альфа одобрил платье, — скупко отвечает девушка, подобострастно глядя в глаза. — Не изволите сомневаться, такие платья принято носить при дворе.

— Может есть какая-то шаль или накидка? — от волнения немного сбилась с определениями того, что нужно, поэтому служанка не сразу поняла, что имею ввиду, но вскоре закивала и вынесла лёгкое болеро, также расшитое золотом и совсем не скрывающее глубокий вырез.

Сомнения читались по моему лицу, но времени оставалось только на лёгкий завтрак. За время приготовлений уже успело взойти солнце. Мы готовились часов пять!

Спустившись по лестнице в лёгких туфельках на жёстком и удобном каблуке, прошла в столовую, не ожидая кого-либо встретить. Вальт уже давно покинул дом по рабочим вопросам, а Вельямин собирался пораньше выбраться в замок — он хотел опередить других лэрдов дальних пределов, чтобы одним из первых рассказать, что там случилось. И, соответственно, получить больше... помощи? Вознаграждений за то, что выстояли? Или наказания за то, что допустили такое?

Плюс Вель хотел быть рядом, когда меня вызовут к королю, на случай если потребуются его присутствие.

Наскоро перекусив, стараясь не смазать макияж, от волнения под конец совсем измаялась. Сейчас больше всего хотелось съесть сочный кусок мяса, а не вот это вот всё. Куриные яйца, каша, по вкусу напоминающая овсянку, творог и полный стакан молока. Полезно, питательно, но так нервически отвратно! Я соскучилась по нормальной еде! Или хотя бы по мясу...

Желудок предательски заурчал и я прыснула со смеху. Представляю себе такую картинку: Елена во дворце просит у короля о помощи и в самый ответственный момент раздаются такие рулады! Умираю со смеху.

Но на самом деле было не до смеха. Время приближалось к отбытию, а я совсем потерялась. Даже к Луке было идти не так страшно. Пожалуй, с таким волнением может сравниться только то отчаяние, когда вели к Райво. Умом понимала, что Хельга на моей стороне, но этот кроваво-красный цвет луны... От одного воспоминания стало зябко.

— Елена? — раздался знакомый голос позади.

Обернувшись, тотчас вскочила на ноги и ринулась к нему в объятия.

— Вель! — обняв крепко-крепко, будто и не расставались вчера вечером, воскликнула негромко. — Как же хорошо, что ты здесь!

— Чёрт возьми, что на тебе надето?! — зло воскликнул он, отводя в сторону, чтобы увидеть целиком. — Какого хрена ты нацепила эти тряпки?!

— Подожди, но разве ты их не одобрил? — испуганно отпрянула назад, пытаясь натянуть болеро и скрыть глубокий вырез. В глазах кан-альфы мелькнуло недоумение смешанное с непониманием.

— Впервые это вижу! Вальт показывал совсем иной наряд!

— Лэри Елена! — в дверях появился невысокий водитель, заметив кан-альфу, удивился и склонился перед ним. — Лэрд... Лэри Елену пора везти во дворец...

— Нет! И позови служанку, пусть немедленно переоденет лэри в более подобающий наряд.

— Всё так плохо?

Мы оба быстро поняли, откуда ноги растут. Вальт не мог упустить такой шанс. Он всё спланировал, чтобы выставить меня в неприглядном свете. Подставить. Без официальной защиты семьи Могронумов, я обычная человечка в слишком привлекательной оболочке. Во мне много необычного, что может привлечь любого волка во дворце. А без сопровождения это может привести к чему угодно.

Если бы Вель не заподозрил и не отложил свой визит... Если бы водитель пришёл чуть раньше...

И всё-таки, видя, как Вельямин провожает горящим взглядом, было

приятно. Очень-очень приятно. Я красивая. Боже, я красивая! Шрамы давно уже не волнуют меня, но каждое внимание приводит душу в восторг. Чувствую себя женщиной, а не ребёнком.

Надеюсь, когда-нибудь надену такое платье и мне не надо будет прятаться за чужими спинами. Когда-нибудь!

Дворец представлялся мне необычным местом. Я видела его издалека, возвышающегося на небольшой горке как на плато перед обрывом. Вообще, заметила, что волки любят строить свои замки и дворцы возле обрывов и возвышенностей. Чтобы по крайней мере за одной стеной было что-то надёжное. Вроде реки или моря, или горы.

Сама по себе столица совершенно не походила на крепость. Наоборот, благодаря морскому пути, столица была одним из немногих городов, связанных со внешним миром и другими странами. Торговля велась по всем направлениям, делая страну Демьяновых достаточно состоятельной, чтобы дворец сиял на солнышке, только что вышедшем из-за туч.

Короче всё блистало. Начиная от кованой решётки с золотистыми листиками и заканчивая буквально россыпью фонтанов возле самого здания. Размерами он схож с петербургским дворцом и строился, судя по всему, с одного лекала. А может архитектора похитили волки?

Каламбур про себя — лучшее лекарство от нервов. Учитывая, что с дороги ещё немного мутило, всё-таки коляски и кэбы без рессоров совсем не про меня, старалась приободриться.

— Не тушуйся, — голос Веля вытащил из мрачных мыслей. Наверное, по лицу заметно как далеко я от спокойствия.

После утреннего мини-скандальчика, который он закатил служанке, моментально было найдено закрытое тёмно-синее платье с чёрным узором, подчёркивающим изгибы фигуры, но не допускающее какой-либо вольности. Причёску разобрали и вместо неё сложили в простую косу, украсив фамильной брошью. С секретом. Внутри спрятана ампула с запахом рода Могронумов. Не совсем официальная защита, но если быть беде, то может помочь. Я не рискнула открыть флакон, понимая, что даже малейший запах может привлечь ненужное внимание, а мне этого бы не хотелось. Поэтому оставалось только верить словам Веля, что их запах собран из снега, зимний рябины и немного горного ручья, чего бы это не значило. Чёрт, я даже не знаю,

как именно такие запахи делаются, а сил спрашивать уже не было.

— Я не тушуюсь. Просто очень неудобно, — отвечаю негромко. Наш транспорт подъезжал к соответствующему входу, поэтому степень волнения резко подскочила.

Меня отведут в комнату, где буду ожидать, когда позовут, тогда как Вельямин сразу отправится к королю, надеясь, что его быстро вызовут.

Мы договорились, что Вель обязательно дождётся меня, чтобы не допустить каких-либо неожиданностей. В конце концов, королевский дворец одно из самых опасных мест. Это хуже, чем встретить виверну в лесу или идти навстречу с дикими. Здесь может случиться что угодно и как угодно королю.

Комната, куда привел слуга в ослепительно белом костюме, небольшая и не уютная. Пустая. Словно в замке полно свободных помещений и чтобы они не пустовали их заполняют минимум мебели, украшая стены незамысловатыми пейзажами в позолоченных рамах. Ставят высокие горшки с миниатюрными деревьями, раздвигают занавески на окнах, впуская свет и добавляют парочку кушеток в центре с небольшим стеклянным столиком. И фрукты. Обязательно тарелка с фруктами, которые так сложно достать в это время года.

Именно поэтому скучно стало почти сразу же, как меня здесь оставили со словами, что позовут как придёт моё время. Умом понимала, что придёт оно в последнюю очередь. Ни один волк не потерпит быть принятым королём позже безродной человечки, так что приготовилась ждать. Отсутствие часов компенсировала видом из окна на садовый парк с массой скамеечек, декоративных деревьев, на которых только-только появилась первая зелень и прогуливающихся обитателей замка. В основном женщины с детьми, подростки и пожилые. Но скоро надоело бесцельное ожидание за просмотром скучного фильма про гуляющих и я присела на кушетку, обложившись маленькими подушечками.

Сначала просто размышляла о будущем. Страх и волнение перед ним испарились уже на первом часу ожидания. Нельзя подпрыгивать вечно, поэтому успокоилась и принялась рассматривать потолок с рельефным покрытием в виде цветов. Периодически взгляд падал на фрукты. Пара яблок, мандарины, виноград и лимон. Взгляд цеплялся

поначалу просто так, но потом не удержалась и стащила чёрную виноградину. На вкус как Изабелла и в голову пришла простая истина. Имея портал в мой мир, неужели король не воспользуется им, чтобы получать к придворному столу всё, что угодно? Включая и фрукты. Поэтому яблоко исчезло едва ли не быстрее винограда. Следом разделалась с мандаринами, запрятав ароматную кожуру вглубь блюда. Я так давно не ела фрукты, что их вкус по воспоминанием сравнился с плиткой молочного шоколада. Безумно сочный райский вкус. Почти амброзия. Без сожаления разобралась с остатками, даже лимон, от кислоты которого кривило во рту, был безжалостно уничтожен.

И время вновь встало. Пройдясь по комнате, несколько раз нерешительно замирала у дверей, убеждая, что нужно напомнить о себе, и каждый раз адреналин побеждал — я возвращалась на кушетку. В конце концов, рискнула и сунулась в коридор, но почти сразу же была водворена обратно бдительным охранником, стоящим в конце коридора: «Человекам нельзя без сопровождения гулять по замку. Ждите. Вас вызовут».

Устав от ожидания, сбросила туфли, залезла с ногами на куцую кушетку, вновь уставилась в потолок. И как-то непроизвольно, словно сами по себе, глаза закрылись. Сначала на мгновение, просто отдохнуть. Потом они отяжелели и их всё труднее и труднее было держать открытыми, а потом... я заснула.

Этот сон уже снился мне. Этот лес, дорога, авария, уже были и от холода сводило зубы. Столько раз в сновидениях сталкивалась со снегом, что уже сны не отделяю от него. Мой покой, моя тревога, прошлое и будущее словно сговорились заморозить меня, укутав пушистым белым саваном из снов и видений.

Вот и сейчас бреду по заснеженному лесу в полутьме, в получеловечьем облике, замёрзшая изнутри. А рядом иду я. Раздвоение, такого раньше не было.

В замке, кроме Хельги были и другие волчицы, одна из них рассказала, что иногда волчицам снятся сны о будущем. Говорят, такое происходит, когда в реальности ты приближаешься к очередной развилке жизни. Сновидение — это лишь рябь эмоций, что предстоит испытать. Невозможно с помощью сна изменить будущее, но можно подготовиться, зная о неотвратимости судьбы.

Идя рядом с самой собой, странно смотреть вперёд и не оборачиваться, не разглядывать уродливые шрамы, покрывающие сетью обнажённое тело спутницы. Её глаза полны застывших слёз. Уста сомкнуты, покрыты тонким льдом, а на щеках румянец лихорадки.

Мы идём в полном безмолвии, ни ветра, ни снега, не слышно скрипа под ногами, будто бредём в пустоте. Только мороз пробирает до костей. Наконец, выходим на поляну. Странное место. Один, два, три, четыре... холмы метров два-три в длину, хаотично разбросанные то здесь, то там. Тут же возникает ветер, он треплет волосы, закрывая обзор. Перехватывая непослушную копну, вижу, как сдувает верхний слой с курганов, понимаю, что это такое.

— Наше кладбище, — разбивается хрусталь — двойник заговорил.

Обернувшись, вижу кровь на её губах — заговорив, она порезалась о лёд. В её глазах усталость и тоска. Глядит на меня, словно на убийцу. С пониманием. С неотвратимостью.

— Они все здесь, — говорит она. — Но *там* ещё живы. Я знаю, куда ты пойдёшь и чем всё закончится. Знаю, что ты выберешь неправильный путь и пустые могилы перестанут быть таковыми. Ты гордая. Сильная. Больше не позволишь собой манипулировать. Эта гордость, — она выделила слово, глотая кровавую слюну, как горькую пилюлю, — выходит из слов: Я умею выживать. Она убьёт его. И с чем ты останешься?

— Кого убьёт?! — кричу, перекрикивая усиливающийся ветер.

Мне страшно, очень страшно. И этот страх порождает бурю. Всё вокруг взлетает вверх, всё полнится колючим снегом. Она стоит близко, но от крика ветра кажется, что совсем далеко. Я вижу, она пытается ответить, и кровавый снег забивает рот, имя вылетает, но ни звука не доходит до меня. Пытаюсь бежать, схватить за руку, чтобы услышать, но двойник ускользает, безутешно качает головой, с горечью глядит в глаза, а затем разворачивается и скрывается среди могил.

Я падаю в снег у одной из них, непослушными от холода пальцами пытаюсь добраться до тела, но метель усиливается и это как бороться с зыбучими песками. Оглядевшись, вижу, что все могилы утонули в снегу и уже не разобрать, кто где похоронен.

И когда собираюсь подняться, что-то хватает за руку и тащит вниз, прямо в чёрный провал.

Подскакиваю, вижу над собой белый потолок и мужчину с серыми

глазами, чёрными слегка вьющимися волосами, в которых прячется тонкий, похожий на серебристую ветвь, обруч.

*Теннисон Альфред — Сэр Галахад

Глава 17. Желанные, как сладость поцелуев

Глава 17. Желанные, как сладость поцелуев

Моя милая птичка, зачем ты ушла?

Кто тебя защитит от опасности зла?

Кто сожмёт в объятиях крепко?

С кем будешь ты мила и добра?

За этими стенами — холода.

Там, где солнце опадает во мрак,

И снегом полнится пустая земля

Без тебя отныне выживаю я.

Я бы закричала от неожиданности, но вместо этого зажмурилась. А когда открыла глаза во второй раз и поняла, что ничего не изменилось, приняла всё как есть.

Официальный приём, меня позовут, секретари, помощники, другие просители, отсутствие внимания... Напротив сидит король, день клонится к закату, в комнате уже темно, и кроме нас двоих, никого нет. Просто блестяще.

И мне бы испугаться, но приснившийся сон страшнее. Как круги по воде, камнем на самое дно. Что это было?

— Здравствуйте, — говорю, а голос как у первоклашки. Спросонья совсем тонкий, детский.

Приподнимаюсь на локтях, вижу лучше мужчину. И поражаюсь, как же всё-таки может быть тихо во дворце. Сквозь сон поначалу слышала далёкий шум, а теперь всё исчезло. Только он, внимательно рассматривающий с непонятной полуулыбкой на губах.

Король красив. Как и должен выглядеть король. В его внешности есть что-то тёмное, я бы сравнила с арабским, но не цвет кожи. Разрез глаз, низкие густые брови и острые крылья носа. Глаза серые, а в темноте кажутся даже белыми. Они едва светятся, об этом ещё говорил Вель — отличительная черта королевского альфы. Символ власти. Кудрявый брюнет плотного богатырского телосложения с широкой грудной клеткой, укрытой тонкой чёрной рубашкой. Если не считать едва видимого в волосах обруча, то больше никаких атрибутов власти не

было. Ни золота, ни серебра или драгоценных камней. Простая одежда, правда из качественных материалов, обувь, часы на руке.

Но ведь не в этом проявляется власть. Она проступает в каждом движении этого мужчины. Тяжеловесности его взгляда. Словно волна накрывает, забирая воздух из комнаты. А когда отводишь глаза, всё ещё чувствуешь его. Глыба. И если играть в прятки с закрытыми глазами — с лёгкостью найдёшь. Это чувствуется где-то на глубине. В подсознании. Подавление. Абсолютная власть.

Склоняю голову, подаваясь назад, сжимаясь, съёживаясь, исчезая. Как возвращение в детство. В тот день, когда ты такой маленький один и в незнакомом месте. Как дежавю. Как будто снова рядом Кай и весь мир сосредоточен на нём. Больше ничего нет, кроме чувства подавления. Сопричастности. Родства и любви.

Мигнуло. Оправилась в один момент и все испытанные чувства и мысли спрятались за серой пеленой. Словно одеялом укрывали с головой, а потом резко сдёрнули, и ты щуришься от яркого света, не понимая, что, собственно говоря, произошло.

— Зови меня Демьян. Оставим эти формальности остальным, — он обольстительно улыбнулся и не спрашивая взял за руку, слегка сжал её, зачем-то разминая мои пальцы, а затем поднёс к губам, поцеловал и улыбнулся тепло. Но на самом деле как льдом окатил, стало зябко.

Мы на одном уровне, я лёжа, а он сидя на журнальном столике, слегка склонился, чтобы быть ближе. Его глаза как океан, завораживают. Он ненасытен до жизни. Постоянно двигается. Живо разглядывая всё вокруг. Но каждый взгляд задерживается на моих глазах и губах. Словно есть что-то очень интересное в том, как дышу или смотрю.

— Я знаю тебя, — продолжил он, понимая, как робею перед ним, не зная, что говорить. — Ты Елена, попала через портал из мира людей. Связана с Арманом и... сыном Луки. Связана с Вельямином. И совершенно беззащитна. Одна. Только брошь в волосах, но это не защита, — он вновь улыбнулся, а затем потянулся рукой, чтобы коснуться моих волос, отпрянула, выпрямляясь и вжимаясь в спинку кушетки. Из-за моей реакции почти разочарованно хмыкнул, выпрямился, улыбаясь. — Не бойся, Елена. Я не причиню зла. Мне интересно. В мой дворец редко попадают столько необычные люди. Расскажи о себе.

Видя, что всё ещё не могу и слова сказать, щёлкнул пальцами. Я почти увидела, как какая-то волна прошла по комнате и тут же открылась дверь, впуская слугу.

— Закуси, — приказал Демьян, вставая из-за стола и присаживаясь рядом со мной. Кушетка сразу показалась слишком маленькой. — Ты голодна? Наверняка голодна! Целый день провести в этой комнате и о чём только думали слуги! — он цокнул языком, но по глазам видно — это даже не притворство. Чёткое преследование целей. Сама услужливость, но глаза холодные.

Слуга поклонился, вышел.

— Может вина? Может это тебя разговорит? — наконец, ему надоело говорить в одни ворота, и в голосе мелькнула досада.

— А где Вельямин? — спрашиваю осторожно, подтягивая колени к горлу. Даже случайное касание пугало до дрожи. Он как вулкан. Слишком большой.

— Я отослал его. Эту ночь ты проведёшь в замке.

— Что?! — испуганно воскликнула и моментально закашлялась, от неожиданности слюна попала в не то горло и кашель усилился, вызвав слёзы из глаз.

— Эй! — он рассмеялся, хотел было потянуться к моему плечу, но в последний момент благоразумно убрал руку, давая мне продышаться. — Не стоит рисовать из меня монстра, человечка. То, что я король, не делает меня таковым. Я не собираюсь тебя... совращать, — он мягко заменил неприятное слово, вновь выдавив слащавую улыбочку, за которой прятались иные слова: «Пока не собираюсь».

— Мне просто интересно. Расскажи о себе. О своём мире. Ты прожила в замке Вельямина полгода, общалась с людьми. Расскажи, чем они отличаются от людей твоего мира. Я хочу всё знать.

Взглянув на него с опаской, негромко кашлянула, выгоняя остатки горечи и сказала:

— Ну... в моём мире люди не рабы.

И по его взгляду сразу поняла, что начала совсем не с той ноты.

— Феминизм это и хорошо, и плохо. Сейчас меняется общая система воззрений человека. Толерантность — это новая агрессивная религия. И как многие религии, она имеет хорошую, добрую основу. Но не в тех руках приводит к полностью противоположному эффекту. К

тому, что ею злоупотребляют нехорошие люди, что приводит к негативной окраске всего течения в целом. Христианство в базе имеет отличные заповеди, но что с ними сделали люди? И я сейчас говорю только о малой части человечества. Европа, Америка, но есть и Азия, Африка. Множество национальностей, верований, мифов. Большинство из нас является частью огромного социума под названием Интернет, благодаря которому один человек может оказать влияние на другого человека, находящегося на другом конце планеты. А есть те, которые вообще никогда не слышали об Интернете и никогда не видели людей с другим цветом кожи. И я могу говорить до бесконечности, пытаюсь рассказать о людях своей планеты, но, по сути, всё сведётся к одной простой мысли — мы очень разные сами по себе. А если сравнивать с людьми этого мира, то это будет просто небо и земля. Но даже тогда не могу говорить беспристрастно и объективно, ведь я видела только малую часть, живущую в дальних пределах. А это вообще не даёт мне право судить о человечестве этого мира в целом, — я выдохнула, понимая, что говорю уже как минимум час без остановки с перерывом только на то, чтобы глотнуть чай и съесть... чипсы. Король обожает чипсы! И заказывает их вагонами из моего мира. Так что мне повезло вспомнить их вкус.

После неудачного начала пришлось рассказать о том, что такое рабство. Оказывается король не совсем понимает, что это слово реально применимо к тому, как живут люди в этом мире. В его замке есть кинотеатр! И он смотрел фильмы из моего мира, так что по большей части он представляет о том, как развивалась история на Земле. Но многие вещи он попросту не понимал. Или понимал по-другому. Вот мне и пришлось немного побыть учителем. Аховым конечно, но лучше говорить о серьёзных вещах, чем краснеть под его чересчур пристальным взглядом. Ощущая, какой он горячий и как слишком близко ко мне сидит.

Не сразу, но он сполз с кушетки на пол, вытянув ноги, однако от этого стало даже хуже. Слишком неформально, слишком вольготно. Слишком... Всё слишком странно и от этого я не могла сначала заговорить, а теперь и заткнуться. Я была на пределе и это стало заметно.

— Как ты познакомилась с оборотнями? Уверен, это было не в кафе.

Не знаю, как разговор свернул в эту сторону. Просто в какой-то момент, когда, наконец, расслабилась и уже говорила спокойно, он спросил об этом и от него не ускользнуло, как забежали мои глазки. Я помню, как всё началось. Помню, как избивала ту девушку. Чёрт, её имя вылетело из головы, но лицо, её изуродованное лицо всплывает сразу, стоит только вспомнит клуб и ночь знакомства с Каем.

— Лико спас мне жизнь.

Он укусил меня. В тот момент думала, что умру. Думала, что это всё ложь и закончится моей смертью. Мне было так больно. Так опустошительно страшно, что даже смерть не казалась чем-то окончательным. Будто после всё продолжится. Будто мукам не будет конца.

— А Арман как оказался связанным с тобой?

И судя по тому, как был задан **этот** вопрос — вот, к чему он вёл с самого начала.

— Это была сделка, — в голосе ни намёка на истинные чувства. Арман. Я помню, что он говорил мне в поезде. Помню, как смотрел на меня. Как воспринимал. И помню последнее, что сказал. Боже, это было так давно, но я упрямо следую его завету. Я выживаю, но не живу.

Кашлянув, отвела взгляд в сторону, уставившись в стену. Мне не хотелось, чтобы он увидел мои чувства. Не хотелось, чтобы он понял, какой жалкой я могу быть.

— Он помогает спасти сестру, а взамен получает через меня Лико.

— Вспомнил! — радостно воскликнул мужчина, хлопнув в ладоши.

Встав, прошёлся по комнате, напрягая память в поисках деталей. Полуулыбка не сходила с его губ, словно он разгадал какой-то секрет.

— Теперь я всё понял, — он резко повернулся ко мне, внимательно рассматривая мою внешность. — Это не триада, а любовный треугольник, не так ли? Ну-ка встань-ка! — неожиданно приказал он. Не дожидаясь моей растерянности, подхватил за руки и поднял, выводя из-за кофейного столика на середину комнаты. Покрутив вокруг оси, цокнул языком, едва-едва касаясь талии. Но даже эти прикосновения вызвали жар, от которого пошли мурашки, и я передёрнула плечами.

— Лико влюблен в тебя, ты в Армана, а он в Лико, — утвердительно заявил он, а затем позволил вернуться обратно на кушетку. И только потом рассказал то, что вспомнил.

— Арман никогда не был преданным слугой. Он причастен к

смерти брата, хоть в этом и не признался. Всё ради собственных амбиций и сестры. Единственной, кого он любил. А она была влюблена в меня. Как и все волчицы. И тогда брат решил дать ей то, чего она хочет. Он сыграл на моей любви к драме и попал во дворец. Как он и ожидал, мне пришлось по нраву кроткая сестрица. Дивный цветочек. Робкая, застенчивая, скромная провинциалка. Я имел их обоих, — король облизнул губы, увидев, как вздрогнула от его слов. От него не ускользнула моя реакция. Она была именно такой, как он и хотел. — Мирана и Арман. Прелестные сестра и брат. Мне нравилось издеваться над ним. Он непокорный мальчишка. Из тех, над кем слабо властвует моя воля. Я разлучал их всякий раз, когда становилось скучно. Отправлял его на землю вместе с Лукой и Араном, его братом, просто чтобы позлить. Ты знала, что его старший брат умер на Земле? Пропал без вести в... Сибири? Это дальние пределы вашего мира?

— Эм... не совсем, но близко, — голос сел, а я вцепилась в обивку, порадовавшись, что горят только малые лампы и он не может видеть, как я побелела. Сибирь.

В голове заработала цепочка событий. Даты... даты не сходятся или сходятся?

— А когда это случилось?

— Семнадцать лет назад, — спокойно ответил он, но спокойным не был. Серые глаза нехорошо блеснули в полумраке, однако волк ничего не добавил.

— Мне казалось это произошло намного раньше, когда Арман был молодым, — в пересчёте на годы моего мира получается двадцать лет назад. Вот совпадение! Тогда же появились дикие в дальних пределах.

— Мы с Арманом почти погодки. Тогда он активно привлекал моё внимание. Его горе от гибели брата впечатлило меня, как до этого впечатлила лживая влюблённость в чужую триаду. Он мастер собирать слухи о себе и своей семье. Есть одно слово, характеризующее их, — **порочность**.

Он ненадолго замолчал, любуясь произведённым эффектом.

— Тогда же я начал отстранять от дел Луку. В конце концов он работал вместе с Араном. И его слова о пропаже напарника вызывают сомнения. Что бы там ни было, Арман сейчас занимает место Луки. То, что для одних благо, для других наказание. Арман так далеко от своей сестры и он ничего не может с этим сделать. Ни единой весточки. Ты

ведь уже знаешь, что с ней случилось, не так ли? — Демьян с наслаждением улыбнулся, перебирая в памяти отдельные воспоминания. — Ты попала в очень интересную историю, Елена. Отношения этих семейств самые странные. Луку подозревают в убийстве Арана по соглашению с Арманом в обмен на что? Лука всего лишился и всё это достаётся Арману. Лука пытается подложить своего сына под Армана, чтобы вернуть силу семье, но как и зачем? И Арман, влюблённый в Лико. Чувствуешь, как всё запутано? И больше всего непонятны мотивы Луки. Чего он добивается, чего хочет? Молчит, как партизан. Единственное, на что пустил остатки своего влияния — это ты. Человечек. Маленький человечек, которая умудрилась связаться с двумя волками, потом попасть в мир волков, связаться с Вельямином и склонить на свою сторону старого пройдоху Луку. Кто же ты такая, Елена?

— Случай, — выдавила из себя, облизнув пересохшие губы. Взяв со столика бокал с вином, пригубила, после резко отставила в сторону. Золотая ножка звякнула о столик, неприятно резанув по ушам. — Всего лишь случайность. Я не хотела всего этого. Забавно, что попала в этот мир через портал. Вельямин говорил, что через него попадают женщины, обречённые на связь с волками. Как знать, может это судьба?

— Судьба, — какая-то мысль пришла к нему в голову, поэтому он вновь присел рядом, не стесняясь, взял за руку и вновь принялся мягко сжимать мои пальцы. — Прощение было потеряно, о тебе забыли, но я пошёл через эти комнаты и услышал биение спящего сердца и увидел тебя.

Он поднял руку и поцеловал в запястье, слегка коснувшись зубами, вынудив резко отдёргнуть её, прижимая к груди. Видя его так близко, обратила внимание на левый глаз — верхнее веко опущено, отчего его взгляд кажется слишком напряжённым. Тёмным, как и весь он. Демьян не молодой мужчина, а здоровый опасный волк, способный свернуть хрупкую шею одним движением руки. Стоит ему рассердиться или чего-то захотеть и он получит всё, что пожелает, и даже больше. И это видно по тому, как он смотрит. Пресыщение. Сейчас ему интересно проходиться по моим болезненным точкам, но что привлечёт его в дальнейшем? Чего он захочет через час или два?

— В этом твоя судьба? Попадаться таким, как я, на глаза? — смех вышел негромким, с хрипотцой. — Тогда скажи, неужели ты видишь

своё будущее? Думаешь, оно будет рядом с ними?

— Я хочу вернуться домой. Хочу увидеть сестру и своих родителей...

— Твой шрам на лице говорит, что ты уже сталкивалась с дикими раньше, — резко заметил он, бесцеремонно касаясь моего лица, проводя линию по всей длине пореза, спускаясь к воротнику, останавливаясь над пульсирующей жилкой. Её биение заворожило мужчину, он неотрывно смотрел на мою шею.

— Я не помню этого, была слишком мала, — глаза забегали, лишь бы не пересечься взглядами, лишь бы он не увидел, как мне страшно. — Пожалуйста...

— Образовав триаду с Лико и Арманом, ты попадёшь обратно сюда и останешься здесь навсегда, поскольку я захочу этого. Захочу видеть Армана рядом, как прежде. Мне нравится видеть, как его корёжит под гнётом моей власти над ним. И ты будешь видеть это вместе со мной, а Лико примет всё как есть, — жёстко перебил он, убирая руку, разрушая собственное влечение. — Ты будешь стареть, а они останутся молодыми. Тебя будут окружать рабы и высокомерные волки, которым будет нравится издеваться над тобой. Никто не будет смотреть на тебя как на равную. Всегда ниже. Но и с людьми не найдёшь понимания, они видят чужака. Именно это ты получишь вместе с тяжёлой беременностью, родами, отсутствием всего того, к чему привыкла дома. Здесь нет ничего, что нравится молодым девушкам твоего мира. Ты будешь одна, поскольку Арман и Лико не всегда будут рядом. А потом тело одряхлеет и ты превратишься в призрака. Они будут в самом расцвете, наслаждаться дарами жизни волка, даже Арман ещё не займёт первую седину, как твоё лицо покроется морщинами, а в волосах появится седина. Старуха. Дети отстранятся от тебя, они не будут твоими, по сути, ведь они родятся волчатами. А ты не волчица. И однажды умрёшь, прожив не свою жизнь. И всё это произойдёт на моих глазах, — холод взгляда соперничал со злой теплотой его слов.

— Что вы хотите от меня? Так далеко я не загадывала! — отвечаю с горечью, понимая, что всё, что он говорит, ко мне не относится.

— Я хочу, чтобы ты была честна с самой собой. И... — он ещё раз окинул меня горячим взглядом, словно забираясь под платье, касаясь везде, не касаясь вовсе. — Я могу дать тебе нечто больше. То, что поставит тебя на один уровень с Арманом. Есть способ, как возвысить

тебя.

Я знала о чём он говорит даже лучше, чем он сам. Знала, чем это обернётся. Знала, что это катастрофа и поэтому сделала вид, что не понимаю ничего и не хочу ни о чём знать.

— Пожалуйста, просто верните меня домой, — умоляюще обратилась к нему, впервые самостоятельно дотронувшись до его рук и сжав их в мольбе. — Там моя семья. Я должна помочь им. Не хочу думать о будущем. Не могу...

С сожалением он отклонился назад. Посмотрев на время на своём запястье, притворно вздохнул.

— Время позднее. Думаю, тебе пора вернуться к Вельямину. Мы обсудим твоё возвращение после бала. Всё равно портал работает по расписанию и раньше завтрашнего полудня он не откроется.

— Почему? — я почти разозлилась. Почти вспылила, понимая, что скрывается за его словами. Это опять проклятая игра. Опять то самое, что было с Каем, Арманом, даже с Велем! Они играют в игры, а я не могу открыто стать игроком. Всего лишь пешка. И это бесит!

— Почему вы не можете просто отпустить меня? Чем я заслужила это?! Полгода провела в дальних пределах, чуть не умерла из-за диких, я устала, пожалуйста! Просто отпустите меня! Умоляю! Я хочу домой! — я не была готова играть и усталость от противостояния, от необходимости держать жёсткую дистанцию, сыграли со мной злую шутку. Я не выдержала и заговорила откровенно и прямо.

— Потому что **я** этого хочу, моя милая Елена, — он быстро притянул к себе, прижимая к груди, взяв за основание шеи. — Потому что **могу** сделать с тобой всё, что захочу. И почему-то это так волнительно. Маленький комочек из иголок. Сплошной оголённый нерв, — рука переместилась под подбородок, сжимая. — Я могу убить тебя, — мягко шепчет он. — Могу отпустить. Могу сделать всё, что захочу.

Какое-то время даже не дышала, понимая, что он и правда может. А он смотрел на меня, как на игрушку. Маленькое животное. Так смотрят на кошек и собак. Одной рукой держал, чтобы не двигалась, другой касался то груди, то ниже, с удовольствием наблюдая за моей реакцией. Буквально купаясь в моём страхе. Даже не догадываясь, каких трудов мне стоило, чтобы не сорваться. То, что он принимал за дрожь от нервов и страхов, было моей гранью. Если я ступлю за неё, он никогда не

отпустит меня и все кошмары станут явью. Только злодей поменяется. И я держусь изо всех сил. Он может сделать со мной всё, что угодно. В конце концов, ему надоест. Я уже поняла, что его проблема — это скука. А значит скоро ему и я надоем.

Так и произошло. Он просто встал и вышел, не прощаясь. А через несколько минут пришла служанка, молодая волчица с холодным злым лицом. Не дожидаясь, когда приведу себя в порядок, вытру невесть откуда взявшиеся слёзы, умою красное от напряжения лицо, она вывела меня коридорами из дворца, привела на конюшню и передала одному из водителей с наказом отвезти в дом Могронумов. Меня в один миг выставили вон, а я даже не поняла, чем всё закончилось и что будет дальше.

Проснувшись в своей постели, совершенно не помня, как очутилась в ней. Кажется, вырубилась ещё в пределах территории дворца, так что сюда меня принесли. Дёрнув за верёвочку, вызвала горничную, чтобы расспросить о вчерашней ночи. Расторопная девушка примчалась быстро. Она же и переодевала ночью, как и сейчас. Помогла принять ванну, уложила волосы, подготовила к выходу.

Спустившись по лестнице, вышла в зал, заметив раннее время — всего лишь десять часов утра. Получается, проспала часов шесть, не больше. В просторной светлой комнате обнаружился молодой Могронум, что-то писавший в толстую книгу, позади стоял парнишка-волк, безразличным взглядом окинувший меня. Как только Вальт закончил, передал книгу ему и тот с поклоном удалился.

— Елена, какой приятный сюрприз. Я думал, что уже не увижу вас, — с язвительностью заявил он, придиричиво окидывая меня взглядом. — Вы вернулись глубокой ночью. Всё прошло удачно?

— Для этого вы сделали всё в ваших силах. Но фиаско. Я всё ещё гощу у вас, — ответила тон в тон, присаживаясь за противоположный конец стола. Отдав распоряжения своей служанке насчёт завтрака, задала вопрос касательно Веля.

— Отец скоро будет, — скупой ответил парень, откидываясь на спинку кресла. Возле него очередной бокал с чем-то резким, но он даже не смотрел на напиток, опровергая мои мысли на свой счёт. — Вам опять пришло письмо из дворца. Вы произвели впечатление на короля, раз он пригласил вас на сегодняшний Весенний бал. Вы будете первым

человеком за последние пятьдесят лет, удостоившимся такой высокой чести. Гордитесь собой.

Я выругалась про себя, понимая, к чему всё идёт. Судя по довольной ухмылке, это же понимал и сам Вальт.

— Как хорошо, что у Хельги здесь полный гардероб. Будет из чего выбрать наряд, — он выразительно посмотрел на моё декольте.

Взглядом отвечаю: «И не надейся!», а в ответ: «Я избавлюсь от тебя любым способом. Даже если потребуются тебя убить».

— Наряд Елена сама выберет, не утруждайся Вальт, — холодно воскликнул Вельямин, показавшись в дверях комнаты. На улице видимо идёт дождь, с полов пальто на ковёр стекала вода. Скинув его в руки слуги, прошёл в зал, вставая рядом, выходя из темноты коридора на свет.

По его взгляду видно, очень волновался за меня. То, как жадно изучал каждую чётточку моего лица, пытаюсь понять, что случилось, сильно взволновало, вынудив потупить взгляд. Со стороны Вальта раздалось раздражённое фырканье. Парень приложился к бокалу, залпом осушив его.

— И на этой весёлой ноте, вынужден покинуть вас, — заявил он, избегая встретиться взглядом с отцом.

Оставшись наедине, Вальт присел на соседний стул, потянувшись ко мне, но вовремя остановившись, заметив напряжённый взгляд. Поперхнувшись, откашлялся, отводя глаза в сторону, спрашивая скупое, хотя понятно — вопросов сотни:

— Как всё прошло?

— Плохо, — также односложно отвечаю, скрещивая руки на столе. — Король помогался меня.

И по его реакции поняла то, что ускользало раньше. Вельямин с силой ударил кулаком по столу, пустив по нему трещину. Следующий удар проломил ножку, обрушив поверхность вниз, увлекая за собой все предметы, включая вазу в середине. Я вовремя успела убрать руки, сложив их на коленях, почти испуганно глядя на него. Та власть, что была у короля над Вельямином, ушла. И если это нельзя назвать дикостью, то тогда я не знаю, что с ним произошло.

А Вель даже не понял и не заметил случившегося.

— Я увезу тебя как можно дальше отсюда! В другую страну, к другому королю. Есть и иные порталы, мы найдём способ... — жёстко

заговорил он, чеканя слова, продумывая варианты побега. Он отвлёкся только когда взяла за руку, мягко сжав и с теплотой посмотрев в глаза.

— Он не сделает этого против моей воли, Вель. Ему такое не интересно. Сегодня он попытается ещё раз, а затем отпустит. Знай он правду, всё было бы по-другому. Но он не знает и поэтому смогу уйти. Я всего лишь человек. Маленький человек. Он видел мой страх. И сочтёт меня достаточно напуганной, чтобы перестать считать интересной для себя, — я говорила осторожно, чтобы успокоить его, а в глазах видела печаль и горькую тоску. Вель так хотел позаботиться обо мне. Спасти и забрать отсюда. Стать моим героем. Но штука в том, что мне не нужен герой. Я и сама пока не знаю, кто мне нужен.

Как мне объяснили, Весенний бал — это мероприятие, на котором представляют молодых девушек и юношей, вошедших в пубертатный период. Смотрины, если перевести на наш язык. Невинные дети, показывающие, кто они и что из себя представляют. Будут заключаться договора и первые союзы. Влюблённость и страсть. Весна во всей её красе. Именно поэтому каждая волчица постарается подобрать самый яркий и дорогой наряд, чтобы запомниться. Чтобы король заметил и выбрал её. Моя задача в ином. Скрыть, оставив на поверхности. Скрыть, но так, чтобы король не понял, что скрываюсь. Ведь это тоже игра. Поэтому на мне платье серо-синего, переливчатого цвета с золотой богатой вышивкой. Вырез прямой на уровне ключицы, рукава до запястьев, подол в пол. На талии вышитый с металлическими вставками пояс. Волосы убрала, покрыв тонкой сеткой, максимально спрятав, добавив невинности и скромности. Лёгкий макияж, никаких украшений, кроме броши, спрятанной под сеткой в волосах. На ноги золотые атласные туфельки на самом низком каблуке.

Стоя перед зеркалом, вижу отчуждённую девушку с тонкими почти острыми губами и высокими скулами. Я вся как вырезанная из льда. Холодный и невинный север. Рядом со мной в богато расшитом камзоле похожей на моё платье расцветке стоит Вельямин и кажется, что мы оба пришли из льда и снега. Спустились с гор в долину. Как будто из сказки. Что недалеко от истины.

Вель берёт под руку, целует в пястье и выводит из комнаты навстречу будущему.

*Альфред Теннисон - Слезы

Глава 18. Но в прошлом все загадочно, темно

Глава 18. Но в прошлом все загадочно, темно*

Абсурдно несерьезно

Воспринимать спокойно всё.

Слова уже не осторожны

Забудь о них, исчезни, оно ушло.

Ходить по теням и искать не стану

Как пред стеной застыв... Отстану.

В неизвестности я сохраню покой

Безоблачное светлое...

Небо над головой.

Даже будь я самой прекрасной волчицей в мире, в платье, обшитом настоящими драгоценностями, в вуали, сплетённой из паучьего шёлка, всё равно, здесь, в этом изумительном современном дворце буду чужачкой. Выскочкой. Плохой. Я взялась из ниоткуда, чтобы уйти в никуда и оставить после разрушенное ограбленное поле. Я — чума. И меня ненавидят просто за то, что вселяю в них такие мысли.

Под руку с Вельямином Могронумом, ни шагу в сторону — затопчут моментально. Каждый, кто подошёл поздороваться с ним, так или иначе прошёлся по мне. Словом, взглядом даже движением. Задеть, случайно или специально. Они как настоящие хищники кружат вокруг, пытаюсь действовать на нервы. Пытаюсь запугать, почувствовать мой страх, насладиться моим унижением. Увидеть слабой. Такой, как есть на самом деле. Человечек.

Но неудачно. Общественное мнение не сравнится с тем, что было сегодня ночью. Или полгода назад. Или год назад. Полтора. Так давно уже нахожусь на грани, что вся эта свистопляска просто смешна и глупа. Они не могу забраться под кожу, там не осталось места для таких глупостей. И поэтому пью шампанское, смеюсь, когда Вель рассказывает глупую шутку, огрызаюсь каждый раз, когда кто-то пытается выставить меня шлюхой или едой. Это их злит, но дистанция становится всё больше.

— Скоро отстанут, — сказал Вель, когда завернули за колонну, оказавшись в небольшом закутке с мясными деликатесами из моего мира.

Я размяла шею, слегка встряхнувшись. Вельямин утащил с подноса

маленькую тарталетку и задумчиво отправил её в рот.

— Неплохо, — резюмировал он, прожевав.

— Ещё бы, — подтвердила, сама вытаскивая канапешку. — Добро пожаловать в цивилизацию.

Мы оба рассмеялись, вспомнив, что обычно было на столе в дальних пределах. Никаких разносолов. Ничего сверхординарного. Но было то, что нельзя заполучить ни на одном светском рауте. Мясо, которое ты сам поймал. И не руками, клыками. Мясо, которое нужно есть сырое, пора оно ещё горячее. Свежее кровавое мясо убитого зверя.

Положив руку на живот, остановила волну, радуясь, что удаётся сдерживаться. Мне не хотелось бы выдать себя так глупо.

— А дома тебе не нужно было так делать, — очень тихо высказался он, глядя по сторонам, чтобы никто не подслушивал.

— Я дома давно уже не была. Даже не знаю, где он, мой дом, — отвечаю также тихо.

Покинув временную гавань, выходим на середину зала. Сейчас начинаются танцы и как же хорошо, что в Корнголик-ане мне хотелось учиться танцевать и я знаю, что делать. Я люблю танцевать. Танец у волков — это маленькая охота.

Волки не склоняют головы ни перед кем, кроме короля. Склониться — значит подчиниться, а волки априори никому не подчиняются, кроме вожака. Иерархия строится по-другому. Связи, формирующиеся в триаде, нашли отражение и в танцах. Танцуют двое, но всегда в поисках третьего, чтобы завершить танец. Этот поиск конца как симфония всей жизни — создание триады для продолжения рода.

Подобный танец чаще всего заканчивается обретением третьего или третьей. Здесь нет обязательного разделения, главное — это движение, стремление к большему. Ну, и просто любовь к танцам. А мне нравится танцевать и я с удовольствием подчиняюсь Велю, как более опытному танцору. Он ведёт по залу, и благодаря своему роду, никто не пытается помешать. Кан-альфа — это очень высоко. И пускай род Вельямина не богат, не обладает плодовитыми землями, особо не знатен, одна это приставка делает его выше многих в этом зале. Кан-альфа, глава рода Могронумов, владельцев Корнголик-ана, лэрд Дальних пределов. Перед этой должностью волки расступаются в разные стороны. Никто не вправе перечить кан-альфе. Только король задаёт границы, а они широки. Если кто-то в этом зале не так посмотрит

на Вельямина, он вправе вызвать этого волка на *ронолло* (дуэль в волчьем облики). И убить. Даже женщину или представителя королевского рода. Исключение одно — король.

Но всё это неважно перед той ролью, что несёт его семья. Отчуждённость. Страх. Голод. Смерть. Дальние пределы — это холод и кровь. Сражения, дозоры, война. Монстров слишком много, поэтому лэрды часто гибнут. В этих семьях никогда не бывает слишком много голосов.

Мы останавливаемся, чтобы передохнуть. Я знаю, Вель фактически привязан ко мне, отойди он, другие могут попытаться навредить. Даже в самой светлой и шумной комнате, меня могут убить и никто не увидит, как это произошло. Такова роль чужачки. Человечек, привлекающий волков. Не раз в этом зале слышала имя Ольга, не раз чувствовала, как сжимается Вель в острый клубок из когтей и злости. Ольга единожды побывала в столице и это не забыли. А ведь её даже в дворец не приглашали. Что уж говорить про меня.

Волки, добавляющие в триады человеческих женщин, не выводят их в свет. Их используют как инкубаторы, не более. Или просто не выставляют своих чувств. Высшее общество везде одинаково гадкое и низменное.

Я рассматриваю бальную комнату, подмечая все человеческие штучки моего мира. Электричество. Огромная люстра под потолком из сотни кристаллов, освещает зал лампами дневного света. На стенах, ближе к потолку, висят колонки, замаскированные под детали интерьера, из которых доносится музыка этого мира. Интересно, а как это было организовано? Музыканты перебирались в студию звукозаписи в мой мир, а потом обратно? Кто писал звук? Понял он, что вообще музыка *иная*?

Смотрю по сторонам, вижу совершенно разные сочетания собственной истории. У девушек нет пышных роскошных юбок с подъюбником, узких корсетов, причёсок размером с Пизанскую башню. Нет кричащего макияжа и перчаток тоже нет. Украшения только драгоценные камни — символы родовых домов и демонстрация состояния семей. Волосы чаще выются, роскошными гривами спускаясь до пояса, а платья, подчёркивая талию, лёгкие и воздушные, ближе к цыганским многослойным юбкам, без корсетов, но с глубоким декольте или вовсе закрытые по самую шею. Зависит от возраста и характера

девицы. Старшие дамы намного раскованные. У них и цвета ярче и макияж насыщенней и взгляд пронзительный. Они уже получили, что хотели, теперь пристраивают младших или ищут развлечений. Здесь отсутствует классический патриархат. Скорее чёткое разделение на роли. Что потянет мужчина, не осилит женщина и наоборот. Волки оберегают своих женщин, но не переусердствуют — сильная особь произведёт на свет сильное потомство. Поэтому девочки с малых лет учатся драться наравне с мальчиками. Хельга впервые вышла на охоту совсем малышкой. И это норма.

Волки иные и глядя на лица окружающих, как никогда понимаю это.

Вель придержал за локоть, когда я оступилась. По залу прошлась как будто дрожь. Лёгкая тень или невидимая волна. Все вокруг заострились. Напряжение подскочило вверх и сжав руку своего кавалера, заозиралась по сторонам. Нет сомнений, Демьян вошёл в зал.

Я увидела его в другом конце комнаты. Такого величественного, в костюме тёмно-синего цвета с серебристым мелким узором. Волосы распущены, свободно выются мелкими кудряшками, среди которых прячется едва сверкнувший символ власти. Он замер, позволяя всем насладиться и привыкнуть к его присутствию. Взглядом шарит по залу, пронзая каждого остротой почти белых глаз. Выхватив меня из толпы, не улыбаясь пошёл прямо, не замедляясь, так, что все буквально отпрыгивали у него на пути.

Ещё сильнее вцепилась в рукав Вельямина, стараясь не выдать чувств. Зная, что каждый в этой комнате смотрит. И когда он остановился напротив в двух шагах, смогла поклониться как учили, подчиняясь его власти. Вель отзеркалил моё движение, добавив высокопарное «Мой король» и повелитель отмахнулся от него как от надоедливой мухи. Почувствовав напряжение подданных, огляделся по сторонам скупающим взглядом, молвил:

— Празднуйте весну. И не мешайтесь, — голос прозвучал тихо, но буквально каждый в зале вздрогнул, как от удара. Ведь так и было. Он *приказал*. А они *послушались*. Вновь заиграла лёгкая музыка, гомон набрал обороты, никто уже не оглядывался, будто нас и не было.

Одна мысль прошила насквозь — *он может сделать со мной всё, что угодно, и никто в этой комнате не обратит на это никакого внимания.*

— Ваше величество, — говорю сухо, почти безэмоционально.

— Елена, вы выглядите просто обворожительно! — воскликнул он, ненавязчиво забирая мои руки из объятий Вельямина. Он только взглянул на него, небрежно, свысока, будто перед ним даже не досадная мошка, никто. Таким взглядом люди смотрят на неудобные вещи, стоящие в проходе. Тумбочка или стул. Нет места, чтобы переставить, а обходить каждый раз неудобно. Вот и смотришь так. С досадой.

— Вельямин, — не глядя на поданного, в пустоту, добавил Демьян.
— Оставь нас.

И Вель безропотно ушёл, оставив совершенно одну посреди полного зала.

Я помню, что твердила ему всё утро. Как убеждала, говорила, вдалбливала истину — сделаешь хоть шаг в сторону — он убьёт тебя. Выдашь хоть взглядом — и меня заодно. Ни один правитель в истории вот так запросто не отдаст власть. Вель не должен выдать себя ничем. Со мной может случиться всё, что угодно, но есть несколько вещей, которые мы получим, если доведёт всё до конца. Это время и жизнь.

Сейчас король смотрит самодовольно с нотами превосходства. Полной власти. Он не может залезть ко мне в голову, как к другим волкам. Моя неизвестная семья видимо не принадлежит его королевству, иначе уже была бы под его влиянием, как это случилось когда-то с Лико. Но он может управлять мной и так. С помощью вежливой силы. Даже не подозревая насколько она эфемерна.

— Ваше величество, — ни один мускул не дрогнул на его лице, только взгляд, который Демьян даже и не заметил, застыл, сосредоточенный на моих глазах, а затем Вель ушёл, как сквозь воду пройдя через окружающих.

Волки танцуют, разговаривают и смеются. Шампанское и вина, благородные янтарные напитки и пузырьки, взлетающие вверх по кристально чистым стенкам бокалов. А за ними, нет-нет, да и проглядываю клыки, когти и жёлтые глаза. И смех звучит как скулёж, а то и рык. Звериного в них больше. И то, от чего не убежишь.

— Вы решили, что делать со мной, ваше величество? — я позволяю ему увлечь меня танцем обратно на самую середину зала, и вокруг тотчас же образовалась почтительная пустота, чтобы танец шёл ровнее и свободнее. Чтобы даже мысль короля была материальна. словно мы здесь совсем одни.

— Зови меня Демьян, человечек, — он почти мягко улыбнулся, но рука на талии, сжала сильнее. Движение замерло, он прижал меня к себе, перебив дыхание. Рассмеялся и танец продолжился. — А ты подумала над моим предложением, Елена?

— Я хочу домой, — не сдержалась, почти крикнула. И вздрогнула, когда он наклонил меня над полом, заставив видеть всё вверх ногами. Моё равновесие в его руках, а он не торопится его возвращать. Свободная рука движется к горлу, замирает и он возвращает обратно, ставя в сантиметрах от своего лица. Я вижу каждую чёрточку его белёсых холодных и голодных глаз. Чувствую, какой он горячий и почти злой. Такой контраст всегда ведёт к грозе. К безупречным молниям ярости. И я причина его гнева.

— Твоё сопротивление губительно для всех, Елена, — процедил он. — Я не собираюсь принуждать тебя, но видимо ты не совсем понимаешь, где находишься. Здесь я закон и бог. И всё здесь происходит как я хочу. Ты не захочешь узнать, что случается с теми, кто противится.

Заметив испуг в моих глазах, как напряглось моё тело, король смягчился, добавив:

— Я предлагаю тебе то, ради чего люди готовы на всё. Сила и власть. Ты не будешь зависима от других, сама решишь все свои проблемы, а плата за это...

— Моя человечность. И свобода, — прошептала едва слышно.

И наверное, со стороны это кажется странным. Маленькая человеческая девушка напротив большого чёрного волка. И пускай мы оба в бальных нарядах, цивилизные, окружённые роскошью и золотом, но суть от этого не меняется.

— Это твоё окончательное решение? — спрашивает он, а в глазах приказ: «Сдайся, не то пожалеешь».

Я вспоминаю все разы, когда сдавалась. Когда отдавала свою свободу ради жизни. Ради выживания. И теперь понимаю, что каждый раз убивала себя. Каждый раз уничтожала частичку души. Я приближала себя к монстру, забывая, что такое свобода. Наверное, это говорит во мне волк. Ведь волчицы не сдаются на волю победителя. Они свободны в своих решениях. Так это было с Хельгой. Она убила «злого волка», потому что ни одна волчица не выживет на привязи. И я не буду. Чтобы со мной ни было, эту чашу я выпью до дна.

Но не успела дать ответ. Хоть он и читался в моих глазах. Я почувствовала нечто забытое. Нечто родное. Утерянное. Сердце забилось, оборачиваясь, слышу своё имя из уст родного голоса.

— Елена? Это правда ты?

Я оборачиваюсь и вижу их обоих. Арман и Лико. Совсем рядом со мной.

Это как удар под дых. Невыносимо. Закружилась голова и всё потеряло значение. Из меня вынули стержень и я почти упала, оставшись стоять только благодаря невольной поддержке короля. Я почти не могу смотреть на них. Только краем глаза замечая, как теперь они похожи. Оба с короткой стрижкой в почти одинаковых костюмах, подтянутые, стоящие слишком близко. Не трудно догадаться, что всё изменилось. Они едины.

— Арман, не ожидал тебя так рано. Меньше месяца прошло с последнего визита, — холодно восклицает Демьян, цепко держа меня за талию, чтобы и шагу к ним не смела ступить.

— Ваше величество, — оба склонились перед королём, обнажая шеи, преклоняясь перед его властью.

— Обстоятельства изменились. Это связано с поставками, о которых говорил в последний визит, — заговорил Арман. Его жгучий взгляд прожигал во мне дыру. Он как ядовитый плющ вцепился в меня, тогда как Лико просто замер в шоке.

— А может это связано с ней? — мягко заметил король. — Она та ещё штучка. Только появилась и уже столько внимания. Необычная.

— Вы знали, — я вывернулась из его рук, отступая назад. Чувствуя взгляды каждого в этом зале, понимая, что иду по тонкому льду, но всё равно продолжаю. — Вы знали, что они меня ищут. Но не сказали!

— А зачем? Ты была так трогательно наивна. Мне было любопытно посмотреть, что у тебя внутри, — ему понравилась моя реакция, он с удовольствием наблюдал за бурей эмоций, сменявшихся на моём лице. — Ладно, я вас оставлю. Обсуждайте свои тайны, голубки. Уверен, вам есть что сказать друг другу.

Он остановился рядом со мной, взял за руку и поцеловал запястье, слегка коснувшись его зубами, напоминая о том, что было вчера. А после прошептал на ухо:

— Не забывай о моём предложении, Елена. Я всегда получаю что

захочу.

Мне кажется, Арман услышал слова короля так как нахмурился. Как только король удалился, он поманил нас обоих за собой, выводя из зала в одну из смежных комнат, чтобы никто не подслушал наш разговор. Разумеется, то, что можно говорить.

Я не смела даже коснуться ни одного из них. Это всё равно что коснуться призрака из прошлого. Они казались такими далёкими. Почти чужими и только сердце напоминало, как же больно было всё это время без них. Насколько тяжело было выживать даже не зная, живы ли они. Что с ними. Я держалась благодаря воспоминаниям. Видениям. Памяти. И любви. Но встретив, растерялась. Будто стенку возвели. Где я и где они.

— Смотрю ты время зря не теряла, — сухо заговорил Арман, оглядывая с ног до головы.

А Лико отринул всё и налетел, сжимая в объятиях. Я погружаюсь с наслаждением и теплом в родной запах, родные объятия. Помня, как расстались, помня сколько было крови и боли пролито, не могу сдержаться и из глаз текут слёзы, пока сжимаю его всё сильнее. И разомкнув объятия смеюсь почти истерично.

— Я до последнего не думала, что когда-нибудь вновь тебя увижу, — голос ломается от слёз, и он вновь меня обнимает. Гладит по голове, тогда как Арман застыл как изваяние напротив. Словно и не знает, что сказать.

— Я рядом, Елена, — шепчет Лико. — Боже, не верю, что снова держу тебя в объятиях!

Потребовалось время, прежде чем успокоилась. И ещё время, чтобы кратко рассказать, что со мной случилось. Они знали, что я попала в портал. Но узнали об этом только осенью. Потребовалось много времени, чтобы понять, что сделала Эльза. Долгое время они считали, что со мной что-то сделал Алхимик. Что он разорвал мою связь с Лико, поэтому он меня не чувствует. Им даже в голову не приходило, что я попала сюда. А когда всё раскрылось, Эльза бежала и теперь никто не знает, где она. К несчастью, когда они перешли сюда, я уже была без отметины. И были все основания считать меня мёртвой. Дикая охота, кто бы мог подумать, что я выживу после такого?

— Мы собирались отправиться в дальние пределы, что узнать наверняка. На это требовалось время, — говорил Арман, пока молча

слушала, не выбираясь из объятий Лико.

По глазам мужчины вижу, что ему это неприятно. Словно появилась черта, отделившая его от нас. Словно я пришла и всё разрушила.

Тогда потянулась к нему, сидевшему на другой стороне дивана. Он вздрогнул, когда коснулась холодной рукой его лица. Мне хотелось целовать его губы, вспоминая их вкус, но я лишь вскользь коснулась их, прошептав:

— Спасибо, что не бросал попыток найти меня.

Обернувшись, сказала громко:

— Вам обоим. Я нарушила сделку. Поступила как полная дура. Вы вправе были оставить меня там. Но не сделали этого.

— Ты говоришь так, будто мы компаньоны, а не любовники, — неожиданно заявил Арман, заставив Лико поперхнуться.

— Да как мы могли оставить тебя?! — добавил Лико.

Мы втроём сидим на диване, сжимая руки друг друга. Не сговариваясь, вспоминая то, что было между нами меньше года назад. Мы храним тайны друг друга и друг от друга. Но между нами произошло так много всего. И это связывает крепче оков. Крепче клятв и волчьих укусов.

Как жаль, что наши тайны способны всё разрушить. Я изменяла им. И я волчица. Арман на самом деле дикий, он не связан с королём и тот об этом не знает. Он что-то задумал и это опасно. И он сделает всё, чтобы вернуть сестру. А Лико... мой бесхитростный Лико является сыном Луки Горике. Того самого, кто искал меня и мою мать. Того самого, кто возможно стоит за гибелью моей кровной семьи. Я не знаю, кто мой отец. Но отец Лико знает. А что об этом знает сам Лико?

Тайны, сплошные тайны. Что-то подсказывает, что все они вскроются, потому что не бывает всё просто. Потому что в моей жизни всё будет именно так. Открыто.

Они уже знали, кто он такой, когда открылись двери и на пороге возник взволнованный Вельямин. Герой. Спаситель. Без него, я бы не выжила. Разумеется, пока не рассказывала им всего. Но одного взгляда было достаточно, чтобы Арман многое понял.

— Так значит это правда, — хрипло произнёс Вельямин, замерев на месте, глядя на нас троих, держащихся за руки.

Я поднялась с дивана, чувствуя как ускользает тишина. Ещё ничего не произошло, но по лицу кан-альфы вижу — буря близко. Он пуст, невозмутим, холоден и равнодушен. Для каждого, но не для меня. За этим безразличием чувствую, как тяжело ему видеть нас троих вместе.

А Лико ничего не замечает. Он поднимается следом за мной, пересекает комнату, протягивает руку, совсем по-людски, для пожатия, говорит сбивчиво:

— Вы так много сделали для нас! — его акцент сильнее моего. Он редко говорит на местном языке. С трудом подбирает слова. — Если бы не вы, Елена... Я всем обязан вам! Ваш должник!

— Оставьте, — отмахнулся Вель, но руку пожал, с каким-то странным сочувствием рассматривая парня. — Я не могу поступить иначе. Это было бы нарушением законов гостеприимства. Она была вашей... парой. Не знаю, как поступил бы, не будь она связана с вами, — он выразительно посмотрел на меня.

Я укоризненно хмыкнула. Не знает он, как же. Можно подумать я слепа и глуха. И совершенно не знаю мужчин!

— Вельямин Могронум! — раздался голос позади. Арман даже не подумал встать. Развалившись на диване, с неприязнью рассматривает Веля. Они были знакомы. Дальние пределы оставили следы в прошлом Армана. Я не знаю правда ли то, что рассказала Хельга. Возможно, это недопонимание или наговор. А может быть правдой от первого и до последнего слова.

— Как интересно, что именно ты нашёл Елену. Как и жену. Твоя семья поколениями находит девушек в снегах. Почему? — Арман говорил с ленцой, словно размышляя вслух, но голос скрипел на поворотах, сочился ядом. — Жаль, что Ольга умерла. Приятная была женщина. Не так быстро старела, как другие, не так ли? Но как же легко ты решил...

— Арман! — обрubiла его, предчувствуя нехорошее.

Мужчина поднялся, недовольно глянув на меня, но вскоре вновь полностью сосредоточился на подбоченившемся Веле. Они встали друг напротив друга, оба высокие, статные, с мощным торсом и холодными зимними чертами лиц. Вель старше Армана, восточный, будь он родом из моего мира, чёрный тип внешности подавлял, показывал, кто здесь альфа. Но и Арман с низкой надбровной дугой, глубокими янтарными глазами, которые в момент агрессии отсвечивали алым, выглядел

мощнее, сильнее. Как будто каждый сантиметр его тела пропитан силой, которой не хватает места. Силой, готовой сорваться в любой момент.

Закрыв глаза, увидела бы две чёрные тучи, нависающие друг над другом.

— Не тебе обвинять меня, Арман, в поспешности, слабости или отсутствии стыда, — размеренно заговорил Вельямин, задрав подбородок. Ни один не смотрел в нашу с Лико сторону. Нас здесь не было. Была только сила.

— Не ты ли не уберёг сестру? Потерял брата, был сослан в дальние пределы, где не защитил простых жителей деревень? Ты убегаешь от ответственности всякий раз, когда нужно принимать её. И сейчас, так открыто заявляя свои права на Елену, разве не ты оставил её в миг нужды? У тебя была возможность защитить её, но что ты сделал?..

— Осторожно говори, Вельямин. Врагов наживать проще, чем ты думаешь. Здесь не дальние пределы. Во дворце короля иные правила, — процедил Арман. — И если мы заговорим о нарушениях, слабостях или стыде... Есть вещи, которые ты не захочешь вспоминать.

Неожиданно оба посмотрели на нас, словно вспомнив, кто ещё есть в комнате. И легко, не сговариваясь перешли на другой, незнакомый язык. Они говорили резко. Агрессивно, что мне это надоело.

— Довольно! — крикнула, когда Арман уже собирался на пальцах что-то толковать Велю. Встав рядом, перевела взгляд с одного на другого. — Вы оба множество раз спасали мне жизнь. Мне всё равно, какие цели вы преследовали, что вы при этом думали и так далее. Я жива благодаря вам. Поэтому найдите в себе силы уважать того, кого спасли. И не разводите здесь драку на пустом месте. Скоро я вернусь домой, так что давайте оставшиеся дни в этом мире проведём в согласии?! Я устала от стычек и агрессии! — я почти кричала на них, срываясь на поворотах слов. Последствия столкновения с королём и отсутствие безопасности там, где она должна была быть, плохо сказались на моих нервах.

Лико подошёл, обнял за плечи, притягивая к себе. Оба волка, потянувшись следом, но резко остановились, смерив друг друга неприязненным взглядом. Им было не жалко своих слов и действий. Наверное, именно это охарактеризует альф. Отсутствие сомнений.

— Да, дорогая, пожалуй на этом стоит остановиться, — Арман демонстративно перешёл на русский, полагая, что Вель его не так

хорошо знает. — Готовься, сегодня ты ночуешь у меня.

— Зачем переезжать на пару дней? — с лёгкостью подключился Вель, улыбаясь. — Оставайся у меня, в доме тебе всё знакомо и привычно, зачем такие сложности?

— Я хочу быть с... — пряча глаза, я попыталась подобрать слова, но не смогла закончить предложение. Я не знала, кем теперь они были для меня.

— Со своей триадой, — резко закончил за меня Лико. — Самое безопасное место для Елены в этом мире — это рядом с теми, кто любит её.

Он не искал поддержки у Армана, словно это было само собой разумеющимся.

— Да, в моём доме, Елена будет в безопасности. Моя семья гораздо влиятельнее твоей, Вельямин, — с усмешкой и покровительственными нотками дополнил Арман, вставая по правую руку за моей спиной. Теперь они оба — как мои телохранители.

Переводя взгляд с одного на другого, Вель тяжело и как-то устало вздохнул. Он посмотрел слишком пристально мне в глаза, словно надеясь увидеть там нечто ускользающее, но не разглядел ничего. И тогда сдался.

— Хорошо, Елена. Пусть всё будет так, как ты хочешь.

* Пьер-Жан Беранже — Земной шар

Глава 19. Сердца быстрое биенье

Глава 19. Сердца быстрое биенье*

*О как мне холодно, когда воспета правда,
В твоих сомнениях купаться не впервой.
Мы будем верными и добрыми букашками,
Пока на землю не ступит кто-то очень злой.
Дорогая Елена!*

Не нашлось времени, чтобы с вами свидеться на Весеннем балу в Королевском дворце, куда лично, как мне известно, вас пригласил Его величество король Демьян. К сожалению, но дела семьи вынудили отбыть в семейное поместье, поэтому с вами мы не свидимся в ближайшие дни. Знаю, что сын, Лико, прибыл вместе с Арманом в столицу, а значит совсем скоро вы с ним встретитесь. Помните о нашем уговоре? Люди нередко забывают свои обещания, но вы

определённо необычный человек. Ваше прошлое и настоящее тесно переплетены, и пристально смотрят в ваше будущее. Если мои догадки верны, то вам настоятельно рекомендую вместе со своей триадой посетить моё поместье, чтобы я благословил на создание семьи моего сына. Надеюсь, вы так же умны, как хотите казаться, и вам удастся всё устроить.

В конце концов, это же в ваших интересах.

С глубочайшим уважением, Лука Горике.

Это письмо пришло утром и в резиденцию Армана. Из всех, с кем встречалась, Лука определённо один из самых умных волков. Чётко просчитал время и место, никаких сомнений. Даже мою одежду из дома Могронумов ещё не успели доставить, а я уже перед завтраком читаю это послание. Читаю между строк. Он связал два и два и рискнул, завуалировав всё нашими договорённостями. Благословление, светский визит... Он может рассказать о моём прошлом, но так как выгодно ему. То, что он знает. Знает ли он всё?..

Не могу сказать, что всё идёт хорошо. Да что уж там, вообще не чувствую себя в безопасности. Как по минному полю брожу под пристальным взглядом недоверчивого Армана. Особенно здесь в стенах этого поместья. В отличие от дома Могронумов, семья Армана обитает в пригороде рядом с королевским парком. Они даже имеют право охотиться в королевских лесах. Такое разрешение получают только избранные. Как настоящее Средневековье, ей-богу!

Само поместье очень похоже на петербургское, только старше и с минимум человеческих технологий. Большой штат слуг, большая территория. Здесь даже есть охрана. Зачем охрана в сердце страны? От кого защищаться?

Поселили в зеркально похожую комнату на ту, где жила раньше. Только пустую. Мне не досталось ни сменной одежды, ни гигиенических принадлежностей, ничего. Даже служанки. Так что пришлось самой избавляться от платья, греть воду, мыться, заботиться о себе, довольствуясь только горячей водой. Даже косметику до конца не удалось смыть. А спать пришлось на пропахшем старостью белье в выстуженной комнате. Не будь во мне волчьих генов, точно простудилась бы. Всё это как наказание. Не думала, что Арман опустится до такого.

Вот и утром пришлось самостоятельно влезать в платье, криво-косо шнуровать. Если бы не металлический пояс, вся шнуровка разлетится и пришлось бы идти как есть. Волосы заплела в косу, перекинув через правое плечо. За эти полгода они неплохо отрасли, спустившись до ягодиц, налились силой, не смотря на холод и скудную еду. Брошь заколола их, выставив её на видное место. Если Арман хочет больно уколоть, то пусть получает укол в ответ.

Когда спустилась вниз, прислужник передал письмо и сопровождал в гостиную, передав пожелание своего господина. Я должна оставаться здесь до его прибытия. Это даже смешно, если бы не было так нелепо. Вчера вечером Лико ясно дал понять, что не собирается отказываться от прошлого. Но всё всегда упирается в Армана. Конечно, только он решает, что будет дальше. Альфа. Для беты его слово — закон.

В этой комнате не так много света. Рассвет, наступивший пару часов назад, ещё не принёс солнце в эту часть дома, поэтому довольствуюсь тусклым холодным освещением. Здесь тикают настоящие стоячие часы с золотым маятником. В комнате деревянная мебель с мягкой обивкой, несколько шкафов с книгами о добыче полезных ископаемых и драгоценных камней. Издано в СССР и принадлежит московскому горному университету. Оглядываясь по сторонам, подмечаю — обстановка устарела, но качество самое лучшее. Начиная от люстры со стекляшками и заканчивая красным с узором ковром под ногами, прикрывающем паркетный пол. Никаких пластиковых окон, поэтому с подоконников дует, но есть тёплые батареи. Значит внизу здания котельная. Оттуда и водопровод, и нормальный туалет. Я соскучилась по таким вещам. Всё вокруг напоминает фильмы из Советского союза. Прошлое, которое не застала.

— Елена.

Услышала его раньше, чем он вошёл в комнату. Его лёгкую, но твёрдую поступь не спутаешь. Арман почти невозмутим. При приглушённом свете, он кажется совсем тёмным. Глядя ему в глаза, слова встали поперёк горла. Я ослушалась тогда в номере. Мы оба знали, что это ловушка, но всё равно пошла и попалась. Всё, что случилось в дальнейшем, выросло из разговора в поезде. Арман не видит для нас будущего. И нет оправдания в слове человек. Вельямин взял в триаду Ольгу. Он действительно любил её и этого оказалось достаточно, чтобы они прожили почти сорок лет вместе.

— Арман, — наконец ответила ему, когда молчать дальше было бы уж слишком неприлично.

Я замерла возле окна, сжимая в руках не раз прочитанное письмо. Сургуч был надломан, значит он прочитал его. Но понял ли? Не зря Лука так зашифровался.

— Не думал, что всё-таки увижу тебя живой, — заговорил он, подходя ближе, но выдерживая дистанцию. В его глазах читается намёк

на уважение. И опаска. — Как ты это сделала?

— Если я разденусь, то увидишь как, — отвечаю ледяным тоном, скрещивая руки на груди. — Я делала так, как ты говорил сотни раз. Мне пригодились твои уроки. Теперь умею выживать и делаю это хорошо.

— Ты связалась с Вельямином. Определённо, ты произвела на него впечатление, — почти удивлённо заговорил он, рассматривая с ног до головы. — Что ты ему рассказала?

— Всё, — я улыбнулась, увидев, как он дёрнулся. — А что ты думал? Он спас мне жизнь. Мы пережили кровавое полнолуние в замке, окружённом дикими волками. Нападения, кровь и... секс. Всё это сближает. Пожалуй, теперь я бы сказала, что знаю его гораздо лучше, чем тебя. Он также **многому** меня научил.

— Чему же?

— Ничего не бывает просто так. Я не собираюсь задавать тебе непростые вопросы, это не моё дело. Понимаю, что выяснения отношений только для тех, у кого есть отношения. Но... Ты не говорил о сестре и лгал о первой любви, умолчал о том, что сделал в дальних пределах и многое другое. Однако знаешь что? — мой голос полон желчи и раздражения. — Я отпускаю это. Мне больше не нужна твоя помощь. Как уже говорила, я многому научилась за эти месяцы в этом мире. Выживание — сложная наука, но теперь знаю, как добиться того, что мне нужно. И ты в эти планы не вписываешься. Я не доверяю тебе. И о своих подозрениях обязательно расскажу Лико. Он должен о них знать. Он должен знать о мужчине, который умудрился-таки залезть к нему в голову.

На последних словах Арман сорвался. Он налетел на меня, сжав руки в кулаках, отбросив их, хватаясь за шею, задрал мой подбородок. Его красные от бешенства глаза сверкнули в темноте, он процедил:

— Только попробуй, и я обещаю тебе...

— А может мне стоит обратиться к королю? Он сделал мне такое интересное предложение, — запела сладко, наслаждаясь свободой.

Прежде от такой ярости испугалась бы. И сдалась. Маленькая девочка напротив серого волка. Но теперь и у меня есть козыри, а с ними так интересно играть! Просто упиваюсь своей силой и это не могло не ускользнуть от глаз волка.

— Ты сильно изменилась, — спокойно резюмировал он, отпуская и

отходя в сторону. — Что с тобой случилось там? — продолжил допытываться мужчина и так, и этак задавая один и тот же вопрос.

— Я была одна, — выдала безразличным тоном, хотя внутри всё сжалось. — Пришлось быстро повзрослеть.

Отвернувшись от него, негромко вздохнула, понимая, что он всё ещё может до меня добраться. Нужное слово и вот опять привкус горечи на губах. На плечо опустилась мужская рука, тяжело сжала его, разворачивая лицом и прижимая к груди.

— Мы с тобой, как кошка с собакой, не так ли? Маленький скорпион вырос и жалит настоящим ядом. Я горжусь тобой, Елена.

Внутри тепло от его слов. Но была одна крошечная проблема. Мне уже не нужна его гордость. Хотя всё ещё жажду получить его любовь. Глупый-глупый скорпион!

— И всё нормально, будем жить дружно как будто ничего и не было? — выбралась из его объятий, отходя назад. Поводя пальцем из стороны в сторону прямо перед его носом, рассмеялась. — Кажется, ты не совсем понял, что изменилось.

— И что же, Елена? — теряя терпение, восклицает он. — Ты человек в мире волков. Я — тот, кто может вернуть тебя домой. И ты забыла об Алхимике? А он о тебе нет. Что будешь делать, если вновь попадёшь к нему? Ты сама сказала — Эльзе кто-то помогал. Кто тебя защитит от неизвестного убийцы? Лико? Он больше не связан с тобой. Сейчас он ещё по инерции верит в вашу связь, но скоро это пройдёт и с чем ты останешься?

С огромным козырем. И со множеством вариантов как его разыграть.

— Вот тут ты ошибаешься. Ты думаешь, что я всё ещё та истеричная девочка, которая боится собственной тени и не знает, что ей делать. Теперь это в прошлом, — я вернулась к нему, встав очень близко, глядя снизу вверх. Облизнув губы, провела рукой по его рубашке, прислушиваясь как быстро бьётся мужское сердце. — Я знаю, чего хочу, Арман. И это больше не выживание. Я устала бегать. А вокруг оказывается столько способов остановиться. Кто сказал, что Кай плох? Он может быть добрым и заботливым, если я дам ему то, что он хочет. Он сможет защитить меня от всего на свете. Как и Вельямин Могронум. Дальние пределы изолированы от остального мира, теперь там нет диких. Уверена, что и там мне будет хорошо. Это удивительный

край рядом с удивительным мужчиной. Очень сильным и независимым. Или же я могу вернуть наши отношения, — облизнув губы, лукаво посмотрела ему в глаза. — Что-то подсказывает, что ты блефуешь, говоря о своём влиянии на Лико. Мы с ним связаны куда крепче, чем ты думаешь. Шрам — лишь символ, главное то, что мы совместимы. Вопрос, совместимы ли мы с тобой? — я повела руку вверх, коснувшись его лица и он резко перехватил её, отдернув в сторону.

— Ты не так искусна, как тебе кажется, — почти разумным голосом заговорил он, но за этим скрывалась сумятица.

Он обескуражен напором, поэтому легко высвободилась из захвата и теперь уже обеими руками обхватила его лицо, потянувшись, касаясь губами его губ. Лёгкий поцелуй, чувственное касание, а затем шёпот:

— И я могу обратиться за помощью к королю. Как уже говорила, он сделал мне предложение, от которого сложно отказаться. Настоящий соблазн, но ты и сам это знаешь, верно?

Арман оттолкнул и я чуть не упала. Прижав пальцы к губам, улыбаюсь, глядя как он тяжело дышит, сдерживая эмоции. Мужчина демонстративно не смотрит в мою сторону, словно один мой вид способен сдёрнуть с него маску человечности и обнажить волка.

— Никогда не манипулируй мной, Елена! — обжигающе-зло выговорил он, наконец подняв глаза.

— Я расплачиваюсь той же монетой, что и ты сам, — говорю спокойно, скрещивая руки.

Наступила тишина. Не сговариваясь, отвернулись друг от друга, но остались на месте. Я знала, что смогла подняться на несколько уровней вверх во внутренней иерархии Армана. Теперь он чуть больше будет считаться с моим мнением. Но этого мало. Боюсь, не скоро мы заговорим на равных. Он сильно старше меня и опытнее. То, что я волчица, не делает меня сильнее на этом поле. Мне не хватает опыта, чтобы играть в его игру. Я знаю, что он продумывает все варианты и навряд ли будет действовать основываясь на инстинктах.

— Есть разница между нами, — внезапно даже для самой себя заговорила в пустоту. — Ты поставил всё на выживание. Не осталось места для любви и дружбы. С лёгкостью откажешься от всего, что имеешь, ради собственного будущего. А я так не могу. Ведь это одиночество. Ты убеждаешь, что тебе нужен Лико. Что ты любишь его, что хочешь, чтобы он был рядом. Но я не могу верить твоим словам,

ведь каждый день, что провели вместе, ты говорил о другом. Говорил, как легко и просто нужно от всего отказываться, чтобы выжить. Знаешь, когда попала к Каю, ты виделся мне. Благодаря тебе, удалось избежать много плохого. Но когда была на грани смерти, я видела Лико. И ради него вернулась к жизни. Это заставило задуматься о будущем. О том, что выживание убивает человечность. Чувства. Я не хочу быть роботом. Я хочу любить и быть любимой. И если когда-нибудь это приведёт меня к смерти, так тому и быть. Ведь все мы когда-нибудь умрём. Я не хочу умирать, зная, что прожила жизнь впустую.

Когда закончила говорить и обернулась, обнаружила, что осталась в комнате одна. Арман ушёл и этим сказал всё. Обхватив себя за плечи, обозвала душой, понимая, что зря всё это ему наговорила. Нужно было молчать и слушать, что говорит он.

Поднявшись наверх в свою комнату, обнаружила сменную одежду. Немолодая служанка только что закончила менять постельное бельё, а в вазе у окна обнаружили незнакомые высушенные цветы пурпурно-красного цвета, распространяющие по комнате лёгкий яблочный аромат.

Всё это как подтверждение меня. Словно прошла тест и теперь имею право находиться здесь. Но это не отменяет того факта, что он совсем меня не слушал.

Завтрак принесли в гостевую часть комнаты. За небольшим столом в гордом одиночестве полакомилась тостами, яичницей с беконом и настоящим кофе с молоком и сахаром. Английский завтрак. На десерт яблоки. Кажется Гренни Смит, учитывая кислотность. Наверняка вся еда была доставлена с Земли. Знали бы поставщики, куда на самом деле всё отправляют. Вот они удивились бы!

Одежда, которую нашла в шкафах, также привезли из России. Но давно. Судя по моде где-то в девяностые, а то и раньше. Вытащив спортивный красный костюм с белыми полосками, надела кроссовки, с наслаждением полюбовавшись на знакомый лейбл. После полугодового отстранения от нормальности моего мира, эти вещи вызывают приятное щекочущее чувство. Не могу сказать, что так уж было плохо в замке, занесённом снегом. Но Земля — это мой дом. Я выросла с определённым комфортом и отношением к жизни. Вновь увидев его, вспомнив о нём, с нетерпением жду возвращения к настоящему. К

привычным вещам. Электрический чайник. Тостер. Синие джинсы. Зубная паста. Метро. Фильмы. Музыка. Новости. Родина. Сотни воспоминаний о простых вещах накатывают каждый раз, когда сталкиваюсь с чем-то привезённым оттуда. Не могу дождаться возвращения. Как же хочу домой. Вновь увидеть родителей, найти сестру. Вернуть прошлое, которое невозможно вернуть.

Прислонившись лбом к зеркальной дверце шкафа, сделала много вдохов-выдохов. И вышла из комнаты.

Меня привлекли звуки с улицы. Пройдя через садовые арки, мимо небольшого лабиринта, вышла на площадку с аккуратной пристройкой-сараем. Где обнаружила Лико и ещё несколько мужчин. Разбившись на пары, они орудовали чем-то наподобие ножей, только длиннее. Делая резкие выпады, стремились коснуться друг друга тупым лезвием. Даже издали было понятно, что это тренировочные бои. Аналогичным образом мы поступали в Корнголик-ане. Зимой на морозе на заднем дворе каждое утро. Часов по четыре-пять Вельямин на пару с Хельгой учили меня защищаться от всего на свете.

Конечно, что такое полгода против опытного бойца, участвовавшего в реальных боях? Ни один тренировочный бой не выстоит против драки не на жизнь, а на смерть. Поэтому главное, что получаешь, тренируясь — опыт и рефлекс. Быть оборотнем не значит быть супербойцом. Если ты не умеешь обращаться со своим телом, оно выступит против тебя. Силой тоже нужно уметь управлять. И только практика научит тебя этому.

Поэтому хорошо были видны ошибки Лико. Даже не ошибки. Отказ. Он не давал себе воли, оставаясь в границах человека. А когда забывался, терял контроль, от этого его легко ранили, он открывался перед опытными бойцами, которые чётко видели его действия. Он читался как раскрытая книга.

Заметив меня, парень остановился, приветственно махнув рукой и улыбнулся. От его кожи поднимался пар, температура не выше пяти-шести градусов, хотя солнце уже начинает свою работу и скоро по-настоящему, по-весеннему потеплеет. Лико тренировался в безрукавке, поэтому отлично видно, как он изменился за эти месяцы. Стал крупнее, рельефнее.

Меня окатило воспоминаниями и я смутилась самой себя. Давно

такого не было.

— Привет! Чем это ты тут занимаешься? — поздоровалась, подходя ближе.

Как же приятно говорить с земляком. Успехи в изучении местного языка никогда не сделают меня носителем и настоящим жителем этого мира. Я всего буду чужачкой и в мыслях, и на языке.

— Да так, тренируюсь, — он взъерошил ёжик на голове, как делал сотни раз, пока был кудрявым. Потянувшись, коснулась его головы, ощутив колючесть проволочных волос.

— Почему подстригся? Тебе было хорошо кудрявым, — полугрустным-полулукавым голосом спрашиваю его, улыбаясь в ответ на улыбку.

Мы отошли в сторону от площадки, позволив остальным спокойно продолжить тренировку. Спинай чувствую взгляды мужчин. Не то, чтобы неприязненные, скорее вопросительные. Любопытные. Здесь давно не было женщин. Особенно таких как я.

— Просто захотелось, — ответил, пожав плечами. В руках он держит небольшой нож, один из тех, с которым тренировался. Он начал подбрасывать его в воздухе, ловко перехватывая рукоять.

— И тренироваться начал... Это выглядит, будто ты... не знаю, — хотелось сделать нехорошее предположение, но вовремя остановилась.

— Дома не всё хорошо, — он нахмурился, останавливаясь и крутя в руках нож. — Наша организация после исчезновения Эльзы... Словом я больше не являюсь её частью. Они свернули все места, которые были мне известны и перестали выходить на связь.

— Что? Но почему?!

— Из-за моей связи с тобой и Арманом. Мне больше не доверяют, — он попытался не выдать своих чувств голосом, но по взгляду понятно — ему больно об этом говорить. — Я не хотел так сразу всё на тебя вываливать, но Кай... Григорий Волков открывает центры «Мирасвет» по всей России. Филиалы появляются и в соседних странах, таких как Азербайджан, Грузия, Таджикистан, Казахстан, Украина, Белоруссия, словом охватывает территорию бывшего Советского Союза. И это не конец. Он действует как секта под видом помощи трудным подросткам. В его центры попадают дети влиятельных людей и дети, у которых никого нет. Он...

— Неон, — выговорила очень тихо. Мороз прошёлся по коже. Я

так долго не вспоминала это слово. Заражение, вот продолжение этого наркотика. — Я знаю, что он делает.

— Создаёт армию, — также тихо продолжил Лико.

— Для короля.

— Как ты?..

— Неважно. Не сейчас, — отмахнулась от его удивления. Взяв нож из его рук, покинула в воздухе, а затем запульнула в небольшую деревянную пристройку. Он вошёл по рукоять.

— Я больше не боюсь Кая. Скажем прямо, меня теперь мало что может напугать. И то, что раньше казалось ужасным, отныне не страшит.

— Видишь, как она выросла, Лико? Я знал, что с Еленой не будет просто, — о том, что к нам идёт Арман, знала с того момента, как он вышел в сад. Я загравком чувствовала его приближение, и оно не стало сюрпризом.

Обернувшись, скорчила рожицу.

— Ты начал моё обучение, а пределы его продолжили. Даже мартышка способна стать сильнее, если дать ей хороших учителей.

— А я был хорошим? — хитро подмигнув, спрашивает он. Лико кашлянул позади, привлекая внимание.

— Можем проверить, — я облизнула губы, мельком глянув на нахмурившегося Лико. Он явно хотел остаться со мной наедине. Присутствие Армана мешало, но я не могла устоять. Хотела показать ему, что со мной нельзя шутить.

Моё доверие базировалось на совсем простых вещах. Наш любовный треугольник сильнее, чем думает Арман. Пока я не собираюсь говорить им, кто я такая. Но подразнить мужчину, который так красиво управлял мной, предел моих мечтаний. Он просто напрашивается на это!

Поэтому принимая короткий меч, спокойно встаю напротив. Вокруг всё замерло. Мужчины разошлись в разные стороны, давая нам больше места. И остались неподалёку, чтобы наблюдать за поединком.

Когда у тебя в руках меч, всё становится очень сложно. Или просто. Смотря с какой стороны лезвия смотреть. Его длина не больше сорока сантиметров, узкое тупое лезвие, ученический клинок. В настоящем бою от такого никакого проку не будет.

— Ты уверена, что готова месить лицом землю? — ехидно

спрашивает Арман, играясь с мечом напротив.

— А ты уверен, что это буду я? — в тон отвечаю, делая быстрый, пробный удар.

Лёгкий звон, парирование, уводящее лезвие в землю, и мы обходим друг друга по дуге, притворно улыбаясь. Это будет месть. Как продолжение нашего разговора.

— Я буду осторожен, — мягко отвечает он, бросаясь в атаку.

Отскакиваю в сторону, опора, нож идёт вперёд, пронзая воздух. Подножка, падаю, уворачиваясь от вездесущего лезвия, кручусь, вскакивая на ноги, парируя удар. Болезненный укол вдоль талии. Будь это настоящий меч — порез был бы сильнее.

— Ай-ай-ай! — иронично завоскличал мужчина. — Первое касание. Да так быстро! А столько было угроз!

Передёрнув плечами, отошла в сторону и заняла стойку. У меня даже синяка не будет, а у него удовольствия от поединка. Уж гарантирую это!

Следующая атака пошла быстрее. Грязь под ногами мягкая, податливая, а я не брезгливая. Падая на колени, делаю ложный выпад, сама бью кулаком по его коленной чашечке, не успевая, мужчина теряет равновесие, я наваливаюсь сверху, целясь в шею, но он умудряется вставить между нами лезвие меча и отбрасывает со всей силой в сторону.

По кошачьи вскакиваю на ноги, согнувшись вперёд, взъерошенная как воробей. Я смогла коснуться его.

— Один-один! Уже не так уверен в себе? — процедила, кашляя. Земля попала в рот, крошится между зубами, скрепит.

Мы оба грязные как чушки, злые. Теперь Арман молчит. Новая стойка. Осторожно ходим друг вокруг друга. Даже без выпадов, с полной самоотдачей. Пристально наблюдая за реакцией. Первой не выдерживаю, бросаюсь вперёд, легко подчиняясь силе инерции, как в танце. Скрещивая мечи, выворачиваем, подножка за подножкой, падение. Всё пошлое серьезнее. Удар за ударом, подсечка, уколы, царапины. Я плюнула ему в лицо, он перекинул через себя. Оказавшись под ним, рукой собрала грязь и запулила в глаза, оттолкнула ногой в грудь, поднимаясь, вытаскивая из-под себя оброненный меч. Нападение вперёд и он обхватывает за талию, сжимая как в тисках, чтобы уронила оружие. Он не видит мои глаза, не чувствует изменений в дыхании, а я

балансирую на грани, чтобы не стать сильнее, чем может быть человек. Одно глупое решение отделяет от поражения. Арман выворачивает мою руку, направляя мне в грудь собственный меч. Всё замерло, только слышится моё напряжённое мычание. Не остаётся сил и времени, чтобы вывернуться. Сила на силу. И когда уже почти всё закончилось. Он отпустил, отходя в сторону.

— Лэрд, пришёл Вельямин Могронум. Он хочет видеть вашу гостью, — голос прислужника послужил окончанию поединка.

— Повторим в другой раз, — сухо заявил он, зло оглядывая своих подчинённых волков. — Продолжайте тренировки без нас.

Я сложила пополам, держась за колени. Он так сильно сдавил грудь, что каждый свободный глоток воздуха отзывался болью в рёбрах.

— Определённо требую реванша! — на каждое слово много вдохов/выдохов.

— Это было потрясающе! — воскликнул Лико, подходя ко мне. — Ты отлично дерёшься!

— Манёвренности не хватает, но в целом да, ты молодец, — согласно кивнул Арман, но согласия в его глазах отсутствовало.

— Коли, — обратился он к слуге. — Предложи нашему гостю напитки и десерт, нам потребуется время, чтобы привести себя в порядок.

Оглядев себя, поняла, насколько он прав. Весь, некогда красный спортивный костюм, заляпан серо-коричневой грязью. Она же перепачкала волосы. И это не считая запаха.

— Вам потребуется много времени! — рассмеялся Лико, как-то естественно взъерошив мне волосы. — Ладно, я пока займу гостя беседой. Уверен, ему есть что рассказать!

Это будет нечто.

*Роберт Бернс — Сердца быстрое биенье

Глава 20. Пусть будет завтра и мрак и холод

Глава 20. Пусть будет завтра и мрак и холод

Всё не так и всё не так

Полночь вьётся серебром

Улетаю за тобой на север.

Видишь? Перья снегом падают на дом...

Я управилась позже, чем Арман и зашла в гостиную прямо во

время их ссоры. Лико пытался примирить двух альф, вставая между ними щитом, но они как настоящие волки были готовы вцепиться друг другу в глотки. Да уж, дружбы точно не видать.

— Я буду говорить только с Еленой, Арман. Ты не являешься её опекуном, твоя семья не брала под защиту эту женщину и ты не связан с ней узами триады. Какое право имеешь, чтобы выставять подобные требования? Находясь под твоей защитой, она попала в беду. Неоднократно! Как мужчина, получается, ты не в состоянии...

— Как и ты. Что стало с твоей триадой Вельямин? Готов снова рискнуть и будь что будет? Не боишься, что Елена повторит судьбу твоей жены?

— Довольно! — воскликнула, врываясь в комнату, успевая заметить с каким трудом оба остались на своих местах. Ни один не показал клыков и когтей. Это было бы равносильно прямому вызову, нарушение гостеприимства с обеих сторон. Поэтому они просто готовы надрать друг другу задницы и без волчьих увёрток.

Лико с облегчением выдохнул, когда они разошлись, но вновь нахмурился, заметив, как оба на меня поглядывают. Да, мой милый, до спокойствия ещё далеко.

— Вы оба действуете мне на нервы. Я не мячик для пинг-понга, если вы не прекратите собачиться, буду вынуждена оставить обоих!

— И куда пойдёшь? — с непринуждённой улыбкой спрашивает Арман. Он уже вернул себе присутствие духа, прислонившись к стенке и скрестив руки на груди. Удачная позиция, чтобы со стороны наблюдать за своим противником.

— Мы уже поняли, что мне есть куда идти. Вопрос в цене, — я перевела взгляд на встревоженного Вельямина.

— Как раз об этом я и хотел с тобой поговорить. Лично, — выделил он последнее слово, неприязненно глянув на Армана. — Это важно.

— Раз всё так серьёзно, Арман, Лико, пожалуйста оставьте нас, — я демонстративно не смотрела на них, чинно сложив руки в замок.

— Я должен знать, что происходит в моём доме! — взъярился Арман, отклеиваясь от стены и вставая напротив меня, загораживая Веля. — Посмотри мне в глаза, Елена, и скажи, что рассказала мне всё!

— Всё, что должен знать, ты знаешь! — процедила, задирая подбородок и с вызовом глядя ему в глаза. — Об остальном позабочусь

сама, как это делала всё это время!

Арман устался на Лико, словно ища у него поддержки. Но парень покачал головой, принимая нейтралитет. Его выражение лица чётко говорило: «Моё дело — сторона. Разбирайтесь сами. Я не буду лезть в дела альфа».

— Ты должна следовать, Елена, — тихо заговорил он. — Мы договаривались о том, что я помогу тебе. Но как помочь, если ты больше не доверяешь мне и не делишься важной информацией...

— Может я всё ещё верю тебе. Но не так, как раньше, — говорю мягко. — А Вельямин не верит тебе ни на грамм. Поэтому дай нам возможность поговорить и нормально попрощаться. В конце концов, скоро я вернусь домой и мы вряд ли ещё когда-нибудь свидимся.

Скрепя сердце, Арман согласно кивнул. Напоследок он смерил соперника ядовитым взглядом. Вместе с Лико, они покинули комнату, оставив меня с Велем наедине.

Повисла неловкая пауза. Став свидетелем странной семейной драмы, кан-альфа не знал, как начать разговор. По глазам видела — он хотел начать убеждать меня вернуться в дальние пределы вместе с ним. Или уехать. Словом, не отказывался от своих притязаний и пускай мне было приятно чувствовать эту связь с ним, мысль, что здесь остаётся неоконченное, незавершённое дело, вводило тяжесть в и без того сумбурные мысли.

— Что ты хотел сказать?

— Это всё? — он как-то невесело хмыкнул, разглядывая как неведомую зверушку. — Холодна как ночь и также далека.

Скрестив руки, опустила взгляд.

— Я не могу дать тебе то, за чем ты пришёл. Я не уйду с тобой. Не вернусь в дальние пределы. Я не могу стать той, кто тебе нужен.

— Но ведь есть кое-что ещё, — он подошёл близко на расстоянии вытянутой руки. — Ты ведь чувствуешь это? Скажи, что чувствуешь. Это не может быть ничем иным, кроме как...

Я резко подалась вперёд и приложила палец к его губам, отчаянно замотав головой. Он мгновенно понял, что чуть было не сказал лишнего. И у стен есть уши. А у волков прекрасный слух. Убедившись, что он молчит, медленно кивнула, взглядом подтверждая его слова. Я тоже чувствую это. Связь. Не как у триады. Это похоже на власть. Словно я связала его жизнь в узел и привязала к своим рукам. Каждое

движение чувствуется. И при желании могу взять под контроль каждую его мысль. Он принадлежит мне. Именно поэтому сегодня он здесь. Именно это усиливается в тот самый момент, когда я хочу уйти.

Как злая насмешка судьбы. Я оказалась по другую сторону баррикады.

— Ты должна знать, — заговорил Вель, уводя разговор в сторону. Нам нельзя было это обсуждать, мы ничего не могли с этим поделать. — Ты не вернёшься домой.

— Это почему?

Вель замешкался с ответом, неуверенный в том, что может говорить. Это было странно и как-то неуместно?

— Король не отпустит тебя. Об этом судачат во дворце. Ты привлекла его внимание, он не любит отпускать интересные... игрушки. Тебя просто не выпустят пока он не получит то, что ему нужно.

А мы оба знали, что ему нужно. И оба догадывались к чему это может привести. Я блефовала в разговорах с Арманом. Любовь короля для такой как я будет иметь последствия весьма прозаичного толка. Беременность.

Любопытный факт биологии волчиц. Если девочка во время полового созревания полностью превращается в волка наравне с мальчиками, то это автоматически делает её бесплодной. У неё просто не случаются месячные. Возможно, это связано с избытком тестостерона или чего-то в этом духе, волки не проводили исследований на этот счёт, так как такие девочки рождаются крайне редко. В любом случае, это праздник для рода. Считается, что другие дети от этой триады будут крайне сильны и выносливы. С большой вероятностью сестра такой девочки сможет родить сына королю. Другой вопрос, что делать самой девочке. Она не сможет продолжить род. Как женщина она также не особо привлекает мужчин — особенность психологии делает её слишком резкой и грубой. Внешность также не бывает привлекательной. Обычно они становятся солдатами. В дальних пределах служит одна такая волчица. Рыжая бестия, её так прозвали за солнечный цвет волос и особую любовь к кровопролитию. Она уже в возрасте и одинока.

Конечно, меня не ждёт судьба таких девочек. В конце концов, каждый месяц я страдаю наравне со всей женской частью человечества. Поэтому каковы шансы, что, если окажусь в постели короля,

забеременею? Вот-вот.

— Тебе не обязательно принимать решение прямо сейчас, — мягко заговорил Вель, по-своему трактуя моё молчание. — Время ещё есть.

— Спасибо, что предупредил, — отвечаю сжато. Посмотрев ему в глаза, увидела всепоглощающую теплоту. — Вельямин, я обязана тебе многим. Мы вместе прошли через кровавое полнолуние. Мы... были близки. И расплатились друг с другом по всем счетам. Надеюсь, ты это понимаешь.

Он смотрел так, будто режу его. Будто отрываю от сердца, ведь так оно и было. Я не хотела держать его, зная, что может случиться, если он останется. У него есть обязательства перед теми, кто остался там, в дальних пределах.

— Мы сами решим, что делать дальше. Я, Арман и Лико. Мы и раньше принимали непростые решения и находили выход из безвыходных ситуаций. Не беспокойся, мы справимся, — твёрдо закончила, кивком головы подтверждая каждое слово.

И в тот момент, когда решила, что всё сказала, он изменился. Сквозь мягкие участливые черты лица проступила волчья суть. Как рябь по воде, вернулась жёсткость и даже злость.

— Не решай за меня, Елена, — неожиданно грубо заявил он, агрессивно сжав кулаки. — Если ты думаешь, что на этом всё, то ты ошибаешься.

— Вель...

— Для тебя с этого момента я Вельямин Могронум, кан-альфа дальних пределов. Не забывайся.

— Может мне и брошь вернуть? — злость пришла и ко мне следом за его волей.

— Как пожелаешь.

Это напоминает злой фарс. Попасть в картинку телевизора, где люди делают глупости и ссорятся по пустякам. Но что иначе мне сказать ему?

— Я не хочу так расставаться.

— А кто сказал, что мы расстаёмся? — в его глазах мелькнула непонятная злая искра и от этого я вздрогнула.

Но ответа так и не дождалась.

После его ухода не отпускало тягостное предчувствие. Словно

опустилась в глубокое болото и только голова торчит над поверхностью. Каждая мысль переваривает наш разговор. Как он смотрел, как говорил и как двигался. Что скрывалось за его последними словами? Чего он на самом деле хотел? Предупредить насчёт короля? Но и так было ясно, что он не отступится просто так. Нужно быть осторожнее.

В задумчивости забрела в ранний сад, в котором только-только появилась первая салатная зелень. Декоративный кустарник формами напоминает круглые бочки и пирамиды невысокого роста. Даже сейчас благодаря плотным и мелко-переплетённым ветвям, смогла затеряться в этом лабиринте, с удовольствием вдыхая первый весенний запах. Это как воспоминание о прошлом. О том, что было в последнее реальное утро. Тогда густой туман не смог спрятать от страшной сказки, сейчас мне и прятаться не хочется.

Я кутаюсь в лёгкую как пёрышко, шаль, под которой скрывается свободное серое платье в пол с длинными рукавами и воротом под горло. Оно из шерсти, тёплое и мягкое, из-за плохо тянущейся ткани, немного тесновато в плечах и рассчитано на грудь поменьше, но другие варианты не подходили для весенней прогулки. Скучный и старый гардероб намекал на принадлежность другой девушке. Видимо в этом мире обречена донашивать чужие платья и наряды. И у прежних обладательниц несчастливая судьба. Я продолжу их линию жизни?..

— Нашёл тебя, — голос прозвучал раньше, чем Лико вышел из-за поворота. Он немного улыбается краешками губ, но глаза грустные-грустные.

Не дождавшись ответа, пошёл рядом, подстраиваясь под мой темп.

Какое-то время идём молча. Лико прячет руки в карманах лёгкого пальто, ногами в дорогах ботинках ковыряя камешки, застрявшие между каменных плит тропинки. Небо над нами пронзительно-синее, нависает глубоко-глубоко. Словно опрокидывая в море. Над головами проносится далёкое пение ранних морских птиц. Даже здесь, на возвышенности, в отдалении от морского берега чувствуется в воздухе слабый солёный привкус.

Я остановилась возле короткой деревянной скамейки, углублённой в сторону от основной тропинки. Над ней как шатёр вьётся вечно-зелёный плющ, скрывая её от любопытных глаз. Воздух сырой, а скамейка, будучи в тени, не успела просохнуть и немного влажная.

Однако всё равно устроилась на ней, откинувшись на спинку и запрокинув голову. Лико остался стоять, сверху вниз глядя на меня. Никак не могу привыкнуть к его новой стрижке. Ему даже идёт такой жёсткий вид. Кудрявая мягкость ушла, уводя за собой юношеские черты лица, выдавая вперёд твёрдый подбородок, скулы и яркий цвет глаз. Он похож на отца лишь издали. Вблизи не видна хитрость лиса, но думаю он способен стать хитрее, если захочет. В конце концов, мы продолжение наших родителей. И как бы он не сторонился своего вида, ему придётся признать в себе волка.

— Я так о многом хотел поговорить. Но теперь смотрю на тебя и не узнаю, — хрипло заговорил он. — Ты очень изменилась.

— Как именно? — раскинув руки на спинке скамейки, уставилась на него, слегка наклонив голову набок.

— Теперь ты напоминаешь Эльзу, — неожиданно сказал он. — Нет-нет! — воскликнул, взмахнув руками, заметив мой недружелюбный взгляд. — Не так, как думаешь, но... Ты стала очень раскованной. Вся раскрылась. Раньше пряталась за волосами, делала всё, чтобы не показывать своего лица. Сутулилась, сжималась в комок, боялась... Ты начала меняться, попав в дом Армана, а сейчас... Я просто не узнаю тебя. Как будто стала совсем иной.

— Останься я прежней и была бы уже мертва, — сухо ответила, закрываясь от него, скрещивая руки на груди. — Мы узнаём себя в момент опасности. Когда выходим за пределы зоны комфорта. Потребовалось много времени, чтобы найти границы своих возможностей. Пределы, за которыми начинается настоящая жизнь. Я узнала себя и приняла то, кто я есть.

Наклонившись вперёд, переложив руки на колени, вывернув их ладонями вверх. Линии на руках длинные, глубокие, уходящие в далёкое будущее. По ним нельзя ничего предсказать, но иногда кажется, что нет предела тому, что уготовила жизнь.

— Только в борьбе мы узнаём, кто мы есть на самом деле, — заговорила слегка хрипя, глотая слова. — Я бежала по лесу в кроссовках, полных снегом и льдом. Скользила, падала, но продолжала бежать к реке. Это старая волчья забава — загонять жертву к быстрой воде, обещая жизнь, если успеешь её пересечь. Я успела.

Лико опустил рядом, несмело коснувшись плеча, но ничего не сказав.

— А он набросился на меня. Прокусил запястье, — закатав рука, обнажила оставшийся след. — Он рвал как зверь. По-настоящему убивал. И что мне оставалось? Только умереть, — я обезоруживающе улыбнулась. — Плохо помню, что со мной было *там*. Кажется, осталось воспоминание о сне, очень долгом и длинном сне, в котором всё исчезало, растворялось в снегопаде. Я слышала твой голос, Лико. Ты вернул меня к жизни. Не Арман. Он научил выживать, но вернулась я к тебе, — я переложила руки поверх его рук, легонько сжав, медленно подняв глаза и посмотрев на него. — Даже когда исчезла наша связь, я не смогла забыть тебя. Думала, что всё закончится, но ничего не изменилось! Боже, я так скучала по тебе!

Лико притянул к себе, чтобы головой коснулась его груди, он провёл рукой по моим волосам, осторожно гладя, будто драгоценность. Всё ещё молча. Всё ещё внимательно слушая, что говорю.

— И здесь и сейчас, входя в этот дом, я иду по направлению к тебе! — продолжила говорить негромко, вслушиваясь в быстрое биение его сердца. — И когда всё закончится, а оно обязательно закончится, мы уйдём вместе. Не важно куда, главное — ты и я.

— А как же Арман? — негромко спросил он.

Приподняв голову, чтобы он увидел твёрдость в моих глазах, сказала то, что давно хотела сказать:

— Арман может пойти с нами только если оставит всё остальное позади. В первую очередь, мы люди, а не волки. А значит наши отношения должны строиться на равноправии, а не волчьей иерархии.

Армана не было, когда мы вернулись в дом. Его не было и днём, и вечером, и ночью. Он пропустил все наши разговоры, а слуги неизменно отвечали, что он уехал по делам и вряд ли сегодня вернётся. К ночи на хозяйской части дома остались только мы с Лико, расположившись в просторной гостиной.

Благодаря своей работе на короля, у Армана был доступ к благам моей цивилизации и частично он перенёс их в этот мир. К примеру, телевизор и магнитофон, и богатая коллекция фильмов на русском языке. Почти все они родом из девяностых, поэтому решили посмотреть Интервью с вампиром, тем более, Лико не видел этого фильма. Мы пили белое вино и ели сочные маленькие мандарины.

На длинном глубоком диване, уютно расположившись, молча

смотрели фильм, изредка вставляя комментарии происходящему на экране. Я положила голову Лико на живот, вытянувшись вдоль спинки дивана, в руках держа глубокую миску с фруктами. Разделявая мандарин, передавала дольки Лико, а он в ответ забирал со столика бокал с напитком, помогал мне делать очередной глоток.

Это было так естественно и мило, что я успокоилась наверное впервые с момента появления в этом доме. Такой маленький оазис в пустыне. Я знала, что передышка будет короткой, поэтому наслаждалась ею по полной.

Когда кино закончилось, мы остались лежать. Лико наматывал пряди моих волос, а я рассказывала, как впервые охотилась в дальних пределах. Мне хотелось поделиться, как сложно было не уступать другим волкам, и как я гордилась собой, когда не с первой попытки, но мне удалось подстрелить оленя. И как интересно было потом разделять дичь. Хотя это и мерзко, но в этом смысл охоты. Убить, чтобы есть. А умение правильно отделить мясо от костей и шерсти, приготовить вкусное блюдо, а из шерсти сделав перчатки и жилет, — значит почтить убитого зверя. Убийство ради убийства практикуют только дикие. Обычные волки уважают своих жертв.

— Не понимаю, почему Вельямин так обращался с тобой, — задумчиво протянул Лико, когда я умолкла.

— То есть?

— Ты ходила на охоту вместе с оборотнями. Это... странно, — продолжил он. — Те, кто вырастили меня вместо отца, никогда не брали на охоту даже в мире людей. Хотя отец настаивал, чтобы я рос мужчиной.

— Почему твой отец не забрал тебя в этот мир? Почему держал там?

— Был риск, что я окажусь больше человеком, а не волком. И я говорю об эмоциях. Психике. А человеком в этом мире быть сложно, — спокойно ответил Лико, перехватывая мои пальцы и скрепляя их со своими в замок. — Так вот, они боялись брать на охоту человека, потому что могли не удержаться и напасть на меня. До первого обращения я был человеком. Полностью.

Я промолчала, разглядывая наши переплетённые пальцы. Но сердце молчать не стало. Забившись сильнее, выдало мои мысли.

— Что такое? — насторожился парень, когда я заворочалась,

поднимаясь, чтобы оказаться на одном уровне глаз.

Прислушавшись, убедилась, что поблизости никого нет и внимательно уставилась на него.

«Я не могу подозревать всех. Я доверяю ему. Он не предаст меня».

Повторив мантру трижды, решила.

— Со мной кое-что произошло в дальних пределах, — заговорила, максимально понизив голос, на уровне шёпота. — Вернее, происходило всегда, но в этом мире оно открылось. А красное полнолуние развернуло во всю ширь, — заправив волосы, ловя напряжение в лице Лико, выставила вперёд руки. — Я не могу сказать, — взглядом показав, что не доверяю здешним стенам. — Но могу показать.

Прислушавшись к себе, сделала очень глубокий, как перед прыжком, вдох, а затем мои руки начали меняться.

Лико отпрянул, уткнувшись в спинку дивана, он ошеломлённо уставился на мои пальцы, скрюченные как у волка, видя шерсть, проступающую на пястье рук. Переведя взгляд вверх, он увидел, как загорелись мои глаза ярко-красным цветом. И всё пропало. Обратная трансформация оставила только пот и немного крови под ногтями.

— Я не знаю, как и откуда, — предупредила все его вопросы. — Но я, — потянувшись к нему, радуясь, что он не отпрял, прошептала на ухо: — Такая же, как и ты.

Целая гамма эмоций прошла по его лицу. Сотни вопросов, догадок и предположений. Но в глубине — признание. Понимание. Настоящее понимание того, что это значит. Мы одинаковые, а значит сможем быть вместе столько времени, сколько есть в этом мире.

Лико не стал ничего говорить. Вместо этого, он схватил меня, прижимая к себе, почти кусая в губы, с полной отдачей, так как это делают волки. И получил ответ. Я с лёгкостью опрокинула его на диван, подгребая под собой. Разрывая его рубашку, улыбаясь, показывая зубы и маленькие клыки. В ответ он рвёт моё платье, добираясь до нижней шёлковой рубашки, которая также легко рвётся в его руках. Наклоняясь к нему, впиваясь в губы, жадно вдыхая родной запах. Падая вниз, наслаждаясь щекоткой чувств. Обхватив за талию, он роняет нас на пол, на пушистый ковёр, прямо под синий свет экрана телевизора. При таком освещении наши глаза — как светодиодные лампочки, красные точки на фоне тьмы.

Одежда исчезает очень быстро, особенно если не щадить материю.

Вспоротые когтями брюки, разорванное нижнее бельё. Мы действуем аккуратно только в конце, понимая, что это может закончиться совсем незапланированными последствиями. Но удержаться вдали друг от друга невыносимо. И вновь и вновь, здесь, а потом в спальне, мы добираемся до сердец, чувствуя как волны тепла возносятся и роняют вниз.

И когда в самом конце Лико показывает клыки, я сама направляю его к шее, полностью отдавая себе отчёт в том, что это значит.

Я не была беспечной. Влюблённой — да, но не беспечной. Я верила, что понимаю, чем это закончится. И шла до самого конца.

Проснуться, чувствуя рядом с собой тепло, непривычно, но сладко. Я потягиваюсь, лениво наблюдая за светлыми тенями деревьев, на стенах моей комнаты. Окна открыты, тянет прохладой с улицы и доносится негромкий неразборчивый шум. Переворачиваюсь, подкладывая руку под голову и наблюдаю за сопящим Лико. Спящим он выглядит моложе. Почти также, как выглядел в нашу первую встречу. Ушла извилистая морщинка между бровей, разгладились черты лица. Смотря на него, хочу коснуться, но знаю, что он сразу проснётся, поэтому просто разглядываю дальше, вспоминая всё, что было с нами. Как чуралась его поначалу. Как тянуло к нему, сначала незаметно, затем против воли, а дальше сильнее и сильнее, пока плотину не прорвало. В той примерочной я поняла, что влюбилась по уши. И как же больно было узнать, что это такой. Ошибиться. Связь не может возникнуть между чужими. Притяжение было бы и без укуса. Он лишь расставил всё по своим местам.

Почесав шею, резко поднялась, ощупывая место укуса. И подскочив, вылезла из кровати, подбегая к зеркалу. Так и есть — шрам. Как будто меня укусили пару недель назад. Слишком быстро заживает. Мы снова связаны, но укус заживает быстрее, чем в прошлый раз.

— Мы скажем, что это из-за повторности. Не думаю, что так бывает часто, чтобы усомнились, — заговорил Лико за спиной.

Обернувшись, смущённо прикрылась, пряча интимные места руками и волосами.

— Зачем ты скрываешься? — удивился он, приподнимаясь на локтях. — Покажись, Елена, мне так хочется тебя увидеть.

И я убираю руки, обнажаясь целиком.

— А что ещё ты хочешь? — спрашиваю лукаво.

Нам обоим мало.

Поэтому с разбегу прыгаю в постель, легко пружиня и вытаскивая его из-под одеяла. Мне нравится щекотать его, видя, как он забавно реагирует на щекотку. А ему хочется целовать каждую клеточку моего тела, спускаясь всё ниже и ниже. И от каждого поцелуя я взрываюсь, вздрагиваю, словно током бьют. Так сладко.

Мы не успели прикрыться, когда он вошёл. Просто не услышали его шагов и тяжёлого дыхания. Арман без стука ворвался в наши двери. Поджав губы, уставился на наши обнажённые тела.

Подтянув лёгкое одеяло, прикрылась, также скрывая волосами шею.

— Я знал, что вы снова это сделаете, — сухо заявил он.

Моя попытка скрыться не имела успеха.

— О последствиях подумаете в другой раз. А пока я сделаю заявление, — откашлявшись, Арман вытащил маленький мешочек из-за пазухи, раскрыв его, бросил на пол. Звонкий стук и из мешочка вывалились маленькие косточки.

— Это был ворон, — расшифровал Арман. — Сегодня на рассвете ко мне пришёл Вельямин Могронум. Он вызвал меня на *ронолло*. Тот, кто останется в живых, получит тебя, Елена.

*Бальмонт К. Д. — Хочу

Глава 21. Был он ревнивым, тревожным и нежным

Глава 21. Был он ревнивым, тревожным и нежным

Абсурдно несерьезно

Воспринимать спокойно всё.

Слова уже не осторожны

Забудь о них, исчезни, оно ушло.

Ходить по теням и искать не стану

Как пред стеной застыв... Отстану.

В неизвестности я сохраню покой

Безоблачное светлое...

Небо над головой.

Моё понимание ситуации исчезло ровно в тот момент, когда Арман закончил говорить. Как инопланетянин, честное слово.

— Я не верю, — обезоруживающе улыбаюсь, подтягивая выше

одеяло, чтобы удобнее перевернуться в постели. Арман не видел, как под бельём с силой сжала руку Лико. — Это какие-то твои игры, Арман? Ты ведь уже манипулировал мной, что на этот раз? Вельямин не стал бы так поступать, вчера мы всё обсудили. Попрощались!

От моих слов мужчина вспыхнул.

— Твоё право не верить, милая, — язвительно воскликнул он. — Но завтра, на рассвете в королевских садах в амфитеатре состоится ронолло. Откуда выйдет только один из нас.

— Король не допустил бы...

— Вельямин уже заручился поддержкой Демьяна, — сухо перебил Арман.

— Почему ты согласился? — неожиданно спросил Лико. — Ты ведь был против с самого начала, ты...

— Почувствовал то, что случилось сегодня ночью.

Даже отсюда было слышно, как скрипнул зубами Арман, цедя эти слова. Видно, как он смотрит на нас. Как обжигает взглядом. Был он и Лико, а стала я и Лико. Партия снова перевернулась. И всё опять упирается в него. Неспособность принять меня. Неспособность полюбить человека.

— Забрав Елену, он заберёт и тебя, Лико. Это я не допущу, — его голос смягчился. Так всегда случалось, когда он обращался к Лико. Так он непроизвольно показывал свою любовь.

— Я всё исправлю! — вступилась я, с вызовом глядя на него.

Непродолжительное молчание дало время подумать.

— Я уговорю Веля отменить вызов. Он...

— Не станет этого делать. По сути, Елена, он идёт не за тобой, а против меня. Из-за того, что я сделал, чтобы выбраться из дальних пределов. Просто повод нашёлся. А вы будете утешительным призом, — устало закончил он, прикладывая руки к вискам будто от усталости.

— Ты ещё не проиграл, — тихо произнёс Лико.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, какие шансы видит Арман. Вельямин старше его. Опытнее. Он всю жизнь прожил, охотясь на монстров в дальних пределах. У Армана нет шансов.

— Ты не знаешь природы наших отношений, — лёгкий намёк для Лико, тарабарщина для Армана.

— Хочешь попробовать? Мешать не буду! Ты заварила эту кашу. Дала повод. Использовала его! Теперь он не сможет отказаться от тебя

после победы, так что всё это на твоей совести. Желаю удачи! — снова агрессивно заговорил Арман, с пылом обвиняя во всех грехах. Но грех один — я почему-то привлекаю не тех и не так, как надо.

Лико напрашивался поехать со мной, пришлось приложить все усилия, чтобы он остался в поместье. Я знала, что должна сама довести дело до конца. Арман выделил кучера с крытой повозкой, оснащённой нормальными рессорами и удобной мягкой обивкой внутри. Окна в такой карете из тонированного стекла, чтобы с улицы не было видно, кто едет. Поездка в город заняла не больше часа и вот уже стою перед парадным входом в дом Вельямина. За кованой калиткой под светлыми весенними лучами. Мимо проходят люди и волки, а мне больше нет нужды скрываться. Теперь, будучи вновь помеченной, вновь поднялась выше по их иерархии и быть убитой за наглость прямо смотреть в волчьи глаза, не грозит.

Делаю шаг и в меня врежется пожилой мужчина в чёрной кепи, надвинутой на глаза. Успеваю заметить необычный цвет — сиреневый, слегка светящийся в тени от козырька. Он надвигает шапку ниже, наклоня голову вперёд, извиняясь:

— Простите, лэри за мою неуклюжесть! — говорит он, с прищуром улыбаясь.

Мне никак не удаётся поймать его внешность, она расплывается с каждым шагом, что он делает в сторону от меня.

— Не страшно, всё в порядке, — отвечаю рассеянно, чувствуя, как начинает болеть голова от бесплотных попыток разглядеть его.

— Удачи, лэри Елена. И будьте сильной. Вам понадобится вся ваша сила перед тем, что предстоит, — внезапно заявил он, разворачиваясь и вклиниваясь во взявшуюся из-ниоткуда толпу.

— Пойдите, что вы?.. — я поздно спохватилась, он уже исчез.

Слишком быстро и неожиданно всё случилось. По инерции, открыла калитку, зашла во двор, мучительно пытаюсь вспомнить, где его уже видела. Слышала? Знала? Почему он кажется таким знакомым?

И только нажимая на замок, поняла, что вызвало такие чувства. Его речь. Он говорил по-русски.

Дверь лично отворил сын Вельямина, Вальт. Он не изменил своим привычкам высокомерно взирая на меня всякий раз, как увидит. Окинув пристальным взглядом снизу-вверх, особое внимание уделив

моей шее.

— На тебе мужской запах. Я так понимаю воссоединение прошло успешно? — даже не поздоровавшись и не пустив за порог, холодно-язвительно поинтересовался он.

Не став миндальничать, просто со всей силой втолкнула его внутрь, чуть не уронив — он запнулся о ковёр, поэтому с лёгкостью смогла перенаправить в стену, проходя мимо и приносясь, прислушиваясь, пытаюсь почуять.

— Вельямин! — закричала во всё горло, озираясь. Не считая людского копошения на кухне в доме никого не было.

— Его здесь нет, — раздался голос позади. — Он не желает тебя видеть до окончания поединка. Щадит твои чувства?

— Знает, что будет, если встретимся, — процедила, не оборачиваясь. Мне хватило сил вернуть пальцы в прежнее состояние, не выдав когтей. — Где я могу его найти?

— А зачем? Ты получаешь то, что хочешь!

— Как будто ты знаешь, что я хочу! — воскликнула зло, развернувшись к нему лицом.

На удивление неподвижный и почти равнодушный Вальт вызвал во мне очередной приступ ярости.

— Ты ведь сам не рад происходящему! Так помоги мне найти его и прекратить этот фарс!

— И выставить моего отца непоследовательным? Сейчас?! — почти доброжелательным тоном воскликнул он. — Я очень хотел избавиться от тебя, но в нынешней ситуации меня всё устраивает. Он убьёт Армана на глазах всего двора. Любимчика короля с королевского же разрешения! Это даст нам сто очков вперёд перед остальными канальфам дальних пределов. Мы с лёгкостью донаберём людей и восстановим замок и наши границы! А ты... умрёшь прежде, чем я войти в пору зрелости. А отцу будет чем развлечь себя на старости.

Рука зачесалась влить нагледу пощёчину. Но такого он от меня не дожждётся. Буду я ещё об него руки мараить! Я лишь ухватила за самую суть.

— Почему ты думаешь, что король позволит его убить? — нахмурившись, переспросила его.

Вальт отлип от стенки, приблизившись ко мне. По его глазам сложно прочесть, о чём он думает, но и предположений не надо делать,

чтобы понять чего он хочет. Читай книги на Книгочей.нет. Поддержи сайт - подпишись на страничку в [VK](#). Чтобы я исчезла из его жизни навсегда.

— Как ты это делаешь? — неожиданно спросил он. — Знаешь, я давно живу в столице. Прислуживаю королю. Вижу его фавориток. Сотни женщин прошли за это время через замок. Волчицы, люди, полукровки. Даже две девицы королевских кровей. Ни одна не обладала тем, что есть у тебя. Ты словно магнит, не так ли? Я вижу твой список «побед». Арман, Лико, мой отец. И король. Он направил запрос на Землю, чтобы ему составили твою родословную. Кто ты и откуда. Такой интерес невероятен. Так не бывает.

— Я не знаю, — солгала и глазом не моргнув. — Хотя... может потому, что я бросаю им вызов? Отказываю каждый раз, когда они тянутся ко мне.

— Неправда, — с сомнением покачал головой парень.

Он резко наклонился вперёд, носом уткнувшись в мою шею, руками обхватывая за талию и удерживая на месте. С жаром втягивая воздух, провёл языком от мочки уха до ключицы. Закончив, оттолкнул, потрясённо прижимая руку к губам. В ужасе уставившись на меня, жестом показал на дверь.

— Убирайся! — хрипло прошептал он.

— Зачем ты это сделал? — я закрыла шею руками, напряжённо глядя на него.

— Это всё, о чём я могу думать, глядя на тебя! — прохрипел он, вызывая в себе злость. — А теперь убирайся отсюда! Чтобы я тебя больше никогда не видел! — последние слова он вынес из себя полурыком-полукриком, как толчком выбивая меня из дома.

Я пробкой вылетела за дверь, быстро покидая двор. Обернувшись лишь раз, чтобы увидеть его фигуру в проёме дверей. Чем бы это ни было, но Вальт боится меня. Боится того, что я вызываю в нём и других мужчинах. В альфах.

Мою повозку остановили на подъезде к королевскому дворцу. Не помогла символика дома Армана. Не скрыли тёмные окна от человеческого запаха. Потребовали приглашение, которого у меня не было. От отчаяния пнула колесо повозки, оставив грязный след на сапоге. Чувствовала, как время просачивается между пальцев,

ускользая. День клонится к закату, а я так ничего не добила. Валт не сказал, где его отец. От Армана тоже ничего не добиться. Я решила обратиться напрямую к королю, отчётливо осознавая к каким последствиям это может привести.

— Передайте королю, что к нему приехала Елена, — я попыталась достучаться до напыщенного стражника, который с нескрываемым омерзением смотрел в мою сторону. Он из тех, кто воспринимает людей исключительно в виде рабов.

— Я не буду ничего передавать, человеческая девка, — процедил он, глядя поверх меня. Кучер попытался вступить, но его осадили ещё быстрее.

От злости, стянула с шеи повязку, прячущую рану, показывая укусы Лико.

— Я повязана с Лико Горике! Завтра Арман Гарнто будет сражаться на ронолло с Вельямином Могронумом за право взять меня в триаду. Как смеешь ты так ко мне обращаться?! — ответила ему не менее агрессивно, вставая близко, чтобы нас разделял только его короткий меч.

Я была зла и устала. Приходилось смотреть снизу вверх, но так, чтобы казалось наоборот. И это сработало. Прозвучавшие имена сбили с него спесь и он решился передать мои слова королю.

Здесь на подъездной дорожке, в окружении деревьев под темнеющим промозглым небом, ветром, выдувающим из причёски все заколки, мне пришлось прождать почти три часа. Неоднократно пытаюсь добиться ответа от стражника, который давал лишь одно: «Ждите». И я ждала. От напряжения сходила с ума. Болели глаза, от висков к затылку носилась молния боли. Всё время чесала руки, упрямо шагая от края до края дороги. Не уйти, не передохнуть. Одно лишь ожидание.

И письмо в итоге: «Нет».

— Что это такое? — произнесла, с недоверием разглядывая лист бумаги. Одно слово и королевские вензеля.

— Король не желает сегодня видеть вас. Но будет рад предстоящей встрече завтра на рассвете в королевском саду, — расшифровал стражник, клон-близнец того, кто не пускал в замок.

Нет — значит он не будет отменять ронолло, что бы я ему не пообещала. Значит так он хочет поставить Армана на колени. Я не верю, что он даст его убить. Нет, Демьян не такой ловец мышей. Он

просто хочет поиграть сразу с несколькими мышками. Я, Арман, Вель и Лико. Четыре прекрасных игрушек, у которых так много можно отнять.

Ночь провела в объятиях Лико. Мы не спали, не занимались сексом. Даже не говорили. Просто слушали биение сердец друг друга и прислушивались к часовому бою. Ожидание — самое ненавистное действие.

Арман ушёл до моего прихода. Он не хотел говорить со мной. Я забираю у него Лико. Мне кажется, он видит во мне болезнь, которую сам впустил в свой дом. Раньше он видел во мне шанс заполучить Лико. И в какой-то мере это ему удалось, но не так, как он хотел. И со мной в довесок.

— Не спишь? — раздался голос Лико.

Перехватив его руки, легонько сжала, глядя на прикроватную тумбочку с механическими часами. В темноте стрелка терялась, но я упрямо продолжала на неё смотреть, отмеряя оставшееся время. Через полчаса встаём. Нам нужно успеть добраться до королевского сада, восход быстрый, за пятнадцать минут полностью изгоняет мрак.

— Нет, — отвечаю тихо.

— Знаешь, он предлагал мне сбежать, — неожиданно признался Лико.

Я чувствовала его тёплое спокойное дыхание на своей макушке, тяжесть тела, мягкость рук. И само собой возникало такое чувство... Как будто не было зимы.

— Сказал, что никто не знает о нашей связи. Он спрячет меня, а когда откроется портал в наш мир, то его доверенное лицо тайно переправит на Землю, где смогу затеряться. Наша с тобой связь исчезнет со временем и я буду свободен, — пересказал план Лико, и, спохватившись, добавил: — Если Арман проиграет бой.

— Вельямин всё знает, — ответила искренне на искренность Лико. — Он делает это, потому что считает Армана злодеем. Считает, что он навредит мне. И... — мой голос перешёл на максимальный шёпот: — Мы в любом случае сами будем решать, что делать дальше. Ни у кого больше нет власти надо мной.

Лико перевернул меня к себе, чтобы встретиться глазами. Он не рискнул задать прямой вопрос, только взгляд выдавал его мысли. Будь у нас больше времени, возможность остаться по-настоящему наедине, то

я бы рассказала ему всё. Вообще всё. Но здесь могли общаться только взглядами. Касаниями, в которых скрывалась связь наших тел и душ. Я так долго сомневалась в нём. Подозревала в нечестной игре. Считала, что он связан со всем, что со мной случилось. Как тени по стенам, со дна омута поднимается грязь. Я не позволила себе ошибиться. Я приняла его на веру.

— Но я не могу остановить завтра, — добавила негромко, отводя взгляд. — Я не могу скрывать своих чувств к Арману. Его призрак вытащил из лап Кая. Его видела, когда этот ублюдок пытался меня изнасиловать. Его слова слышала, когда Эльза притащила в лес. Он следовал за мной и это держало над водой. Очень долго держало. И я так отчаянно сопротивлялась всему, что слышала о нём! Он убийца с порочными наклонностями. Говорят, он убил брата, из-за него погибли люди в деревне в дальних пределах. А ещё он спал с сестрой, хотя здесь это не считается преступлением. И... он пошёл **против** короля, — я выделила слово, чтобы до Лико дошло. — Я не знаю зачем он согласился на дуэль. Не понимаю. Ронолло даёт возможность отказаться, это не самоубийство, а лишь потеря репутации. Он глава дома. Что есть репутация, когда на кону целый род? Его некому заменить!

— Он верит, что король остановит бой, когда наиграется, — спокойно отвечает Лико.

— Ты всё это знал? — потрясённо спрашиваю, понимая, что каждое слово сказанное мной было услышано.

— Многие вещи я узнал, когда был здесь. Я всегда знал, кто он.

— Но почему ты мне ничего не сказал?!

— Не успел, — просто ответил Лико. — Сначала ты не подпускала к себе, потом всё происходило слишком быстро. Я боялся, что ты сбежишь и попадёшь к Алхимику...

— Так и вышло.

Мы замолчали, каждый задумавшись о своём. Мы оба знали, что через пару часов всё изменится навсегда. Так или иначе, но нас ожидает бег. Погоня. Неопределённое будущее и решения, которые необходимо принять. Я не могу отпустить Армана, даже зная, что он делал и будет делать вновь. Не могу забыть то, что он открыл во мне, то, как он вскрыл мой мозг и проложил дорогу к тому, кем я стала. Он научил выживать. Жизни мне приходится учиться самой.

— Король убьёт его посредством Вельямина Могронума, — заговорила резко. — Я знаю только один способ это остановить.

— Нет, — выпалил он, исподлобья глядя на меня, сжимая в руках одеяло. — Это не вариант! Сама знаешь, чем это обернётся! Ты правда хочешь сыграть с королём-альфой в эту игру? Я не могу допустить...

— Через пару часов кто-то умрёт. Я не могу оставить всё как есть.

Глядя на Лико, почувствовала невероятное спокойствие. Как окунуться в ледяную воду. Всё прозрачно.

— И я смогу сыграть с королём и выиграть. Самый главный козырь — у меня на руках!

Что такое любовь? Когда ты думаешь об этом человеке постоянно? Когда считаешь дни и минуты до встречи и не можешь насладиться им? А может это одержимость? И тогда любовь — это нежность и волнение, стеснение в груди, алые щёки и невинность? Влюблённость. Но тогда остаётся равенство в чувствах и делах. Когда вы на одной стороне, и когда падает один, другой подхватывает. Когда вы преодолеваете все радости и невзгоды вместе. Партнёрство.

Я думаю, что любовь — это квинтэссенция страсти, влюблённости и партнёрства. Всё вместе в разных пропорциях даёт уникальную для каждой пары формулу любви. И от того, как правильно вы смешиваете составные и будет долговечной ваша любовь.

На выходе нас ожидала королевская повозка с тремя сопровождающими. Охрана. Понять, что за нами следили весь прошлый день и ночь, было несложно. Арман недооценил проницательность короля. Тот хотел, чтобы все партнёры нашего многоугольника присутствовали на ронолло.

Нас вели как на казнь, молча и сухо, когда на небо выступили первые предвестники весенней грозы. Зелень уже всю выбивалась из почек, буквально за ночь полностью преобразив королевский сад. Полузаброшенное место. По словам Лико, здесь ронолло не устраивали уже лет десять, а король не слишком любил эту часть своей территории. Старые каменные развалины амфитеатра, принадлежащие его далёкому предку, всё ещё хранили акустические свойства, а ступеньки, расходящиеся полукругом, не рассыпались от времени, так что за вчерашний день их успели начистить и покрыть мягкими подушками

для зрителей, коих собралось достаточное количество.

Начал накрапывать мелкий дождик, от которого скрывали аристократов высокие шатры, а от сквозняка тёплые пледы. Отовсюду звучал лёгкий смех, прислуга разносила напитки. Я не видела ни Армана, ни Вельямина, но чувствовала их запах. Они скрывались по разные стороны амфитеатра, в закулисье, готовясь драться не на жизнь, а на смерть.

Сама сцена, метров двадцать в ширину и глубину, имела несколько колонн, держащих полуразвалившийся купол. Никто не потрудился расчистить пространство сцены, она оставалась грязной и покрытой каменной крошкой и крупными валунами от одной упавшей колонны. Сквозь треснувший пол пробивалась первая весенняя зелень, а позади покрытая сетью трещин имелась голубая фреска, изображавшая волка и волчицу в паре. Как символично.

Окинув пристальным взглядом окружение, наткнулась на самый крупный шатёр. Неудивительно, что король выбрал себе самые козырные места. Рядом с ним расположилось несколько волков и волчиц. И если королю поставили удобное мягкое кресло, то его ближний круг полулёжа развалился на ступеньках вниз. Достаточно близко, чтобы видеть всё, что происходит на сцене, и достаточно далеко, чтобы не испачкаться брызгами крови.

Заметив меня и Лико, король плотоядно улыбнулся и монаршеским жестом пригласил к себе в ложе.

— Елена! — он демонстративно проигнорировал Лико, видя только меня. — Какая встреча в такой чудный день! — приторно-сладко начал он.

Нас к королю сопровождала его стража и по одному лишь взгляду Демьяна, меня толкнули вперёд, с силой опуская на колени.

— Удивительно, не правда ли? Из-за человечки состоится ронолло. Такого никогда не было прежде, ты знала?

— Ваше величество...

— Нет, не знаешь, — удручённо покачал головой он, мельком глянув на Лико. — А ты быстрый малый, не так ли? Пока альфы воюют между собой, взял и пометил её. Удобно быть бетой! Таких как ты не вызывают на дуэль. Слишком много чести. Особенно для полуволка.

От того, каким тоном он это сказал, его прихлебатели гадко засмеялись с презрением глядя на нас.

— Я хотела бы обсудить с вами нечто личное, ваше величество. Наедине, — во второй раз он дал мне договорить и даже изобразил внимание, но в конце всё равно покачал головой.

— Нет. Мне от тебя **пока** ничего не нужно. А понадобится — сам возьму, — как неразумному дитя, молвил он. — Здесь произойдёт нечто интересное. Я хочу посмотреть представление целиком!

Король хлопнул в ладоши. И мелкий говор, доносившийся со всех сторон, моментально смолк, обнажив лёгкий шелест накрапывающего дождя. Скоро с неба спустится первая молния, но пока ещё было тихо и относительно безветренно.

— Начинаем! — громко крикнул Демьян. Жестами он приказал прислуге организовать мне и Лико места подле себя. Думаю, он хочет видеть наши эмоции во время поединка.

Я оказалась по правую руку от короля, чтобы ему удобнее было касаться меня. Его отношение напоминало ребёнка, впервые встретившего щенка или котёнка. Постоянные прикосновения заставляли вздрагивать, чем ещё больше доставляла королю удовольствие.

На сцену вышли двое. Арман в ослепительно-белой рубашке и свободных брюках, начищенных ботинках, словно с фотографии из глянцевого журнала, и Вельямин в кожаных штанах, босой, в простой вручную сшитой рубахе навыпуск без всякого блеска. Они выглядели совершенно по-разному и издали отчётливо виден контраст между ними. Оба высокие, мускулистые, широкие в плечах, но Арман терялся в своём вызове, как насмешка, как пародия. Совсем неподходящий вид для боя. Я догадывалась о причинах, по которым он так вырядился, и понимала, что Демьяну понравился такой наряд. Словно несдающийся принц.

Оба сделали неглубокий поклон уважения к своему королю, а также друг другу.

Ронолло не имеет особых правил или традиций. Главное — никакого оружия или яда. Один на один. Бой идёт на смерть, нельзя только повергнуть противника, это считается слабостью. Милосердие в мире волков не в чести.

Я никогда не видела, как по-настоящему дерётся Арман, но много раз как Вельямин. Он предпочитал не юлить, а двигаться прямо, повергая мощью врага. При этом обладал достаточной гибкостью тела и

ума, чтобы вовремя повернуть обманный манёвр.

Вельямин что-то сказал Арману, издав далеко не слышно слов, и тот в ответ покачал головой, ненадолго задержав взгляд на мне, а затем и на Лико. Он поджал губы, столкнувшись взглядом с королём, ещё раз поклонился ему, вставая в стойку и готовясь драться.

— Начинайте! — вновь приказал король, выказав нетерпение. Он до боли сжал моё плечо, вызвав негромкий вскрик. От этого Вельямин дёрнулся и бросился вперёд.

Всё произошло стремительно. Только что была статика и спокойствие, и вот Арман уже делает с места сальто в воздухе, уходя от прямого удара. Он опускается туда же, где и начал, тогда как Веля ведёт инерция и он цепляется отросшими когтями за крошащиеся выступы ломающейся от старости колонны, карабкаясь вверх.

Арману требуется чуть больше времени, чтобы нарастить когти и выпустить клыки. Он даже не пытается проявить свою волчью натуру, оставаясь грациозным... и красивым?

— Красуется, — вторит моим мыслям довольный король. — Знает, что только я могу оставить это.

Вельямин бросается сверху от вновь ускользающего Армана, он передвигается по сцене по-волчьи, тогда как Арман остаётся на своих двоих. В очередной прыжок волка, он подныривает под ним, пытаясь задеть когтями брюхо, но только испортил рубашку и подставил собственный бок — Вель умудрился в полёте зацепить его когтями, гася собственный прыжок и кубарем перекатываясь в сторону. Они оказываются лицом к лицу. Вель почти полностью принял звериный облик, используя каждую секунду, чтобы продолжать трансформацию, а Арман довольствуется малым. Он уклоняется от клыков, руками отбрасывая напирającego зверя и вновь пускается в бег.

— Тебе это нравится? — раздался почти интимный голос над ухом. — Я чувствую запах крови!

Перевернув руки, увидела, что от напряжения сжала их с такой силой, что порезала ладони. Король взял за руку и быстро слизнул её, облизав губы.

— Сладенькая, — почти промурлыкал он. — Ты смотри, что творится!

Я отвлеклась на секунду, но этого хватило, чтобы на белоснежной рубашке Армана распустились ярко-красные цветы. Вельямин ещё

несколько раз достал его, пройдясь когтями по груди.

— Пожалуйста, остановите это! — закричала, не выдержав, пытаясь встать с места, но оставаясь, удерживаемая железной монаршей рукой.

— А кто сказал, что я хочу это остановить? — прошипел он.

Окружающие волки в равной степени наслаждались представлением на сцене и тем, что творилось в королевской ложе. Они видели, как побледнел Лико и как замученно выгляжу я. И как король наслаждается зрелищем. Они черпали в этом собственное удовольствие, выдавая свою страсть яркими неонами на месте глаз.

Волки сцепились на сцене, нанося поверхностные удары, пытаясь вцепиться друг другу в глотки. От сцепки их носило по всей площади, они врезались в колонны, выбивая столбы пыли. Арман вновь смог отбросить Вельямина и тот врезался в покосившуюся колонну. От удара она разломилась пополам, часть унесло вместе с оборотнем, часть рухнула и покотившись вперёд, врезалась в другую колонну, вызвав и её падение, а вместе с этим и остатков потолка. Прямо на Армана. Он не смог уйти с линии падения глыб, его частично зацепило разваливавшейся конструкции амфитеатра, роняя на пол и подгребая под собой.

Последовавшая тишина зазвенела в ушах и в этот момент из тени выскочил Вельямин. Он рванул вперёд прямо на отчаянно пытавшегося выбраться из-под завала оглушённого Армана, который просто не видел, что волк позади.

Я успела перехватить взгляд Лико, прежде чем вывернулась из рук короля и ринулась вперёд. Глазами он кричал: «Не надо!» Но разве я могла остановиться?!

Не разбирая дороги чуть ли не по головам сидевших ниже аристократов, я буквально прыгнула на сцену грудью накрывая Армана, зажимая глаза, в ожидании удара когтей.

— Уходи! — раздался полурык.

Обернувшись, увидела взбешённого тяжелодышащего Вельямина.

— Нет! Не уйду! — зло закричала в ответ. — И ты не убьёшь его!

— Елена, — прохрипел Арман, а затем попытался оттолкнуть. — Уходи... король получил свою порцию зрелищ, сейчас он остановит бой!

Я хотела было возразить, но не успела. Позади раздались громкие

голоса, но здесь на сцене, они почему-то сливались в один единый шум. В воздух поднялась взвесь от раскрошившихся бетонных колонн как туман частично скрывшая лица знати. Я видела лишь общие черты фигур. К нам вниз спустилось четверо стражников. Один из них вышел вперёд, произнося:

— Король закрывает ронолло!

— Я же говорил, — обессиленно произнёс Арман, облегчённо распластавшись на полу, больше не пытаюсь высвободить ноги. — Король не желает мне смерти.

— Приказом короля, человек с именем Елена, арестована по обвинению в покушении на убийство волка!

И в тот же миг двое волков ступили вперёд, хватая за плечи и поднимая в воздухе. Ещё двое загородили путь Вельямину, когда тот дёрнулся, чтобы остановить их.

— Да что вы такое несёте?! — возмущённо заговорил он, массой нависая над стражей.

Со стороны королевской ложи к нам спустилась ещё одна фигура. И по мере её приближения я медленно деревенела, оставив попытки сопротивления.

Это лицо являлось в кошмарах. Этот страх я надеялась забыть. Кай собственной персоной с улыбкой на устах приближался к нам, с наслаждением разглядывая удерживаемую стражей меня.

— Здравствуй, Елена. Как я рад вновь найти тебя!

*Анна Ахматова — Был он ревнивым, тревожным и нежным...

Глава 22. Скрипит, поет и разъедает плоть

Глава 22. Скрипит, поет и разъедает плоть

Я чуть дышу.

Совсем немного воздуха осталось.

Упрямства под хмурыми глазами

Воли в пальцах твёрдых рук.

Нет отступленью, как и пораженью.

Он закалил меня как меч,

Не выпуская в бой, держа поодаль,

При себе.

Чтоб в самый чёрный час восстала.

И душу дьяволу не проиграла.

— А я-то надеялась больше никогда тебя не видеть, — мрачно отвечаю, глядя исподлобья.

Кай кажется тем же, но совсем другим. Всё та же небрежная элегантность, под который скрывается настоящий зверь. Тёмно-синий в крупную клетку костюм с дорогими серебристыми запонками, короткие чёрные волосы, зачёсанные назад, часы на запястье, платочек в нагрудном кармашке. Как будто топ-менеджер крупной фирмы, стильно и безлико. Только глаза, неоновые голубые глаза как драгоценные камни сверкали на лице. И каждая чёрточка внешности выдавали усталость в этом мужчине. Глубокие фиолетовые синяки под глазами, проступившая сеть тонких вен, высохшие бескровные губы, а сам костюм висел мешком — оборотень сильно похудел с момента нашей последней встречи. И то, как он смотрел на меня, до тошноты пугало. Такое отчаяние и радость от встречи, нетерпеливость и злость, почти ненависть ко мне, за которой скрывалась одержимость.

Он было потянулся, чтобы дотронуться, но одёрнул себя, вспомнив, где находится.

— За мной, — сухо приказал он, даже не взглянув на оставшихся мужчин. Арман дёрнулся из-под камней, однако не смог и шевельнуться. А Вельямин сам остался стоять на месте, поймав мой предупреждающий взгляд, через который попыталась попросить прощения? Извиняясь за всё, что привнесла в его дом? Или же?..

В любом случае, ронолло действительно отменено. У короля появилась гораздо более интересная забава. А значит они оба останутся в живых.

Допроса не было, я лишь подтвердила Демьяну слова Алхимика и не думая скрывать правду. А больше и не требовалось. Он отдал приказ заключить меня под стражу до вынесения приговора. Не трудно догадаться как здесь поступают с такими, как я.

Вообще в этом мире нет тюрем, как у нас. Здесь предпочитают действовать по старинке — публичная казнь. Или телесное наказание включая клеймо на лбу — зрительно показать, что этот человек совершил. А за некоторые преступления вырезают целые человеческие семьи. Чтобы мстители не росли, а преступники больше думали о последствиях. Это что касается людей.

У волков есть подобие темницы, но и там пребывание ограничено. Обычно преступление заканчивается изгнанием, а там следует превращение в дикого, безумие и смерть. Дела аристократов ведёт

лично король. И они тоже не имеют двойного дна в силу связи между королевскими альфами и подданными.

А вот что делают с такими, как я? Скорее всего раздерут на части, как поступают с убийцами волков. Моя задача не допустить этого.

Чтобы помучить и разобраться во всём, король ввёл режим полной изоляции. Меня поместили в небольшую камерную комнату с минимум удобств. Видимо я всё-таки достойна волчьих привилегий, так как у меня была кровать, раковина с холодной водой, отдельный туалет за небольшой шторкой, зеркало и шкаф с небольшой коллекцией книг. От внешнего мира отделяла крепкая массивная дверь из дерева, а за ней решётчатая комната. Двойная защита, если волк вздумает бежать. Плюс здесь не было окон, темница находилась на территории дворца, но под землёй. И здесь было чертовски холодно.

Тогда, отправляясь на ронолло, я отдала предпочтение практичной одежде. Выбрала комфортное нижнее бельё, толстый свитер грубой вязки и замшевые брюки с высокими ботинками. Весной без верха это было самое оно, но здесь в этой одежде холодно, поэтому дополнительно куталась в одеяло, лишний раз стараясь не выбираться из-под него. Поэтому даже не пыталась нормально помыться в маленькой раковине, хотя и имелись мыльные принадлежности, только споласкивала рот и подмывала интимные места, чтобы совсем не запаршиветь.

Свет имелся благодаря проведённому электричеству, и сразу, как сюда притащили, один из стражников вкрутил лампочку и даже показал как пользоваться переключателем. Он не знал, кто я и откуда.

Я много лежала, много думала, совсем не спала, старательно прислушиваясь к окружающим звукам. Мне слышались далёкие голоса, периодически в окошко под дверью просовывали еду. Мясо и овощи, вода и хлеб. Три раза в день, что позволяло отсчитывать время. Часы, висящие над кроватью, давно встали, что даже успокаивало — видеть, как течёт время в месте, где его нечем занять, невыносимо.

Так прошла неделя. А потом король прислал Армана. И этого я не ожидала.

Он замер, остановившись на пороге комнаты. Перед ним предстала дрожащая грязнуля с неприятным запахом изо рта и от тела. Несколько минут он потратил на изучение комнаты, досадливо кривясь от того, что увидел.

— Нет, это совсем не годится, — заявил он резко, останавливаясь в центре. — Тебе здесь не место.

— Да ты что? А то я не заметила, решила, что теперь буду жить здесь, — очередное ожидание пробудило во мне слабое ехидство, за которым попыталась скрыть нервную дрожь. — Король решил, что делать со мной? Когда меня казнят?

— Что? — переспросил Арман, словно не понял вопроса.

Он пересёк комнату и приземлился на край постели.

— Тебя не казнят. Речь идёт о возвращении к Алхимику для продолжения опытов. Но есть варианты, — и Арман многозначительно наклонил голову вперёд, вперившись взглядом.

Следов от драки с Велем не осталось. Арман обрёл былую уверенность и властность. Но это если не присматриваться. Если не видеть скрытое в глубине его глаз. Что-то такое мелкое и вертлявое. Двигающееся очень быстро. В движениях волк сохраняет достоинство, не выказывает страх. Но он осознал, что король не собирался его спасти. Осознал, что положение при дворе шаткое. Что теперь всё будет по-другому. И ко мне его допустили только потому, что знают, — он сделает всё, чтобы доказать свою преданность королю. Он не на моей стороне.

— Варианты? — голос немного дрогнул, поднялся выше, но и только. Я выставила руки над одеялом, показывая, что мне нечего скрывать.

— Не начинай, — предупредил он, правильно поняв мой скрытый посыл. — Это сделка. Ты сама хотела пойти на неё...

— Ради тебя, — отвечаю, упрямо глядя глаза в глаза. Волки не любят прямой вызов, от него они заводятся. Становятся злее. — Я готова была пойти на это, чтобы спасти твою жизнь.

— А в замке? — пренебрежительно с гадливыми оттенками спросил он. — Там ты спасала свою жизнь. Тебе просто нужно это повторить.

— Это всё? Ты пришёл сказать мне, что король пощадит меня, если пересплю с ним? Больше ничего?

Арман отчётливо скрипнул зубами, поведя челюстью из стороны в сторону. Он побарабанил пальцами по покрывалу, раздумывая, что сказать.

— Ты уже знаешь о моей сестре, — начал он совсем не так, как

ожидала. Арман впервые отвёл взгляд, уставившись вниз, не желая видеть моего сочувствия. — Король Демьян ни разу не насиловал женщин. Не было нужды. И его мать говорила, что любая из его партнёрш может забеременеть. А что будет, если это случится с пережившей насилие? Каким родится её ребёнок? Король следовал материнскому завету. До моей сестры.

Арман замолчал, прочищая горло, выводя рукой круглые узоры, слегка вдавливая ткань в матрас.

— У нас нет браков в вашем понимании. Есть триады, но нет свадеб. Королевой становится мать королевского альфы. Моя сестра должна была стать королевой, она первая, кто забеременела от короля. Но Мирана потеряла дитя и король решил повторить. Я не позволил. И поэтому он подарил её своему врагу. Можешь представить, что он с ней сделал? Я не знаю. До меня не доходят письма, а иначе никак нельзя связаться с другой страной. У нас нет связей между государствами. Мы слишком завязаны на наших альфах, — Арман вновь постучал по простыне, подтверждая свои мысли. — Знаешь, что сказала сестра, когда мне дали проститься с ней?

— Что? — спрашиваю осторожно.

— Что я был не прав. Что Демьян никогда не причинил бы ей вреда. Что она рада была бы умереть за короля. Знаешь почему? — Арман горько посмотрел на меня, а затем вновь вернулся к своему занятию. — Потому что нашей стране нужен наследник. Потому что без наследника, мы все станем дикими. И начнётся война. Наши соседи будут воевать друг с другом и с нами, силой пытаясь привязать наши земли и волков к себе. Это больно и кроваво. И поэтому жизнь одной девушки ничего не значит по сравнению с жизнью целого государства. Ты меня поняла? — последний вопрос он отчеканил, как приказ, указательным пальцем стуча по постели.

В ответ закивала головой.

— Хорошо, — удовлетворительно выдохнул он, поднимаясь. — Лико передавал привет. Он... солидарен касательно моих слов. Доверься нам.

— Мне жаль, что иначе не получается, — с видимым смирением соглашаюсь с его словами.

— Отлично. Сегодня тебя переведут в нормальные покои. Приведи себя в порядок. Когда придёт король, тебе следует выглядеть красиво.

Не дожидаясь ответных слов, он стремительно покинул комнату. Любой, кто слышал его речь, убедится в лояльности и преданности королю. Он сказал всё так, чтобы я испугалась. Или прониклась. Не посмела отказать.

Но никто не видел, что он делал, сидя рядом со мной. Что написал, продавив сырую постель. Одно-единственное слово: «Не соглашайся».

Меня перевели в королевский дворец. Использовали самые дальние покои и поставили охрану под окнами и за дверями. Сами комнаты небольшие, всего четыре — спальня, гостиная, ванная и гардеробная. Здесь давно никто не жил, поэтому в воздухе стоял запах плесени и свежести одновременно — уборщицы забивали затхлое амбре цветочными духами. Ими же и украсили все комнаты. Сплошные ландыши и тюльпаны местного разлива. То есть синие с белым цветы в соответствии с пастельной тональностью комнаты.

Застелили постель, разложили новенькие гигиенические принадлежности. Включая определённой интимной тематики, чем весьма облегчили душу. Самое время, а то уже начала переживать, что придётся по-настоящему испытать все прелести заключения.

В пустой гардеробной комнате висело всего несколько платьев, их принесли специально для меня, но выбирал мужчина, если судить по глубокому декольте и обязательному корсету. А в гостиной стояло небольшое пианино, несколько шкафов с книгами и даже кассетный проигрыватель на батарейках. Кажется, комнаты обставляли в спешке, но пытались соответствовать моему прошлому. Книги почти все на русском и о кулинарии. Парочка английских детективов, роман Стругацких «Гадкие лебеди», и квантовая механика, чем весьма удивила своим наличием. Откуда это всё было взято?

Весь день провела, приводя свою тушку в порядок. Благодаря Арману, появилось самое главное, — надежда. И чувство, что я не одинока. Поэтому в голове потихоньку начал рисоваться план, что делать дальше. И начать нужно было с внешнего вида. Я отскоблила всю грязь, перед этим долго отмокая в ванной с эфирными маслами. Бритвой удалила все до единого волоска отовсюду, включая интимную зону. Выщипала брови, что не делала, кажется, больше года. Наделала масочек для рук, ног, лица и волос. Вымыла голову трижды, тщательно расчесав и уложив резиночками, чтобы, когда они высохли, появилась

копна кудряшек.

Я догадывалась, что за мной следят. И действовала максимально понятным способом. Дама готовится к свиданию. Дама приняла верное решение.

И когда ко мне пришёл один из охранников с ужином, я попросила его прислать горничную, чтобы помочь с женскими делами. Пришедшая девушка была старше лет на десять, но по глазам младше. Мало опыта, хоть и живёт во дворце. Что и было нужно.

— Я не знаю, как мне ещё об этом сказать, но я не могла это произнести королю вслух, мне... тяжело говорить о таких вещах, — манерно причитая, выдавая неподдельную досаду, стыдливость и даже горе. Заламывая руки, ходя по комнате из стороны в сторону, качая головой и прикладывая ладони к животу.

— Лэри Елена, что вы хотите сказать? — мягко переспрашивает девушка, понимая, что я так могу долго стонать.

— У меня эти дни начались, — и я выразительно посмотрела на неё.

Чуткий слух уловил, как что-то грохнулось за стеной. Так я и думала.

— И?.. Вам нужны принадлежности?..

— Да всё есть! — я досадливо махнула рукой. — Но как же я могу сегодня идти на свидание с королём, когда у меня всё это началось?!

Так я выиграла время для ребят. Оно нам нужно, это время. Я знала, что они планируют, понимала, что если сразу откажу королю, то мигом окажусь в лапах Кая и вернусь обратно на его базу, только уже без единого шанса на свободу и жизнь. А я не собираюсь так быстро сдаваться.

Шли дни. И в каждый из них изображала умирающего лебедя. Стонала, ставила грелки на живот, когда требовалось, резала пальцы, чтобы была кровь. Изображала всё, чтобы никто и не усомнился в моём недомогании. Но долго это не могло продолжаться. И на шестой день явившаяся служанка вместо обычной помощи, красиво уложила волосы, сделала лёгкий макияж и одела в лёгкое весеннее платье свободного кроя и кремового оттенка с длинными рукавами, но очень глубоким декольте. Вышитые серебристые журавли разлетались от талии до бёдер, подчёркивая изгибы фигуры. На мою похвалу наряду, служанка

потупилась и сообщила, что король сам его выбрал.

И оно мне тотчас разонравилось.

Стража сопровождала до дальней части замка, в трофейный зал, где уже ожидал его величество король Демьян. Интересно, как они не путаются между собой? Дедушка Демьян, отец Демьян, сын Демьян. Будто тебя и нет. Есть только имя, но не память. О чем это говорит? Наверное, поэтому многие египетские цари жили по тысячу лет, это не имя одного человека, а титул. А имя для короля не положено.

Сегодня Демьян вновь выбрал чёрное. Только пиджак по кромке обшит золотым узором — на лацканах, карманах и рукавах. На голове знакомый обруч, волосы торчат в разные стороны, а сам мужчина неподвижен. Он замер перед большим полотном в тяжёлой раме. Как только пересекла порог комнаты, стража отступила, и мы остались одни.

Не стесняясь, подхожу к королю и встаю рядом, так же уставившись на картину. Довольно привычный сюжет для нашего средневековья, но выполненный в более чёткой насыщенной манере. Я не разбираюсь в живописи, но вижу, что художник гораздо лучше понимал анатомию, чем творцы из нашего прошлого. Это передавалось в том, как он изобразил частичную волчью трансформацию на фоне гигантского могильно-чёрного дракона, заслоняющего закатный свет. Вся композиция строилась на изменении. На первом плане волк, разрывающий одежду, над ним нависает дракон с открытой пастью, из которой вот-вот вырвется пламя, а по богам волки, рвущие крылья огнедышащего зверя.

— Это первый Демьян, — нарушил тишину король.

Издали и правда заметно сходство. Те же кудри, та же форма головы и общие черты лица. Только на картине был изображён демон, оборотень, а рядом со мной стоит человек.

— Великий правитель, уничтоживший целый вид, — продолжил он. — Безумец. Убийца. Насильник. Но таким он стал не сразу. Из прошлого не вытащить правды, что случилось, но отец говорил, что проявление несовместимых генов. Дракон и волк. Могронумы ведь рассказывали тебе сказку про деву-дракон?

— Да, ваше величество.

— Тогда ты знаешь, как был создан мой род. Как первый Демьян завоевывал земли и волков. Как он передал это своему первенцу. Силу и

кровь. И тот продолжил. Великое вымирание. Отчуждение. Разрыв. Всё это делали мои предки. И поплатились. *Вырождение*, — Демьян выделил слово презрением и брезгливостью. — Мой род вырождается. И всё из-за генов дракона.

— Почему вы мне это рассказываете? — осторожно спрашиваю. И только тогда король обернулся.

— Я забрал Кая у его короля, моего врага. Спас от мужчины, которого он не желал до такой степени, что сам оторвался от семьи. Он стал диким по своей воле, это сделало его сильнее. А рядом со мной он не сошёл с ума в первые, самые сложные годы. Я дал ему цель и средства развивать свои природные таланты. Он невероятно умный парень, ему же я поручил разобраться с генетикой моей семьи. Понять, почему у нас так редко рождаются дети. И он нашёл причину. Всё дело в неизвестной ДНК. Чуждой. Предположительно, эти звенья ДНК пришли к нам от девы-дракона, что косвенно подтверждает легенду. И именно это не даёт нам детей. А если они и появляются, то полностью наследуют общее заболевание семьи.

— Заболевание? — я стараюсь быть ниже воды, тише травы, понимая, по какому тонкому льду иду. Откровенность короля не может быть просто так. Он к чему-то ведёт.

— Склонность к насилию. Поэтому мы стараемся держать свои желания в узде. Как можем, — на этих словах, король потянулся ко мне, запуская руку в волосы и вытаскивая заколку, удерживающую их в простой причёске. От распутившихся прядей, он улыбнулся, вдыхая их запах, прикрывая глаза.

— Кай влюблён в тебя, — неожиданно заявил король. — Он не хочет твоей смерти несмотря на то, что ты сделала. Я знаю, его прошлое наложило отпечаток на его настоящее, наверное, поэтому мы так хорошо ладим. Я вижу в нём себя. Он дорог мне.

— Он не просто сделал мне больно. Он забрал мою личность. И влюблён он в неё, а не в меня, — аккуратно подбирая слова, отвечаю мужчине, который слишком приблизился ко мне, нависая совсем как дракон на картине, возле который стоим.

— Значит ты знаешь, каково это быть подданным королевского альфы, — едва слышно говорит он, теряя нить беседы. Он взял меня за подбородок, поднимая голову к себе. — Я могу сказать ему нет, если ты скажешь мне да. Останешься здесь всего на месяц. А потом уйдёшь

свободной. Или...

— Стану королевой?

— Да! — горячо ответил он, обхватывая свободной рукой мою талию. — Просто подумай об этом. Я не знаю, что он сделал с тобой, что выделило тебя среди остальных его подопытных, но это привело к потрясающей реакции волков на одно твоё присутствие! Каждый оборотень рядом с тобой вскоре начинает желать тебя. Это действует даже на королевского альфу!

— И вы думаете, что это поспособствует зачатию? — мой голос дрожит рядом с костром. Мне почти больно от силы, с которой он меня сжимает.

— Я почти уверен в этом, — с жаром говорит он, впиваясь в губы.

Я не позволяю увлечь себя поцелуем. Отталкиваю его от груди, прижимая пальцы к разорванной губе — он порезал меня клыками, не желая сдаваться. И сейчас тяжело дышит, смотрит с яростью, с искрой безумия в глазах.

— Вы сами сказали, что держите свои желания в узде! — говорю, в защиту выставяя руку, сохраняя между нами дистанцию.

— Почему? — рыча, спрашивает он, сжимая до хруста кулаки.

— Это добровольная форма насилия. Либо я тебя трахну, либо Кай это сделает! Я не хочу этого. И носить волчье дитя?! Я знаю, как часто человеческие женщины умирают от этого! Нет! — я мотаю головой, почти истерично выплёвывая слова, чувствуя, как пробуждается настоящая истерика. Ведь нет лжи в том, что говорю. Он как дьявол пугает меня!

— Чёрт, женщина! — заорал он, в гневе сметая постаменты с оружейными трофеями. Волк носится по комнате, как ураган, и громкий звон следует за ним. Вокруг не осталось ничего не сломанного. Только я в центре разрушения. Тогда он подлетает ко мне замирая в миллиметре, обхватывая за плечи, тряся как куклу.

— Тебе нужен Лико? Он останется с тобой. Нужно время? Я дам тебе его. Уважение волков? Они все встанут перед тобой на колени! Золото, драгоценные камни, с земли тебе будут привозить всё, что не попросишь! И даже больше. Останься здесь и ты ни единого дня не проведёшь в страхе!

— Почему вы не можете отпустить меня?! Просто отпустить, я...

Он надавливает пальцы, ногтями впиваясь в кожу, а затем толкает

от себя. И я влетаю в картину, падая вниз.

— Ещё совсем недавно ты сама предлагала себя, ничего не прося взамен! — холодно процедил он, успокаиваясь так же резко, как закипая. Поправив манжеты пиджака, свысока посмотрел на меня. — Может мне стоит вновь устроить ронолло между ними? — заметив страх в глазах, удовлетворённо усмехнулся. — Нет. Ни одна женщина, какой бы привлекательностью она не обладала, не стоит того, чтобы так вкладываться в неё. Не хочешь по-хорошему? Значит будет по-плохому. Кай рассказал, что собирается сделать с тобой. Что же, будет любопытно посмотреть на его успехи. В конце концов, он создал из людей послушных оборотней. И за каких-то двадцать лет! Удивительный мальчик. Я буду счастлив обрадовать его хорошей новостью.

— Ваше величество, пожалуйста, — я не поднимаюсь с колен, только умоляюще гляжу на него, когда он зовёт стражу. С призрением рассматривая меня, волк почти устало произнёс:

— Ты так хочешь свободы, но совершенно не хочешь за неё платить.

Двери открылись, вошли давешние стражники, не дав мне времени подобрать достойный ответ.

— Обратно в камеру её. Хорошего отношения она не заслужила, — ледяным тоном покончил он со мной.

*Мандельштам Осип — Змей

Глава 23. Окутайся во мглу и ты, моя Луна

Глава 23. Окутайся во мглу и ты, моя Луна

Как же просто, стоя на коленях,

Молить, взывая к небесам.

Мне не дано просить

И просьбы улетают в пропасть,

Как самый первый горький крик,

Он сорван из груди молитвой,

Что кровью падает на землю.

И встреча с Богом, как с отцом,

Мной позабыта.

Моё прошлое — это настоящая пустота. Которую каждый день стираю из памяти, чтобы не вспоминать. Чтобы жить. Каждый чёртов

день. Поэтому отказываясь от щедрого предложения короля, я посвящаю этот отказ всем своим прошлым да. Начиная с первого похода в клуб. С первого укола неона. С того жёсткого невозможного счастья, от которого нельзя увернуться. Как наркоман я говорила всему да. И теперь он пытается извратить мою свободу приказом? Ловушка выбора, где выбора нет, ведь я и так давно уже свободна от всего и вся. Даже не хочу воображать, зачем ему это. Втапывать в грязь? Влезть в голову, чтобы после винила только себя?

Да пошёл он.

Возвращение в подземный каземат прошло легко. Я уже знала, что скоро всё закончится. Так или иначе, но окажусь в своём мире, найду сестру, верну её родителям, а сама... как-нибудь разберусь со всеми своими мужчинами. Арман и Лико, Вельямин и Кай. Четверо мужчин и каждый по-своему тянет на себя одеяло. Мне бы спросить себя, чего хочу. Чего боюсь. Что должна делать дальше? Сбежать в дальние пределы и забыть обо всём мире? Уничтожить Кая и спасти человечество от порабощения волками? Выбрать Лико? Или Лико и Армана? И исчезнуть из этой части обоих миров, навсегда попрощавшись со всеми проблемами?

Я забираюсь обратно в постель, с неприязнью подтягивая немного влажное от сырости одеяло. Накануне прошёл дождь, увлажнив землю, поэтому в комнате тянет стылой прохладой, поднимающей орду мурашек вверх по коже. Платье, пускай и с длинным рукавом, здесь совсем не грело. Как и тонкое одеяло, в которое закуталась с головой, оголяя пятки. Перекутавшись, оголила нос и плечи. Слишком короткое, чтобы использовать как плед. Пришлось довольствоваться серединой, постепенно покрываясь холодным потом. Мне нельзя обращаться ко своей второй половине. Я и так один раз прошла по лезвию и только присутствие большого количества волков спасло от выдачи себя. Если же здесь они почуют изменение запаха, беды не миновать. Поэтому честно тряслась, опустившись на подушку и свернувшись калачиком.

Долго ждать не пришлось. Вероятно, Алхимик, как узнал, сразу отложил все дела и помчался сюда за своей драгоценностью. Надеюсь, это часть плана. В противном случае, меня ожидает весьма долгая дорога домой.

Дверь открылась со скрипом, почти нараспашку, на пороге тёмная

мужская фигура, замершая в поисках переключателя. Свет от лампочки озарил довольного с улыбкой во весь рот Кая, который так светло смотрел на меня, будто я ему родной человек.

— Отказала королю, — прошептал он, разглядывая как причудливую зверушку.

Заспанная, приподнимаюсь на локтях, щуря глаза от яркого света. Волосы свалились из-за влаги, движения скованные, холод добрался до костей. Быстрый сердца стук, казалось, дойдёт до самого Кая, настолько резко всё случилось, хоть и ожидала его.

— Да, — мрачно подтвердила, поднимаясь выше. Было потянулось, но сообразив, насколько обнажилось декольте, сжалась, прикрываясь одеялом. — Тебя я хотя бы знаю, а вот чего ожидать от сумасшедшего короля...

Кай в ответ прыснул, рассмеявшись.

— Да ничего бы не было. Ты ведь уже спала с Вельямином. И Арманом, и Лико. Секс как способ достижения целей для тебя — проще некуда. Хорошая школа. Но я не в обиде, — он патетично и отрицательно поводит руками перед собой, скорчив довольную рожицу.

И вообще Кай выглядел невероятно счастливым. Словно вся жизнь подошла к обретению смысла. Только блеск расширенных глаз выдавал что-то большее, скрывающееся за показным дружелюбием. Веяло льдом и пламенем одновременно.

— Испугалась *залететь*? — как-то вульгарно задал он вопрос, подмигнув. — Зря. Я не делал из тебя волка, Елена. Не успел. Да это и не сработало бы с королём. Не те гены, милочка. Так что тебя ожидал головокружительный секс пару недель, потом критические дни и полная свобода выбора. Как знать, может и втянулась бы, секс с королевским альфой это нечто особенное. Как прикоснуться к источнику.

— О да. Тебе ли не знать, — не удержалась, выпалила в ответ.

Этого оказалось достаточно, чтобы он набросился на меня, сбрасывая маску, обнажая хищника. Он выволок за плечи из постели, бросил на пол, цепляя пальцами горло, вдавливая, перекрывая кислород.

— Не смей! — прошипел он. — Мне убить тебя — что помочиться.

— Тогда сделай это! — прохрипела, ногтями царапая его руку. От напряжения заболели глаза, запульсировало в ушах, рождая комариный звон. Я запрокинула голову, выталкивая язык, борясь с тошнотой и болью.

Отпуская, он ударил мою голову о землю, отваливаясь в сторону. Мой кашель пронёсся по комнате вместе с рвотой. Я избавлялась от остатков съеденной накануне еды вместе с желчью и своим достоинством.

— Я никогда не убью тебя, — раздался спокойный голос рядом.

Убрав волосы, опираясь на локтях и коленях, посмотрела на Кая, сидевшего на ягодицах, подтянувшего колени к груди, положив на них руки и задумчиво рассматривавшего пальцы, которыми минуту назад душил меня.

— Это выше моих сил, — продолжил он. — Но... ты не ты. Они забили твою голову всякой ерундой. И из-за этого никогда не смогу доверять тебе.

— Тогда зачем ты всё это делаешь? — хрипло спрашиваю, отползая в сторону и переворачиваясь на спину. Платье покрылось толстым слоем комьев пыли и грязи, утратив всю свою красоту.

— Потому что я знаю выход, — он обезоруживающе улыбнулся. — Вот увидишь, тебе понравится то, что я придумал для тебя.

Значит это мне категорически не понравится.

После эмоциональной разрядки, за ручку вышли из комнаты. Кай недовольно оглядел меня, слегка сморщив нос. Я та ещё штучка. Испачкавшаяся в порванном платье, в волосах следы от рвоты, как и на губах и щеках вместе с грязью. Представляю, как бы на это отреагировал король. Наверное, счёл бы, что именно этого и заслуживаю. Спуск обратно в помойку, где самое место такой, как я.

Но Кай решил иначе, он совершенно ничего и никого не стесняясь, провёл меня через центральные коридоры королевского дворца, давая возможность вволю постыдиться своего вида перед придворными. И позлорадствовать, видя какие рожи они корчат. Представляю, что творится в их головах! Столько шума вокруг какой-то человечки! Невиданно-неслыханно!

Кай привёл в свои покои, где отправил в ванную комнату. Я понадеялась, что там он меня и оставит, но не тут-то было. Подавив жалкое сопротивление, собственноручно разодрал на мне дурацкое платье, когтями избавив от красивого нижнего белья. По тому, как он искромсал его, были понятны мысли мужчины.

Меня готовили к сексу с королём. В этом белье я должна была

предстать перед ним. Не перед Каем. Мнение Кая — вторично. Только моё поведение нарушило эти планы. Любой мужчина был бы в бешенстве. Но злость этого волка коснулась исключительно одежды. Меня же он запихнул в ванную, и принялся с мылом тереть мочалкой кожу, отдирая любые другие запахи. Словно пытаюсь стереть моё прошлое.

Закончив, вымыл голову, подавляя всякие попытки сделать что-то самой. Его слова: «Доставь мне удовольствие», доводили до нервной трясучки, но я подчинялась, памятуя, на что он способен в гневе. И как могу ответить, если сама потеряю контроль.

— Я думал, ты мертва, — сказал Кай, медленно расчёсывая мокрые волосы. Он усадил меня на кровать, сам сел рядом, вооружившись деревянной расчёской. — Так сказала та женщина, Эльза. Я был возле того дома, чувствовал запах оборотней. Поверил ей.

— Ты убил её?

— Смерть не самое худшее, что может случиться с человеком, — спокойно отвечает он.

Расчёска скользит вверх-вниз, Кай ловко разбивает волосы на пряди, отделяет колтуны, разбираясь с ними отдельно. Я не вижу его лица, только чувствую расслабленное дыхание на своей коже и ощущаю как продавился матрас под тяжестью мужского тела. Он завернул меня в полотенце, из-за чего чувствую себя безоружной.

— Тебе ли этого не знать, — мягко добавляет он, целуя плечо и убирая расчёску, закончив.

Я поворачиваю голову, хмуро смотря ему в глаза. Он кажется живым. Лицо подвижное, от складок вокруг губ, до бровей и линии скул. Живость лица, за которой скрывается нечто тёмное. Злое. То, что он пытается увидеть во мне. Но правда в том, что видимая им агрессия, являлась проявлением моего второго я. Тем, что не могло выйти наружу, что разлагалось внутри, изредка прорываясь вспышками яркости, которые привлекли его. И теперь я обрела гармонию. А он нет.

— Нет, — отвечая своим мыслям, заявил он. — До конца я не смирился. Я должен был что-то сделать, но времени не было. И я не хотел делиться тобой с королём, не посвятил его в свои планы, не рассказал о тебе. Представь каким сюрпризом стал его запрос? Девушка со шрамом на лице, Елена Озёрова. Как видишь я успел вовремя. Пара дней и тебя бы увезли обратно за перевал, а оттуда доставать пришлось

бы годами, если вообще получилось бы. Провидение, как думаешь?

— Я думаю, что все вы не совсем здоровы, — внезапно даже для себя, заявила в ответ. — Вы, оборотни, одержимы какими-то иллюзиями любви, похоти и ненависти. Буквально строите воздушные замки там, где даже ровной земли нет. Фантазии. Игры. Даже спрашивать не буду, какое будущее ты себе придумал, следуя за мной сюда.

Лицо превратилось в маску, Кай отстранился. Ему хотелось поделиться своей удачей, рассказать, как всё здорово вышло, что мы снова встретились, да какова вероятность! Но я не разделяла его оптимизма. За всё, что он сделал со мной и другими, он был противен мне. И только одно удерживало от опрометчивого шага. Сестра.

— Уверяю тебя. У нас всё получится. Будущее будет прекрасным. Скоро сама будешь удивляться, почему так долго отказывалась признаться в своих истинных чувствах ко мне, — качая головой, говорит он с пугающим воодушевлением. Даже трагизмом.

Он складывает руки на коленях, рассматривая их, чтобы не смотреть на меня.

— Что ты сделал с моей сестрой? — это был его козырь, но я не могла не спросить.

Кай досадливо отмахнулся.

— Опять и снова! Она даже близко не похожа на тебя. Обычная глуповатая девчонка, с ней стало скучно сразу, как она открыла рот. Перепоручил её Артёму, он сам развлекается с ней, — заметив тревогу в моих глазах, усмехнулся. — Не переживай. Он не причинит ей вреда. Она одна из нас.

— Ты... ввёл ей... лимитированный неон? — прочищая горло, задаю самый больной вопрос.

Он тянется к моему лицу, осторожно прикасаясь к шраму.

— Самое удивительное в твоей внешности. След от нападения дикого волка, — прошептал он. — Что-то необычное случилось в твоём детстве, что-то такое, что выделило тебя среди остальных. Я так и не смог найти следов. Твои родители пропали, а информации о тебе нигде нет. Ты взялась у них из ниоткуда. Просто появилась, и они сразу переехали в другой город, чтобы не было вопросов. Тебя удочерили, но это тайна. Почему? И была ли ты уже со шрамом или он появился позднее? Кто на тебя напал?

— Я не знаю! — не сдержавшись, выпалила в ответ, дёрнувшись от

его касаний. Мне неприятен его интерес. Неприятно, как методично он копается во мне, запуская всё глубже и глубже свои когти.

— Твоя сестра получила неон, — ответил он, опуская руки. — И ты получишь, когда примешь меня.

Внутри всё оборвалось. Это конец. Я не знаю, что делать дальше. Как вытащить её? Избавление от обычного неона — укус кого-то вроде Лико. Это была возможность, шанс на избавление. Но трансформация... Нужен тот, кто не уступает в гениальности Алхимику. И долгие годы на противоядие. Это миф. Это конец.

— Этого никогда не будет, — обречённо отвечаю, устало глядя на него. — Ты отнял у меня сестру, но со мной так не получится.

— Почему ты больше не боишься меня? — недовольно спрашивает он. — Как будто ты это больше не ты. Только внешность осталась и какие-то рефлексy из прошлого. Но что-то стало другим. Что случилось в дальних пределах?

— Я пережила красное полнолуние и нападение дикой стаи. Тут ты либодохнешь, либо выживаешь, — говорю флегматично, искоса глядя на него.

Теперь он смотрел как на неведомо-зверушку. Будто отрастила вторую голову или заговорила на мёртвом языке. Но было бы глупо надеяться, что он так просто откажется от своих планов.

— Это ничего не меняет, — заявил он, поднимаясь. — Твой опыт пригодится в будущем, так что я рад, что ты смогла через это всё пройти и стать сильнее. Ладно, одевайся, через час выезжаем к порталу. Совсем скоро ты вернёшься домой, Елена!

Мне досталось в меру приличное платье, плотно облегающее фигуру, но без откровенного декольте. Волосы убрала в очень тугой мокрый пучок, чтобы не мешались, а на ноги удобные сапожки с маленьким каблучком. Хотя в этом Кай предоставил мне выбор.

Я нервничаю сильнее, чем когда-либо. Сейчас полагаюсь на своих ребят, вновь делая то, что обещала себе никогда не делать — вверять свою жизнь другим. Если их план не сработает, я окажусь на базе Алхимика, с которой даже будучи волчицей почти невозможно сбежать.

Кай объяснил, что нас доставят к дальнему порталу, который по карте России должен выбросить в Москву, откуда на частном самолёте прилетим на базу, где уже бывала однажды. Он очень надеется, что

буду хорошей девочкой и не доставлю проблем. В противном случае накачают снотворным и вновь доставят туда без сознания.

Расположившись в небольшой крытой повозке, рассчитанной на двоих, бросила прощальный взгляд на королевский дворец. Как бы там ни было, но это не то, что забывается. Я была в настоящем дворце! Пускай это место грязное и страшное, король домогался меня, а придворные просто ненавидели, есть то, что останется со мной. Сама история этого мира, звучащая как сказка. Злая сказка, но всё-таки... дева-дракон, замки и чудовища, короли и дикие, порталы и тропы. Легенды, предсказания, чудеса. Всего этого мой рациональный мир лишён.

Как-то Арман рассказывал о прошлом миров, он упоминал, что и люди когда-то могли трансформироваться в существ. Это воспоминание такое редкое среди волков, что о нём почти забыли. Но говорят, что люди моего мира становились берсерками. И выглядели почти как обезьяны, свирепые проворные твари. Но эта история лишь миф, осколок, быль. Правда среди людей иногда рождаются способные становятся безумно-сильными в момент ярости, но разве это может служить подтверждением этих сказок?..

— Нервничаешь? — спрашивает скучающий в дороге Кай.

Он успел переодеться, отдав предпочтение белоснежной рубашке и брюкам, а сверху надел лёгкое пальто — дождь шёл который день, наступая грозowymi тучами с морского горизонта. Мы ехали по пустой дороге вдоль побережья, с правой стороны крутой обрыв, где внизу бились о камни волны, а с левой шумел пробудившийся лес. За время моего отсутствия зелень полностью покрыла деревья и к нам подступило лето. Какое-то проклятие! Я только-только встречаю лето, только-только успеваю насладиться теплом, как меня перекидывает обратно в зиму. В Москве будет ноябрь, промозглая и продуваемая северными ветрами осень, а конечная точка и вовсе порадует настоящей снежной зимой. Просто блеск.

— В прошлый раз переход состоялся легко. Всё вокруг покрылось снегом, а деревья словно перевоплотились в свои зимние версии. Так что нет, — равнодушно пожала плечами.

Портал располагался возле уходящей к морю скалы. Так было удобнее драконам, да и в древности здесь не было леса, а было

небольшое поселение, что-то вроде таможни между мирами. Кроме портала в человеческий мир, здесь располагались порталы и в несколько других миров, но их уничтожили с тех сторон, когда волки начали убивать. Иные оборотни не желают иметь ничего общего с этим миром. Хотя говорят иногда их видят на Земле. Редко, но встречаются лис и кошек. Однако те никогда не вступают в контакт, предпочитая скрываться от волков. Арман считает, что они наблюдают за волками, боясь, что дикие вновь начнут истреблять иные виды, как это случилось с драконами.

— Сейчас будет почти также, но более буквально, — заговорил Кай. — Портал — это дверь, открываешь и переходишь в иной мир. Дверь сделана из камня, в Москве она откроется под землёй, в канализации, так как город сильно поднялся с тех пор. Это самый компактный вход на Землю в Москву из имеющихся, плюс он довольно стабилен и мы можем прождать открытия максимум час или два. Другие работают по расписанию и предназначены для транспортировки грузов, поэтому туда сложно втиснуться.

— Здорово вы всё наладили. Расписание, график, удобно таскать вещи из моего мира, не так ли? А в обмен полезные ископаемые? Драгоценные камни?

— Об этом лучше спросила бы Армана, — холодно ответил он. — Этим он развлекается почти двадцать лет с тех пор, как сместил Луку. Я появился в этом королевстве позже этих событий, но видел, как они цеплялись друг к другу. Интересная история. Их семьи враждуют, но что-то держит рядом. Что-то связывает их, как цепь. А потом появился Лико.

Кай нагнулся ко мне, внимательно рассматривая место укуса.

— Неприятное украшение, — задумчиво произнёс он. — Придётся с этим что-то сделать. Жаль, что ты поспешила вновь соединиться с ним. Без этого укуса всё прошло бы... менее драматично.

— Это ты о чём? — моментально напряглась, отстраняясь от него и непроизвольно прикрывая шею.

— Потом поймёшь, — он улыбнулся, возвращаясь на место и оборачиваясь к окну.

Темнело. И в темноте что-то происходило. Нашу повозку сопровождали две кареты охранников, спереди и сзади, в качестве меры предосторожности. Кай не хотел рисковать, поэтому подготовился по

максимуму, нарушив негласный запрет на огнестрельное оружие в этом мире, вооружив им своих телохранителей. Среди них не было неонизированных, обычные волки из этого мира, с которыми он перемещается отсюда-туда и обратно. Негласные соглашения от короля, чтобы Кай помнил, кому он всем обязан.

Взглядом постоянно тянулась к окну с видом на лес. Высокие хвойные деревья впотьмах совсем терялись, представляя собой единую чёрную массу, едва-едва подсвеченную уходящим за лес серым от дождя солнцем. Я не знала, что именно не так, но чувствовала, как магнитное давление, волной проходящей сквозь меня. Давит то слева, то справа, то едва касаясь, то прямо сквозь сердце. А вот Кай совсем ничего не чувствовал. Он дремал, прислонившись к стенке, качая головой каждый раз, когда колесо налетало на очередную ухабу.

Напряжение становилось сильнее, я чувствовала, как оно буквально выпирает наружу, и только тогда мужчина завозился, просыпаясь.

— Какого... — только и успел сказать он, когда невидимая пружина лопнула и над лесом пронёсся волчий вой.

Всё случилось так стремительно, что мы не успели ничего понять, крики, скрежет, всё ухнуло вниз, а нашу повозку накренило влево, переворачивая на бок. Я больно приложилась головой о борт, чувствуя, как что-то хрустнуло в плече. Но не успела опомниться и под дикое лошадиное ржание, нас потащило к лесу, вновь переворачивая да так, что повозка встала кверху-ногами.

— Елена! — закричал Кай, потянувшись ко мне, и что-то с силой продавило крышу, разделяя нас друг от друга. Я видела, как сидушка разломилась и рухнула ему на голову, выбивая сознание.

Оказавшись на воздухе, на карачках поползла в сторону, даже головы не поднимая, как что-то стиснуло ногу и перевернуло в воздухе, больно приложив о землю.

— Не трогай её! — раздался позади голос и меня тотчас же отпустили.

Приподнявшись, в темноте с трудом разглядела общую картинку. Другие повозки отсутствовали. Их сбросило в воду, а нашу развалило на две части. Лошади мертвы, над ними нависают тёмные волчьи тени, когтями дырявящие туши. Кая завалило под обломками и он лежит без движения. А я оказалась рядом с Арманом и Лико. И другими волками, от которых так и несло дикостью.

Арман не стал церемониться, он быстро подошёл ко мне, обхватывая лицо руками и притягивая к себе, вдавливая пальцы в кожу. Его волновал только шрам да так, будто прежде его никогда не видел, он чуть ли не обнюхал его, изучая по миллиметру.

— Да в чём дело? — от шока не сразу опомнилась, отталкивая его в сторону. Все вокруг замолчали. Я пытаюсь поймать взгляд Лико, но он упорно не смотрит мне в глаза.

— Что происходит? — я видела, что всё плохо, но не понимала, как именно. Не понимала, как им удалось привлечь диких, да и откуда они здесь взялись?! И почему все так смотрят на меня?

— Я даже не предполагал, — начал говорить Арман, сам не веря своим словам, сомневаясь в них, медленно выдавая по предложению. — Когда к нам обратился отец Лико с предложением помощи... Мы не думали, что всё будет так.

— Мы не знали, кто ты, — добавил Лико, опуская голову.

— Я не думал, что ты окажешься частью всего этого, — продолжил Арман, обескураженно рассматривая меня.

— О чём ты говоришь? — спрашиваю, тихо отступая назад.

— Нас прислал твой настоящий отец, Елена. И сейчас по дикой тропе, мы должны доставить тебя ему.

*Шарль Бодлер — Одержимый

Глава 24. Без имени вошел ты в мир

Глава 24. Без имени вошел ты в мир

Хочешь я стану птицей?

Что так упрямо возвращается к тебе

Захочешь — перестану биться.

И латы сброшу, собакой лягу

К твоей ноге

Мне больше не во что рядиться

Мой маскарад окончен и конец игре.

Я перестала на хозяев злиться

Отныне покоряюсь злой судьбе...

Хотелось бы сказать, что мне всё равно. Что я ничего не чувствую, только безразличие к волку, который породил меня, а затем убил мать и искалечил моё лицо. А что ещё должно быть от ожидания встречи с ним? Волнение, страх, надежда? Даже если услышу правдоподобное

объяснение тому, что он сделал, маму это не вернёт. Как и годы, проведённые в неведении. Мы чужие друг другу, а кровь — что вода, ничего не даёт. Мы не станем родными, ведь я выросла среди других людей. Другого мужчину называю своим папой. Другая женщина стала мне матерью. К родным по крови испытываю только любопытство. Ведь именно его кровь спасла от смерти. Именно его кровь дала силы преодолеть всё то, через что пришлось пройти. Именно его кровь превратила в волка и сделала мою жизнь совсем-совсем иной. Так **благодаря** или **из-за**? Вот тот вопрос, который задаю себе каждый раз, когда думаю об этом. Всё происходит из-за того, что я его дочь? Или благодаря этому смогла выжить среди волков? Скоро узнаю ответ.

А пока смело беру своих мужчин за руки, следуя за ними по волчьей тропе, дрожащей изнанке леса, меняющейся с каждым шагом.

Много позже, задаюсь вопросом, почему тогда не сделала то, о чём мечтала долгие месяцы. Почему не убила лежащего в бессознательном состоянии Кая? Он был так беспомощен. Так открыто была обнажена его шея. Один удар когтём по выпирающей вене и кровь сама покинет его тело, выгоняя душу. Одно движение, никто не осудит и кошмар закончится. Но я не смогла.

В памяти всплыли кадры, как из фильма, когда я хотела убить людей, будучи под его влиянием. Вспомнила как жаждала их смерти и это напугало. Я испугалась. Убивая монстров, сражаясь с животными, не испытывала страха, но рядом с поверженным врагом, ощутила цепкие лапы игольчатых вопросов — кем я стану, убив разумное существо? Он мой враг, но не превращусь ли я в такого же, как он, убив беззащитного? Кай когда-то тоже был несчастным. Был жертвой. Всё начинается с малого.

И тогда я отвернулась от него, отказалась от своих планов, шагнув вперёд. Я думала, что поступаю правильно. Что, встретив отца, увижу иной путь. Получу иную судьбу. Мне виделись мечты, где освобождаюсь от всего этого дерьма и выхожу из игры.

Что же. Я ошиблась.

На деревьях мягкие комья мокрого снега, каждый ствол укутан в белый полушубок, расходящийся вдоль ветвей. На заснеженную перину падают новые мелкие хлопья белой крупы, разносимые лёгким ветерком. Невидимый путь быстро вывел нас на проторенную дорожку,

шириной метра два, с незаметной колеёй, по которой явно ходят на сани. Здесь сумерки уже перешли в глубокую, безлунную ночь, с тяжёлыми серыми облаками, за которыми прячутся тусклые звёзды.

Нас встречают факелы вдоль пути, освещая дорогу в укреплённую крепость, окружённую кольями из деревьев и невысокой оградой, за которой скрывались небольшие бревенчатые домики. Это место чем-то напоминало лагерь диких, но, в отличие от них, здесь всё строилось с расчётом на годы и десятилетия проживания. Территория ширилась, лучами расходясь от центрального двухэтажного дома, построенного на высоком фундаменте с лестницей и козырьком над входом. Остальные домики были попроще, одноэтажные, сколоченные с покатыми крышами и низким входом, впотьмах не могла толком рассмотреть их.

Ворота открыли тотчас, как наша компания вышла из-за угла. Из-за снега, осенние сапожки скользили, и я поминутно оступалась, теряя равновесие и поэтому последние минут двадцать пути, Арман нёс на руках, укутав в тёплую шубу.

За воротами, на страже которых стояло несколько сурового вида волков, дорожка была вытоптана ещё глубже, а поверху покрыта толстым слоем песка, обозначая тропинки к домам. Вдоль выставлены фонари, с огнём внутри, давая ещё больше света. Так я разглядела человек пятьдесят волков, вышедших на голоса, замерших в дверях хижин. Все мужчины, за исключением нескольких женщин, одетых в кожаные костюмы, совсем как Хельга. Каждый взгляд направлен на нашу троицу, возглавлявшую небольшой отряд. Чуть поодаль от нас шёл командир отряда, некто по имени Коваль, дядька, явно недовольный моим существованием. Его во мне не устраивало решительно всё. Но приказ есть приказ, поэтому он доставил нас в самое сокровенное место — главную резиденцию нового вида диких. Тех самых, что недавно нападали на дальние пределы. К тому самому волку, кто отдавал приказ сделать это. Моему отцу.

Арман отпустил меня, как только остановились перед входом в главный дом. Ожидание не затянулось и через минуту входные двери открылись и наружу вышло несколько мужчин. Я знала двоих из них — Лука Горике и... Вельямин Могронум. Мне пришлось подавить негромкий вскрик, но сердце забило сильнее, что не укрылось от недовольного Армана, с силой сжавшего мою ладонь. Лико, вставший рядом, положил руку на плечо, выдавая поддержку.

Я сразу поняла, кто здесь главный. Кто из всех вышедших мой отец. То, как он двигался, с какой грацией и силой, как выделялся на фоне остальных, как другие выделяли его. Его глаза, смешливые, но и злые, его слегка выющиеся волосы, небрежно взъерошенные правой рукой. Все жесты, каждый дружелюбный, будто он рок-звезда, идол для них всех.

Мой отец красивый мужчина. У него густые брови, уголками выступая на лбу возле висков. Глаза голубые с янтарями вокруг зрачка, губы очерчены, выдаются вперёд, соразмерно с прямым носом и низкими запавшими скулами. У него широкий лоб и тёмные волосы, небольшая борода над верхней губой, трапецией расходящаяся к краям губ, создавая лёгкую полуулыбку, даже когда он не улыбается. Возле глаз сеть морщинок, как и на лбу, отмечая, как часто ему приходилось хмуриться.

Его одежда — смесь меха и кожи красного цвета. На груди амулет, в темноте отмеченный серебром, не разобрать, что он изображает. В целом, волк создавал образ власти и силы, легко показывая, кто здесь хозяин. Ему хотелось выглядеть добрым повелителем, но я чувствовала силу, исходящую от него. Видела, как она подавляла каждого из них, и все обычные волки опускались вниз, поворачивая головы, обнажая шеи. Точно также он влиял и на моих волков, так что оба разошлись в стороны, опускаясь на колени, склоняясь перед ним. И, наконец, когда отец вышел вперёд, остановившись в нескольких шагах напротив, чтобы лучше рассмотреть, он направил свою силу на меня.

Это давление было знакомо. Оно расходилось от шеи вниз, двигаясь вдоль плеч и спины, по загривку вверх, болючей щекоткой сползая по рёбрам к бёдрам. Сначала действовала мягко, почти без силы, слегка принуждая, чтобы сама подчинилась и опустилась вниз, но не получая согласия, начинала действовать как пресс, захватывая каждую клеточку тела, распространяясь и довлея везде, где проявлялась. Она пыталась превратить меня в марионетку на шарнирах, лишая подвижности, оставляя только один вариант действия. И под конец как шёпот: «Склонись и подчинись».

Этого хватило, чтобы я разозлилась, тотчас вспомнив все случаи, когда склонялась и подчинялась. Одно движение, одна мысль, но из сердца, волной разлетевшейся по телу, выдавила всё чужое, разбив давление и заставив волка качнуться от обратного удара.

— Нет! — громко сказала на русском, сжимая руки в кулаки и расставляя пошире ноги. Я была готова биться за свою свободу, как если бы от этого зависела моя жизнь.

И он улыбнулся. Спало напряжение среди волков. Он его снял, с удовольствием разглядывая взбудораженную меня. И не спрашивая, быстро сократил расстояние между нами, прижимая к груди, обнимая, проводя рукой по волосам.

— Дочка, я так рад, что ты, наконец, дома, — чисто заговорил он по-русски.

У отца была два имени, волчье и человеческое — Деймон и Дмитрий.

История начала в нашем мире. Шёл 1938 год, шестнадцатилетняя Мария из простой крестьянской семьи, где росло восемь детей, отказалась выходить замуж за парня, которого сосватали родители. Дело происходило в глухой сибирской деревне, где некому было защитить девушку от нежеланного брака, а родители хотели спихнуть взрослую деваху, лишний рот, да и засиделась в девках!

Поэтому девушка решила бежать, понимая, что житья ей не дадут. Вещей своих почти не было, да и не хотела она привлекать внимание. Ушла ночью, оставив записку, рассчитывая дойти по дороге до станции и, если повезёт, сесть на поезд в крупный город. Если нет — идти пешком, подрабатывая, коли работу какую предложат. Она была обычной девчонкой, мало знавшей о мире за пределами деревушки. Неудивительно, что она заблудилась. В ночи не было света, не было луны, она шла почти наощупь и прошла сквозь портал.

Мария испугалась, она шагнула из лета в зиму, одетая в лёгкое платье, совсем простые ботиночки, с простой красной шалью. Её никто не ждал в мире волков, она кружилась на месте, боясь и шагу ступить, думая, что это леший запудрил ей мозги. Вскоре на неё напал странный зверь, похожий на гигантскую ящерицу, девушка побежала от него со всех ног, но силы были не равны. Монстр быстро настиг несчастную, сбив языком, готовясь клыками вспороть тельце, когда на него напали волки. Охота была в разгаре, оборотни несколько часов преследовали тварь, и появление девушки отвлекло зверя, что позволило им напасть и зарубить монстра на месте. Так Марию спасла королевская охота. Так она встретила короля Демьяна. Отца нынешнего Демьяна.

Королю понравилась русская девушка, поэтому он соблазнил её, и всю охоту она провела подле него, пока они не оказались в Корнголик-ане. Король предлагал девушке отправиться вместе с ним в столицу, чтобы перенести через обычный портал домой, но она отказалась. Девушка хотела остаться вместе с возлюбленным, да и дома никто не ждёт. Тогда вскрылась досадная новость — у короля была невеста. Эта поездка по дальним пределам — повод укрепить власть на местах, напомнить подданным о короле, усилив влияние. И королю нравилось охотиться на монстров и трахать селянок. В этом он не отличался от других королей.

Сердце Марии было разбито, она осталась под присмотром канальфы семьи Могронум, отца Вельямина. Казалось бы, история должна была на этом и закончиться. Демьян женился, его жена, дочь короля соседней страны понесла ребёнка, но вести из дальних пределов вынудили мужчину отправиться в пути почти накануне новой зимы, бросив мать своего нерождённого ребёнка. Ведь там, в дальних пределах, другая девушка вот-вот должна была родить. Случилось чудо — человеческая женщина забеременела от королевского альфы. Король-альфа всего знает, каким будет его ребёнок. Приложив руку к женским органам, он чувствует — родится девочка или мальчик, и, если мальчик, будет ли он особенным. Демьян не успел — сын родился до его приезда. И он оказался тем самым. Как и ребёнок, которого он оставил.

Немыслимое. Запретное. То, что способно разорвать его страну на части, и вызвать войну с соседом. Успей он до родов, смог бы поднять руку на Марию, убив обоих, но стоило увидеть сына, как отец не смог этого сделать. Тогда он призвал верных спутников — Луку, главу семьи Горике, и готовящегося сменить отца — Арана Гарнто. Он велел им переправить Марию и мальчика в мир людей, спрятав от посторонних глаз в надежде, что это сохранит силы сына в тайне. А прикрытием для волков стало налаживание контактов и обмен с миром людей. Рядом с маленьким Деймоном посадили погодок — Армана и его сестру Мирану из семейства Гарнто, чтобы отслеживать особенности его характера и следить за тем, как он растёт. Мальчик очень сблизился с ними, но больше всего доверял Арану, почти заменившему его настоящего отца.

А его отец единожды вмешался в жизнь сына, в день полового созревания, вернул мальчишку в мир волков, чтобы парень превратился в волка. Он потратил все силы, чтобы заглушить превращение, чтобы

никто не почувствовал силу парня. Через месяц, Демьян сложил с себя корону, передав её своему другому сын, новому Демьяну, новому королю-альфы. А ещё через месяц умер, вроде от старости, но никто не знает, как это случилось, кроме его сына.

Дмитрий вырослел и не собирался ничего менять. Его не тянуло в мир волков, его не интересовало превращение в волка, он и не знал, как повлиял на своё окружение. Не знал, что все волки, с кем он дружил, освободились от влияния Демьяна. Именно поэтому Лука так легко увеличивал своё состояние. Другое дело Аран, который чувствовал, что происходит и потому отправил брата и сестру обратно в мир волков, чтобы они росли среди своих и не лишились связи с королём. Если бы он знал, чем это закончится...

— Я всего этого не хотел, — в какой-то момент повествования, Деймон обратился ко мне напрямую.

В целом здании мы были вдвоём. Никто не должен был слышать, о чём мы говорим. Поэтому все волки разместились в других домах, а меня Деймон отвёл в гостиную, куда его личная служанка принесла холодные закуски и горячий чай, чтобы я могла подкрепиться с дороги. После девушка ушла и отец начал рассказывать всё то, чего мне так не хватало. Истории своей семьи.

— Веришь? Я очень любил твою маму. Я не хотел того, что случилось. Когда Лука заговорил о большем, чем у нас было, я ушёл, оставив его. Начал путешествовать, легко меняя личности. Моя сила проявлялась и на земле, что позволяло просто пересекать границы. Я и не догадывался, что так проявляется второй талант — открывать новые тропы диких. А потом встретил Надежду. И полюбил её всем сердцем. Познакомил с мамой, которой уже было около восьмидесяти. Именно Надежда помогла пережить смерть твоей бабушки. Поженившись, мы поселились в глуши, так как я боялся, что жизнь в крупном городе может быть слишком опасной для такого как я. Моя сила иногда выходила из-под контроля. Сильные эмоции вскрывали что-то дикое внутри, а на природе было легче. Там, среди снегов и непролазных лесов, мог иногда превращаться в волка и охотиться, сбрасывая напряжение.

Он замолчал, задумчиво уставившись в никуда, положив голову на руки, сомкнутые в замок.

— Они пришли в новогодний вечер. Я никогда не скрывался от

волков, они вырастили меня, воспитали. Лука что-то хотел объяснить, он не доверял Арану, пытался вывести на разговор по душам. Аналогично поступал и Аран. Я так хотел поговорить с последним о том, что случилось с Арманом и его сестрой, поэтому отправил Луку встречать Надю с работы, мотивировав его помочь закупить продукты к столу, ты ведь ещё совсем маленькая была, всего несколько месяцев от роду, оставлять одну нельзя. Я не особо был рад компании волков, но знал, что ни Лука, ни Арана не причинят тебе вреда. Я не знал, что сделаю это сам.

Волк с сожалением посмотрел на моё лицо, взглядом пройдясь от брови до подбородка. Стыд выступил вперёд, выдав как больно ему видеть меня такой.

— Я не знал, что Аран уже переметнулся на сторону Демьяна и всё ему рассказал. Не знал, что тот пришлёт своих верных волков, чтобы они убили меня. А для облегчения дела, Аран подмешал в мой напиток аконит.

— Лука и твоя мама приехали раньше. Они застали меня в момент дикости, когда я уже не соображал, что происходит вокруг, сжимая желания до простых инстинктов. А самый главный инстинкт — охота, — Деймон вновь остановился, давая мне время подготовиться.

— Надя задавала много вопросов. Она видела, что со мной не всё в порядке, но не понимала, что не так. Я помню вопрос за вопросом, помню, как это разозлило, как попытался влезть Лука, как Аран приказал Наде брать ребёнка и уходить. Помню, как они подходили ко мне, с двух сторон. А потом ты заплакала, — Деймон, скрестил руки на столе, при свете тусклых керосиновых ламп, его лицо совсем почернело от тяжких воспоминаний. Он перевернул пальцы, уставившись на них. — Я бросился на тебя, но Надя загородила собой, только коготь прошёлся по лицу, а Наде досталось сильнее. Лапа прошла по груди, вспоров одежду, остановившись у плеч. Это последнее, что запомнил. Остальное досказал Лука. Он сумел оттеснить меня от теряющей сознание женщины, когда на меня напал Аран. Лука решил вытащить Надю и тебя, он затащил вас в машину и вывез с участка, оставив меня разбираться с Араном. Он не знает, чем дело закончилось у нас. Он не смог увезти вас далеко — машина врезалась в дерево, из леса вышла стоя вместе со мной во главе. Я переманил волков, но не вернул разум. Одержимый охотой, я увёл за собой Луку и мы потеряли часы,

мигрируя между мирами. Эта дикость сродни дикости моего предка, первого Демьяна. Никогда не думал, что окажусь способным на это. Что смогу создать новую дикую тропу. Луке удалось выбраться из-под моего влияния. Он вернулся в деревню, где нашёл останки Арана и узнал, что Надежда с тобой на руках прошла почти десять километров полуголая по заснеженной трассе в новогоднюю ночь, прежде чем один дальнобойщик увидел её и довёз до больницы, где она скончалась. Лука приходит туда и ему сообщили, что ребёнок умер от переохлаждения и уже был кремирован. Ему показалось странным, что всё так быстро произошло, но ему предъявили соответствующие документы и он был вынужден отступить.

— Я знаю об этом, — впервые ответила ему. — Мой... приёмный отец рассказал, как удочерил меня. Сказал, что Надя просила спрятать меня, считая своего мужа монстром. Она всё запомнила и папа последовал её последней воле.

— Он забрал тебя у меня, — тяжело сказал Деймон. — Ты росла среди чужаков, в мире, где никто не знает тебя. Твои мужчины говорили, как непросто тебе было выжить.

— У меня были хорошие учителя. И твои гены помогли, — я вытянула руку, немного выпуская когти. — Хотя возможно именно из-за них, у меня и было столько проблем.

— Не говори так. Ты даже не представляешь, как уникально то, что случилось с нами. Я первый королевский альфа полукровка, ставший омегой, ставший диким королём-альфой. А ты первая королевская альфа женщина. Ты можешь иметь детей, при этом полностью превращаясь в волчицу. И волчьей крови в тебе всего четверть. Это невероятно. Твоё настоящее имя — Демьяна, как и моё — Демьян, а не Деймон. У этой традиции имени есть веская причина и когда-нибудь, ты узнаешь почему всех правящих членов нашей семьи так называют.

— Я думала у всех королей есть родовое имя?

Деймон покачал головой.

— Я рассказал тебе лишь часть истории. С этим можешь сама решить, чего ты хочешь. Но если ты выберешь остаться со мной, то узнаешь намного-намного больше и о семье, и о нашем прошлом. Я научу тебя открывать дикие тропы, путешествовать между мирами, покажу как огромен мир и когда-нибудь, когда верну трон, ты станешь моей наследницей, как первый ребёнок — королевский альфа.

У меня язык не повернулся назвать подходящий титул. Просто стало неудобно рядом с этим мужчиной. Я не чувствовала его как отца. Не видела в нём себя, хотя черты лица схожи. Мы родные по крови, но я не знаю его. А то, что он предлагает слишком масштабно для такой, как я. Я не умею так широко и далеко мыслить.

— Ты идёшь против Демьяна, своего брата? — осторожно задаю вопрос, напарываясь на злой прищур глаз.

— Он этого захотел. У меня была семья, дом и будущее. Я мог выбрать жизнь человека. Конечно, мне пришлось бы покинуть Надю, когда разница в возрасте стала бы слишком велика, но мир людей огромен, я нашёл бы куда отправиться. И у меня была ты. Маленькое продолжение нашей с Надей любви. Я хотел открыть тебе мир, смотреть как ты взрослеешь, готовился показать мир волков, чтобы увидеть, как ты впервые примешь вторую ипостась. У меня было столько планов и они не касались волчьих игр. Но Демьян решил убить нас. И у него это почти получилось. Он не знал, что я могу силой забирать его подданных, не знал, что есть способы превратить волков в диких, не знал, что я смогу бросить ответный вызов.

— Алхимик! — как громом поражённая воскликнула почти невпопад. Мысли ускакали дальше его слов. Я поняла, что делал Демьян. — Неон — это наркотик, с помощью которых он создаёт новых подданных?!

— И я не могу ими управлять, — кивнул Деймон, брезгливо морщась. — Уже двадцать лет у нас шаткое перемирие, где он наращивает силы, и я множу своё войско. Демьян не может в открытую заявить обо мне, это может привлечь других королей, это пошатнёт его собственную власть. Поэтому мы воюем втихую.

— Дальние пределы. Я видела, как ты это делаешь, — поджав губы, согласно кивнула. — Почему здесь Вельямин? Он не дикий!

— Он твой, — просто ответил Деймон. — И мой. Поэтому я пригласил его, зная, что он захочет увидеть тебя.

Я побарабанила пальцами по столу, подходя к главным вопросам. К тому, как поменялась моя жизнь. Когда отец рассказал мне всё, что успел узнать от Армана, я рассказала о том, что случилось в лесу, когда я перешла. И, к сожалению, ответ меня не порадовал.

— Арман, после смерти и предательства брата, провёл собственное расследование, но не смог ничего узнать. Король не допускает его до

своих секретов, поэтому понять, как всё произошло, не получилось. И король не выдал его брата, поэтому Арман отстранился ото всех. Он принял дела от Луки, которого изгнал король, и даже нашёл время объясниться со мной, но затем ушёл и полностью занялся работой и собственными делами. Он начал возвращаться только когда встретил Лико. А через несколько лет, узнав о неоне от парня, стал помогать ему создавать лекарство от этого наркотика. Я помню тот день, когда Арман сообщил, что в его доме появилась девушка, сбежавшая от Алхимика. Тогда не сопоставил факты, даже в голову не пришло, что ты можешь быть моей дочерью. Неон не действует на волков, Елена. А на тебя подействовал. Это сбило, хотя шрам должен был насторожить.

— Так ты отдал приказ Райво убить меня? — нерешительно спросила, решив, что так он оправдывается за свои действия.

— Я не знаю, кто отдал приказ. Не знаю, кто такая Эльза и почему она доставила тебя в то самое место. Более того, я сам не знаю, где находится это место в мире людей. Райво мёртв, а его жена не знает, с кем говорил муж. Он держал многие вещи в секрете, не считаясь с мнением собственных членов стаи. То, что случилось с ним, закономерный финал, — Деймон удручённо покачал головой. — Наша дикость — это отсутствие порядка. Они, — мужчина указал рукой на окно, в сторону остальных домов, — все служат нам. Но не так, как Демьяну. У них есть свободная воля и я не могу приказать им, что делать. Единственная истинная форма безоговорочной власти — это Дикая охота. Мы можем пробудить её в них, уведя за собой по мирам, сами теряя всю человечность. В остальном, они остаются, потому что здесь чувствуют себя свободными. Разорвав связь со мной, волки превратятся в обычных диких. Поэтому Арман до конца не ушёл, оставаясь рядом, но сохраняя волю. Тонкий момент.

— Это всё очень интересно, но всё же меня волнует, кто пытается меня убить, да ещё таким странным запутанным способом!

— Эти и другие вопросы мы ещё обсудим. Сейчас тебе нужно понять только одно — чего ты хочешь теперь, когда знаешь, кто ты.

— Ты говоришь о власти? Этого **ты** хочешь? Получить своё по праву рождения? Право первенца? — пытаюсь понять его, задала прямой вопрос, чтобы самой ответить на его вопросы.

— И об этом, и о том, что *некому* обсуждать в мире волков.

Деймон встал и подошёл к окну, уставившись в морозную тьму.

Скрестив руки на груди, опёрся о деревянную стену, переводя взгляд на меня.

— Этот мир безнадёжно отстал. Вопрос, как так получилось, волновал и прежде, но теперь, живя здесь уже почти двадцать лет, я начал понимать, как это произошло. Дело в королях. В том, как их власть влияет на волков. Почему-то она подавляет у молодых творческое начало. Способность воображать, способность видеть дальше того, что их окружает. А когда появляется что-то новое, сами волки замедляют процесс принятия. Поэтому все новинки волки покупают в мире людей, но это лишь усугубляет развитие собственного мира. Я как-то попадал в мир лис, они за прошедшие тысячелетия с момента разрыва, успели достичь таких высот в биотехническом развитии, что людям и не снилось! А совы? Они создали субпространства и полностью изменили представление о будущем и прошлом. Почти все миры ожерелья меняются, исключение — пустынный мир драконов. А вот волки почти не изменились с тех пор. Я хочу стать тем, кто изменит их. Это займёт всю мою жизнь, но я верю, что смогу изменить этот мир. Мир, в котором до сих пор существует рабство!

— О, — это всё, что смогла сказать на пламенную речь отца.

— Я верю, что именно дикость поможет мне изменить этот мир. Если ты останешься, то сможешь помочь сделать это. Есть так много всего, что я хотел бы тебе рассказать. О нашем прошлом, о том, почему Демьяновы — особенный род волков. И о том, почему я знаю, что смогу изменить этот мир, как когда-то его изменил первый Демьян.

В ту ночь мы говорили долго, почти до рассвета, пока я окончательно не потеряла нить разговора, и отец не отвёл меня в гостевую спальню, где тотчас же вырубилась, забывшись глубоким тяжёлым сном.

Мне сложно понять, хочу ли я верить ему. И вообще, могу ли принять всё то, что наполняет его жизнь, ведь моя не менее сложная. Поэтому решила остаться на какое-то время, чтобы посмотреть, как живут дикие волки, узнать чуть больше о том, что делают дикие. И решить, стоит ли мне связываться со всем этим.

*Д. Г. Байрон — К моему сыну

Глава 25. И смерть и жизнь — родные бездны

Глава 25. И смерть и жизнь — родные бездны

Кто я такая? Кто даст мне ответ?

Здесь других таких больше нет.

Как в магазине, хожу выбираю,

Роли чужие к лицу примеряю.

Буду я птицей или волчицей,

Или же стоит остаться собой?

Корона утянет принцессу на дно.

Шелка, драгоценности, всё это — зло.

Я не такая, как он бы хотел.

Нет во мне злости,

Добра тоже нет.

Только дорожка из пролитых слёз

Их недостаточно, мне — не везёт.

Вот и ещё один путь позади.

Что же ждёт меня впереди?

Выбор одежды невелик, а опять рядиться в платье совершенно не тянуло. Какая-то майка вместо нижнего белья, колючий светло-серый свитер, коричневые брюки из грубой материи, обшитые изнутри мехом, что удивительным образом не мешало двигаться, а чтоб не спадали, затянула поясом потуже. Обнаруженные сапоги на несколько размеров больше, но правильно подбитая ткань с постели, помогла, и при ходьбе они не спадали. В довершении в шкафу висел запас верхней одежды, среди которых нашлась миниатюрная меховая куртка, удивительно мягкая и тёплая.

В доме никого не было, а с улицы доносились голоса. Ополоснув лицо ледяной водой в ванной комнате, завязала волосы плотным узлом, внимательно изучив внешность в зеркале. Скулы вылезли вперёд, щёки запали, под глазами синяки. Не красавица, а узник Освенцима. Только губы красные, искусала до мяса, заживать не успевают. Как и ногти на руках — обгрызены и изломаны. Вот так вот принцесса. Всё время в шмотках с чужого плеча, да в чужих постелях спящая. Бездомная. Один фарс, а не наследница. И без образования. Блестящая партия.

От навалившихся мыслей, а вовсе не от голода, закружилась голова, пришлось облокотиться о рукомойник, прислонившись лбом к холодной поверхности зеркала. Пара минут, мне больше и не надо. Просто чтобы сбросить приступ паники. Ничего страшного. Так бывает,

если напряжение зашкаливает.

Через минуту прошло и я вышла во двор.

При свете дня, всё вокруг выглядело значительно лучше. Домики из приличного сруба, с навесом у входа, под которым расположились женщины с детьми. Деревушка, а при свете видно, что это почти настоящий город, жила своей жизнью, люди сновали туда-сюда, раздавались громкие голоса и звон металла, откуда-то шёл запах жареного мяса, поодаль мужчина рубил дрова, мимо пробежала стайка ребятишек. Теперь видела, что дом Деймона находился не совсем в центре, но на возвышенности. Кажется, позади спускается глубокий овраг, за которым бежала шустрая речка, к которой сделали несколько подходов для стирки и рыбной ловли. Вход в хозяйские комнаты начинаются со второго этажа, впереди широкий открытый предбанник, сделанный под трибуну, с которой весь городок как на ладони. Я видела входные ворота, за которыми уходила мерцающая тропа, исчезающая где-то в лесу. Навскидку, здесь домов пятьдесят, а то и больше. Не все образцово-показательные, некоторые низкие, прислонённые друг к другу, из-за чего сложно считать. Двор перед домом круглый, широкий, щедро посыпанный песком, здесь несколько молодых под присмотром более опытных воинов, тренируются, используя маленькие ножи. Одеты по-простому — штаны и безрукавки, а то и с голым торсом на морозе щеголяют.

Зима преследует меня, или я сама иду за ней? Город Деймона в самом сердце дальних пределов. Ни один волк Демьяна сюда не зайдёт. Слишком много тварей в глубине обитает. Но диких, по словам отца, не трогают. Боятся. Волки с удовольствием прореживают местных обитателей, спуская пар и тренируясь убивать.

Спустившись, по кругу обошла замерших на месте волков, проводящих тяжёлыми взглядами. Чужая, незнакомая. Опасная?..

Меня теперь всегда так будут встречать? Это связано с тем, что я действительно чужачка. Я не знаю их обычаев, их правил, не выросла среди них, не понимаю своих корней. Не чувствую себя волчицей. Но уже и не человек, а значит и эта роль не моя.

Только собралась выйти за околицу, как навстречу вышел Лико. Он немного оброс, непослушные волосы завились в мелкую кудряшку, разлетевшуюся от ветра, зазолотившуюся на солнце. В отличии от остальных, одет в земную одежду. Тёплая болотного цвета парка,

зимние штаны, фирменные ботинки. Ручаюсь, постарался Арман. Лико невероятно выделялся на фоне средневекового быта диких. Что им эта городская жизнь? Одежду сбросил да в лес побежал, вот и волк среди деревьев скачет. А в Лико слишком много от человека. Даже я ближе к волкам подошла, чем он.

Вот и стоит, смотрит так странно. Словно обиделся, словно я что-то ему должна. Непроизвольно рука тянется к укусу, напоминая об обязательствах, о собственном выборе, и я расслабляюсь, тянусь к нему, обнимая.

— Я соскучилась! — довольно шепчу в подмышку, а он взъерошил волосы, прижимая крепче.

— Прости, что так долго.

— Нет! Это мы оставим другим. А сами пойдём вперёд, как будто ничего и не было, — отстраняясь, говорю назидательно.

Поцеловать не далась, и так много лишних глаз. Лико увёл со двора к боковой пристройке, уличной кухне, откуда вернулся с тарелками, полными жареного мяса, ещё горячего, только с огня. Расположившись за деревянным столом, так чтобы видеть, что происходит на расстоянии, с удовольствием вцепилась зубами в мясо, даже внимание не обращая на вилку и нож. Сок сочился между пальцев, облизывая, дую на обожжённые подушечки, лукаво поглядывая на гражданского парня.

— Что так смотришь? По-твоему, одичала подруга? — ехидно спрашиваю, вытирая руки о штаны. — Так и мы не в Версале, а среди диких волков. И лучше быть здесь, чем во дворце.

— Ты... опять изменилась, — неуверенно потянул он, продолжая медленно разделять пищу.

Сыто проведя рукой по животу, огорчённо посмотрела на пустую тарелку. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы он протащил свою через стол ко мне. На вопросительный взгляд ответил:

— Я не так голоден.

— Тебе не приходилось голодать, — согласно кивнула, благодарно смотря на парня, вновь вгрызаясь в сочное мясо. — Но это не совсем голод. Скорее... нужда. Так организм справляется со стрессом. Я всегда любила вкусно и много поесть.

— Как и все мы.

Чуть позже Лико вынес настоящий на травах чай, и только тогда, сытые и спокойные, заговорили о важном. Небольшой пересказ моих

приключений смешался со словами Лико.

Нет. Арман не отвернулся от меня, но действия короля сильно осложнили дело. Во-первых, он моментально выслал из столицы Вельямина, прилично наградив за развлечение, чтобы Вальт мог после прислать в дальние пределы новых солдат и провиант к следующей зиме. Арман слёг, якобы с внутренними повреждениями, на самом деле — чтобы иметь время подумать. Сам Лико сбежал сразу, как только понял, к чему дело идёт. По одному взгляду Алхимика можно было понять, что он всё знает, поэтому парень пустился к отцу, понимая, что в одиночку меня не вытащит. Арман же разыграл карту неведения. Знать не знаю, что за дела у Елены с Алхимиком. Попала через Лико, а тот молчал. Ну, об отношениях этих двух всем было известно, вот и взятки гладки. Кай пытался подлезть, надавить, чтобы король наказал Армана, но тому было нужно иное.

Арман же, заполучив передышку, раскрыл канал связи с дикими, а именно с отцом Лико. Узнав, что парень самовольно через всю страну ползёт к Луке, тот всполошился, направив своих волков на поиски. Тем временем с Арманом связался... Вельямин. Король больше не имел власти над ним, поэтому Вель решил рискнуть и забыть старые обиды, подозревая, что Арман единственный, кто также свободен от власти короля. Ему же он и раскрыл мои карты. А тот, сопоставив даты, прозрел. И прозрение подтвердил Лука, также рассказав о своих подозрениях.

А дальше был вопрос везения. Арман изо всех сил показывал лояльность королю и даже сам вызвался объяснить мне, как следует поступать, сам же передал послание. Они правильно догадались, что Кай сразу же как заполучит меня, помчится к порталу, чтобы свалить из мира волков в свою крепость, откуда меня уже будет недостать. Тут-то на пути и можно будет его подловить. Спешка не идёт рядом с тонким просчётом, поэтому Кай ничего толком не подготовил, понадеявшись на скорость, понимая, что король может передумать.

Тем временем, Деймон, узнав о моём существовании, сразу же выделил людей на помощь. Самолично создал новую тропу, чтобы максимально быстро перенести меня к диким. А дальше дикое везение сыграло свою роль.

Сейчас отца нет в городе, он закрывает тропу, чтобы такие как Кай не могли пробраться в город, поэтому у нас было время поделиться

впечатлениями о нём.

— Когда Арман всё рассказал, я чуть не ударил его, — начал Лико, усмехаясь в чашку. — Никто не говорил мне о Деймоне. А ведь отец мог предупредить об особенностях моей биологии.

Поймав недоумённый взгляд, пояснил:

— Он лгал о моей семье. У меня нет второго отца, хотя мать действительно погибла. Волчья семья, что растила, — дикие, как и тот, кого считал своим вторым отцом. Это была мистификация, чтобы скрыть моё происхождение. Лука не смог вовремя скрыть моё рождение, поэтому пришлось устроить настоящее представление. И поэтому он держал вдали от мира волков.

Помолчав с минуту, продолжил, отвлекаясь от грустных мыслей:

— Я не связан с королём Демьяном. И с твоим отцом не было связи. Сначала Лука хотел привлечь меня к делам семьи, но его отговорил Арман. Я наполовину человек, мне не грозит дикость, если я откажу Деймону. Это то, что ищут такие как Кай. Человечность, способность бороться с одиночеством.

— И что ты думаешь?

— Вопрос, что думаешь ты, — перевёл стрелки он, выразительно посмотрев по сторонам, словно охватывая весь город.

— Это *слишком*, — немного подумав, ёмко высказалась я, кривя губы в скептической ухмылке. — То есть, мой отец, он революционер. Я знакома с ним так немного и так быстро, но даже этого короткого времени достаточно, чтобы понять, насколько всё это далеко от меня. У него грандиозные планы по изменению мира волков. Он наметил себе цель и планомерно идёт к ней. Уже двадцать лет идёт. И я не знаю, много это или мало, но меня в этом нет, — наклонившись вперёд, ухо к уху, прошептала, — я не могу быть принцессой в изгнании! Не могу быть дочерью короля. Это не про меня. Я не лидер! Я не веду людей за собой и уж точно не из тех, кто хочет изменить мир. Я... слишком высоко ценю свою жизнь и жизнь своих близких. А всё это, — раскинув руки, отстраняясь и возвращая громкость голоса, — это жертва личного во благо общего. И не факт, что это действительно благо.

— Почему-то я догадывался, что ты скажешь, что-то в этом роде, — согласно кивнул Лико. — Не такими словами, но примерно так. И что будем делать?

— А я откуда знаю? — рассмеялась в ответ, обезоруживающе

улыбаясь. — Пока мой основной план не изменился. Вытащить сестру. Если правильно всё поняла, то её нужно будет доставить к Деймону. Возможно, эта дикость изменит её. Освободит. И если она не сможет вернуться домой, то хотя бы станет свободной от **него**.

— Ты не убила его.

Я мрачно глянула в его сторону, скрещивая руки на груди. Да, не убила. Не смогла. Не стала убийцей. Ведь это тоже важно, сохранить что-то от человека в себе. Чем дольше нахожусь в этом мире, тем меньше чувствую себя им. Больше нет этого раздвоения, второй я. Слились в одно и теперь я это я. И все желания совершаю осознано. Никакой спонтанности, из-за которой всё началось. Никакой жажды, агрессии или злобы. Только я.

— Надеюсь, ты понимаешь почему.

— Нам всё равно придётся решить эту проблему. Так или иначе, но от него необходимо избавиться. Он дикий, не такой как другие волки. Один из немногих, кто смог так долго продержаться в одиночку. Он не связан с королём или Деймоном. Настоящий омега.

— Король ошибочно считает, что Кай полностью на его стороне. Он думает, что Алхимик создаёт для него армию рабов из людей. Более того, Кай делает из них оборотней.

На этих словах Лико дёрнулся будто обжёгся. Ему до сих пор не верилось, что такое возможно. Только Арман принял эти данные спокойно. Как будто бы уже знал.

— Но я более чем уверена, что Кай не собирается делиться. Когда неон был во мне, Кай виделся богом. Это намного сильнее, чем обычная связь с королём. Для неонезированных создана легенда о том, что среди них ходят боги, но никто из них не видел никого кроме него. Поэтому мне кажется, что эта связь работает только с ним. Это обман.

Лико с сомнением покачал головой, но комментировать не стал. Вместо этого потянулся, разминаясь.

— Хорошо, значит основной план не меняется. Возвращаемся на землю, находим Ингу, забираем её, привозим сюда. А дальше по обстоятельствам?

— Я точно знаю, где она. И... буду просить помощи у отца.

— Исключено, — отрицательно мотнул головой он. — Твой отец чётко дал понять, что вылез отсюда только ради тебя. Любое иное прямое вмешательство в дела Демьяна будет расцениваться как

нападение. Это открытый конфликт.

— Вот и посмотрим как далеко готов зайти отец. Я не собираюсь требовать и ничего не жду. Поможет — буду благодарна, буду искать точки соприкосновения. Не поможет — просто уйду и забуду о нём. Мне не десять лет, моё детство уже закончилось, чтобы перенимать основы от папочки. У меня были родители. Может они не были самыми-самыми, не были оборотнями, не учили меня быть волчицей, но они научили меня жить, дали моральный компас. Дали жизнь, в конце концов. Не знаю, как бы она сложилась, если бы папа не забрал из больницы и за мной пришёл бы твой отец.

— Мне кажется, тогда мы бы встретились раньше. И всё сложилось бы по-другому, — задумчиво протянул он.

— Ладно, оставим предположения на другой раз. Я хочу осмотреться, пока Деймон не вернулся. Не каждый день попадаешь в логово диких.

И всё было бы нормально, если бы мы ушли чуть раньше. Пара минут и я не столкнулась бы с ней. Эти раскосые оранжевые глаза, соломенная коса, упрямый изгиб губ. Она вышла вперёд, сжимая в руках короткий тренировочный меч, улыбаясь своему партнёру. Я была под навесом, девушка не видела меня, тренируясь с напарницей под руководством наставника, рядом с другими бойцами. Азарт, удовольствие от процесса. Бой учебный, но она была прилежной ученицей. Ей нравилось драться, выкладываясь на полную. А потом она увидела меня. Улыбка сменилась оскалом, гнев выплеснулся наружу, и она с силой оттолкнула партнёра, выходя из круга, прямо ко мне.

Аврора внешне не изменилась, но внутренне поменялась вся. Она перестала быть просто волчицей, она стала воином. И я явно была одной из причин этой перемены.

— Из-за тебя он умер, — голос тонкий, как у змеи, с шипением на конце, льдом и иголками покрытый снаружи. Глаза девушки засверкали ярче. — Ты привела её, и она убила его!

— Ну, выбор был невелик. Либо мы, либо он, — пожав плечами, отвечаю с деланным равнодушием. Лико встал рядом, скрещая руки на груди. Молчаливая поддержка.

— И он умер, — повторилась она, цедя слова. — Ты во всём виновата!

— И что теперь? Извиниться за то, что не дала себя убить?! —

отвечаю, медленно закипая.

Вокруг собираются волки, прислушиваясь к нашему разговору.

— Этого мало! — кричит, не услышав сарказма. — Я требую справедливости! Он умер нечестно! Это...

Моё внутреннее раздражение, вызванное пристальным вниманием волков и глупыми претензиями девушки, перешло в злость. Я кристально-чётко поняла, что здесь происходит и что надо делать. Это так по-волчьи. Ждать, что прогнусь и склонюсь перед ними, оказавшись ниже. Как человек. Деймон может и хочет их изменить, а пока они действуют в соответствии с инстинктами. И поступать с ними надо таким же образом.

— Ты забываешься, волчица, — отвечаю холодно, пробуждаясь как ото сна. — Хочешь реванша? Отмщения? Справедливости? Будет тебе всё, что хочешь и с добавкой горькой. Давай прямо здесь посмотрим, как много в тебе ярости и хватит ли её, чтобы выстоять против меня!

Сплюнув, стянула с себя шубу, оставаясь в майке, подставляя кожу зимнему морозу.

— Елена, — всполошился Лико, и был одёрнут другими волками, потащившими его в сторону.

— Не мешайся! — бросила ему, когда он попытался сопротивляться. — Это нужно сделать.

Аврора отдала меч наставнику, который что-то прошептал ей на ухо, от чего та дёрнулась, фыркнула презрительно, вставая напротив меня. Немолодой мужчина тяжело вздохнул, укоризненно глянул на неё, на меня, а затем махнул рукой, удаляясь с площадки.

Мы встали в круг, совсем как недавно стояли Арман с Вельямином. Никакого оружия, только когти и клыки.

— Ты уверена в себе? — я разминаю кисти рук, пробуждая щекочущее чувство глубоко внутри. — А то это не похоже на сведение счётов, скорее попытка что-то доказать.

— Без обид, но ты чужак. Всегда была и будешь впредь. Твои способности ничего не значат, твоё происхождение не делает тебя особенной. Ты родилась среди людей и думаешь, как человек. Они ближе тебе, чем твой вид. Поэтому друзей у тебя здесь нет и не будет, — хладнокровно заговорила она, расставляя пошире ноги и вытаскивая из себя волка, последние слова звучали хрипло, по-мужски из-за падения тембра голоса и изменения голосовых связок.

— Как же хорошо, что я их и не ищу.

Она бросилась с разбегу, без подготовки или условного сигнала, её нападение стало неожиданностью, и я упала под ней, принимая скользящий удар когтей по майке. Мне хватило сил выгнуться дугой, сбрасывая её на снег, переворачиваясь, уходя от очередного удара. Я не нападаю, позволяя телу полностью измениться. Пальцы удлиняются, твердеют, набухают костяшки, места сгибов, из пластины ногтей выезжают острые, как лезвия, когти, ломается грудная клетка, меняются линии опорного аппарата, я как машина-трансформер, только чувствую каждое изменение, подчиняясь ему, но продолжая отбиваться от града ударов несовершенной волчицы. Она не может как я, застала в самом начале пути, не способная изменить форму черепа, удлинить пасть, чтобы сила сжатия клыков могла раздробить кость. И поэтому она теряет преимущество почти сразу, как я перестала быть человеком.

Зверь бросается на девушку снизу, легко цепляясь клыками за талию, взгрев как игрушку, отбрасывая в сторону. Аврора приземляется как кошка, рычит и всё равно рвётся в бой. Она ускользает от новой партии клыков, в воздухе переворачиваясь, запуская когти в спину оборотня. Злобный вой проносится по поляне, отпугивая, заставляя волков расступиться, когда осёдланный зверь мечется из стороны в сторону, пытаясь сбросить непрошенного наездника. И когда ему удаётся, девушка впечатывается в пристройку, снося удерживающие навес балки. Волчица кидается следом, она когтями рвёт тряпку, вырывая противника из завалов, они кубарем катятся по снегу, нанося поверхностные удары, пытаясь достать друг друга. И когда Авроре удалось выбраться из-под оборотня, она бросила в неё комья снега, смешанные с песком, попав прямо в глаза.

Зверь отступил, безудержно мотая головой, повизгивая от жжения. Волчица не видела противника, глаза резало огнём. Мощный удар сбил с ног и она оказалась беззащитной с длинным когтем у основании шеи, прямо напротив артерии.

— Дёрнешься и истечёшь кровью, — торжествующе прошипела Аврора. — Ну что, теперь ты уже не такая страшная?!

Зверь не ответил. По-паучьи изогнулись его руки, коготь впился в затылочную часть черепа девушки, она взвизгнула от боли, и он оттолкнул её. На снег пали крупные капли крови. Монстр бросился вперёд за уползающей Авророй, лапой пригвоздил к земле, сомкнув

клыки вокруг шеи. Не до конца, только прикусил, вновь пустив кровь. Чтобы она заскулила, тонко и жалобно, карябая когтями снег. И держал до тех пор, пока девушка не приняла человеческий облик, и только потом отпустил.

Трансформация обратно заняла больше времени, чем в волка. Здесь возвращается человеческая способность думать, рационализм, осознанность. Как волк, я не позволяю себе слишком глубоко нырнуть в звериное нутро, это опасно, Вель объяснял, что не каждый может позволить себе так отпускать вторую суть. Можно и не вернуться, остаться монстром, быстро забывающим, как это — думать по-человечески, чувствовать, принимать решения, а не следовать инстинктам.

Я стою на четвереньках, мокрая от пота и крови. Девушка оставила на теле новые следы, новые шрамы. Заживут или нет, время покажет.

Поднимаясь, слежу за лежащей без движения Авророй. Спина поднимается быстро, вверх-вниз, она тяжело дышит от усталости, а вокруг кровь. Совсем немного, скоро начнёт заживать. Вокруг на почтительном расстоянии волки, безмолвно наблюдающие за мной. Для них — я всё ещё чужачка. Но теперь они знают, на что способна. Знают, что со мной не стоит связываться. А уважение мне и не нужно.

Обернувшись, вижу Лико, ему что-то говорит тот наставник, что так не хотел моего поединка с Авророй. Лико согласно кивал его словам, и они пожали руки. Я было направилась к нему, когда в отдалении увидела троицу альф. Лука, Вельямин и Арман. Все трое смотрели на меня, нет сомнений — наблюдали за моим боем. Заметив мой взгляд, Арман поднял большой палец вверх, одобряя мои действия, а Лука положил ему руку на плечо и что-то шепнул на ухо, отчего мужчина дёрнулся, недовольно поморщившись. Вель же смотрел... не знаю как. Мне всегда с трудом удавалось понять, о чём он думает. Как за зеркальной стеной, я только чувствую его. Как и Лико, мы связаны.

Я собралась идти к ним, чтобы поговорить, чтобы узнать, что дальше будет, сделала несколько шагов и что-то взорвалось внутри. Все нити натянулись, реакция мозга не поспевала, тело действовало на рефлексах.

Резкий уклон, толчок в спину, заламывание рук, выросшие когти и Аврора, вновь лежащая лицом к земле, утопая в нём, без воздуха. Она напала со спины, чётко желая моей смерти. Я вбила руку в её шею, и

выпустила силу, как уже делала прежде. Но в этот раз не сдерживалась. Щедро плеснула во все стороны, насыщая ею воздух.

— Ты больше не тронешь меня! — хриплым низким голосом заговорила, заставляя связки вибрировать, выдавая нечеловеческую модуляцию. — Ты служишь мне, ты — никто! Я могу убить тебя, но ведь теперь ты **моя**?

Точечный удар прошил девчонку насквозь и она обмякла, перестав сопротивляться.

— Да, я принадлежу тебе, — нейтральным голосом ответила она. Из-за снега её слова звучали глухо.

Я усилила нажим, выжигая в ней способность к сопротивлению. Это было так легко, совсем не как в ту ночь, когда впервые пробудила эти силы. Рискнув, раскрылась, ощущая волны, поднимающиеся из глубины моего нутра. Они расходились в стороны и каждый волк, которого они касались, опускался на колени, подставляя шею.

Мне не нужно уважение, когда я могу подчинить их себе.

И только один не опустился вниз. Он стоял в отдалении и смотрел мне в глаза. Мой отец видел всё от и до, и он гордился мной.

*Д. Мережковский — Двойная бездна

Глава 26. Нет ни звезды во мгле сырой

Глава 26. Нет ни звезды во мгле сырой

Я не из тех, кто бьётся напролом.

*Кто судьбы рвёт, сопротивляясь сильно.
Безумно больно средь звёзд искать,
Не находить маяк, дорогу указующий.
Вот так блуждаю каждый час во тьме
Руками шаря в пустоте,
Я отвергаю чуждое и злое
Понять бы только — что иное
Моё?..*

Она уползла как животное, и волки расступились перед ней, как перед прокажённой, чтобы даже краем одежды не коснуться обнажённой кожи. Аврора нарушила закон, напала со спины, пыталась убить. Я заставила её склониться, но девушку ждёт наказание, которое придумает отец. Поэтому далеко ей не уползти, скоро схватят, чтобы не сбежала.

Первым ко мне подошёл Деймон. Лико и остальные оставались в отдалении на почтительном расстоянии, чтобы мы могли поговорить наедине.

Отец, приблизившись, стянул с себя полушубок из мягкой шерсти и накинул на плечи прямо поверх кровавых сопливых разводов, он замотал меня в тепло, только нос торчит, и уши. Глядит так странно, с теплотой, какой не было прежде. Лучится гордостью. Не такого ожидаешь от «папочки».

— Это тебя Вельямин научил? — спрашивает, когда немного пришла в себя, собирая остатки расплескавшейся силы. Это трудно — вновь собраться воедино.

Окружающие волки будто проснулись от оцепенения, разошлись по своим делам, только мои остались, сошлись, что-то обсуждая да поглядывая в нашу сторону. Чуть дальше замерли волки, сопровождавшие отца. Его ближний круг, судя по вызову, с которым они смотрели на меня.

— Да. И его дочь тоже постаралась.

— Не доводилось её встречать, но Райво отзывался о Хельге с большим чувством. Если бы я знал, что он доведёт себя до такого, никогда бы не отправил к дому Могронумов. Райво был сильным волком.

— В нём было слишком много гордости. Она его и сгубила, — отвечаю сухо, кутаясь в шубку. От схлынувшего напряжения, по телу

проходила рябь как от холода. Заметив моё состояние, Деймон под руку повёл в дом, обещая горячее питьё, вкусный обед и тёплую ванну. Хотя я только что ела, но трансформация, да ещё такая глубокая, требовала ещё пищи.

Позже, когда вновь остались наедине, вернулись к нашему разговору.

— Я хочу тебе кое-что показать, — заговорил отец. В гостиной он вытащил из небольшого шкафа вытянутый альбом, и расположился на диване напротив меня.

За окнами уже темнеет, световой день в это части всё ещё слишком короток, да и лето длиться чуть меньше земного месяца. Поэтому Деймон растопил камин, зажёл керосиновые лампы, чтобы дать больше света. Чтобы могла разглядеть лица на фотографиях.

— Это твоя мама, — начал он, показывая красивую девушку в сером пальто и с осенними листьями в волосах. В её глазах лучится солнце, чёрные волосы, заплетённые в крупную косу, спускаются вниз до талии. Она стройна и юна, и совсем не знает, что её ждёт.

— Красивая, — говорю, даже не зная, что толком сказать.

Отец переворачивает страницы, показывая много других снимков. На некоторых изображён он сам. Совсем не изменился, будто фотографии сделаны недавно. На других показана бабушка, тоже черноволосая, худая девушка. Они очень похожи с мамой, хоть и не родственники. Я многое унаследовала от этих женщин. Та же форма подбородка, что и у бабушки, такие же как у мамы скулы и крупные глаза. А вот губы папины, как и форма носа. И рыжина среди серости в глазах от него. Это странно видеть всё это на фотографиях, ведь раньше годами смотрела на другие снимки, отыскивая черты своего лица в незнакомцах. Во всяких тётях и дядях, дальних родственниках. Принимая на веру слова, что пошла в какую-то бабушку, которой давно нет.

Отец забирает альбом, закрывает, откладывая в сторону.

— Помни, что это только человеческая сторона твоей семьи. Как волк, ты имеешь гораздо более древнюю родословную, восходящую к самой сердцевине тёмных лет. Поколения королей — твоё наследие. История, о которой слагают легенды.

— Мне рассказывали о прошлом Демьяновых. И что-то мне это не понравилось, — скептически отвечаю, стараясь лишний раз не

пересекаться взглядами. Кажется, что я могу утонуть в том, как он пристально смотрит на меня. Словно это заразно, быть таким сильным.

— А я и не прошу любить наш род. Но принимать историю, выживать из неё нужное — залог благополучного будущего. Даже мой брат понимает это. Как и отец. Наш род учится на ошибках прошлого. Обуздание чувств, понимание природы этой агрессии, ненасытности, так мы становимся лучше.

— Но тогда почему ты не поговоришь с ним? Я понимаю, то, что он сделал, ужасно, но сколько людей и волков должно ещё погибнуть, прежде чем останется кто-то один? Вы братья, в конце концов. Разве это не повод попытаться найти выход?..

— Его нет. И Демьян это знает. Он привёл в мир людей своих волков, чтобы убить меня, понимая, что иначе нельзя. Пока я живу, его власть слаба. И он не брат мне. А враг. По праву наследования, я первенец. Во мне течёт основа власти Демьяновых. А он последыш. Если род продолжится через него, ни к чему хорошему это не приведёт. Род станет обычным. Мы лишимся кое-чего очень важного.

— О чём ты говоришь? — Деймон отстранился от меня, уйдя в свои мысли. Слова выдавал порциями, согласовывая с тем, о чём думает. А я чувствовала, как ускользает нечто значимое. Какая-то основа, которая перевернёт всё моё представление о происходящем.

Отец очнулся, отбрасывая тяжкие думы, возвращаясь к насущным вопросам.

— Я говорил с Арманом и Лико. Они сразу сказали, что для тебя в приоритете. Это спасение человеческой сестры Инги. Пока она находится в руках Алхимика, ты не решишь, как тебе жить дальше.

— Лико считает, ты не будешь помогать, ведь это нарушит хлипкое равновесие между братьями, — почти нейтральным голосом подтвердила его слова, слегка качнув головой.

Я не знала, куда девать руки. Мне хотелось сохранить между нами дистанцию. Хотелось абстрагироваться от того, что он мой отец. Но я видела в нём собственное отражение. Чувствовала его как никого другого. Рядом с ним, моя сила просыпалась и я была живой. Это добавляло какой-то лихорадочности в движениях. Нервозности. Слишком много энергии. Он заряжал меня ею и это пугало.

— Но я не могу бросить тебя. Даже с твоими мальчиками, ты не справишься с таким, как Кай. У него целая армия молодых оборотней.

Здесь нужно быть хитрее. И я знаю только одного волка, который способен придумать продуманный план, чтобы вы могли проверить свою операцию. И так, чтобы король не узнал о моём участии.

Я продемонстрировала глубокую заинтересованность, подавшись вперёд и кивая головой.

— Тебе нужен отец Лико, Елена.

Что меня объединяло с ним? Что делало его дочерью? Гены, кровь, биохимия, душа? Отец не пытался казаться лучше, чем есть. Он честно признавал, что готов дать и что потом потребует взамен. Это не те сделки, что заключала прежде, но всё-таки это сделка. Обращаясь за помощью, я впускаю его глубже в свою жизнь. Теперь не смогу отмахнуться от его слов. Придётся учитывать его существование. Знать, что, если потребуется помощь, не смогу отказать. Он помогает ради этого. Ради права называть меня своей дочерью. Чтобы слышать, как я называю его отцом.

Такие вещи не говорят вслух, но они остаются в том, как мы смотрим друг на друга. Немножечко теплее, чем прежде. Чуть-чуть ближе, чем раньше.

Деймон собирался сразу вызвать Луку, чтобы обсудить мои дела, но я запросила перерыва. Слишком много слов мне нужно было сказать тем, кто пошёл за мной. Я должна была ещё раз поговорить с Вельямином. Должна была понять, как он оказался здесь. Зачем и почему остался. И я должна была понять, чего теперь ожидать от Армана, кода он всё узнал. От этого зависело, как мне дальше поступать.

Я нашла Веля в отдалённой части города, в низине, где располагалось что-то вроде гостиницы, разделённой на две части — спальные комнаты и ресторанный зал с двориком, где на огромном мангале под открытым небом жарили мясо. Здесь останавливались волки, которых Деймон отправлял на задания, а также новички, которым только предстояло узнать, что с ними произошло.

Вель был среди них. Он, как старший, сидел во главе стола, рассказывая какую-то увлекательную историю, а немногочисленные зрители слушали в полной тишине зала. Моё появление не прошло без внимания, поэтому очень быстро мы остались одни. Я села напротив за длинным вытянутым столом, чинно положив руки на заляпанный стол и

установившись на него. При тусклом свете светильников и слабом мерцании каминного огня, Вель терялся в темноте. Тени прыгали по его лицу, вычерчивая суровые линии бровей и скул, вытягивая подбородок, придавая дикий вид лысой макушке.

— Привет, — нерешительно заговорила, не зная с чего начать.

Волк повторил мои движения, слегка наклонив голову, отвечая, как зеркало и оставляя за мной начало разговора.

— А помнишь, мы гадали, как же так произошло, что я оказалась волчицей и не сошла с ума в подростковые годы? Забавно всё получилось. Как-то смело, — слова выходили с долей горечи, ведь я до сих пор не осознала, как именно поменялась моя история, учитывая такой крутой поворот сюжета. Я знала, что со мной не всё нормально, что вероятно мой отец не человек, но до такого не могла додуматься.

— Потом всё в какой-то ком пошло. То, что ты сделал. Что сделала я. Что чуть не случилось и как всё обернулось. Как Алиса в Зазеркалье, что можно открыть за очередным зеркалом? Ты знаешь, я ведь теперь принцесса. А ещё мой настоящий отец убил мою маму. Его напоили аконитом, поэтому он не виноват. Но всё равно, это больно. Забавно всё получается... — я начала повторяться, чувствуя, как к горлу подкатывает истерика и тогда Вель быстро поднялся со своего места, пересёк комнату, опустился на колени, обхватив мои ладони и притянул к себе, скрывая от всего мира.

— Ты не одна, Елена, — негромко заговорил он, когда слёзы вышли наружу. — Видишь? Ты со всем справляешься. Находишь выход, борешься за свою свободу. Учишься побеждать и никогда не сдаёшься. Ты сильная маленькая волчица, у которой вся жизнь впереди! Не бойся своих эмоций, не позволяй им утянуть себя вниз. Поплачь, когда хочется плакать, кричи, когда не можешь молчать, и смейся каждый раз, когда чувства выходят наружу. Ты не одна, Елена, помни об этом!

Он прижимал к себе, гладил по голове, украдкой целуя волосы, шептал слова поддержки, утешения, да таким тембром голоса, чтобы легче становилось, чтобы это недоумение, эта горечь и ошеломление рассосались и всё стало в один ряд нормальным.

Потребовалась не одна пригоршня минут, прежде чем пришла в себя, и мы смогли поговорить. Мне нужно было услышать его. Понять, зачем он всё затеял.

— Ты пытался убить Армана. Почему? — это был первый важный вопрос, который смогла ему задать. До этого мы говорили обо всём, но ни о чём важном, просто чтобы вспомнить, как давно не говорили по душам.

— Потому что он убийца. Ты ведь понимаешь это? Он дикий не из-за связи с Деймоном. Это внутри Армана. Он не умеет любить. Чувства для него — обуза. Признаёт только слово *обладание*. Я хотел отвести его от тебя. Я не знал, что король не будет останавливать поединок. Я считал, что технический проигрыш позволит увезти тебя из столицы подальше от Армана и... короля.

— О, не напоминай, — я закатила глаза, тяжело вздохнув. — Меня домогался дядя. Это просто отвратительно...

— Не в мире волков, — спокойно ответил Вель. — Инцест, по большей части, это проблема людей. Мы не признаём только прямую линию — мать с сыном, отец с дочерью. Всё остальное нивелируется триадами, поэтому...

— А у диких как? — я здорово напрягалась от его слов. — Они же не нуждаются в триадах. Я вообще, честно говоря, не понимаю, как это работает. Почему отказ от короля, делает волков способными к обычному размножению?

— Нашла у кого спрашивать, — хмыкнул он. — Я не знаю. Спроси у Деймона.

— О, у меня столько вопросов. Но отец не будет со мной откровенничать, пока я не определюсь со своим будущем. Он готов ответить на все вопросы, только если признаю его своим отцом и останусь рядом с ним.

— Я остаюсь здесь, — внезапно заявил Вельямин.

— Что?

Он пододвигает стул ближе ко мне, грузно опускается, отводя взгляд.

— Они не отступили в ту ночь, Елена.

— Я не понимаю.

— Дальние пределы пали перед дикими, — медленно заговорил он, ловя мой недоумённый взгляд. — Но внешне остались стойкими, чтобы король высылал к нам больше бойцов. Которые затем станут дикими, когда их коснутся барабаны или же лично твой отец. Всё это делается, чтобы ослабить Демьяна. Наш замок — единственный, в котором не

осталось диких. Но это ненадолго.

— После всего, что сделал Райво под руководством моего отца?! После смерти твоей триады? Убийств, насилия, всей этой боли? — поражённо заговорила, невольно отстраняясь. — Он забрал у тебя семью! И теперь ты остаёшься здесь?!

— Я вернусь в замок к концу весны, как будто отправился из столицы. Встречу дочь, объясню ей всё.

— Она поймёт это? Косвенно мой отец виновен в гибели её матери. Ведь он прислал Райво!

— Дикие — не продолжение его воли, как у Демьяна. Они вольны сами принимать решения. Райво поступил жестоко и Хельга убила его. Но нам нужно двигаться дальше. В суровых условиях зимы, дикость сделает нас сильнее, выносливее, жёстче. Мы сможем эффективнее отстаивать границы от тварей дальних пределов. Мы сможем лучше защищать наш дом. И никто его у нас не отнимет. Власть Демьяна — губительна для нас. Пришла пора от неё избавиться.

Говорил Вель, но я слышала в его словах Деймона. Он будто стоял за его плечом, нащёптывая, что делать и как говорить. Это опять напугало. Как будто отец забрал нечто важное у Вельямина. И сам занял это место.

— Скоро вернутся Брона и Ахлик. То, что осталось от семьи, не будет разрушено.

— Ты сам приведёшь Хельгу к моему отцу? Сам сделаешь её дикой? — горько спрашиваю, давась словами.

— Я не буду принуждать. Но моя дочь сама придёт сюда, когда поймёт, что к чему, — Вель смотрит с участием, но видно, как далеки его мысли отсюда. — Елена, ты считаешь это неправильно? Считаешь, я должен следовать за эмоциями и принимать спонтанные решения, основываясь на мести и обидах? Я не могу себе этого позволить. Ситуация изменилась. Теперь кристально-чётко вижу, что за чем идёт и к чему придёт. Чтобы выжить в грядущей войне, нужно сделать правильный выбор.

— Я вижу это, кан-альфа. Ты всегда сам принимаешь решения за себя и за других. Ты решил, что мне будет лучше с тобой и чуть не убил Армана. Теперь ты взялся за дочь и за своих людей, готовясь сделать из них диких. Кто я такая, чтобы отговаривать тебя? Я постоянно с этим сталкиваюсь и порядком устала от этого!

Вельямин тяжело вздохнул, качая головой.

— Просто помни, что, чтобы не случилось, мои двери всегда открыты. Я больше не буду преследовать тебя. Но надеюсь, ты сама придёшь ко мне, зная, что я никогда не обижу и не предам.

Его слова прозвучали нежно, но с тоской, словно заранее знал, что я никогда не вернусь к нему. Это звучало как прощание. Но ведь я не готова попрощаться?..

После разговора с Вельямином, осталось такое тягостное чувство, что не стала сразу возвращаться в дом Деймона, а принялась бесцельно слоняться по тёмному, малоосвещённому городу, забредая в тупики и задние дворы домов. Здесь не было собак, но были кошки. Пушистые жирные создания, с длинным и густым мехом, похожие на рысь, с кисточками на ушах. Они следовали за мной, как попрошайки, не мяукали, только тихо рычали, когда покидала территорию одной и переходила к следующей. Так странно видеть их, узнавать в повадках зверей собственного мира.

Мне говорили, что всё это связано с порталами, что звери и растения невольно путешествуют из мира в мир, связывая их, меняясь в соответствии с новым местом. Интересно, как обстоят дела с инвазией? Ведь даже милые кролики, попадая в среду, где отсутствуют хищники, становятся угрозой для экосистемы. Как и растения или обычные лягушки. А что происходит с перемещениями между мирами? Бактерии, вирусы, паразиты? Столько интересных вопросов, до которых мне ещё расти и расти.

В конечном счёте, погружённая в свои мысли, вышла за околицу прямо к спуску к воде. Река зимой покрыта толстым слоем льда, с проделанными лунками для подлёдной ловли. В темноте пришлось немного перестроить зрение, чтобы чуть лучше видеть. Луна скрылась за тучами, только белый снег показывал куда можно ступать, а куда нет. Но всё равно пару раз чуть не провалилась в углубления, пока шла вниз. Спускаясь, чётко видела мужскую фигуру, стоящую прямо на мостках. В руках мужчины сигареты, от которой поднималась маленькая струйка дыма. Даже в таком диком месте, он сохранял элегантность и стиль. Зимнее пальто с тёплым мехом, брюки и зимние ботинки, всё в чёрном цвете.

Встав рядом, замерла на месте, спрятав голые руки под мышками

шубы. После возвращения с улицы, приняв ванну и смыв кровь, я получила нормальную по размеру одежду. Как уличную, так и для дома. Её современная комплектация дала понять, что это вещи из дома Армана, собранные специально для меня. Наверное, Лико постарался, он всегда отличался некоторой предусмотрительностью.

В темноте плохо читать чужие лица, я вижу только общую форму, но не могу знать, о чём он думает.

— Ты могла сказать, — заговорил он, сбрасывая уголёк с фильтра сигареты и пряча окурки в полупустую пачку. — Всё было бы проще. Я сразу бы понял, кто ты. И ты бы встретила с отцом...

— Я не доверяла тебе. Ведь всё, что узнаю о тебе, делает меня глупой и излишне доверчивой, — перебиваю его негромкие слова. — У меня была обширная практика, чтобы понять, что ты делал со мной. О том, как управлял мной, как заставил влюбиться, чтобы было проще управлять моими мыслями и чувствами. Ты менял меня, а я верила тебе. А теперь нет.

— Тебе нужно уходить отсюда, — тихо ответил он, ничуть не расстроившись от моих слов. — Ты думаешь, что попала домой к папочке, что теперь всё знаешь и всё будет хорошо, но это не так. Если бы я не знал, что он — единственный способ вытащить тебя из рук Кая, то ни за что бы не отправился сюда. Теперь я обязан твоему отцу. Но ты нет. Ты должна уходить, бежать из мира волков как можно дальше и быстрее. Когда начнётся война, а она начнётся в ближайшие несколько лет, все узнают о том, кто ты. И что они сделают с тобой?

— О чём ты?

Арман повернулся, обхватив за плечи.

— Я знаю, что Вель говорил тебе об этом, но он теперь под твоим отцом. Он верит ему, а я нет. Я знаю, что мой брат не мог так поступить. Он не мог отравить твоего отца аконитом. А Лука ничего не видел. Неизвестно, что именно произошло в том доме, но одно точно — твой отец спустил дикость с привязи и убил твою мать и моего брата.

Помолчав, впервые выдав эту тайну, Арман продолжил:

— Ты единственная волчица, способная полностью превращаться в волка наравне с мужчинами, сохранившая репродуктивные функции. Плюс в тебе течёт кровь королей. Ты носитель гена альфы, прямое продолжение старинного рода с богатой историей. Ты сильная и умная. Ты умеешь приспосабливаться и знаешь, как выживать. И это если

отбросить как красива ты внешне! Как думаешь, что сделают короли, когда узнают о твоём существовании? Как думаешь, каким будет твой нерождённый ребёнок? Ты единственная такая в этом мире. Война может случиться просто за право обладать тобой. Ведь..., — он сбился, сорвав дыхание, почти на грани замер, но собрался и продолжил, — твой ребёнок будет обладать уникальными силами. Я предполагаю, — осторожно добавил он, — что он будет способен подчинить себе всех волков. Разом. Намного быстрее, чем это делает твой отец. Я видел и чувствовал твою силу, — внезапно Арман притянул меня к себе, прижал к груди, гася слабое сопротивление, и прошептал очень тихо прямо в ухо: — Елена, ты уже сильнее собственного отца. Просто представь, каким сильным будет твоё дитя!

От слов Армана я пребывала в ступоре до самого дома, где Деймон уже собрал всех за праздничным столом. Он решил отметить нашу встречу, представив меня своим «генералам» и заодно в непринуждённой беседе обсудить, как помочь вытащить сестру.

Со стороны казалось, отец идёт на всё, чтобы мне было комфортно. Сама учтивость и добродушие. Отвечает на все вопросы, делится воспоминаниями о семье и говорит о планах на будущее, показывая, что я часть семьи. Он горд за меня, сожалеет, что не был рядом прежде. Ни в едином жесте не было агрессии, злобы или бешенства, которые ожидала увидеть, сравнивая его с Райво. Наоборот, он выглядел мудрым предводителем, которого любят его подданные.

Но не только слова Армана подспудно вызывали странные чувства. Я помнила, какими были дикие, когда считали меня человеком. Помнила, как на меня охотились. Помнила, с какой лёгкостью убивали дикие волки. И чувствовала Аврору, когда та пыталась убить меня сегодня днём. За этой маской что-то стоит и рано или поздно, но я пойму, что именно.

Ужин проходил непринуждённо. Кроме Лико, Армана и Вельямина с Деймоном, за столом расположились Лука и ещё несколько мужчин, отвечающих за сектора дальних пределов. Двое из них такие же, как Вель, кан-альфы, принявшие сторону моего отца. Беседа вертелась вокруг тем, мне незнакомых, волки обсуждали контроль за территорией, поставки провизии в наблюдательные пункты, создание новых троп с одобрения Деймона, и продвижение вглубь территории врага — как

лучше — порталами или напрямую через перевал?

В какой-то момент, отец встал с места, предлагая поднять тост за меня и наше воссоединение:

— Как вы знаете, мой брат, Демьян, двадцать лет назад отнял мою жизнь. С помощью предателя, он подобрался ко мне и из-за этого погибла моя семья. Я думал, что потерял всё, — отец говорил с тяжестью, пристально вглядываясь в каждого, сидящего за столом. — Дикость стала моим спасением. В ней я потерялся и открыл скрытую часть моей личности. Дикость помогла создать новую семью. Многие из вас знают, как много было вложено в наше дело за прошедшие годы. Мы теряли и обретали вновь. Двигались дальше, но помни о прошлом, — замолчав, отец повернул бокал, подставляя его к свету, чтобы красный пронёсся рубиновой вспышкой по комнате. — Год назад я услышал от Армана о девушке, сбежавшей от Алхимика, избавившейся от влияния неона. Тогда я не придавал этому значения, как и полгода назад, когда ко мне вернулась стая Райво и сообщила, как именно он погиб. Я даже не соотнёс эти факты между собой, считая их разными случаями. Но потом Лука сказал о шраме на лице девушки. И рассказал всё, что удалось узнать. Это было невероятное открытие. Узнать, что дочь жива и прошла через такие испытания, а меня не было рядом! — в словах отца было столько искренности, горячности, что мне стало трудно дышать и я сильнее сжала ножку бокала, прячась за волосами. — И вот она здесь, перед нами. И даже в нашем доме, она продолжает сражаться за свою жизнь, доказывая, какой сильной она стала. Елена, — напрямую обратился ко мне. — Мне жаль, что Аврора так поступила с тобой. За это сегодня вечером её казнили.

— Что? — непонимающе переспросила, вскидываясь, что чуть не пролила вино на свитер. — Почему?!

— Нападение на дочь вожака должно наказываться с максимальной строгостью. А учитывая историю Авроры, того, что творил её муж, она изначально была под надзором, — разъяснил скучающий Лука. — Правосудие восторжествовало. И послужило наглядным примером для остальных.

— Сурово, — ответил Лико, с таким же недоумением глядя на моего отца.

— Привыкай. Мы бы не выжили, если были бы добрыми ребятами, — мягко ответил Деймон.

И по тому, как он это сказал, я всё поняла. Посмотрев на Армана, увидела в его глазах всё то, что он пытался донести у воды. Мой отец не лучше Демьяна. Он другой король. Он дикий. И каким бы добрым он не был со мной, дикость найдёт выход. И я не знаю, какой именно. Но если я дам веский повод, он сорвётся на мне. Как настоящий зверь.

— Я поднимаю этот тост за тебя, моя милая. За наше воссоединение. За наше будущее! — и он отсалютовал бокалом, а волки последовали за ним. Я быстро опустошила свой, пытаюсь собраться с мыслями. Опустив руку под стол, переплела пальцы с Лико, ища поддержки, чтобы успокоиться.

Тем временем беседа перешла на Кая, а затем и на мою проблему. Когда «генералы» слышали о моей сестре, один из них удивлённо воскликнул:

— Так она же человек! Да ещё и под неонам. Зачем её спасать и приводить сюда?

— Потому что она дорога моей дочери, — спокойно ответил Деймон, но во взгляде мелькнула искра гнева. — Так что соберитесь и придумайте, как незаметно и малой группой пробраться на базу Алхимика. Помнится, мы это уже обсуждали. Зная масштабы его деятельности, пришла пора действовать более агрессивно.

— Это приведёт к открытому конфликту, — невозмутимо заявил Лука, нанизывая на вилку очередной кусок мяса. Самый уравновешенный и спокойный из всех. Лука пугал своей нейтральностью. Только присутствие рядом Армана немного сбивало его настройки, так как он постоянно на него оглядывался, словно пытаясь что-то в нём разглядеть.

— Значит это надо сделать так, чтобы Демьян решил, будто это очередное нападение людей. Помнится, это уже случалось с базой Алхимика.

— И после этого он укрепил границы и охрану. Весь город работает теперь на «санаторий». Мы не сможем незаметно туда проникнуть, а открывать тропу поблизости, всё равно, что оставлять визитную карточку! — так легко возразил Лука.

— Так придумай, что можно сделать.

Лука устало вздохнул, отложил столовые приборы, приложил салфетку к губам, собираясь с мыслями. Я видела, что он действительно обдумывал, как можно поступить. И только он собрался говорить,

причём обращаясь ко мне, как за стенами дома раздался громкий барабанный стук, который быстро оборвался.

По вскочившим «генералам», я быстро поняла, что что-то идёт не так.

— Что это было?

— Предупреждение, — выпалил Деймон, подбегая к окнам. — На нас напали.

*Роберт Бернс — Ночной разговор

Глава 27. О прежнем счастье цепью длинной...

Глава 27. О прежнем счастье цепью длинной...

Как ядовитый плющ по венам страх ползёт,

Спускаясь ниже, от головы до сердца.

Он холодом иные чувства глушит

И остаётся только онемение. Безмолвие

И тишина.

И всё завертелось, побежало, полетело. Посуда падает, звон и гомон, крик за окном стоит. В дом влетает один за наблюдателей, кричит, что войска короля на подходе. Как и откуда? Деймон раздаёт указания, и в последнюю очередь обращается к Арману.

— Уводи её отсюда. Быстро! — кричит на него и тот кивает в ответ.

С двух сторон, Лико и Арман, подхватывают под локти и выводят из комнаты. Я ловлю взглядом отца, который смотрит так... будто прощается навсегда. Он что-то говорит беззвучно, не слышу, а после и вовсе исчезает из виду, устремляясь к выходу, навстречу беде. Было, сопротивляясь, потянулась назад, но Арман дёрнул, цедя прямо в ухо:

— Хочешь ещё на год здесь увязнуть?! Идём, ты ему ничем не поможешь, только мешать будешь!

И я оставляю попытки, собираюсь с силами, и уже все трое как один быстро покидаем дом как есть, без верхней одежды, но хотя бы в зимних ботинках. Счёт идёт на минуты, выходя на пригорок, видим вокруг вспышки огня и света. Что-то бьётся со всей силы с той стороны дома, в ответ раздаются ещё более громкие звуки и всплески пламени. Я чувствую, как заворочалась скрытая мощь отца, и в ответ моя сила проснулась. Пришлось гасить, теряя скорость.

Лико первым заметил, что я отстала. Вернувшись, подхватил под

руку и потащил вперёд.

— Идём! Немного осталось, впереди тропа, по ней уйдём в Россию. Волки Демьяна не смогут пройти. Только держись, родная! — приговаривал, когда оступалась в снег. Сопrotивляться отцовскому зову было невыносимо, хотя умом понимала, что он делает это не специально, что это просто эхо его силы. Но назад тянуло как толстым канат да по нервам. Почти больно.

Очередная мощная вспышка опрокинула в снег, разделяя нас с Лико, Арман отстал, чтобы взять удар на себя, но чужаки вышла спереди. Их было человек восемь, а то и больше, в темноте да ослеплённая вспышкой, плохо различала чёрные фигуры среди деревьев.

Лико, не раздумывая, бросился вперёд, вступая в бой. Я, плюнув на всё, расслабилась, вызывая в себе силу волчицы. Она послушно заскользила по венам, выступая из кожи, устремляясь прямо к ним. Я прежде не делала так, поэтому не ожидала, что она почти не сработает. Они не были дикими, они полностью связаны с Демьяном. Им было почти всё равно, что я сделала. Сила прошла насквозь, только чудом задев одного из них, который пал на колени, оборачиваясь в волка.

Но и этого хватило, чтобы сбить их с мысли и дать время Лико и мне, а также подоспевшему Арману, с ходу рубящему голову одного из них. Брызнула кровь и её горький привкус окрасил металлом воздух. Я сорвалась с места и побежала прочь, унося за собой своих. Раньше не приходилось действовать так резво, но я трансформировала части тела так быстро, как могла. Лико бежал рядом, и в какой-то момент вывернул за плечо, принуждая остановиться.

— Дальше беги одна, — крикнул он, перекрикивая доносящийся со всех сторон шум. Как будто взрывают световые гранаты, закладывало уши и слепило глаза. — Мы задержим их, поняла?

— Я не могу одна!

— Делай, что говорю! — взорвался парень, притягивая к себе, сталкивая нос к носу. — Ты должна выжить и остаться на свободе! Слышишь меня? Выживай, Елена, иначе мы все умрём!

— Что? Я не понимаю...

— Беги! — раздался позади крик Армана.

Обернувшись, увидела стаю волков, нападающих на него.

Лико возвращает внимание, впиваясь резко в губы, а затем

отталкивает, и я лечу прочь, пытаюсь не слышать звуки удара металла о металл.

Здесь повсюду так много криков. Огонь и вспышки, свист и падение, от которого дрожит земля. Сила отца расползается во все стороны, как шатром накрывает город, но что-то противоборствует ей. Сопротивляется, мешая поглотить каждого.

Я бегу всё быстрее и быстрее, не замечая, как кто-то рвётся наперерез, сбивая с ног. Уткнулась лицом в снег, теряя зрение, и остаётся только осязание, как что-то готовится впитаться в спину и властный крик над головой:

— Её — не трогать!

Всё замирает, но не прекращается. Вопль проносится совсем близко, обрывается резко, слышу волчий рык, и тяжесть спадает. Переворачиваюсь на спину, сметая снег с лица, вижу кровь и разорванные глотки нападавших. Их было двое, а над ними голый волк. Вельямин нашёл меня. Он тяжело дышит, вся морда в густой красной жидкости, глаза прикрыты, оборотень восстанавливает дыхание. Почувствовав взгляд, смотрит в ответ. Он не может трансформироваться сейчас. Это отнимет слишком много сил, а ночь ещё не окончена. Головой мотает в сторону чащи, указывая куда бежать.

Я поднимаюсь и, прежде чем сорваться с места, подбегаю к нему и целую эту звериную морду, перенося кровь мертвецов себе на губы. Он тихо рычит, и я отступаю в темноту, а он, бросив последний тоскливый взгляд, убегает обратно к пылающему городу, отвечая на зов отца.

Чувствую в отдалении Лико, он скоро последует за мной, но ждать нельзя, и я довожу дело до конца. Сбрасываю верхнюю одежду, разминаю плечи и заставляю тело вновь трансформироваться. В лесу лучше быть волчицей, а не человеком. Это ведь так легко снова принять иную личину. Опять ощутить свободу от человеческих мыслей, упрощая себя до зверя. Главное не нырять слишком глубоко.

Волчица морщится, облизывая окровавленную пасть. Она чувствует — позади слишком много иных зверей, а впереди что-то особенное. Путь, пролегающий среди деревьев. Он режет воздух, заставляя его вибрировать, изгибаясь подобно сотням змей. Её манит этот звук, это предчувствие движения. Вечный путь, дорого без конца и начала.

Зверь срывается с места, быстро набирая высокую скорость, с лёгкостью перепрыгивая через поваленные деревья и уклоняясь от ям и вырастающих на пути стволов сосен и елей, царапая лицо колючими ветвями, заноса в шкуру сотни толстых иголок. И вот на пути возникает прореха, теперь зверь видит её очень чётко, она растягивается в дорогу из размытого окружения, и волчица с разбегу прыгает внутрь, пересекая границу, выныривая на Земле.

Здесь тоже зима и очень много снега, от высоты прыжка, она приземляется в сугроб, с головой уходя на глубину. Отфыркиваясь, выныривает наружу, осматривается. Это иной лес, моложе и хвойные деревья ниже, но здесь также темно, такая же глубокая непроглядная ночь. Но нет огня, нет пламени сражения и тишина, звенящая, голодная тишина.

Волчица оглядывается, водит носом, она что-то чувствует, но не знает, что именно. Осторожно выходит вперёд, оглядывается, замечая контуры дикой тропы. С той стороны скоро придёт её триада и она готова ждать, но всё случилось иначе.

Со всех сторон зажглись прожекторные огни, направленные на неё. Пошёл резкий колючий запах, выжигающий слизистую и зазвучал высокий тонкий ультразвук. Волчица ослепла, оглохла и потеряла нюх. Но не себя. Внутри осталась сила, и она щедро плеснула во все стороны. Без разбора, зверь бросился вперёд, даже не думая, просто на основе инстинктов. И тогда свет запульсировал острыми вспышками, выбивая в голове невыносимую боль. Зверь уткнулся носом в землю, скуля от боли и дезориентации. А после что-то впилося в шею, огнём распространяясь от места укола. Её прижали к земле, не давая шевельнуться и до боли знакомый голос прошептал:

— Не думала, что я снова поймаю тебя? Елена, когда же ты уже поймёшь — бежать от меня — бессмысленно.

Я открываю глаза и моментально закрываю вновь. Яркий свет бьёт и отражается невыносимо-острой болью от висков до затылка. Мне холодно, тело дрожит и другая боль от сведённых судорогой частей тела, срывает с губ негромкий стон. Когда адаптируюсь к яркому белому свету, вижу, где нахожусь и теперь хочется кричать.

Это камера со стеклянными прозрачными стенами. Здесь нет удобств. Шершавый пол, дырка в углу, над которой вплавленный в

потолок душ с единственной кнопкой — объединённый туалет с душевой. Я лежу на полу, так как, фактически, здесь больше ничего нет.

Я обнажена. На теле ни ниточки, все шрамы, полученные за все годы жизни, яркие в этом белом свете. На сгибе локтя следы от уколов, синей веточкой расходясь от места ввода иглки. Мне что-то вводили или забирали?

Оглядываясь, вижу другие комнаты, они без света, в них никого нет. Моя камера квадратов десять, не больше, единственная освещённая на всём этаже. Подходя к стеклянной стенке, несмело бью по ней кулаком и понимаю, какая она толстая и прочная. Присмотревшись, вижу следы от когтей, мощные, глубокие царапины. Это тюрьма для волков. Я не смогу выбраться наружу, даже если приму волчью суть.

Мне больно дышать, от голода сводит живот, так всегда происходит после трансформации. От боли в голове трудно вспомнить, что произошло, но я напрягаюсь и вспоминаю. Это сделал он. Он ждал на другой стороне тропы, а значит точно знал, что и как будет. Тропы создают дикие — среди них был предатель, который вывел Демьяна на обитель Деймона, причём провёл его по дикой тропе, иначе так быстро нельзя было попасть в сердцевину дальних пределов. А вот про эту тропу знал только ближний круг Деймона. И тот, кто сдал его, точно знал, что выводить меня будут именно сюда. И подослал Кая. Его голос я слышала, прежде чем отключиться. И он точно знал, кто я такая. Мой козырь рассыпался, а я даже не знаю, что случилось с Лико и Арманом. Они перешли или остались там? Они живы? В безопасности? Или...?

От тяжёлых мыслей голова заболела ещё сильнее, и я опустила вниз, прижимая руки к животу и прислоняясь затылком к стеклу, погружаясь в холодное оцепенение.

— Я знала, что ты окажешься здесь, — женский голос раздался из соседней, погружённой в темноту, камеры. — Это был просто вопрос времени.

— Что? — я почти испугалась, так неожиданно было понять, что здесь есть кто-то ещё.

Послышался странный скрип, а затем голос ответил:

— Он любит приходить и хвастаться успехами. Кай ведь садист, ему нравится мучить. А ты его любимая игрушка, и ему хотелось делиться со мной тем, что он собирается сделать с тобой.

— Кто ты? — голос казался знакомым, но от хрипоты и

медленности речи, никак не могла вспомнить, кто это.

— Знаешь, когда я сделала это, то думала, что все проблемы решены. Что иначе нельзя, ведь мне сказали, что всё будет хорошо. Что всё наладится. Это была ложь. У меня здесь было много времени, чтобы понять, как незначительна я была для того, кто обманул меня. Ему просто было всё равно, что со мной случится. А Кай... он сначала хотел пытаться меня, но зачем мне терпеть пытки? Я всё ему рассказала. И даже то, что он не спрашивал. Я знала, что назад дороги нет, поэтому решила открыть для себя новый путь, — она горько рассмеялась, а я начала понимать, кто скрывается за стеклом во тьме. — Вот только я не гожусь для этой дороги. Кай сказал, что такая как я, не заслуживает стать частью его семьи. Что я заслуживаю смерти за то, что сделала с тобой. Но ведь это слишком легко для садиста? Просто убить врага недостаточно, ведь он думал, что ты мертва. И тогда он решил, что я больше не должна убегать. Что мне хватит бегать.

Скрип раздался ближе, в темноте шевельнулась маленькая тень, которая начала медленно ползти в мою сторону. Она подползла к стеклу, разделяющему камеры, и я увидела её. Это была Эльза. Красавица Эльза, от красоты которой ничего не осталось. На ней была какая-то тряпка, похожая на больничный халат на завязочках. Теперь девушка лысая, без бровей и ресниц, без ногтей, со впалыми щеками, будто много дней голодала. И... у неё не было ног — пустота, начиная чуть ниже бедра, обмотанная бинтами. Вместо Эльзы — существо как из Освенцима с невероятно яркими, огромными глазами. Это всё, что от неё осталось, — умные глаза некогда роскошной женщины.

— Он хотел, чтобы я страдала каждый день и поэтому лишил всего, — заговорила она, цедя слова. — Теперь не сбегу, нечем бегать. И никто больше никогда не посмотрит в мою сторону. А чтобы я каждый день получала порцию страданий, он поместил меня в эту клетку. И когда здесь впервые оборачиваются его оборотни, они рвутся ко мне, пытаются выбить разделяющие стёкла. Приятная компания, не так ли?..

— Эльза...

— Я вижу и тебе досталось, — она не ждала сочувствия, не хотела слышать жалость. Её волновало дело. — Столько шрамов. Я знаю, что ты их получила из-за меня. Но мне тебя не жаль.

Она приблизилась ещё чуть-чуть, прислонившись к стеклу, заговорщически подмигнула, взглядом приглашая подойти поближе.

Дождавшись, когда я окажусь совсем рядом, чтобы услышала её шёпот, заговорила едва слышно:

— Ты ведь понимаешь — он слушает нас. А сейчас нет. Значит скоро придёт. У нас есть пара минут и, чёрт бы меня побрал, тебе лучше внимательно слушать всё, что скажу.

Когда медленно кивнула в ответ, девушка облизнула пересохшие губы и продолжила говорить:

— Он делился со мной, что собирается сделать с тобой. Он знает кто ты. У него есть лазутчик среди волков твоего отца. Кто именно — без понятия, такими подробностями не делится. Главное, Кай уверен, что сможет управлять тобой, — она усмехнулась, видя, как я хмурю брови. — Больше никаких игр с едой, Елена. Он возвращается к первоначальному плану. Собирается накачать тебя новой версией неона. Чтобы ты стала прежней, — Эльза прислонила костлявые руки к стеклу и понизила голос до едва-едва различимого шёпота. — Он верит, что у него всё получится, но это не так. Тот, кто помог мне доставить тебя в лес, сказал, что у Кая ничего не выйдет. Он велел передать тебе это. Сказал, чтобы ты была сильной. Что потребуется вся твоя сила, чтобы победить Алхимика. И только так ты выживешь.

— Я не понимаю, — прошептала в ответ, качая головой. — Кто тебе это сказал? Что это значит?..

Она устало дёрнулась, опуская ладони и склоняя голову.

— Я была и есть инструмент в чужих руках. Тот, кто сказал это, опасное существо. Я не знаю, кто он. Мы никогда не говорили вживую. Но этот... человек способен на всё. И как кукловод управляет твоей жизнью. Через меня он привёл тебя в лес, чтобы ты попала в мир волков, а теперь подсказывает, что нужно делать, чтобы выжить. Понимаешь? Я не знаю, чего он хочет, но, если не слушаться его, закончишь как я или хуже, — Эльза горько усмехнулась.

Мне хотелось задать так много вопросов, расспросить поподробнее, разобраться во всём, но я уже слышала, как открываются электронные двери, и в коридор заходят люди. Я чувствовала, что он идёт. Последний раз взглянув на отползающую в темноту Эльзу, сама встала на ноги и прошла в центр комнаты.

Повсюду зажегся свет, ослепительно-яркий свет, и я остро почувствовала свою наготу. Но вместо того, чтобы прикрыться, выставилась напоказ — прямая осанка, гордо поднятый подбородок и

руки на талии по бокам. Мне нечего стыдиться. Моё тело — карта выживания. За каждым шрамом скрывается боль и сила. Это то, что научилась делать лучше всего, — выживать.

— Здравствуй, Елена, — я увидела его до того, как он встал напротив камеры, в окружении своей немногочисленной свиты.

Мы виделись позавчера? Или ещё раньше? Быстро же я вновь оказалась у него в руках. В этот момент прокляла себя за слабость. Нужно было действовать, а я поддалась сомнениям. Теперь буду расхлёбывать последствия.

Я узнала каждого, кто был с ним. И несносную изуродованную Шарли, и Артёма с презрительной ухмылкой, и... Олега. Я подвела его. Он не должен был быть здесь. Не должен был стать заодно с Каем. Как и она. Инга.

Впервые вижу её так ясно спустя столько лет. Я почти не помню нашу встречу в Москве, только смутные отрывки, тогда как улыбка из детства преследовала каждый раз, когда думала о ней. Она повзрослела, избавившись от подростковой угловатости. Длинные волосы состригла под ёжик, топорщившийся в разные стороны, зелёные глаза сверкают ярко, как и многообещающая улыбка на устах. В ней не осталось моей Инги. Не осталось сестры, ведь глядя на неё, вижу его. Вижу неон внутри зрачков. Она полностью под властью Кая. И ненависть огнём поднялась из сердца.

— Прежде всего, я хотел напомнить тебе, что ты потеряла, — заговорил он, насладившись моей ненавистью. — Они все — семья. Помнишь, как это было?

— Это не воспоминание. Это проклятие. Отсутствие личности. Они пустые внутри. И я была пустой до тех пор, пока ты не наполнил меня собой. Ведь ты этого хочешь? Раз не получается найти похожих, их надо создать? И чтобы любили, и выполняли все прихоти, и предугадывали желания. Не рабы, нет. Поклонники «бога», — я усмехнулась, заметив — все, как один, дёрнулись на последних словах. — И ты создал неон. А потом захотел большего. Надоели иллюзии и ты придумал меня. Придумал, что за твоими желаниями скрываются мои. И до сих пор пытаешься доказать это. Доказать, что есть ещё одно такое же больное существо, как ты.

У него задёргался глаз. Едва заметно. Лёгкая рябь по телу, нервный тик. Эта его суетливость от вещей, которые ему не нравились. И Инга

заметила тоже. Заметила и сделала то, что всегда делала я. Попыталась успокоить. Нежно взяла за руку, слегка сжала, потянула к себе, но он отдёргнул, и оттолкнул её.

— Вон.

Всего одно слово и они ушли. Настоящие куклы, запрограммированные на послушание. Я не увидела среди них тех, кого помнила. Инга ни за что не промолчала бы, если бы он не отдал приказ молчать. Как и Артём, которого распирало сказать гадость. Или безмятежного Олега, он тоже мог высказаться, как и Шарли, мысленно убивающую меня раз за разом. А вот отдай он приказ полюбить меня, и любовь сочилась бы сквозь поры. В этом сила неона. Это хуже, чем быть под королём-альфой или под омегой-королём. Это наркотик, который действует физически, а эмоционально забирается в голову.

Став наркоманом, меняется личность, но для вас всё происходит незаметно. Вообще все глобальные изменения случаются незаметно. Ты живёшь, дышишь, существуешь, принимаешь решения, идёшь вперёд или стоишь на месте. И меняешься, потому что меняется мир вокруг тебя. Зависимость подчиняет твой день. Не сразу, но ты начинаешь выстраивать всё вокруг неё. Краткосрочные планы. А потом и долгосрочные. А потом не остаётся ничего, кроме ещё одного долбанного дня, потому что за ним, — бездна.

Так ты чувствуешь себя рядом с Каем. Пока ты далеко от него, волк существует только в твоей голове, как безусловное подчинение. Выстраивается иерархия — ты подчиняешься тем, кто дал неон, а они подчиняются ему. Когда его нет рядом, ты живёшь своей жизнью или тем, что тебе сказали делать. Но если он берёт тебя в свою жизнь, она исчезает, превращаясь в его жизнь. А ты игрушка, которую можно поставить на полку.

Я смотрю ему в глаза, вижу, как он набирается энергии, чтобы выдать очередную напыщенную речь, или ещё что-то, а в голову лезет одно воспоминание.

Это была вечеринка. Десятки людей в клубе, много новообращённых, у которых сносило башню от того, что рядом с ними отдыхает их бог. И в какой-то момент затеяли игру — кто на что готов пойти ради бога?

Сначала всё было безобидно. Детские шалости вроде омыть своими волосами его ноги. Или же стать пуфиком для него. Кто-то притащил

плётку и отхлестал себя ею. Всем было весело. Дурачились, пародируя человеческие религии. Сделай стигматы. Вырежи на коже имя его. Ударь. А теперь ножом. Это была уже не игра, но все продолжали веселиться. Точно как под действием наркотика, рамки отсутствуют. Не можешь думать в перспективе. Всё закончилось тем, что одна особа просто вырезала себе глаза, никто и слова сказать не успел. Она решила, зачем ей зрение, когда внутри есть свет бога?

Только тогда Кай остановил игру. Позже он спросил, на что я готова пойти ради него, и я ответила: *«На что угодно. Я готова убить или умереть ради тебя!»* Пожалуй, эти слова лучше всего характеризуют, что такое быть частью семьи Кая.

— Я хотел, чтобы всё было как раньше. Всегда хотел вернуть то время, когда ты была рядом со мной. От одного твоего присутствия мне становилось легче и я знал — это любовь, — он наполнил слова фальшивой патокой, от которой вязнут зубы. — Но теперь понимаю, что на самом деле всё внутри тебя. Ты волчица из королевского дома Демьяновых. Неудивительно, что каждого волка влечёт к тебе. Неудивительно, что моя дикость уходила, когда был рядом. Я только не могу понять, почему это не проявлялось в твоей крови.

Прижав руку к сгибу локтя, моментально ощутила лёгкую боль — у меня брали кровь. Заметив, он кивнул:

— Да-да, я вновь брал образцы, и вновь ничего не нашёл. Так не бывает. Я брал кровь у твоего дяди — все маркеры на месте. А у тебя скрыто, — как фокусник, развёл руки в стороны, будто что-то исчезло. — Я никогда такого не видел.

— И что ты хочешь услышать от меня?

— Ничего. Больше ничего, — он успокоился, почти равнодушно окинув взглядом. — Раньше верил, что смогу достучаться, вытащить тебя настоящую, но не вышло. Так что возвращаемся к первоначальному плану.

— И больше никаких признаний в любви? Теперь, когда ты знаешь, что я могу надрать твою задницу, ты решил пойти по простому пути? — иронично спрашиваю, скрещивая руки на груди. Я вижу, как он смотрит на меня. От такого взгляда мурашки поднимаются. — Кай, ты ведь не дурак и знаешь, что это такое — неравенство. Столько лет окружённый куклами. Вспомни, как устал от меня и прогнал? А теперь снова хочешь шагнуть в эту ловушку? Это не любовь. Это слабость. И страх.

— Но я больше не могу полагаться на свои чувства к тебе, Елена, — упрямо возразил он, недовольно глянув на сжавшуюся в углу Эльзу, которая из всех сил старалась спрятаться от него. — Ты нужна мне. Сегодня, завтра и всегда. Никто другой не обладает твоей силой. Рядом с тобой я уже сегодня смогу начать действовать. Больше никаких исследований, никаких иных способов обрести полную независимость от королевских альф. Мне будет достаточно тебя. А тебе достаточно меня. И так будет всегда. Никаких неожиданностей.

— Всё это время мне казалось, что ты хотел разбудить во мне чувства. Искажённым, жестоким способом, ненавистью, так как умеешь только ты. Я видела в тебе что-то настоящее, не от кукловода, которым ты всегда был. Мне ничего от тебя не было нужно, но ты всегда был в моей голове, — Кай поморщился, услышав, как его назвала, но ничего не сказал. Мы оба хотели расставить все точки над «i» и прийти к какому-то заключению. — Ты не мог придумать новый вариант неона за несколько дней. Значит ты всегда держал это как запасной план. На случай, если не получится. Это значит, подсознательно ты никогда не верил в нашу любовь! — последние слова выплюнула из себя, презрительно окинув его взглядом. — Делай, что собирался. Мне отсюда бежать некуда. Но не рассчитывай, что сдамся без боя. Не думай, что будет легко и тебе понравится полученный вариант!

— Ты не права! — крикнул он, зло мотнув головой. — Я хотел дать тебе всё! Но ты сбегала вновь и вновь, и довела всё до точки! Ты даже не старалась понять меня! Ты подпускала к себе столько волков, даже короля! Даже Армана и этого проклятого Вельямина! Делала всё, чтобы выжить, но даже на миг не допустила мысли, что рядом со мной тебе не придётся выживать! Я хотел дать тебе всё — семью, дом и будущее в мире, где не будет страха и боли! Я хотел, чтобы ты была счастлива, но ты даже не попыталась принять меня. Так боялась раскрыться! — Кай говорил быстрее и быстрее, с такой отчаянной злобой, что больно слышать, а затем резко остановился, отдышался, отводя взгляд. — То, что я дам тебе, предназначено для Демьяна и для твоего отца. Пока есть королевские альфы, никто из волков не свободен. Я всё хотел провести контрольное испытание, но сама знаешь, испытуемого так просто не возьмёшь. А потом узнал, кто ты и понял, что иного варианта нет. В тебе течёт кровь королевских альф. Ты сама обладаешь этим даром. Значит подходишь. Прости, Елена, но я так устал!

Кай подошёл вплотную к стеклу, приложив руки к поверхности и с такой тоской посмотрел мне в глаза. Он знал. Знал, что никакое самовнушение не спасёт от осознания, что он забирает у меня личность. И был готов принять все последствия. Кай сдался. А мне теперь предстоит узнать, насколько же сильной я стала.

— Надо было убить тебя, когда у меня была такая возможность. Но я так не хотела стать такой как ты. Так не хотела превратиться в убийцу, — я говорила невыразительным, потерянным голосом, отражая его слова, понимая, что это конец. — Я буду расплачиваться за это до конца своих дней.

— Нет, не будешь. Ты станешь счастливой, дорогая! — убеждённо ответил он, отталкиваясь руками от стекла.

Он отошёл в сторону к небольшой сенсорной панели.

— Ты знала, что моим оборотням необходимо превращаться каждое полнолуние? Забавный побочный эффект, совсем как в человеческих легендах. Словно когда-то кто-то уже делал нечто подобное. Неважно, — он вводил какие-то команды, от которых зашумели трубы, проходящие под высоким потолком камеры, утопленные в стену, чтобы их нельзя было сорвать. — Так вот, чтобы дикость не наносила им и окружающим вреда, они остаются здесь, где получают усиленную дозу неона. Это возвращает им разум. В каком-то смысле, именно это я и хочу сделать с тобой. Вернуть разум.

Кай последний раз нажал на экран и вернулся напротив камеры.

— Пусть Эльза, которая отняла тебя у меня, станет свидетелем твоего возвращения, — заключил он, помахав ей рукой.

Девушка была как призрак. Видимо он и правда смог сломать её, раз она так боится даже дёрнуться лишний раз.

Шум в трубах усилился и из решёток повалил голубой почти неоновый дым.

— Иди к чёрту, Кай, — процедила сквозь зубы, неотрывно наблюдая как дым заполняет камеру.

Я отвернулась, опустилась на колени, сжимаясь в комок, скрываясь от всего мира. В голову лезли какие-то глупые мысли, которые тотчас же уходили, не оставляя следа. Я чувствовала, как быстро бьётся сердце. Ощущала лёгкое дуновение воздуха, прохладу дыма, окутывающего непроглядным саваном. Непроизвольно задержала дыхание, чтобы не чувствовать этот яд. Но потом сдалась. И вдохнула полной грудью.

*М. Ю. Лермонтов — Демон

Глава 28. Нет на земле твоего короля...

Глава 28. Нет на земле твоего короля...

*Я падаю, когда нет сил бороться
И прогибаюсь под власть чужой
Колени в кровь, занозы в пальцах
И слёзы, слёзы катятся из глаз!
Подставив шею — склониться
Вся нараспашку перед ним!
Но стоит только уклониться,
Чуть сдав назад, как сразу — бой!
Мой мир отныне... совсем-совсем иной
В руках (когтях) зажата смерть
И грудь твою, вот как на грех,
Вспороть так просто.*

Это напоминало американские горки. Невероятно быстро и мощно, калейдоскоп из воспоминаний прошлого. Накрыло с головой, даже не успела что-то сделать. Подумать. Сразу нырнула на самое дно. А перед глазами кадры, счастливые моменты из прошлого.

Вот я и Инга прыгаем через скакалку, едим мороженое, гуляем с папой в парке. Мы совсем маленькие, счастливые. Окружающие смотрят на моё лицо и у них в глазах участие. Детям проще сочувствовать.

А вот я в школе на уроке литературы. Совсем старенькая сухонькая учительница спрашивает, кто что прочитал за лето. И я единственная из всего класса рассказываю наизусть своё любое стихотворение у Ахматовой. Чётко и с выражением. Это было замечательно, потому что все молча слушали. Их заворожил мой голос.

Кадры меняются, выхватывая всё лучшее из моей жизни. Таких моментов набралось немного, но и не мало. Достаточно, чтобы затопить сердце счастьем, от которого так сложно увернуться. И когда меня выбрасывает из этой волны, вся дрожу как от боли, будто ток прошёлся через тело, накалив каждый нерв.

— Вспоминай.

Чужой, низкий и хриплый голос ворвался в голову, перевернув всё, вытащив нечто иное.

Это я уже видела.

Заснеженное шоссе. Машина. Авария. Рычащие волки. Клаксон автомобиля, отгоняющий чужеродным звуком зверей. Дверца со стороны водителя открывается и наружу выходит незнакомый мужчина. Он сплёвывает кровь на снег, вытирая лицо. Он так похож на Армана! Те же скулы, тот же цвет глаз, такие же волосы и фигура. Только нежнее. Без надлома. Это Аран. И у него всего несколько минут, прежде чем волки вновь набросятся. Среди диких нет отца, как нет и Луки. Аран меняется, принимая волчью суть и, вскакивая на крышу машины, прыгает в сугробы леса, уводя за собой волков. Они уходят всё дальше и дальше, оставляя за собой крики боли и рвущих плоть клыков. В конце концов над лесом пронеслась мощнейшая волчья песнь. Это голос отца. И волки ушли за ним.

Я знала, что Аран не выжил. Они разодрали его на части, а он позволил им сделать это, чтобы женщина, спрятавшаяся в машине, прижимающая к груди младенца, осталась в живых и смогла потом пройти десять километров, чтобы спасти своё дитя.

Аран пожертвовал собой ради Нади и меня. Он не предавал отца.

Как только осознала эту мысль, слетела счастливая пелена, окунув с головой в холод зимы. Я вновь оказалась на той поляне среди могил.

— Ты не свернула с пути, Елена, — голос прошелестел, путаясь среди колючих сосен. — Ты выпьешь эту чашу до дна или умрёшь. И умрут все.

Я опускаюсь на колени, вновь начиная разрывать могилу, чтобы увидеть, кто же там похоронен. Пальцы онемели от холода, они карябают слежавшийся каменный снег, но даже острая боль не дала добраться до тела. Всё впустую — не узнать, кого убила. Кого не спасла.

— Что это значит?! — закричала во всё горло, ударив кулаками по земле. — Что ты хочешь этим сказать?!

— Ты та, кто ты есть! — нечто прошипело в ухо свою злость. — И ты дойдёшь до конца. Не сдашься. Не поддашься ему. И сделаешь то, ради чего была рождена!

— Что?! — я оборачиваюсь и вижу собственное звериное отражение. Вижу, как над лесом встаёт кровавая луна. Вижу чёрные крылья дракона с той картины, что висела во дворце короля. Его тело закрывает свет и кажется, будто он горит, падая на меня.

И тьма поглотила свет.

А я вернулась назад.

Шарли поправляет платье, разглаживая складки, стирая невидимые пылинки. Оно кремового цвета из полупрозрачной ткани, под которой светлое боди. Его дублирует вышитые золотые узоры, расходящиеся в разные стороны ниже бёдер, прихватывая для объёма ткань.

Это свадебное платье с лёгкой золотой диадемой в волосах, которую крепит Инга, пока незнакомая девушка помогает влезть в ажурные туфельки под цвет наряда.

Меня вымыли, надушили, одели и накрасили. Уложили волосы, кремами увлажнили тело. Превратили в нежную красавицу, готовящуюся принять то самое кольцо. След укуса Лико, деликатно прикрыли воротничком, а чтобы даже намёка не было, загримировали, полностью скрыв от глаз. А вот шрам наоборот выставили вперёд. Мне есть чем гордиться.

Мне вообще, в принципе, есть чем гордиться. Мой жених — самый-самый лучший из всех. Мой жених — почти что бог. И каждая девушка, и каждый юноша, говорит, какая я счастливица, что удостоилась его любви.

И я улыбаюсь со всей искренностью, на которую способна. Я улыбаюсь, а внутри всё умирает. Умирает каждый раз, когда кто-то касается меня. Я умираю от необходимости говорить, как же я счастлива. Умираю от их любви. От их внимания. От невыносимого счастья окружающих. Я умираю и не могу ничего изменить.

Эта роль — самое сложное, что приходилось делать. Я не просто изображаю счастье, я им дышу. Я наполнена всем тем, от чего бежала все эти годы. Я балансирую на грани между собой и им. И ничего не могу сделать. Он держится на расстоянии. Сомнения мелькают в его глазах. Он не готов поверить, а значит я недостаточно хорошо притворяюсь.

И я продолжаю улыбаться. Улыбаться изо всех своих сил.

Когда Кай привёл меня в эту комнату, ожидала увидеть подобие свадебной церемонии, о которой говорили все вокруг. Но вместо этого оказалась в странном командном пункте с большими окнами, за которыми внизу терялся тренировочный зал.

— Здесь мы наблюдаем за тренировками новообращённых, — объяснил он. — Видишь, какой высокий потолок? Здесь нет окон, а входные двери из толстых сплавов металлов. Это место как одна большая клетка, где звери не сдерживаются. Видишь, какие царапины на стенах? Иногда пускаем ток, обучая волков драться в любых условиях при любом давлении. Каждый оборотень должен быть способен выстоять против настоящего волка.

— Они слабее нас? — спрашиваю безразличным голосом, слегка наклоняя голову.

Кай стоит так близко, что чувствую его дыхание на коже шеи. Это не продлилось долго. Через мгновение, он отошёл в сторону, сдерживая свои порывы обнять меня.

— В обычные дни — да. Но в полнолуние... даже не знаю, возможно сильнее. Мы всегда сдерживаем глубину своих волчьих порывов, а они в это время не могут и ныряют на самое дно. Обретают истинную дикость. Когда-нибудь, я устрою здесь спарринг между обычным волком и оборотнем. Посмотрим, что из этого выйдет.

— Да, мне нравится эта идея.

Это щекотно — влезать в старую шкуру. Вспомнить, какой была рядом с ним, словно оказаться дома. Под крышей, в безопасности. Когда отдаёшь ответственность за свою жизнь в руки другого.

— Ты мне покажешь, как дерутся твои волки? — я оборачиваюсь и смотрю на него с улыбкой. — Помнишь? Я люблю смотреть, как люди выбивают из друг друга кровь.

— Да, ты любишь вид крови, — он многообещающе ухмыльнулся, подходя ко мне и целуя в макушку. — У меня столько планов. Идей, что мы можем сделать вместе. Но сначала одно маленькое дело. Есть кое-что незавершённое, дорогая.

— Ты о чём? — переспрашиваю, не понимаяюще глядя ему в глаза.

Он отгибает воротник моего платья, проводя пальцами по едва заметному шраму.

— Не люблю следы чужого на твоём прекрасном теле, — мягко отвечает он, улыбаясь с жалостью. — С этим нужно разобраться, моя милая.

Он отворачивается, подходит к стеклянной стене, нажимая переключатель света, чтобы осветить тренировочный зал. Жестом подзывает к себе и показывает низ комнаты.

Я вижу их обоих. Лико и Армана. Они даже не связаны, сидят на голом полу в совершенно пустом тренировочном зале. Без обуви в одежде со следами драки. Щурятся от яркого света, пытаюсь разглядеть наблюдательный пункт. Лико первым понял, что происходит. Он что-то сказал Арману, тот согласно кивнул, со злостью глядя на Кая.

— Кай, я должна убить их? — спрашиваю со всей возможной невозмутимостью. — Это я должна завершить?

— Нет, боже правый, милая Елена, я не хочу, чтобы ты убивала! Не хочу, чтобы ты становилась убийцей. По крайней мере, не сейчас, — сделал вид, что возмущён до глубины души, а сам очень пристально разглядывает меня.

Фиксирует изменение биения сердца, выступил ли пот, волнуюсь ли я? Может напугана? В ответ — полное безразличие и спокойствие. Лгать меня хорошо научили. Я знала, что Кай не дурак и придумает проверку. Я должна пройти её, только тогда он начнёт доверять и подставится.

— Тогда что ты придумал для них?

В комнате ни звука, хотя видно, что Арман кричит. Что-то пытается доказать Каю. Но ему всё равно.

— Сейчас узнаешь, — Кай дружелюбно подмигнул, возвращаясь к стойке управления и подхватывая со стола небольшой микрофон. Он включает звук и до нас доносится поток отборной ругани альфы вперемешку с угрозами скорой физической расправы.

— Арман, мы же оба знаем, что из этого ничего не выйдет. Ты больше не под защитой короля. Когда он узнал о твоём предательстве, то выдал карт-бланш на твоё убийство. Как и Лико. Вы оба — смертники в мире волков. А здесь — полностью в моей власти.

— И ты думаешь, что сможешь победить меня? Убьёшь из-за угла? Так как нас похитили твои волки? Всадишь снотворное и разберёшь на запчасти ради своих исследований?! — Арман был в ярости. Он как зверь в клетке ходил из стороны в сторону, тогда как Лико сохранял потрясающее чувство спокойствия.

Никто не знал, как тепло передавалось от него ко мне. Он успокаивал меня. Давал силы. Мы оба знали то, что не знали Арман и Кай. Так действовала связь между нами. И моё показное равнодушие не обмануло Лико. Он знал, что я не под действием неона.

— На самом деле мне это не нужно. Напротив, хочется разобраться

с вами как можно скорее. И моя возлюбленная только что подкинула отличную идею, как это сделать!

— Ты же знаешь, что она не любит тебя? Ты накачал её наркотой и играешь как с куклой! Это не любовь. Рано или поздно, но она опять освободится от твоего влияния и тебе придёт конец! — презрительно выдал Арман, с брезгливостью посмотрев на меня. — Она даже выглядит как ряженая игрушка!

На лице Кая заиграли желваки, но он не отреагировал на словесную оплеуху волка. Не опустил до брани, только подарил очередную многообещающую улыбочку.

— Не пытайся разозлить меня, Арман, я и так зол. Всё, что хочу, это подарить красивое зрелище Елене.

— О чём ты говоришь? — спрашиваю воодушевлённо, подходя ближе.

— Подожди! — он пальцем приказывает остановиться, а затем вновь обращается к волкам внизу: — Вы оба сильно мешали мне всё это время. Я знаю, между вами что-то есть. И было бы здорово сделать из этого трагедию.

— О чём ты говоришь? — нахмурился Лико, впервые подав голос.

— Живым этот зал покинет только один из вас. И вы сами решите, кто это будет, — голос Кая переполняло возбуждение. — Откажетесь от хорошей драки — оба умрёте. А для ускорения принятия решения, я сделаю это, — Кай нажал небольшую кнопку на панели управления и Лико с Арманом упали обратно на пол, задёргавшись в конвульсиях. Как только кнопка была отпущена, всё прекратилось. — Я буду нажимать эту кнопку каждый раз, когда решу, что зрелище слишком скучное.

— Чёрт побери, это восхитительно! — я захлопала в ладоши, улыбаясь так широко, как это возможно. — Кай, я уже говорила, что ты — гений?!

— Спасибо, что напомнила, — тепло ответил он, а в глазах лёд. — Может хочешь сама попробовать?

— Я думала, ты уже не предложишь, — обольстительно улыбаюсь, подходя к панели управления.

У меня десять секунд, чтобы разобраться и понять, как открываются двери в зале. Передо мной несколько малых мониторов, с разных ракурсов показывающих Лико и Армана. Они громко спорили.

Лико настаивал, что нужно подождать, а вот Арман говорил, что это бесполезно. Чего ещё ждать? Он, не стесняясь, прошёлся по моему состоянию, не забыв добавить, что мой отец точно не придёт на помощь, у него проблемы посерьёзней, после нападения армии Демьяна.

Десять секунд прошло, и я нажимаю кнопку. Я жму её, неотрывно наблюдая, как они корчатся на полу, выгибаясь дугой. И тогда Кай отталкивает в сторону.

— Что ты творишь?! Они так умрут раньше, чем устроят представление! — прикрикнул он, удивлённо рассматривая меня, пока Лико с Арманом приходили в себя.

— Они так забавно дёргались, не могла оторваться! — отвечаю, извиняясь. — Ты сердишься на меня?

— Я?.. Нет! Конечно нет, — Кай был явно сбит с толку. — Хочешь ещё раз или же может заставим их подраться?

— Хочу посмотреть, как они дерутся, — с виду подумав, отвечаю, коварно улыбаясь. — Сделаешь ставку?

— Я всегда ставлю на то, что ставишь ты. У тебя отличное чутьё!

— Всё-то ты помнишь! — говорю с притворным разочарованием, подходя ближе, стараясь выглядеть максимально соблазнительно.

— Ну что, мальчики? Уважите нашу девочку? Покажите, на что способны? — Кай хлопнул в ладоши, отходя сразу, как только приблизилась к нему. Всё ещё не доверяет. И к панели больше не подпускает.

— Я не буду с ним драться! — неожиданно громко воскликнул Арман, тяжело дыша, сжимая и разжимая пальцы рук, пытаясь сбросить напряжение от сильного удара током.

Лико всё ещё лежал, перевернувшись на живот, раскинув руки в стороны, потихоньку пытаясь подняться. Он полуволк, ему сильнее досталось.

— Тогда Елена снова ударит вас током, — как школьнику, терпеливо ответил Кай, наслаждаясь происходящим. — И я не буду её останавливать.

— Если уж вздумал убить меня таким способом, имей смелость сделать это самостоятельно! — взъярился Арман, помогая Лико подняться.

Он так нежно обнимал его за плечи, утирая выступивший пот со

лба, прижимая к себе, пытаюсь унять мелкую дрожь. Лико что-то прошептал ему на ухо, тот дёрнулся, отрицательно замотав головой.

— Хватит шептаться! — раздражённо проворчал Кай.

— Мне становится скучно, — добавила я, делая маленький шагжок к панели. Теперь вижу, что открывает двери. Это будет легко. Главное, чтобы Кай отвлёкся, а там будь что будет. — Можно я сделаю их повеселее?

Кай посмотрел на меня совершенно непонятным взглядом. Он читался и как разочарование, и как нетерпение, и как желание. Я не знала, о чём он думает, когда так смотрит.

— Потерпи, милая. Дай им ещё немного времени.

— Елена, — раздался снизу голос Лико, и я повернулась к нему.

Парень отстранился от Армана, буквально вырвавшись из его объятий, чуть снова не упав вниз. Немного шатаюсь, сутулясь от напряжения, он запрокинул голову, довольно ясными глазами посмотрел, будто любуясь.

— Ты стала настоящей волчицей, не так ли? — устало заговорил он. — А я так и не смог принять это. Не смог, хотя очень старался стать достойным тебя. Стать достойным вас обоих, — он повернулся к Арману, нахмутившему брови. — Прости, что подвёл тебя. Без меня, ты бы сбегал в два счёта, но я всегда тормозил тебя. Мешал и ты так старался сначала изменить меня, а потом принять таким, какой есть. И это почти погубило тебя. Но я так больше не могу.

Я хотела заговорить с ним. Хотела задать сотни вопросов, как это сделал Арман, попытавшийся приблизиться к Лико, но тот отошёл в сторону, сохраняя прежнее расстояние.

— Елена! Я знаю, что... может не сейчас, но когда-нибудь, ты освободишься от него. И тебе будет очень больно. Так больно, что ты захочешь спрятаться от этой боли в своей волчьей стороне. Заклинаю тебя, не делай этого. Боль ничто по сравнению с тем, что ждёт на той стороне. Останься человеком. Найди маяк, что удержит тебя среди людей. Живи, Елена, просто живи!

— Что он такое говорит? — удивился Кай, а затем обратился к нему напрямую. — Хватит дурацких речей! Деритесь наконец!

Лико опустил голову вниз, вздохнул несколько раз, проводя пальцами по лицу. И вытянулся как по струнке, бросив на меня последний горький взгляд.

И когтём перерезал себе горло.

Нет.

Я только качнулась. Больше ничего себе не позволила сделать. Ничего. Даже пальцы не сжала. Ни крика. Ни звука. Ничего. Даже мысль не впустила в себя. Это просто фильм. Кино за стеклом. Не настоящему. Я в фильме. Я актриса. Я должна доиграть свою роль. Должна исполнить это. Я должна. Должна. Должна. Иначе будет очень больно. Даже крошечная мысль способна убить меня. Она уже действует, мне нужно опередить её.

— Потрясающе! — закричала, хлопая в ладоши и показывая Каю сияющее от счастья лицо.

Только не сорвись.

— Кай, это самое волнительное из всего, что ты устраивал для меня!

Улыбайся, чёрт бы тебя подрал, или умрёшь!

Я бросаюсь к совершенно потрясённому Каю, как истукан, замершему на месте, не в силах отвести взгляд от картинки, разворачивающейся внизу.

Только не смотри вниз. Не смотри вниз. Не слушай. Выключи слух. Нельзя. Нельзя.

— Я рад угодить тебе, любимая, — отвечает он, приходя в себя, сжимая в объятиях, но сразу отстраняясь, обхватывая моё довольное лицо, очень пристально всматриваясь в глаза, пытаюсь увидеть хотя бы намёк на боль.

Я тянусь к его губам, но он отходит назад.

— Почему ты так холоден со мной?

Я не обращаю внимания на крики, доносящиеся снизу. Шум, грохот и невыносимую боль другого человека. Это несущественно.

— Что не так, Кай? Это из-за них? Да мне плевать! Хочешь, я убью Армана? Или... давай всё-таки устроим спарринг? Возьмём Артёма или ещё кого-нибудь? Когда там полнолуние? Ты же хотел этого? Просто скажи, что ты хочешь и я сделаю это!

— Уходим, — устало заговорил Кай, беря за руку и уводя из комнаты под несмолкающий крик Армана.

Он вывел в коридор, совершенно игнорируя все мои вопросы, как и вопросы встречающихся на пути подчинённых. Он полностью

погрузился в свои мысли, заводя в комнату, служившую ему спальней.

Жёстко развернув, впился в губы, срывая поцелуй и вновь отталкивая. На глаза выступили слёзы. Он плакал, глядя на меня.

— Что я наделал, — прошептал он, неотрывно разглядывая, будто видя перед собой чудовище. — Ты ведь не чувствуешь, да? Ничего не чувствуешь?!

— Что ты такое говоришь, милый? Я люблю тебя! — отвечаю осторожно, почти испуганно глядя на него. — Больше жизни! Я всё сделаю для тебя! Я готова на всё!

— Стань нормальной! — процедил он. — Елена, я приказываю тебе стать нормальной! — закричал он изо всех сил.

— Я не понимаю, — едва сдерживая слёзы. — Кай, что ты хочешь, чтобы я сделала? Ты ведь вернул меня, подарил счастье... Я ведь теперь нормальная? Вновь вижу этот мир таким цельным! Больше нет страха. Нет боли. Ну... — я облизнула губы. — *Той* боли... Ты вернул всё, что я разрушила! Кай, как мне сказать тебе, как я счастлива?

Я видела, как в нём борются две сущности. Правда и ложь. Правда говорила, что он натворил, что за фасадом больше нет личности, только зеркало желаний, что с этим нужно что-то сделать. А ложь приказывала принять всё как есть.

Он подошёл ко мне, провёл пальцами по лицу, смахивая лживые слёзы. Вновь с нежностью касаясь шрама. Он выглядел таким умиротворённым, видя на моём лице любовь.

— Всё это неважно, — как бы отвечая своим мыслям, заговорил он. — Главное — это ты со мной.

Кай прижимает к себе и целует в губы долгим, очень долгим поцелуем. И я отвечаю со всей возможной страстностью.

Он не чувствует, как я высвобождаю правую руку, отводя назад. Не слышит, как хрустят мои кости, трансформируя ладонь в когтистую лапу. Он так погружён в своё счастье, что даже не сразу почувствовал, как моя рука прошла насквозь грудную клетку, вынося сердце.

У него было всего несколько секунд, которые он потратил на единственный прощальный взгляд, в котором читалась свобода.

Тело упало с грузным тяжёлым звуком, и над комплексом пронёсся оглушительный дичайший вой из десятков волчьих глоток. Они все почувствовали, что происходит. И, как в насмешку, зазвучала сирена тревоги. Та же самая, что звучала в ту ночь, когда на комплекс напали в

прошлый раз.

Что я почувствовала? Будто что-то открылось во мне. Потайная дверь. Я смотрю на свои руки — одна красная, другая белая, и соединяю, перемешиваю, размазывая следы своего преступления. Я стала убийцей. Я оборвала жизнь.

А сирена не унималась, как и крики.

Я не смотрю на тело, запрещаю даже оборачиваться. Там не осталось жизни. Нет сердца, ничего нет. Вытираю кровь покрывалом, обтирая взмокшее лицо, и выхожу из комнаты. Я точно знаю, куда идти, хоть никогда там и не была. Я чувствую, где он находится.

По дороге встречаются скорченные тела последователей Кая. Я проходила через это. Боль от разрыва невероятно, невозможно сильна. Словно оторвали часть души и на этом месте зияющая прореха.

Я чувствую то же самое, буквально ощущая, как истекает кровью моё сердце. Я иду, как по лаве, огнём горит моя шея — место укуса пылает, рвётся, выпуская под платьем кровь, розой проступая сквозь ткань.

В отдалении слышались звуки стрельбы, иной волчий вой пронёсся по зданию. Сюда идут волки из иного мира. Отца или дяди? Мне всё равно.

В какой-то момент, оказываюсь в пустом коридоре, где-то на нижнем подземном этаже. Прямо напротив Инга. Она не выглядит потерянной или запутанной. Выжженная пустыня — вот верное слово. В её глазах ярость и гнев. Каждый по-своему справляется с потерей.

— Ты убила его, — едва сдерживаясь, выпалила она. — Забрала его у меня!

— Он не был твоим, а ты не была его, — отвечаю, выворачивая слова изнутри.

Игра досталась тяжело, она выпила из меня все соки, оставив пустую оболочку. Я так вцепилась в идею спасения сестры, что совершенно забыла. Некоторые люди не нуждаются в спасении. Они мечтают пасть.

— Теперь я знаю всё, — медленно добавила она. — Больше не ищи меня. Не преследуй. Не возвращай. Ты не моя сестра. У меня никогда не было сестры. Поняла?!

Прислонившись к стенке, чтобы набраться немного сил, прикрыла глаза, а когда открыла, её уже не было. Инга ушла. Моя сестрёнка,

девочка, которая любила и ненавидела меня, ушла. Я видела, что она приняла свою новую волчью суть. Она стала волчицей, но так ли это на самом деле?

Что-то обрушилось над головой, и свет в лампах замигал, местами погаснув. А после и вовсе выключился, вместо него зажглось аварийное освещение ярко-красного цвета. От вспышки заболели глаза. Я заставила себя отлипнуть от стенки и продолжить путь. Каждый шаг отдавался болью, но хоть шею перестало жечь. Наконец, открыла те самые двери и вошла в тренировочный зал.

Здесь почти не было света. Всего несколько лампочек, освещающих трагедию прямо в центре зала. Арман сидел ко мне спиной, поддерживая на коленях голову Лико. Я не видела ничего, пока не обошла его по кругу и не встала напротив.

Его лицо — как высеченная маска, безмолвное, без слёз. Он гладит волосы Лико, глядя в пустоту, совершая почти механические движения, испачканными в крови пальцами. Здесь так много крови повсюду. Я опускаюсь рядом, тянусь, чтобы дотронуться до Лико, а он бьёт меня по руке, заставляя отпрячь.

Непонимающе смотрю на него, а в его глазах первая осмысленная мысль — ненависть.

— Это из-за тебя, — холодно начал он. — Это ты во всём виновата. Ты это начала. Ты пришла и убила его. Не следовало тебя пускать в мой дом. Если бы Кай убил тебя, он был бы жив. Ты как паразит, забирающий всё... Ты...

— Арман, пожалуйста, не говори так! — от его слов ещё сильнее разболелось сердце. Оно так стучит, что кажется ещё немного и порвётся на мелкие лоскуты. — Я ведь делала всё, как ты учил! Я выживала! Я пыталась сделать всё правильно! Выждать момент и напасть! Я не думала, что он...

— Это всё неважно, Елена! — закричал он. — Посмотри, что ты наделала!

Я спрятала лицо в руках, сдерживая рыдания. Я опускаюсь ниже, чтобы подобраться чуть ближе, а он отталкивает меня.

— Убирайся! — зарычал он по-волчьи. — Тебе здесь больше нечего разрушать! Исчезни!

— Я не могу уйти, Арман! Пожалуйста, не говори так! Пожалуйста, не гони меня, Арман, я умоляю тебя, прошу, только не так!

— Тогда я сам уйду, — опустошённо отвечает он.

Арман бережно опускает голову Лико на пол, чтобы через несколько секунд подхватить тело возлюбленного. Он аккуратно прижимает его к груди, и со стороны кажется, что парень просто спит. Его лицо успело потерять всякую живость, приобретя восковую бледность, как у античной статуи.

— Арман, не бросай меня, — прошептала едва слышно, глядя снизу вверх. — Я не смогу остаться одной. У меня больше ничего здесь нет, кроме тебя.

— А тебе никто и не нужен, Елена, — безразличным тоном отвечает он. — И никогда не был нужен. Ты выучила мой урок и теперь знаешь его лучше меня. Прощай, Елена.

Он быстрым шагом пересёк зал и вышел наружу, даже не обернувшись.

Последняя лампочка над головой погасла, погрузив зал во тьму.

Я слышу только своё дыхание. Прерывистое, лихорадочное дыхание, срывающееся на рыдания. Я чувствую холодный пол под собой, ощущаю сквозняки из приоткрытых дверей. Отдалённо до меня доносятся звуки борьбы и крики людей. Но здесь так тихо. Как в могиле.

И передо мной рождаются образы. Я вижу Лико. Как встретила его, как поняла, что полюбила. Как отвергала и принимала. Вижу все наши ссоры и примирения. Наши разговоры. Слышу его смех. Слова поддержки, заботы и любви. Он всегда был рядом со мной. Держался в стороне, боролся, когда не могла драться. Он как часть меня. Ускользящая часть.

След от укуса заживает невероятно быстро. Ещё немного и ничего не останется, как будто и не было.

Я осталась одна. В одну ночь потеряла всех. Я больше не с Лико. И не с Арманом. Я убила Кая. Потеряла отца и Вельямина. Моя сестра ушла, я даже не знаю, где родители. У меня больше ничего нет, кроме волчьей сути.

И я обращаюсь к ней, забывая последние слова Лико. Я пробуждаю трансформацию, выворачиваю кости, слегка постанывая, когда они ломаются, меняясь. И когда прохожу точку невозврата, заставляю нырнуть глубже. Ниже. Ещё ниже. Пока вместо слёз не приходит волчий крик. Пока не рождается мощнейшая волчья боль, эхом

отражающаяся от стен, проходящая их насквозь.

Я вкладываю в этот вой всю себя. Все потери, всё, что убило меня. Я больше не могу чувствовать, как человек. Я не могу вынести это, будучи человеком. И я исчезаю, уступая место волчице.

И когда она заканчивает свой крик, кто-то отвечает ей в ответ.

*А. Ахматова — Сероглазый король

21.01.2018–10.02.2019

Продолжение следует...

Следите за новостями в моей группе — <https://vk.com/vilonepar>